

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 5/91

Национализм и политика

Знойное лето Улан-Батора

Советский Дальний Восток:
вызов кризису

Мирное урегулирование
с Японией

Секреты
«тайваньского чуда»

Судьбы
советских корейцев

Исповедь
тайного агента

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

5/91

Издается с марта 1972 г.

Москва.
Издательство «Прогресс»

Научный и общественно-политический журнал
выходит шесть раз в год на русском и
английском языках

СОДЕРЖАНИЕ

М. Л. Титаренко. 70 лет КПК: опыт и уроки 3
Чжэн Бяо. Новая страница в китайско-советских отношениях 7

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПДВ»

Национализм в мировой и азиатско-тихоокеанской политике 9

ПУЛЬС РЕГИОНА

Ан Бёнг Юн. Корейская проблема и безопасность в азиатско-тихоокеанском регионе 30
В. Б. Воронцов. Знойное лето Улан-Батора, 1991 39
В. Г. Ганшин, Ю. Н. Ивахин. Советско-монгольское сотрудничество: время испытаний 49

ШАГИ И УРОКИ РЕФОРМЫ

П. А. Минакир. Экономика советского Дальнего Востока: вызов кризису 55
Ю. В. Минаков. Экологическая безопасность в АТР и Китае 65

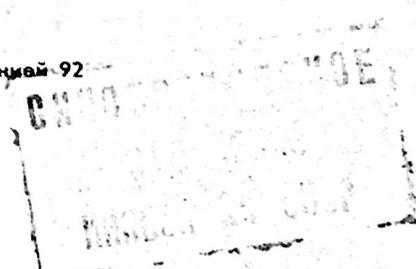
БИЗНЕС-КЛУБ

ИВ. В. Савалей. Приморье: поиск экономической ниши 71
ИВ. В. Дрыгин. Один из секретов «тайваньского чуда» 78
:Знакомьтесь: сельские предприниматели Китая (продолжение) 83

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

К 100-летию Тао Синчжи

Н. Е. Боревская. Любовью полнится земля 85
Ж. Кимура. Советский Союз и мирное урегулирование с Японией 92
ФФ. Ф. Лаппо. История — наука о будущем 103

ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

Е. Хияма. Планы покушения на Сталина (продолжение) 119

ПРОШЛОЕ: ГОЛОС ОЧЕВИДЦА

С. Белоусов. Дважды перевербован (по материалам книги А. Веспы «Секретный агент Японии») 130

Н. Б. Адырхаев. Итиро Коно глазами советского дипломата 156

КЛУБ КОНФУЦИЯ

Л. С. Переломов. Жизнеописание Конфуция (продолжение) 159

ВОСТОК И ЗАПАД

Б. В. Поспелов. Синтез конфуцианской и западной культур как фактор экономического роста 169

ПЕРЕД ЗАРУБЕЖНОЙ ПОЕЗДКОЙ

С. В. Неверов. Еще раз об этикете 177

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

М. Н. Пак. Об исторических судьбах советских корейцев 184

Г. В. Шишкина. «Неяпонская» выставка из Японии 189

Точка зрения авторов статей, публикуемых в журнале,
не обязательно соответствует позиции редакции

Адрес редакции:
Москва, 117848
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. Б. ВОРОНЦОВ (главный редактор), В. И. ГЛУНИН, А. М. ГРИГОРЬЕВ, А. П. ДЕРЕВЯНКО, В. Н. КАШИН, А. И. КРУШАНОВ, А. П. МОРОЗОВ, С. Н. МОРОЗОВ, А. А. МУРАДЯН (зам. главного редактора), В. С. МЯСНИКОВ, Л. С. ПЕРЕЛОМОВ, Д. В. ПЕТРОВ, В. Я. ПОРТЯКОВ, С. С. РАЗОВ, И. А. РОГАЧЕВ, Б. Л. РИФТИН, Г. С. САДВАКАСОВ, А. И. СЕНАТОРОВ, Б. Н. СЛАВИНСКИЙ (зам. главного редактора), В. Ф. СОРОКИН, Г. Д. СУХАРЧУК, М. Л. ТИТАРЕНКО, Н. С. ТИХОНОВ (ответственный секретарь)

© Издательство «Прогресс»,
Проблемы Дальнего Востока,
1991

70 лет КПК: опыт и уроки

М. ТИТАРЕНКО

Летом 1921 года в Шанхае и его пригороде на I съезде было положено начало партии, которая выросла в крупнейшую политическую организацию масс, объединяющую в своих рядах свыше 50 млн. членов, правящую партию самой большой по населению страны мира. За ее плечами — 28 лет идейно-политической и героической и столь же драматической вооруженной борьбы за победу национально-демократической революции и более 40 лет тяжелой работы по строительству Китайской Народной Республики. В ее активе — ликвидация полуколониального положения и завоевание независимости страны, превращение Китая из «большого человека Азии» в сильное государство, пользующееся высоким авторитетом на международной арене.

В ее активе — решение проблем питания и одежды, обеспечения по меньшей мере необходимого минимума жизненных средств более чем миллиардного населения еще недавно крайне бедной страны, то есть проблем, пути решения которых с огромным трудом и сегодня ищут многие бывшие колониальные и полуколониальные страны Азии, Африки и Латинской Америки.

В ее активе в последнее десятилетие — смелая инициатива, опыт и впечатляющие результаты осуществления крупномасштабных экономических реформ, преобразований в области науки и культуры.

Исторический путь КПК, возникшей и развивавшейся как один из отрядов международного революционного коммунистического и национально-освободительного движения, как и судьбы этого движения в целом, не был прямолинейным. В нем были подъемы и спады, успехи и неудачи.

Быстрый рост молодой партии в период национальной революции 1925—1927 гг. и тяжелое поражение в критический период революции летом 1927 г. Достижения в годы создания опорных баз в конце 20-х — начале 30-х годов (создание ядра руководителей, костяка военных кадров, приобретение опыта правящей партии) и вынужденное отступление и оставление основных баз в середине 30-х годов. Перемежевание неудач и успехов в трудные годы войны против японских захватчиков, когда, проводя политику единого национального антияпонского фронта, партия превращалась в самую влиятельную общенациональную силу. Трудный начальный период последней гражданской войны с Гоминьданом, временное отступление сил КПК из ряда районов предшествовали победному стратегическому наступлению НОАК в 1948—1949 годах, завершившемуся созданием КНР.

Не простым был путь КПК и в годы развития КНР. Головокружительные успехи в государственном, хозяйственном и культурном строительстве в периоды восстановления народного хозяйства и выполнения первого пятилетнего плана в 1949—1957 гг. сменялись «двумя десятилетиями», связанными с кампаниями «большого скачка» и «культурной революции». С конца 1978 года КПК твердо и решительно встала на путь политики реформ. Под ее руководством в этот период страна серьезно продвинулась по пути социального и экономического прогресса, был определен стратегический курс строительства социализма с китайской спецификой.

На каждом этапе успех, трудности и неудачи партии определялись сложным комплексом причин, порожденных объективными и субъективными обстоятельствами. В том числе степенью учета в ее политике объективных условий и возможностей,

Титаренко Михаил Леонтьевич, доктор философских наук, директор ИДВ АН СССР. Статья подготовлена на основе выступления на советско-китайской конференции, посвященной 70-летию КПК, проводившейся в АОН при ЦК КПСС 18 июня 1991 г.

соотношением сил внутри страны и на международной арене, идейно-политическим и организационным состоянием самой партии. В большой мере на политике КПК сказывался общий уровень теории и практики марксизма, степень разработанности концепций национально-освободительных революций, достигнутый опыт социалистического строительства и само понимание социализма в Коминтерне и ВКП(б) и в собственных рядах КПК. В целом, различные этапы разработки стратегии и тактики КПК в годы революции и строительства КНР были этапами процесса познания и самопознания идей прогресса и революции, социализма и тех социальных сил, которые отстаивали его идеалы. Позитивные итоги каждого этапа, обобщение и учет уроков обогащали теорию и практику социализма, учили, сплачивали и организовывали и партию, и массы трудящихся, идущие за ней.

В известном, более широком смысле процесс строительства нового социалистического общества в КНР отразил в своеобразной форме — в условиях Китая — общую тенденцию развития социализма — «социалистической идеи» — от утопии к науке, от революционного романтизма к реализму, сложный процесс его изменения, и, в конечном счете, его обогащения и совершенствования.

Как и в других странах, избравших в качестве своей цели строительство общества социальной справедливости и народовластия — процесс развития теории и практики социалистического строительства, сопровождался «прорывами» и «откатами», периодами творческого развития и периодами догматического окостенения, ситуациями, когда прежние утопические представления, либо изжившие себя в новых условиях старые схемы и «модели» становились вдруг руководством к действию, либо превращались в идеологические средства «охранительной политики, либо использовались как инструменты групповой политической борьбы. Как уже отмечалось выше, на всем этом лежала печать не только внутренних проблем Китая и КПК, но и так или иначе общее состояние теории и практики мирового социализма. Следует однако подчеркнуть, что несмотря на сильное давление «коминтерновской» системы межпартийных отношений в 20—40-е годы, тем не менее уже с 30-х годов КПК и ее руководство самостоятельно определяли идейно-политическую ситуацию в партии, ее стратегию борьбы за возрождение Китая. КПК самостоятельно решала вопрос о социальных силах революции, о ее друзьях, соратниках и врагах.

В числе крупных теоретических «прорывов», имевших значение не только для КПК, была постанова в начале 40-х годов ее руководством вопроса о «китаизации марксизма», в свое время незаслуженно целиком негативно оценивавшаяся в нашей литературе. Несмотря на некоторые элементы утилитаризма, национализма, относившихся скорее к форме постановки проблемы, суть дела состояла в призыве к учету в политике и теоретических концепциях КПК национально-особенного, конкретных условий, в которых развертывалось освободительное движение в Китае. Этот подход в принципе вполне отвечал известной мысли В. И. Ленина о необходимости «перевода» марксизма на национальные языки. Одна из основных общих установок политики реформ в 80-е годы — идея построения социализма с китайской спецификой — обобщила многолетний опыт КПК.

На наш взгляд, бесспорно, крупным достижением КПК в середине 40-х годов была и разработка «теории новой демократии», сыгравшей важную роль в идейно-политическом обеспечении победы китайской революции и в решении задач социально-экономической политики в начале 50-х годов. И советские, и ряд китайских ученых усматривают (при всех отличиях) известную «генетическую» связь между «теорией новой демократии» и концепцией «первоначального этапа социализма», выдвинутой КПК в 80-е годы.

Кстати, один из принципиально важных вопросов истории КПК и КНР, на который, на мой взгляд, пока нет достаточно аргументированных ответов ни в советской, ни в китайской историографии, — это вопрос о том, почему в то время в КПК не была продолжена разработка такой плодотворной концепции как «теория новой демократии», а осуществление «новодемократической политики» было относительно быстро свернуто? Невольно напрашивается аналогия с судьбой политики изпа в нашей стране. Хотя, конечно, это не может заменить научное объяснение. Может быть, понять причины этого поможет мысль тов. Дэн Сяопина, высказанная им, правда, по другому поводу — о причинах отхода КПК от линии VIII съезда КПК. Как известно, он считал, что это было связано с тем, что партия в то время в идейно-политическом отношении была не готова реализовать эту линию.

Сегодня наше внимание обращено прежде всего на современный этап развития и деятельности КПК. Как неоднократно отмечали государственные деятели и ученые нашей страны, в КНР (при всех отличиях ситуаций в СССР и в Китае) решаются, и в ряде областей — весьма успешно, задачи, сходные либо полностью совпадающие с задачами, намеченными перестройкой: обновления и совершенствования социализма в теории и практике, структурной перестройки экономики, перехода к рыночным отношениям, обеспечения социальной направленности всего материального и духовного производства, проведения «политики открытости», в рамках которой в сфере политики — международных отношений, экономики и культуры идет поиск новых отношений между странами с различными социально-экономическими и политическими системами.

В дискуссиях по проблемам социализма, развернувшихся в КНР в годы реформ, в центре оказались те же проблемы, которые обсуждаются и у нас. В их числе — проблемы соотношения форм собственности, социализм и рынок, пути и темпы перехода к рыночным отношениям в рамках новой модели социализма, пути и методы активизации человеческого фактора, задачи и взаимодействие в строительстве нового общества, развития материальной и духовной культур или, как говорят в Китае, «цивилизаций». Обсуждение этих проблем в Китае происходит не в абстрактно-общей форме, и не путем зряшного отрицания всего прошлого, а сопровождается анализом и обобщением опыта конкретных форм реализации политики партии, ее позитивных и негативных (прямых либо побочных) результатов. При этом сохраняется ясность социальных ориентиров, социальной базы и твердости политического и государственного руководства, последовательность в действиях по реализации выработанных политических решений. Важнейшим практическим и политическим выводом, выстраданным КПК является вывод: без стабильности в стране, без теснейшей связи партии с народом никакие самые прекрасные реформы осуществить нельзя.

Анализ этого опыта в нашей стране, в том числе и в нашем институте и сотрудничестве со специалистами — учеными и практиками других советских учреждений, выявил обширные зоны его применения у нас: практику создания арендных, кооперативных и совместных предприятий, развитие сети мелких предприятий, в том числе по переработке сельскохозяйственной продукции в районах ее производства, местной промышленности различных форм собственности, особенно в районах с избыточным населением, специальных экономических зон, технополисов и др. Выявлены и общие «трудные проблемы»: негативные последствия попыток форсирования демонтажа прежней системы управления без создания новой, сложность реформирования и повышения эффективности деятельности крупных и средних государственных предприятий, проблемы снижения поступлений «с мест» в общегосударственный бюджет для осуществления общегосударственных программ в результате нарушения необходимого баланса между централизацией и децентрализацией. В их числе и проблемы обеспечения социальной защиты слоев населения с фиксированными доходами в условиях повышения или введения рыночных цен и инфляции, рост преступности, особенно среди молодежи, а в сфере духовной — рост настроений потребительства и погони за чистоганом, негативные последствия политики «открытости» — распространение буржуазной идеологии и, как правило, худших «образцов» западной массовой культуры, инфляция национальных культурных ценностей. В то же время нет необходимости доказывать, что упрощенный подход — попытки прямого копирования тех или иных эффективных в условиях Китая форм и методов реформы, либо мер противодействия негативным явлениям без учета значительных различий в объективных социально-экономических условиях наших стран, различий в традициях, культуре, в том числе политической культуре, в демографической и национальной ситуации — могут оказаться непродуктивными. Сказанное справедливо и в отношении значения опыта нашей перестройки для Китая, где его изучают самым внимательным образом.

В полной мере это относится и к обсуждаемой у нас и в Китае проблеме соотношения политических и экономических реформ, тесно связанной с проблемой, которую можно было бы в самом общем виде определить как «реформы и стабильность». Как известно, в этой сфере и в подходе к соотношению политических и экономических реформ ситуации в нашей стране и КНР значительно различаются. Существо проблемы и скрытые в ней известные противоречия очевидны: для осуществления радикальных реформ и перехода от тоталитарных структур к иным формам

организации и управления, особенно в таких крупных странах, как Китай и СССР, нужна политическая стабильность, сильная, авторитетная власть, способная преодолеть сопротивление реформам «вверху» и «внизу», создать условия для их реализации мерами сверху при поддержке снизу, обеспечить стабильность — политическую и экономическую — при переходе к новым условиям жизни и производства. Практически именно так начиналась и проводилась политика реформ в КНР в 80-е годы, так начиналась перестройка и в нашей стране.

Как, когда и на каких путях решать проблему совершенствования, как обеспечить руководящую роль партии и стабильное, с наименьшими потерями достижение целей реформы — эту задачу будут решать с учетом условий страны, естественно, сами китайские трудящиеся. Видимо, они будут решать эту проблему на основе разделяемых КПК выводов о том, что совершенствование социализма включает и совершенствование его политической системы, в том числе — нахождение новых методов реализации руководящей (или авангардной) роли партии, совершенствование организационно-политических принципов ее деятельности с тем, чтобы обеспечить необходимую связь партии и масс, гарантировать подлинный демократизм принятия и исполнения решений и народовластия.

Обоюдное стремление «закрыть прошлое и открыть будущее» для историков означает призыв спокойно и объективно разобраться в нашем общем прошлом, памятуя о том, что усвоение его уроков — это не только одно из средств не повторять прошлых ошибок, но и одно из важнейших условий творческого развития теории и совершенствования практики общества, их освобождения от груза устаревших оценок и представлений.

Новая страница в китайско-советских отношениях

ЧЖЭН БЯО

В мае с. г. состоялся официальный дружественный визит в Советский Союз Генерального секретаря ЦК КПК, Председателя Центрального военного совета Китайской Народной Республики Цзян Цзэминя, ответный на визит Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева в Пекин в 1989 году. В дружественной, откровенной и деловой атмосфере стороны провели обмен мнениями по всему спектру китайско-советских отношений, по международным вопросам, представляющим взаимный интерес. Был подписан ряд соглашений, опубликовано совместное коммюнике.

Следует отметить, что этот визит проходил на фоне изменения международного климата, когда старые структуры в мире, существовавшие в течение 40 с лишним лет после войны, уже рухнули, а новые еще не сформировались, на фоне сложной внутренней обстановки в Советском Союзе и только что завершившейся войны в Персидском заливе. Это совпадение по времени не случайное явление. Визит символизировал новое развитие китайско-советских отношений после их нормализации в 1989 году.

В нынешней бурной и сложной международной обстановке развитие китайско-советских отношений имеет важное и многостороннее значение. Здесь мне хотелось бы остановиться лишь на некоторых моментах.

Во-первых, развитие китайско-советских отношений имеет важное значение не только для азиатско-тихоокеанского региона, но и для мира и стабильности во всем мире.

За последние годы в условиях потепления в отношениях «Восток — Запад», снижения глобального военного противостояния, развития тенденции к многополярности произошло смягчение или мирное решение ряда местных конфликтов. Тем не менее в мире по-прежнему неспокойно, в частности отсутствует баланс противостоящих сил, что порождает новые противоречия. В результате переплетения старых и новых противоречий международная обстановка становится еще более неспокойной. В этих условиях развитие отношений между двумя соседними социалистическими странами, которые образуют своеобразный мост между Европой и Азией, является серьезным стабилизирующим фактором. При этом Китай и Советский Союз подтвердили в совместном коммюнике, что они не претендуют на гегемонию в мире и выступают против любых проявлений гегемонизма в международной политике.

Во-вторых, развитие китайско-советских отношений будет оказывать неизбежное влияние на формирование новой мировой архитектуры. Соседство Китая и Советского Союза, охватывающих Европу и Азию, огромные пространства, богатые ресурсы, многочисленное население — все это имеет важное значение в геополитологии.

В последние годы в мире произошли или продолжают происходить колоссальные изменения. Однако каковы бы ни были эти изменения, Китай и Советский Союз, развитие их взаимоотношений не являются всего лишь «местным фактором», они оказывают влияние на всю мировую архитектуру. Более того, несмотря на растущее влияние Китая на международной арене, Советский Союз и ныне по-прежнему представляет собой сильную в политическом и военном отношениях державу — единственную в мире, способную уравновешивать США. Неразумно было бы пренебрегать этим моментом.

В-третьих, развитие китайско-советских отношений важно и для защиты и развития интересов обеих стран. Обстановка в мире чревата множеством метаморфоз, однако географическое положение стран не может измениться. Китай и Советский Союз вечно будут соседями. Древнее китайское изречение гласит: «Ближний сосед — лучше

дальнего родственника, тот, чья дверь напротив, — лучше ближнего соседа». Китай и СССР имеют общую границу протяженностью более 7300 км, т. е. являются «ближними соседями», имеют «дверь напротив». Плюс другие факторы. В результате Китай и Советский Союз на международной арене имеют некоторые общие интересы. Таким образом, неизбежно в ряде вопросов они занимают сходные позиции. Это и предопределило, что Китай и Советский Союз должны развивать добрососедские дружеские отношения. Другого выбора просто нет. Таково исходное положение общих интересов Китая и Советского Союза.

Наконец, развитие и реформы являются общими задачами, стоящими перед Китаем и Советским Союзом на протяжении довольно длительного периода. Развитие китайско-советских отношений неизбежно стимулирует экономическое и социальное развитие и процесс реформ в обеих странах, способствует взаимному общению, связям и взаимному влиянию, укрепляет эти отношения. Этот процесс на определенном этапе будет определять будущий облик Китая и СССР.

Китай и Советский Союз имеют длительную историю, блестящую культуру и великие народы. У таких стран несомненно — великие перспективы. Китай и СССР уже оказали огромное влияние на мировую историю XX века и это влияние продолжается. Люди имеют основание верить, что в результате длительных и неустанных усилий Китая и Советский Союз смогут оказывать подобающее влияние и в XXI веке.

С другой стороны, если говорить о проводимых в настоящее время реформах в Китае и в Советском Союзе, различиях в положении двух стран, различиях в теории реформ, неизбежных различиях в политике, то это — нормальные явления. Как говорится, «навязывание шаблонов в этом деле не только вредно, но и невозможно». Поэтому нелишне отделять различия в теории, политике и идеологии от внешних отношений, от государственных отношений, взаимно уважая выбор каждой страны и народа, не вмешиваясь во внутренние дела. В этом отношении усиление взаимных контактов и взаимопонимания партийных и государственных руководителей Китая и Советского Союза чрезвычайно необходимо и полезно. Также чрезвычайно необходимо и полезно усиление взаимных контактов и взаимопонимания между учеными двух стран.

В развитии китайско-советских отношений открыта новая страница, что отвечает интересам Китая и Советского Союза, интересам мира во всем мире.

Китай и Советский Союз — два независимых, равноправных государства. Развитие китайско-советских отношений не может и не должно вернуться к положению, подобному союзу 50-х годов, и, конечно, не вернется к противостоянию 60—70-х годов. Китай будет продолжать проведение реформ и открытой политики. Наша открытость всеобъемлющая — это открытость по отношению к различным странам мира.

90-е годы имеют непреходящее важнейшее значение для мира и для Китая. Человечество продолжает свое стремительное продвижение в XXI век. Китайский народ должен приложить усилия к созданию международной мирной обстановки, благоприятной для осуществления модернизации. Он готов развивать отношения дружбы и сотрудничества с различными странами и внести свой посильный вклад в создание нового международного политического и экономического порядка, способствовать миру и развитию во всем мире.

Перевод с китайского Б. К. Чижова

По инициативе журнала «Проблемы Дальнего Востока» в марте 1991 г. было проведено обсуждение проблем современного национализма, его роли и места в мировой и региональной политике. В дискуссии приняли участие д. и. н. Мурадян А. А., к. э. н. Васильев В. В., к. и. н. Абаева Л. Н., Аблазова Л. С., Волкова Е. Д., Селиванова И. Ф., Шишелина Л. Н., к. ф. н. Ларин А. Г., к. и. н. Едемский А. Б., к. и. н. Гончаров С. Н., Телешина Г. М. Заседание «круглого стола» вел д. и. н. Воронцов В. Б., главный редактор журнала.

Ведущий. Открывая дискуссию, хочу обратить внимание на актуальность всего комплекса вопросов, связанных с национальным фактором в современной жизни. Долгие годы в нашем обществоведении превалировал довольно простой подход к оценкам национализма как явления на сцене международных отношений, основанных преимущественно на дихотомии: «кто не с нами, тот против нас». Наши характеристики национализма (реакционность либо прогрессивность) зависели в основном от того, в каком лагере оказывались носители национализма в условиях биполярного деления мира. Сегодня мы являемся свидетелями всплеска национальных движений и националистических страстей во многих странах мира, включая и Советский Союз. Нарастают опасения, что возрождающийся национализм способен взорвать международную стабильность, привести к «балканизации» Советского Союза, Восточной Европы, других регионов мира. Конечно, не следует драматизировать ситуацию, но вместе с тем необходимо вовремя анализировать происходящее, искать пути и методы конструктивного решения возникающих проблем.

Чтобы придать нашей дискуссии структурную целостность, я предлагаю выделить в качестве относительно самостоятельных «блоков» следующую группу вопросов. Прежде всего, следует обсудить вопрос о том, что такое национализм, т. е. уточнить сами понятия, которыми оперирует мировая и отечественная историография и политология. Затем поподробнее остановиться на наших собственных проблемах, попытаться пролить свет на причины и возможные международные последствия взрыва националистических чувств в союзных республиках, межреспубликанских отношениях. Важно выяснить, в какой взаимозависимости находятся национализм и национальное самосознание. Заслуживает специального рассмотрения вопрос о путях и моделях воссоединения разделенных наций. Я имею в виду проблемы германского, корейского и китайского воссоединения. Важно в связи с этим, видимо, ответить на вопрос, есть ли что-либо полезное в «германском опыте» для решения аналогичных вопросов на Корейском полуострове и в Китае, то, что заслуживает в этом смысле внимания. И, наконец, важно подвести научно значимые итоги нашего обсуждения, попытаться определить наиболее существенные тенденции в развитии национальных и национально-территориальных противоречий, составить представление о необходимых внутренних и международных условиях для их конструктивного решения.

Национализм: «чума двадцатого века» или «краеугольный камень подлинной государственности»?

А. А. Мурадян. Прежде чем приступить к анализу самого понятия «национализм», хочу отметить, что отношение к этому феномену и в нашем, и в зарубежном обществоведении и общественном сознании всегда было неоднозначным. Диапазон его оценок простирался от категорического осуждения до столь же катего-

рического одобрения. Есть мнение, что «национализм нелеп, как геометрия для блондинов»¹. Его называют «чумой XX века». И все это не без оснований. С другой стороны, и в историографии, и в общественной теории существовал подход, согласно которому национализм — это одна из фундаментальных закономерностей общественного развития. «Если мы бросим взгляд на историю мирового развития, начиная с эпохи Возрождения,— писал П. Рейнш,— то обнаружим один принцип, вокруг которого может быть гармонично сгруппировано огромное количество фактов; этим принципом является национализм. С тех пор как были оставлены средневековые идеалы мирового государства, этот принцип является краеугольным камнем подлинной государственности»².

Отсылка в данном случае к трудам Пола Рейнша, одного из крупнейших американских историков и теоретиков международной политики прошлого столетия, представляется вполне уместной, поскольку она указывает на длительность интеллектуальной традиции, в рамках которой национализм рассматривался не только как краеугольный камень внутригосударственной, но и внешней политики. В современной западной общественной теории есть течение, которое трактует национализм, как идеологию, присущую абсолютно всем крупным национальным государствам на определенных этапах их развития³. В Германии в период средневековья и нового времени это была идея «Священной Римской империи германской нации», в США XIX века — концепция «предопределения судьбы», в России, начиная с XVI века,— теория, которая рассматривала Московское государство как наследника Рима и Византии, как «третий Рим» и т. д.

В условиях современности рассматриваемое течение политической мысли по-прежнему склонно видеть в национализме доминирующую идеологию, формирующую ландшафт международной жизни в нашем столетии. Представители нашей академической элиты ориентировали, по крайней мере до последнего времени, наше общество на торжество интернационализма в XX веке. Сейчас у нас есть возможность спокойно разобраться в этом вопросе, более объективно установить, кто был прав в своих оценках, а кто ошибался и почему.

Поскольку оба конкурирующих подхода опираются на реальные исторические факты, можно предположить, что разноречивые в оценках национализма и его роли в политике связан с многоплановостью, многозначностью самого термина. Поэтому начать дискуссию целесообразно с прояснения содержания исходных понятий, которыми оперируют историография и политология.

Е. Д. Волкова. В советской науке сформировалось несколько однозначное, пожалуй, даже одностороннее представление о национализме как «буржуазной и мелкобуржуазной идеологии и политике, а также психологии в национальном вопросе»⁴. Это довольно типичная дефиниция для нашей литературы. Справедливости ради, надо сказать, что и западные ученые в своем большинстве основное внимание уделяли именно негативным аспектам национализма. Так, подчеркивалась дестабилизирующая роль национализма в международных отношениях. Некоторые западные, прежде всего американские, специалисты одно время рассчитывали использовать националистические настроения в Восточной Европе в качестве карты в политической игре с Советским Союзом. В последние годы более взвешенный, более сдержанный и реалистический подход к проблеме использования национализма в международной политике приобретает все больше сторонников в западной политологии.

В советском общественном сознании сложилось представление о национальном факторе как о феномене, состоящем из двух частей — «положительной» и «отрицательной». В число положительных качеств оказались зачисленными национальное сознание, национальная культура, национальная самоидентификация личности и т. д. К отрицательным были отнесены чувства национального превосходства и национальной исключительности, пренебрежительное отношение к иным нациям и т. п. Весь этот комплекс «отрицательных» чувств, эмоций и представлений получил в нашей литературе наименование «национализм». Конечно, в таком разграничении есть определенный смысл, но в целом вряд ли его можно признать достаточным. Думается, что национализм — гораздо более емкое понятие по своему содержанию, чем это вытекает из вышеуказанного подхода.

Спору нет, разрушительные последствия разгула националистических страстей хорошо известны. Достаточно вспомнить историю первой половины XX века и две мировые

войны, которые в немалой степени стимулировались идеологией национализма. Но вместе с тем можем ли мы отрицать, что именно с подъемом национальных чувств, с патриотизмом (а у большинства людей родина идентифицируется чаще всего с нацией), с ощущением национальной общности у многих народов связаны победы над реакционными силами, создание собственной государственности, достижение независимости, демократические преобразования? Не правильнее ли обозначить весь этот комплекс чувств, эмоций и идей людей, принадлежащих к той или иной нации, понятием «национализм»? Я бы не стала однозначно определять национализм с позиции подхода «или-или», как явление либо отрицательное, либо положительное. Оно включает в себя и то, и другое. Национализм многогранен. Формы его проявления зависят от внутренних и внешних условий, от общего уровня культуры народа, степени демократичности общественного устройства.

А. А. Мурадян. В традициях советского материалистического обществоведения рассматривать национализм и весь комплекс вопросов, связанных с ним, как форму движения социальных интересов. В основе национальных проблем лежат социальные противоречия. Тезис советской науки о том, что национализм есть идеология и политика считающего правильным. Вместе с тем я разделяю скептицизм Е. Д. Волковой относительно «зауженной» трактовки национализма. Это, безусловно, структурно сложное, многоплановое общественное явление. Оно выступает и как состояние общественного сознания, и как идеологическая система, и как социальная и политическая практика. Такой подход тоже свойствен советской науке.

Попытки свести суть национализма лишь к одному из его значений порождают ряд недоуменных вопросов. «Национализм,— пишет советский ученый,— в определенном смысле патология общественного сознания, мировоззренческая аберрация. В целом ряде отношений он прямо противоположен национальному самосознанию». Другой автор утверждает, что «рост национального самосознания ни в коем случае не следует отождествлять с национализмом». Отождествлять рассматриваемые понятия, конечно, не следует. Но где и когда имел место национализм, который был бы отделен жесткой перегородкой от национального самосознания, которое на самом деле является его абсолютно необходимой предпосылкой и первоисточником. Без возникновения и развития национального самосознания никакого национализма быть не может. В этом и заключается причудливая, но абсолютно объективная диалектика взаимосвязей этих двух общественных феноменов. В самом деле, пока не развилось национальное самосознание народов идеологией внутренней и внешней политики государств были религиозные концепции, идеи династических, феодально-клановых и тому подобных интересов.

Несколько слов о динамике в подходах западных политологов к проблеме национализма как орудия в политической борьбе на международной арене. Действительно, здесь есть существенные подвижки. В 50—70-е гг. в западной историографии и политической науке нередко подчеркивалась позитивная роль национализма как «барьера» против распространения коммунизма. В начале 70-х гг. американский сенатор Дж. Джэвитс утверждал, что «национализм и только национализм является эффективным барьером на пути распространения коммунизма китайского типа в Азии»⁵. Ту же мысль, но применительно к самому Китаю, высказал известный американский синолог А. Д. Барнетт: «Самым заразным из всех экспортных товаров Запада оказывается идея национализма»⁶. А. Барнетт возлагал на указанную «экспортную идею» (она стояла в одном ряду с такими «позитивными» статьями западного экспорта, как либерализм, демократия, религия) большие политические надежды в плане размыывания коммунистической идеологии в Китае. Вместе с тем в те же годы ряд западных ученых (среди них такие крупные историки, как А. Тойнби, Г. Кон и др.) стремились указать на негативные, разрушительные стороны национализма, на опасность манипулирования этим фактором в мировых делах. В частности Ганс Кон подчеркивал, что «национализм в XX веке часто вырождался, политически и духовно, превращаясь в опасность и, возможно, самую большую опасность для индивидуальной свободы, международного мира, человеческого сознания и благосостояния».

Ведущий. Позиции советского и западного обществоведения в отношении обсуждаемой проблемы в целом более или менее ясны. Можно, видимо, в принципе согласиться с мыслью о том, что фундаментом национализма являются социально-экономические отношения и крен в нашем отечественном обществоведении на-

блюдался в последние годы в сторону именно такого объяснения. Нередко в качестве главной причины роста националистических настроений приводилась неразвитость экономических и политических структур, отсталость социально-экономических отношений. При этом трудно было уйти от впечатления, что только люди, находящиеся в тяжелых социально-экономических условиях, чаще всего — на грани нищеты, поднимаются на борьбу за свои национальные права, в то время, как обеспеченные слои населения обеспокоены лишь своим благополучием, не принимают участия ни в национальных движениях, ни в противоборстве с противостоящим великодержавием.

История, прежде всего история многонациональной Российской империи, изобилует, однако, примерами иного характера. В связи с этим нас не могут не интересовать такие, например, вопросы: восприняла ли советская наука что-либо из теоретического багажа дореволюционной российской общественной мысли? Еще точнее: как вообще в академической науке многонациональной Российской империи трактовались вопросы национализма? Как нашим предшественникам виделась Россия, ее многонациональная структура в начале нынешнего века?

А. Б. Едемский. Поставлен очень интересный вопрос. На первый взгляд, казалось бы, именно в многонациональной России должны были интенсивно изучаться различные аспекты национального вопроса. Между тем это не так. Проблемы национальных отношений оказались одной из довольно «закрытых тем» в императорской России. В отличие от Австро-Венгрии, где подобная проблематика изучалась во многих университетских центрах, в России до февраля 1917 г. не было даже приват-доцентских курсов по указанной тематике. Если не принимать в расчет политизированных памфлетов шовинистической направленности, серьезных работ о национализме в дореволюционной России было мало.

После Октября семнадцатого многие представители русской общественной мысли, оказавшиеся в эмиграции, обратились к национальной проблематике, включая и вопросы федеративного устройства Советской России, природы национальных конфликтов и т. п. Была создана целая литература по этим темам. Среди авторов российского зарубежья выделялись Н. А. Бердяев, П. Н. Милюков, С. Н. Прокопович, Г. П. Федотов, М. В. Вишняк, Д. М. Одинец, Ю. К. Раппопорт и др.

В содержательном плане эта литература довольно традиционна. По вопросу о происхождении национализма доминируют две позиции. Согласно первой, «национальные движения, преследующие цели национального государственного строительства, не могут быть поняты вне породившей их исторической, политической и экономической обстановки». Эту точку зрения на социальную природу нации и национализма высказывал С. Прокопович.

Приверженцы второй позиции сводили национализм к чувствам, эмоциям, психологическому состоянию, которые проявляются как «любовь к своему народу и государству», но могут принять форму «современного идолопоклонничества» и стать источником «человеконенавистнических чувств».

Небезынтересно мнение мыслителей российского зарубежья относительно судеб национализма в России. Тревожный прогноз сформулировал М. В. Вишняк: если народам России путем совместных усилий и сплочения не удастся консолидироваться в масштабах всей страны, сделать ее устойчивой, жизнеспособной и свободной, то изолированная и усеченная Великороссия может стать угрозой миру и соседям. «Покинутый демократией соседних с ним народов, — пишет М. В. Вишняк, — русский народ может вернуться к тому периоду своей истории, когда огнем и мечом пробивал он окна и двери в Европу и Азию, ища выхода к морям и океанам». Это было написано в 20-х гг., в период становления единого Советского государства, как федеративного образования.

А. А. Мурадин. Подводя итог сказанному, у нас есть основания признать национализм структурно сложным социальным феноменом, имеющим социально-экономическое, политическое, идеологическое, социально-психологическое, духовное измерения. Национальное чувство — это мощный источник социальной энергии. Национализм служил эффективным рычагом развала феодальных политических систем, создания национальных государств в прошлом. Созидательный потенциал национальный фактор сохраняет и по сию пору. Вместе с тем энергия национальных чувств может быть невероятно разрушительной. Стало быть, дело не в том, что национализм изначально патологичен и деструктивен, а в том, кто и в каких политических целях

подключается к гигантскому резервуару национальных чувств и эмоций и в какие каналы направляет указанную социальную энергию.

Ведущий. В свете изложенного, каким вам видится будущее национализма? Как нейтрализовать его деструктивные потенции?

Е. Д. Волкова. С известной долей упрощения и рядом оговорок я бы сказала, что деструктивные аспекты национализма с его гипертрофированно обостренными, порой агрессивными национальными эмоциями ярче всего проявляются в настоящее время в странах, где отсутствуют, либо слабы демократические государственные и общественные структуры, где нет достаточно прочных либерально-демократических традиций, политических течений и сил. Там же, где указанные условия налицо, проявляются созидательно-конструктивные аспекты национализма. Примером может служить Европейское сообщество, где порою драматично, а иногда и постепенно на протяжении всего послевоенного периода снизилась острота межнациональной напряженности, демократично решались спорные вопросы, а сейчас фактически ликвидируются межгосударственные барьеры и охраняемые официальные границы. Речь ведется о создании единого экономического, правового, а в перспективе — и политического пространства с системой наднациональных органов управления. Все это создает благоприятную среду для сохранения национальной специфики каждой из стран содружества при уважении национального достоинства и чувств других народов.

В обществах, переживающих ныне трудности переходного периода (к ним относится и наша страна), кардинально изменить национальную ситуацию вряд ли удастся до тех пор, пока не будут осуществлены радикальные реформы. Необходима перестройка всей иерархии ценностных приоритетов: от защиты прав и свобод личности до утверждения основ гражданского общества, в котором государство превратится в гаранта прав, свобод и интересов как отдельных индивидов, так и наций и народностей. Народы нашей страны должны стать полноправными и уважаемыми участниками интеграционного сообщества. Это длительный процесс; он потребует немало терпения, терпимости и сдержанности со стороны всех национальных сил и движений.

А. А. Мурадян. Насчет будущего национализма есть две принципиальные точки зрения. Еще в начале 60-х гг. известный английский историк и теоретик национализма Х. Сеттон-Уотсон заявил, что «будущее национализма непредсказуемо»⁷. Неопределенность перспектив национализма некоторые ученые связывали с очевидным парадоксом. С одной стороны, модернизация общества, набирающие силу интеграционные процессы явно требовали мобилизации общих усилий всех народов безотносительно к классовым, языковым, культурным, религиозным и тому подобным различиям. С другой же стороны, как пишет, например, американский профессор Луис Снайдер, современная индустриализация вместо сковывания национализма и национальных различий, напротив, стимулирует их⁸.

Американский ученый справедливо отмечает противоречивый характер современного мирового развития, борьбу в нем двух противоположных тенденций. Прогнозы будущего национализма зависят от того, на какую из этих закономерных тенденций опирается автор. Есть точка зрения, что национализм вечен, поскольку бессмертна нация. Некоторые теоретики заявляют об этом прямо, другие — косвенно.

В оппонирующей точке зрения делается ставка на объединительную, интегративную тенденцию в мировом развитии и национализму отказывается в перспективе в долговременном существовании. Думается все же, что обе точки зрения страдают некоторой умозрительностью. Обе они в известной мере обоснованны, отражают реальное противоборство упомянутых тенденций. Вместе с тем они должны дополняться ссылками на конкретный социально-экономический контекст. Дело в том, что тенденция к образованию полиэтнических сообществ неизмеримо более древняя и глубокая, чем противостоящая ей контртенденция к становлению мононациональных государств. Без сомнения, будущее именно за многонациональными сообществами. Но это в принципе, в тенденции.

Ведущий. Итак, выявилась вполне определенная точка зрения: будущее за многонациональными сообществами, хотя, как отмечается «в тенденции». А как на практике? Не могут ли иметь место, если учесть конкретные социально-экономические, политические и иные условия и выразительные «противоходы»? К примеру, мы сталкиваемся сейчас с парадоксом: сочетание снижения напряженности в меж-

государственных отношениях на мировой арене и нарастание конфликтности внутри большинства многонациональных государств мира на национальной почве. Среди них Советский Союз, Канада, Югославия, Шри-Ланка и ряд других. Без обращения к социальным истокам этих конфликтов изучение только их национальной формы будет неполным. Начнем же с анализа ситуации в нашей стране. Еще свежи в памяти официальные и академические трактовки национального вопроса в Советском Союзе как в принципе «решенного». При этом идеологи ссылались на положения общественной теории, на труды Маркса и Ленина. Но вот в ходе референдума 17 марта 1991 г. по вопросу о сохранении Союза ССР 76 процентов голосовавших высказались в пользу единого федеративного государства, итоги голосования наводят на серьезные размышления. Дело даже не в том, что велика доля голосовавших против. Важнее иное: социальные силы, выступающие с «антисоюзных» позиций, продолжают действовать, сказанное ими слово — отнюдь не последнее.

«Балканизация» России: тревожные фантазии или реальная перспектива?

А. А. Мурадян. В самом деле, еще в середине 70-х гг. Л. И. Брежнев заявил, что «мы полностью решили национальный вопрос в тех его аспектах, в каких он достался нам от дореволюционного прошлого». Эти слова отражали не только личное мнение нашего тогдашнего руководителя, но и доминирующую позицию советского обществоведения. Считалось, что указанный вывод опирался на фундаментальные положения материалистической теории, на труды Маркса и Ленина. В действительности же реальная ситуация не имела ничего общего с вышеуказанной констатацией, не причастна к «теоретическим припискам» брежневской официальной науки и взглядам основоположников марксизма.

Сошлюсь лишь на один пример — трагические «ошские события» в Киргизии в июне 1990 г., ставшие результатом взрыва темных националистических страстей. Такого рода акты средневекового варварства имели место спустя полтора десятка лет после заявления Л. Брежнева. Напрашивается иной вывод: не удалось «полностью» решить национальный вопрос в тех его аспектах, в каких он достался нам от «дореволюционного прошлого», памятуя, что это прошлое во многих отношениях не было даже капиталистическим, а в ряде случаев оставалось феодальным.

Материалистический подход к анализу ситуации требует признать, что в нынешних советских республиках Средней Азии, и не только в них, сохранились жизнестойкие феодальные структуры и в экономике, и в политике, и в идеологии, и в социальной психологии. То, что на эти структуры были наброшены «социалистические» идеологические покровы, никого не должно вводить в заблуждение. К сожалению, никакими словесными заклинаниями и внешними идеологическими мероприятиями нельзя фундаментально одолеть средневековый национализм, если не размыты его феодальные социально-экономические устои. В этом смысл марксистской теоретической формулы о том, что национальный вопрос — это не более чем одна из форм социальной проблематики. Нельзя разрешить национальные противоречия, не решая проблем социальных, то есть безнадежно пытаться решать национальный вопрос вне изменения социального контекста.

О чем говорят «ошские события» с точки зрения этой методологии? А вот о чем. Часть коррумпированного бюрократического аппарата, сомкнувшись с местным мафиозным торгово-промышленным капиталом, фактически спровоцировала указанные события, преследуя свои интересы. Об этом писали некоторые органы информации. Вот некоторые цифры и сведения. В Ошской области абсолютное большинство бюрократического аппарата (70,8 процента) формировалось, кстати сказать, по «классовому» принципу и коррумпированного, составляли киргизы. «Торговый капитал» находился в основном (в городе Ош — 84 процента) в руках узбеков. Было известно, что коррумпированная часть бюрократии срослась с торгово-промышленной мафией, «друзья» мирно уживались, деля власть и прибыль. Но ситуация изменилась и «между ними пробежала черная кошка — не поделили в условиях диктуемой сверху перестройки власть. Поссорившиеся «друзья» стали апеллировать к своим народам. Запахло кровью...». Так описывает обстановку накануне погрома корреспондент одной из центральных московских газет.

Дальнейшее в его изложении выглядит следующим образом: «Есть факты, когда пред-

ставители двух кланов, разжигая конфликт, помогали своим соплеменникам оружием и продовольствием, деньгами и одеждой, покрывали убийц и мародеров, накачивали хулиганствующих юнцов водкой и наркотиками». Со временем, конечно, будет внесена исчерпывающая ясность в этот вопрос, и мы узнаем о всем комплексе причин, породивших трагедию двух народов. Однако уже то, что нам известно, заставляет думать, что вышеупомянутый анализ в принципе имеет основания. Есть достаточно свидетельств того, что разложившиеся бюрократы и тенивики-нувориши в республиках кровно заинтересованы в том, чтобы обособиться по «национальному признаку», консолидировать свои силы в рамках «независимых» национальных государств. Обстановка «осажденной крепости», окруженной враждебными народами, нужна им для реформирования «железной рукой» собственности, осуществления такой приватизации, которая могла бы устроить прежде всего высокопоставленную бюрократию.

Ведущий. Прежде чем перейти к другим сюжетам, давайте закончим с «ошскими событиями». В марте 1991 г. в г. Ош президенты Кыргызстана и Узбекистана подписали договор о дружбе и сотрудничестве. Республики взяли на себя обязательства выработать посредством заключения специальных соглашений механизм обеспечения прав граждан, принимать самые решительные, взаимосогласованные меры для предупреждения и искоренения экстремизма в межнациональных отношениях, недопущения межнациональных конфликтов. В одном из интервью президент Кыргызстана Аскар Акаев отметил, что эти события можно было предотвратить, но «различные коррумпированные элементы, нездоровые силы сумели направить национальные чувства в русло конфликта». О ком здесь речь? В том числе, надо полагать, и о партийно-государственных руководителях области и местных властях, которые формировались по клановому, номенклатурному принципу. Смысл его, далее разъясняет А. Акаев, — «тянуть вверх бездарных, но «своих». От этого у нас все беды происходили». Сейчас с этим подходом в республике идет борьба, происходит оздоровление межнациональных отношений. Сформирован интернациональный Кабинет, где представлены кыргызы, русские, украинцы, узбеки, евреи. И областные структуры формируются так же. Таким образом, путь к установлению межнационального мира — это демократизация всей внутриобщественной жизни в республиках, обновление Союза, строящегося на базе равноправия отношений суверенных государств.

Но конфликт в г. Ош один из многих на национальной почве, испытывающих серьезное влияние социально-экономических факторов. Типология национальных конфликтов в нашей стране, конечно, гораздо сложнее. Ее анализ — актуальнейшая задача общественной науки. Даже самое беглое сопоставление «ошских событий» и ситуации, скажем в Прибалтике, показывает, сколь разнятся они между собой. Вместе с тем, считаю, что и глубинный подтекст событий в Прибалтике социально-политический, хотя по форме они воспринимаются многими как сугубо национальные.

Л. Н. Шишелина. Прибалтика давно уже стала символом национальных процессов в стране, ее называют «детонатором» этих процессов. Я согласна с тем, что если мы абстрагируемся от социально-политического контекста событий в Прибалтике, то разобраться в них просто невозможно. Конечно, в этом регионе решается не только сугубо национальный вопрос, но и вопрос о путях социально-политического развития Прибалтийских республик. Пришли в движение социальные силы, заинтересованные в принципиально различных вариантах социального развития, ориентирующиеся на диаметрально противоположные направления решения вопросов о собственности и власти. Это бесспорно. Но вместе с тем проблема именно межнациональных отношений в Прибалтике весьма специфична, и она накладывает сильный отпечаток на всю ситуацию в этом регионе и на, так сказать, динамику «прибалтийского национализма». Очень многое в определении перспектив межнациональных отношений здесь будет зависеть от того, как будут складываться в дальнейшем отношения между организационно оформившимися движениями коренного и некоренного населения.

Первыми массовыми общественными организациями в Латвии и Эстонии стали народные фронты, в Литве — движение Саудис. На первой волне демократизации в нашей стране, когда были сделаны решительные шаги в области гласности, эти движения по своим задачам были близки к Народным фронтам в восточноевропейских странах (ГДР, ВНР). Они были проникнуты идеей национального сплочения во имя преодоления разрухи и отсталости. Вот одна из типичных концепций: «Нам надо опомниться и привести в порядок свою территорию. И в этой работе не имеет значения, ла-

тыш ты, белорус или русский, если ты патриот своей республики, патриот этой земли, если имеешь цель на ней остаться. Это проблема не только нашего народа»⁹.

Этот подход, однако, не стал доминирующим. «Русскоязычное» население Прибалтики восприняло призывы народных фронтов повернуться лицом к своему жизненному пространству как проявление латышского, эстонского и литовского национализма. Во всех трех республиках в 1988 году были созданы движения, призванные объединить некоренное население — интерфронты. Интерфронты ориентировались на Центр и включали в свой состав в основном представителей послевоенной миграции — людей занятых на предприятиях общесоюзного подчинения и военнотрудовых. Я не затрагиваю вопроса о том, насколько указанные опасения были оправданны, просто констатирую факт.

С формированием интерфронтов в республиках стала расти конфронтация. Народные фронты и Саюдис все более стали превращаться в организации, выражающие политические интересы коренного населения Прибалтийских республик. Об этом можно лишь сожалеть. Вместе с тем документы национальных фронтов нередко давали основания для тревог некоренного населения.

Думается, на конструктивный путь в этом отношении стали общества, объединяющие нелатышское население республики на основе культурно-просветительских традиций. Одним из первых, практически одновременно с НФЛ, возникло в Риге Балто-славянское общество, возродилось спланировавшее круги русской интеллигенции до сорокового года Общество Рериха, еврейское общество. Польское общество активно действовало в Риге и в «застойные» времена. На волне последних событий в Прибалтике стали возникать объединения некоренного населения качественно иного типа. Это уже не чисто элитарно-интеллигентские деполитизированные кружки русских, поляков, белорусов, евреев, немцев. Такие общества, соединяющие в своих задачах сохранение традиций и культуры этнического меньшинства с наиболее передовыми, демократическими общественно-политическими задачами этнического большинства, широко распространены в Европе, в некоторых регионах нашей страны. Например, Общество культуры закарпатских венгров, Общество русинов, действующие на территории Западной Украины.

В Латвии таким объединением демократической русской общественности стало Латвийское общество русской культуры. Культурно-просветительская сторона деятельности общества определяется тем, что, как заявил его председатель, «мы являемся не обществом всех русских, а именно культурным обществом, и причастны к нему все, кто вырос в лоне русской культуры, кто к ней тяготеет. Членами ЛОРК, таким образом, могут быть и латыши, и поляки, и другие».

Не хотелось бы преувеличивать потенциальные возможности этой формы взаимодействия коренной и некоренной части населения Прибалтийских республик во имя установления социального мира и национального спокойствия здесь, но и недооценивать эти возможности не резон. Как бы там ни было, а начать разрывать порочный круг национальных конфликтов в Прибалтике можно именно в этом звене.

Подвиги в позитивном направлении все же есть. Так, в марте 1991 г. в Латвии, принят Закон о свободном развитии национальных и этнических групп и их правах на культурную автономию. Не все в республике однозначно оценили эту акцию, тем не менее, как мне кажется, это начало движения в правильном направлении.

И. Ф. Селиванова. Бурлит Молдова. Кипят здесь национальные страсти, сталкиваются интересы. И в Молдове ситуация во многом определяется политическим противоборством социальных сил, национальной является форма этого противоборства, тем более что в республике живет 36 процентов немолдован. В южном регионе республики компактно проживают гагаузы. Это сильный сельскохозяйственный район. В Приднестровье, крупном промышленном районе, концентрируется русскоязычное население. Оба эти района объявили о создании собственной государственности, провозгласили себя республиками. Ни Верховный Совет ССР Молдовы, ни Президент СССР не признали указанные акции законными. Межнациональное противостояние в Молдове продолжается. Оно подпитывается тем, что в ряде принятых Верховным Советом республики актов ущемляются гражданские права населения немолдавской национальности. В то же время создание вышеупомянутых автономных образований и новых органов управления не соответствует Конституции СССР и Конституции ССР Молдова. В результате сохраняется угроза стабильности в

республике, растет напряжение в межнациональных отношениях.

Л. Н. Шишелина. В нашей стране есть удивительно интересные, этнически смешанные районы, славящиеся уникальным синтезом самых разнообразных культур и потенциально взрывоопасные. К их числу относится Закарпатье, где сплавились украинская, венгерская, словацкая, немецкая и румынская культуры. Национальные меньшинства, составляющие меньшую часть населения Закарпатья (по сравнению с украинцами) стремятся поддерживать связь с этнически родственным населением в соседних государствах — в Венгрии, Чехо-Словакии, Румынии. Таким образом, эта проблема приобретает существенный международный аспект.

Как будет складываться здесь национальная ситуация зависит от тонкости, я бы сказала, буквально от филигранности политики местных и республиканских властей. Проблем здесь, однако, немало.

Здесь нет места для анализа причин и форм противоречий и конфликтов закарпатских национальных меньшинств с местными и республиканскими властями и реакции на них в сопредельных государствах. Все это сложные и деликатные проблемы. Достаточно сказать, что переплетение политико-экономических проблем с национальными вопросами начинает выдвигать Закарпатье в разряд тех регионов нашей страны, где необходимо принимать крупные меры по решению всего комплекса национальных проблем и организации нового типа регионального сотрудничества.

А. А. Мурадян. Небезынтересно, что сепаратистские тенденции развиваются не только на национальной почве. Нарастает, так сказать, краевой и областной сепаратизм в рамках Российской Федерации. Например, в ряде автономных республик большинство населения — русские. Идут разговоры о независимости Сибири, Дальнего Востока. Это уже не национальный сепаратизм. Здесь дает о себе знать и ненависть к бюрократическому «центру», и страх перед надвигающейся катастрофой, и надежда пережить ее в одиночку. Сплыв националистических эмоций в республиках с идеологией «территориального» сепаратизма может превратиться поистине в «гремучую смесь», способную взорвать всю союзную структуру. Эту угрозу видят многие аналитики, но оценивают ее по-разному.

Одни считают, что «балканизация» России полностью нарушит мировое равновесие сил и будет «величайшей опасностью для всего мира». Другие полагают, что возникновение на месте СССР нескольких десятков «независимых государств» есть естественный и позитивный процесс «деимпериализации», который надо приветствовать. Противники «балканизации» считают, что распад Союза не ликвидирует почву для национальных распрей, напротив, их число и интенсивность усугубятся, так как к существующим противоречиям между республиками добавятся споры о границах. Этнические «чистых» государств все равно не получится: свыше 70 млн. наших граждан, принадлежащих к различным национальностям живут за пределами своих национальных республик и автономий.

Множество слабосильных, раздираемых национальными и иными спорами государственных образований окажутся беззащитными перед любым внешним давлением. Начнется дележ сфер влияния между более мощными государствами. Нарушится общее равновесие сил в мире, возникнут источники военной опасности как в региональных, так и в глобальных масштабах. Мартковский референдум 1991 г. не столько укрепил основания для оптимизма, сколько дал пищу для тревожных раздумий. Почему? Вдумаемся в цифры: в РСФСР в референдуме участвовало 75,4 процента населения, внесенного в списки, 71 процент ответили «да». Но ведь это значит, что весьма внушительная часть всего российского населения не поддержала идею единого Союза, то есть этих людей не страшат последствия распада страны. Здесь есть над чем поразмышлять.

Ведущий. Национально-государственное обновление существенно стимулируется консолидацией национальных сил, в деятельности которых может проявиться и националистическое начало. Известно, что серьезные перемены в Монгольской Народной Республике происходят в условиях по-существу экономического кризиса, невиданной ранее политизации общества, активизации различных движений, имеющих националистическую окраску. Большую популярность обретают призывы сторонников укрепления единства нации на основе, если не монголизма, то чисто монгольских, уходящих в глубину веков, традиций. Чингисхан стал символом одной из ведущих оппозиционных

партий — Монгольской демократической партии (МДП), насчитывающей 24 тыс. членов; близко примыкает к традиционной религиозной школе (ламаистскому ответвлению буддизма) Партия национального прогресса (ПНП), в которой числится 30 тыс. членов.

Официальная монгольская печать («Унэн», «Ардын Эрх») помещает на своих страницах материалы «Синьхуа» по многим острым проблемам, не обходя и тибетскую. В то время как печатные органы ПНП знакомят своих читателей с интервью брата Далай-ламы.

Демократическая партия монгольских буддистов в своей программе провозгласила необходимость движения за сохранение и упрочение монгольского генетического фонда, за этническое выживание нации.

Оживление националистических движений в МНР не может не оказывать влияния на формирование таких внешнеполитических концепций страны, как концепция «равных расстояний» — от КНР и СССР, нейтрализма и т. д.

В ходе нашего обсуждения у меня складывалось впечатление, что провозглашенный здесь тезис о сложной природе национализма пока остается декларацией. Опыт межнациональных конфликтов в нашей стране высвечивает лишь его негативную, разрушительную сторону. Хотелось бы услышать и о созидательных потенциях этого феномена и о причинах, обуславливающих конструктивные формы реализации национальных чаяний.

О германской, корейской и китайской моделях восстановления национального единства

Л. Н. Абаева. В послевоенной истории нет более красноречивого и удачного примера воссоединения расколотой нации в едином государстве, чем недавнее объединение Германии. Послевоенный раскол вьетнамской нации был ликвидирован в результате многолетней кровопролитной войны. Аналогичная попытка воссоединения корейцев в начале 50-х гг. закончилась неудачей. Воссоединение Германии — особый случай. Он привлекает сейчас внимание многих не только потому, что упорядоченно, без эксцессов воссоединилась нация в рамках единого государства, но и по той причине, что указанный акт восстановления национального единства немцев оказал положительное воздействие на международно-политическую обстановку в Европе, способствовал оздоровлению здесь общего политического и психологического климата. Немцы осуществили объединение без войны и насилия, не «железом и кровью», а в согласии со своими соседями на Востоке и Западе. Более того, их соседи приветствовали восстановление суверенности новой Германии. Она же заявила в ответ, что отнюдь не абсолютизирует ее, отдавая предпочтение интеграционным узам в рамках сообщества. Есть основание полагать, что «новый немецкий национализм» будет иметь целью мирное общеевропейское устройство.

Какие же внутренние и внешние факторы сработали на воссоединение немцев? Есть большой соблазн рассматривать его как триумф общегерманского национального самосознания. Мне же представляется, что стремление к единому отечеству имело своей первопричиной и основным двигателем не столько романтические надежды на обретение «общей истории и общей судьбы» (как об этом пишут многие западногерманские политологи), а скорее более прозаические социально-политические и экономические причины. В отличие от других социалистических стран, социальные преобразования в ГДР оказались напрямую связанными с «германским вопросом» — проблемой объединения двух немецких государств.

Перестроечные процессы с их общим для всех стран стремлением к восстановлению рыночной экономики, переоценкой результатов социалистического строительства, тягой к западным ценностям, в целом, не сказавшиеся на государственности других стран Восточной Европы, — для ГДР обернулись подрывом ее государственных структур, потерей смысла сепаратного существования республики. Конечно, воля немцев (особенно в ГДР) к свободному самоопределению во многом была обусловлена национальными чувствами. Вместе с тем в качестве важного обстоятельства хочу указать на то, что усилия руководства ГДР по внедрению идеи о самостоятельном национальном развитии в соответствии с выдвинутой летом 1971 г. теорией социалистической немецкой нации не увенчались успехом. В жестком и формальном определении национальной ситуации, данном СЕПГ, явно преувеличивалась роль социальных моментов, якобы полностью изменяющих природу нации. В действительности, частичный разрыв

нитей, связывающих народ в национальное целое может и не отразиться катастрофически на других нациообразующих факторах (общности языка, психического склада, обычаев, общности истории, традиций и т. д.). Сохранение непрерывности этнического развития немцев ГДР и ФРГ, участвовавшие обмены туристами и делегациями, партнерство городов в связи с нормализацией отношений, наконец, неблагоприятный для ГДР ход экономического соревнования с ФРГ — все это способствовало консервации общенациональной идеологии. Безусловное влияние на обыденное сознание немцев оказывала проводимая ФРГ кампания в защиту национального единства и уменьшения национальной отчужденности. Все это так.

Однако особо важную роль сыграл факт огромной финансово-экономической мощи ФРГ, высокий уровень благосостояния ее населения, позиция западногерманской марки в мировой экономике.

Введение единой денежной единицы повлекло за собой не только утрату ГДР значительной части ее экономического суверенитета. Уникальный способ перевода финансовой системы ГДР на конвертируемую валюту означал по существу перетаскивание социалистической экономики в сферу капиталистического рыночного производства. Ведя жесткую борьбу за власть в канун общегерманских выборов, политические партии заверяли, что им под силу решить сложные экономические и социальные проблемы ГДР и превратить ее в «процветающий регион». Конечно, на деле решить все эти вопросы оказалось не так-то просто. Но это иная проблема и иной разговор.

В. В. Васильев. Хочу включиться в дискуссию в этом месте в той связи, что и в советской, и в зарубежной науке и публицистике нередко проводят прямые параллели между ситуацией в центре Европы и на Корейском полуострове и делают выводы о скором объединении Севера и Юга Кореи. Между тем, несмотря на внешнее сходство по ряду параметров, обстановка на Корейском полуострове весьма специфична. Корея в отличие от Германии не была агрессором, она сама оказалась жертвой японской агрессии. Следовательно, участие держав-победительниц в ее разделе неправомерно, как и всякого рода многосторонние конференции по Корее. Таково мнение Пхеньяна. Словом, вопрос об объединении, полагают в столице Северной Кореи, «должен быть решен только самим корейским народом». Стало быть, проблема обеспечения международных гарантий, столь необходимых в условиях недоверия и противостояния, как бы повисает в воздухе.

Следующее отличие — корейская война. Немцы никогда не воевали друг с другом. Корейцы не просто воевали, но и несли миллионные потери. Политики и государственные деятели Севера и Юга хорошо помнят эту войну 1950—1953 гг., в обоих обществах далеко не изжиты страх, горечь утрат, настороженность, шпиономания. К явным и часто упоминаемым на Юге различиям можно отнести и неодинаковые соотношения экономических потенциалов двух пар государств. Соотношение населения в ФРГ и ГДР 4:1 против 2:1 — в случае Республики Корея — КНДР. Западная Германия — одна из ведущих хозяйственных держав мира, а Южная Корея только в 1990 г. перешагнула в общем-то невысокий рубеж в 5 тыс. долл в динамике такого макроэкономического показателя, как ВВП на душу населения. Суммарные возможности ФРГ оказать спонсорскую поддержку «восточным братьям» на порядок выше возможностей южнокорейского общества. Разница экономических потенциалов даже чисто теоретически делает задачу «вытягивания» КНДР из кризиса для Южной Кореи значительно более сложной, чем в германском случае. О том, насколько этот фактор важен даже для начала процесса национального воссоединения, Л. Н. Абаева только что сказала.

Л. Н. Абаева. Я хочу согласиться с таким мнением — относительно важности для решения проблемы национального воссоединения соотношения экономических потенциалов государств. Даже для ФРГ этот вопрос оказался намного более сложным, чем ожидалось. Уже очевидно, что распространение рыночной экономики ФРГ на пять новых федеральных земель создает множество проблем как для западных, так и для восточных немцев. Западногерманские социал-демократы оказались правы, когда утверждали, что немецкое единство обойдется достаточно дорого и нет оснований надеяться на «экономическое чудо». Правящая коалиция явно недооценила степень запущенности, неконкурентоспособности экономики ГДР.

Ускорение перестройки инфраструктуры новых земель, создание рабочих мест, подготовка почвы для частных инвестиций потребуют огромных средств (называются

цифры от 230 млрд. до 2 триллионов марок!). Стало очевидным, что потребуется многолетняя непростая программа сокращения расходов, обусловленных единством, экономия, перераспределение ресурсов и получение дополнительных средств за счет повышения налогов. Все это вызывает острые дискуссии по вопросам финансирования германского единства. Можно представить, каким бы мог стать масштаб экономических проблем для корейского Юга в случае объединения.

В. В. Васильев. Я продолжу свою мысль о различиях между ситуацией в Германии и на Корейском полуострове. Если в ГДР социалистический строй возник во многом благодаря советскому присутствию, то в КНДР присутствие Москвы не было главной причиной возникшего здесь социалистического строя. Социалистические идеи и социально-политические структуры оказались близкими к традиционной иерархической бюрократической модели общественного устройства Кореи как азиатского государства. Здесь же упомяну об абсолютной закрытости северо-корейского общества, отсутствию каких-либо контактов не только с Южной Кореей, но и с остальным миром. Нельзя не сказать и о том, что создание демократического государства в Южной Корее только-только началось.

Потребуется, вероятно, долгие годы, чтобы привести корейско-корейские отношения в то состояние, в котором находились германо-германские отношения накануне начала объединительного процесса.

А. А. Мурадян. Василий Васильевич, в конце 1990 г. мы с Вами были в Южной Корее, и лично у меня сложилось впечатление, что в самых различных общественных слоях этой страны заметен обостренный интерес к проблеме воссоединения. Мне показалось, что национальные чувства корейцев искренни, их тяга к воссоединению очень сильна. Вместе с тем удивляет определенная жесткость позиций обеих сторон по указанному вопросу. В чем здесь дело? Как это объяснить с точки зрения специалиста по Корее?

В. В. Васильев. Здесь надо принять во внимание национальный характер корейцев. У них с детства воспитывается твердость духа и привычка добиваться только победы. Поражение — позор. Эта связка прочно укоренилась в сознании корейской нации. В этих особенностях национальной психологии отчасти (правда, только отчасти) коренится непримиримость Севера и в какой-то мере жесткость Юга. В принципе, в основе подхода Южной Кореи к проблеме объединения лежит стремление использовать экономические и социальные преимущества перед Севером, обыграть его в глазах мирового сообщества, в том числе и за счет установления дипотношений с бывшими и нынешними социалистическими странами, союзниками КНДР. Сеул с 70-х годов проводит твердую линию на создание двух корейских государств, одновременное вступление в ООН, обеспечение «перекрестного признания» СССР и Китаем — Южной Кореи, США и Японии — КНДР. Сеул не отказывается от идеи объединения в будущем, но мыслится это, естественно, путем демонтажа социалистической системы и «поглощения» Севера, включения его в экономические и политические структуры Южной Кореи, а не каким-либо конфедеративным образом. До сих пор Север продолжает рассматриваться как враг, как «террористическая организация», за несанкционированные контакты с которой граждане Корейской Республики подлежат уголовному наказанию.

Суммировать суть подходов Севера и Юга к проблеме объединения можно следующим образом. Во-первых, обе стороны декларируют стремление к воссоединению родины, но только на своих собственных условиях, неприемлемых для оппонента. Во-вторых, обе стороны фактически отказываются от реальных шагов навстречу друг другу. Внешне требования Юга о свободе гуманитарных контактов выглядят более привлекательно, однако по существу за ними стоит неприемлемая для Севера цель — «раскрыть» северо-корейское общество. В-третьих, следует указать на отсутствие каких-либо признаков создания атмосферы доверия на полуострове как реальной предпосылки для конструктивных переговоров.

На рубеже 90-х гг. наблюдается корректировка подходов сторон к проблеме объединения. Внешне это выглядит как готовность Севера и Юга к переговорам на высоком уровне, проведению встреч премьеров, обмену элитарными культурными группами. Но это все же, так сказать, «декларативная» во многом сторона дела. Что касается конструктивного содержания этой политики, то здесь обе стороны проявляют сдержанность и осторожность.

Различия в подходах сторон к проблеме разблокирования корейского конфликта дают основания утверждать, что без весомых внутренних и внешних предпосылок процесс не сдвинется с мертвой точки. Важнейшей внешнеполитической предпосылкой является нормализация советско-американских отношений и перестроечные процессы в СССР. Кроме того, нужны коренные изменения в северо-корейском обществе и пересмотр сложившихся стереотипов на Юге. Многие считают, что в обозримой перспективе единственно мыслимой основой для воссоединения может стать рынок. Но как осуществить переход к рынку в условиях нынешнего северо-корейского режима? Ведь признать рынок, значит признать частную собственность. Пока это неприемлемый вариант для северо-корейского руководства.

Ведущий. Вряд ли может вызвать сомнение тезис о безусловном различии ситуации в Германии и в Корее, хотя история раздела этих государств — как в первом, так и во втором случае — дань биполярному противостоянию на арене международных отношений послевоенного времени. Вполне естественно, что путь к объединению Кореи, в отличие от Германии, должен занять более длительное время и будет скорее всего более болезненным. Но важнейшим фактором, который как-то компенсирует негативное воздействие на внутрикореяский диалог дезинтеграционных тенденций, определяемых различными моделями развития, является стремление корейской нации к единству. У подавляющего числа корейцев, если не у всех, родина идентифицируется с нацией, именно с ощущением своей национальной общности корейцы связывают понятия патриотизма, победы над ненавистными колонизаторами, а сегодня — создание единого корейского государства.

Сегодня мы в нашем журнале публикуем статью Президента Всесоюзной ассоциации советских корейцев, проф. М. Н. Пака. В этом материале просматривается тесная взаимозависимость процессов демократизации в нашей стране и национального возрождения советских корейцев, которых объединяет, помимо других важных факторов, стремление содействовать мирному объединению Кореи. Национальное единство как краеугольный камень корейской государственности содействует внутрикореяскому диалогу, благоприятствует корейцам Юга и Севера встречаться за столом переговоров в третьих странах и т. п., словом, питает известный оптимизм в достижении компромиссов на пути мирного объединения Кореи.

Особого внимания заслуживает в этом смысле ситуация в Китае. Было бы интересно узнать, что в ней общего с германским и корейским вариантом, а что носит сугубо специфический характер? Национализм, утверждает авторитетный американский синолог А. Д. Барнетт, принадлежит к числу самых мощных и фундаментальных факторов, определяющих ход событий в современном Китае. Эта мысль, высказанная американским ученым тридцать лет тому назад, неоднократно находила подтверждение в практике внешней политики Китая. Не так ли?

А. Г. Ларин. Да, это так. Для специалистов по Китаю никогда не было секретом, что национальные чувства играют весьма важную роль в политике по обе стороны Тайваньского пролива. Конечно, лидеры КНР и Тайваня по-разному понимают способ национального воссоединения.

Для политических руководителей КНР единый Китай — это Китайская Народная Республика, государство «социализма с китайской спецификой», руководимое компартией в соответствии с марксизмом, неотъемлемую часть которого составляют идеи Мао Цзэдуна. Капиталистический строй может быть допущен лишь в отдельных изолированных районах (принцип «одно государство, два строя»). За единый Китай стоят и лидеры правящей партии гоминьдан («национальная партия») на о. Тайвань, где агитация за провозглашение на острове самостоятельного государства объявлена преступлением. Однако их вариант — это Китайская Республика, общество, основанное на частной собственности и рыночной экономике. Как совместить несовместимое? Как запустить в ход процесс объединения? Были предложены варианты решения проблемы. Возникла идея, которая, как предполагалось, должна лечь в основу решения проблем Тайваня, Сянгана, Аомыня. В проекте КНР по Тайваню предлагалось провести переговоры по вопросам объединения между Компартией Китая и Гоминьданом на паритетных началах (но не переговоры между властями, которые могли бы быть истолкованы как какая-то степень признания Тайбэя Пекином), наладить «три вида связей»: почтово-телеграфную связь, морское и воздушное сообщение и торговлю. Предусматривалось, что после объединения Тайвань в качестве особого административного

района получит высокую степень самоуправления и может сохранить свои вооруженные силы, центральное правительство не будет вмешиваться в деятельность местных властей. Общественно-экономической строй Тайваня, право собственности, экономические и культурные связи с зарубежными странами останутся неизменными. Представители Тайваня смогут занимать руководящие посты в общекитайских политических органах. На острове не будут размещены ни войска, ни административный персонал с материка.

Ведущий. Давайте здесь сделаем некоторые уточнения. Мне кажется, что в позиции Пекина есть известный позитивный смысл и для Тайваня. Ведь ясно, что деловые круги острова, в случае принятия рассматриваемого варианта воссоединения, получили бы на материке новые источники сырья и топлива, причем на льготных условиях. Далее, они вышли бы на емкие рынки сбыта своей продукции и смогли бы осваивать перспективную сферу приложения капиталов, что особенно важно в условиях жесткой конкурентной борьбы, которую они ведут на международных рынках. На это указывают и китайские источники, добавляя, что объединение гарантировало бы населению острова сохранение национального культурного наследия, которое сейчас находится под угрозой из-за мощного воздействия западной цивилизации. Почему все-таки тайваньская сторона столь негативно реагирует на планы Пекина? Не гипнотизирует ли тайваньских руководителей «германская модель» воссоединения?

А. Г. Ларин. Тайбэй, конечно, взвешивает плюсы и минусы пекинского варианта. Но тайваньские власти вынашивают совсем иные планы. Они хотели бы сохранить основы своей общественной системы. Опыт радикальных перемен в Восточной Европе, оживляет надежды Тайваня насчет трансформации общественных отношений на материке. В КНР называют этот процесс «мирным перерождением социализма». Власти острова пытаются содействовать ускорению этого процесса, пропагандируя свой опыт превращения Тайваня в «экономическую державу» — «тайваньское чудо» — как модель для всего Китая. Действительно, сопоставление темпов и уровней экономического развития двух частей страны оказывается явно не в пользу материка: с 1952 г., когда национальный доход на душу населения был примерно одинаковым — приблизительно по 50 долларов на душу населения, на материке он увеличился только до 300 долларов, а на Тайване превысил 3000. Логические аргументы, хотя бы и тиражируемые в массовых изданиях КНР, — это одно, а сила примера — это другое. С конца 80-х годов гоминьдановские власти начали пересмотр всей своей политики тотального антикоммунизма и самоизоляции от материка. Это было связано как с поступательным движением реформ на материке, заметно изменившим облик китайского общества, так и с либерализацией политического режима на самом острове. Благодаря этим обстоятельствам резко возросла тяга деловых кругов Тайваня к налаживанию торгово-экономических отношений с материком, что и решило дело.

У Тайбэя появилась возможность наглядно продемонстрировать строителям социализма с китайской спецификой достоинства китайского капитализма.

Ведущий. Лично у меня сложилось впечатление, что руководители КНР и Тайваня выдвигают явно взаимонеприемлемые варианты воссоединения. Так, в официальных кругах Тайбэя был в различной форме выдвинут целый ряд предложений о воссоединении, вроде таких, как «один Китай, два правительства», «один Китай, два района» и т. п. Они неприемлемы для Пекина: подразумевают равноправие сторон, а равноправие — шаг к отделению острова. Похоже, что тайваньские власти, зная о позиции Пекина, ни на какую иную реакцию на подобные предложения и не рассчитывают. Стало быть, дело безнадежно?

А. Г. Ларин. В самом деле, ни одна из концепций объединения не устраивает обе стороны. Национальной общности оказывается недостаточно, чтобы Тайваньский пролив не превращался в межсистемную пропасть. Однако экономические и национальные императивы создают такое поле притяжения, которое позволяет перекинуть через эту пропасть многочисленные торгово-экономические, гуманитарные и т. п. связи. Ряд специалистов предлагает, подключив остальные капиталистические части Китая, а также китайскую эмиграцию, прежде всего в странах Азии, создать некое единство — «китайское сообщество» или (с охватом эмиграции) «общекитайский дом».

Нельзя не согласиться, что успешная деятельность сообщества, действительно, позволила бы Китаю достичь многого и в своем собственном развитии, и в расширении участия в жизни региона. Американские ученые справедливо замечают:

«Возникновение «Большого Китая» (КНР, Гонконг и Тайвань) является в экономическом плане одной из важнейших долгосрочных тенденций, формирующихся в современном мире». Они предполагают даже, что эта ассоциация сможет воспрепятствовать полному подчинению азиатского рынка японским интересам.

Сообщество может оказаться ступенькой к воссоединению, если позволит создать атмосферу доверия, придать тенденции к объединению на обоих берегах Тайваньского пролива большую силу и глубину.

Если между «двумя берегами пролива» (как говорят в Китае, имея в виду Тайваньский пролив) не будут построены отношения доверия и взаимного благоприятствования, если все ограничится чисто деловыми связями — не будет, я думаю, и воссоединения, ни в форме «одно государство, две системы», ни в какой-либо другой. Или же начнется реакция отторжения чужой ткани со всеми вытекающими отсюда последствиями. Чтобы заранее добиться совместимости тканей, нужно проделать очень большую работу, проложить между берегами пролива туннель согласия.

Гончаров С. Н. Очевидно, для советского специалиста логично и естественно оценивать китайский национализм в сопоставлении с национализмом советским (только частично совпадающим с национализмом наций, составляющих Советский Союз).

Для лидеров Октябрьской революции в стратегическом плане национализм был понятием чужеродным и даже враждебным, поскольку препятствовал реализации главной задачи — построению бесклассового и наднационального коммунистического общества во всемирном масштабе. Классический лозунг о том, что «у пролетариата нет отечества» является концентрированным выражением подобного подхода.

Иным было отношение к национализму в практической политической тактике. Крах надежд на скорую мировую революцию и утверждение идеи о «социализме в одной стране» привели к тому, что руководством к действию стала формулировка о «прогрессивном характере национализма угнетенных наций». Это позволяло использовать объективно развившиеся в мире процессы национального освобождения для подрыва позиций основных империалистических противников; это также предоставляло возможность для того, чтобы стимулировать перерастание национально-буржуазных революций в революции пролетарские.

Во внутренней политике большевики, всю жизнь боровшиеся с царской империей, вскоре после Октября встали перед необходимостью сохранить ее в прежних территориальных пределах. Будучи искренними сторонниками создания «всемирной пролетарской республики», большевики одновременно сознавали, что окажутся перед огромными проблемами в случае если не выполнят обещаний о коренном преобразовании «тюрьмы народов» — царской России, если не предоставят новые возможности для саморазвития нациям, населявшим империю.

Положение серьезно осложнялось тем, что и в цивилизационно-культурном плане Российская империя представляла собой синтез двух основных компонентов — христианского и исламского, причем в обоих случаях исторические центры этих цивилизаций располагались за пределами империи. Это потенциально создавало не только основу для развития центробежных сил внутри страны, но и в перспективе могло привести к ситуации, когда для некоторых из ее частей мощь притяжения из-за рубежа могла оказаться более значительной, чем силы, удерживающие государство в состоянии единства.

Стоя перед лицом этих реальностей в огромной, слаборазвитой и по преимуществу крестьянской стране, большевики попытались примирить свои идеалы с политической практикой посредством формулы «слияние наций через их расцвет».

Сколь бы формальной ни была государственность республик, составлявших Советский Союз, она несомненно способствовала культурно-национальному развитию многих из его народов (например, в республиках Средней Азии). Однако центральное руководство страны постоянно наталкивалось на тот факт, что развитие национальной интеллигенции, рост национального самосознания ведут к подрыву контроля со стороны унитарных, гиперцентрализованных структур.

Одним из методов, предназначенных для преодоления подобной ситуации была интенсивная пропаганда «государственного национализма», который, в частности, выразился в широком проведении идеи об особой роли русского народа, русской культуры как основ советской государственности. Особенно интенсивный характер подобная пропаганда приняла в период Великой Отечественной войны и в период, непосредственно

следующий за ней. В более поздний период этот подход нашел свое выражение в концепции «советского народа как новой исторической общности».

Таким образом, можно констатировать, что «советский национализм» отличали две основные специфические черты. Во-первых, в нем весьма и весьма сильна была внешняя, глобальная устремленность. Поскольку именно Советский Союз считался высшим и единственным выразителем коренных интересов мирового пролетариата, то, значит, и действия всех компартий, которые оценивались как «полномочные представители» пролетариата, должны были всецело соответствовать интересам и взглядам СССР. Тактическим дополнением к этой линии служила поддержка «прогрессивного национализма угнетенных наций».

Стоит отметить, что этот подход порой приводил к парадоксальным результатам. Например, в Китае советские руководители в общем оценивали национализм Чан Кайши как позитивный фактор, позволяющий играть на его противоречиях с державами. В то же время национализм КПК рассматривали как явление сугубо негативное, полностью противоречащее сущности компартии.

Во-вторых, во внутренней политике господствовал «государственный национализм», отнюдь не совпадавший с «культурным национализмом» наций, составлявших СССР, и зачастую противостоявший ему.

Подобная система взглядов могла существовать и функционировать только в условиях, когда Советское государство обладало способностью достигать реальных или мнимых успехов во внутренней и внешней политике, что призвано было доказывать жизненную силу государственного начала, обоснованность его существования. Крах коммунистической идеи (по крайней мере в ее традиционной форме) в мировом масштабе и тупиковая ситуация в советской экономике выбили почву из-под ног подобного «государственного национализма» и, в значительной степени, стали причиной нынешнего национального кризиса.

Даже эта беглая и поверхностная характеристика некоторых существенных черт советского «государственного национализма» даст определенный материал для сопоставления с национализмом китайским.

Прежде всего ситуация в Китае отличается тем, что эта страна сама по себе является центром древней цивилизации, которому не грозит «разрыв» за счет внешних центров притяжения. Кроме того, Китай — гораздо более мононациональная общность, чем Советский Союз. Национальные меньшинства в Китае занимают значительную территорию, однако численно и качественно уступают ханьцам и потому всегда существует возможность в крайнем случае силой подавить любые тенденции к сепаратизму.

Существенной особенностью развития китайского национализма в новое время было то, что он представлял собой классический «национализм угнетенной нации» и всегда подпитывался идеей о возрождении былого величия страны, утверждения ее в качестве достойного (а в перспективе — и ведущего) члена мирового сообщества.

Идеология национализма в Китае, как и в России, проводилась правительством в качестве официальной, призвана была служить несущей конструкцией, скреплявшей единство государства. Существенным отличием от российской ситуации было то, что этот государственный национализм практически совпадал с национализмом культурным и, более того, органично вырастал из него.

Как это ни парадоксально, но следующей существенной особенностью китайского государственного национализма можно признать слабость его внешней, международной ориентации. Конечно, всем известны многочисленные высказывания китайских деятелей о том, что в будущем «надо всем земным шаром должны развиваться желтые знамена потомков Хуан-ди», о необходимости восстановления ключевой роли Китая в мире, которая существовала в периоды Хань, Тан и Мин и т. п. С моей точки зрения, подобные пылкие декларации можно рассматривать скорее как действительное средство для мобилизации сил нации на дело возрождения, на выход из существующего униженного состояния, чем как реальное руководство в практической политике. И при Чан Кайши и при Мао Цзэдуна Китай не имел реальных возможностей претендовать на мировую гегемонию и сосредоточивал максимальные усилия на установлении влияния в регионах, где традиционно были сильны его стратегические и культурные позиции — Индокитае, Монголии, Корее.

Как представляется, обе эти черты — единство государственного и культур-

ного национализма, слабость внешней ориентации националистической идеологии и ее ориентированность на национальное возрождение, обусловили большую прочность и стойкость китайского национализма по сравнению с национализмом советским.

Благодаря первой из этих особенностей националистической идеологии, пропагандируемая «сверху» всегда имела надежную и прочную основу в реальной общественной жизни. Благодаря второй из них, китайские лидеры всегда могли ставить перед народом достаточно реальные и осязаемые задачи национального возрождения, будучи одновременно гарантированными от глубоких разочарований из-за неудач в осуществлении гигантских замыслов глобального доминирования.

На практике китайский национализм отнюдь не всегда полностью соответствовал приведенной выше формуле, что представляется вполне объяснимым. Придя к власти в 1949 году, китайские коммунисты первоначально попытались доказать специфичность своего положения, свою самостоятельность исключительно в рамках коммунистической идеологии. Естественным образом, на первом этапе это привело их к стремлению доказать свою самобытность через утверждение себя в качестве носителей и проводников наиболее ортодоксального и чистого марксизма-ленинизма. В наиболее яркой форме это проявилось в период «культурной революции».

Это время характеризуется попытками отрицания, снятия всех упомянутых выше характерных для классического китайского национализма особенностей. Тогда были предприняты попытки заменить государственный национализм, основанный на традиционной культуре, отрицанием этой культуры и внедрением наднациональных классовых ценностей; идея национального возрождения была вытеснена идеей мировой революции (даже через ядерную войну) во всемирном масштабе, нетипичный для традиционной модели глобализм превратился в существенный компонент идеологии.

Подобный полный разрыв с устоявшейся моделью национальной идеологии оказался нестойким и нежизнеспособным, попытки его осуществления принесли стране огромный урон. Тем не менее, с точки зрения руководства Китая, и эта суперортодоксия, отрицавшая идею национального возрождения, сыграла в конечном счете позитивную роль в нем, ибо позволила Среднему государству вырваться из-под политического и идеологического контроля со стороны Москвы, утвердить себя уже не в качестве «одного из отрядов» мирового революционного процесса, но в качестве его самостоятельного лидера. Болезненные последствия тотального внедрения коммунистической ортодоксии, с одной стороны, и обретение реальной идеологической самостоятельности — с другой, создали весьма благоприятные условия для возрождения на новой основе главных специфических черт традиционной националистической идеологии. С этих позиций можно интерпретировать историю Китая после начала реформ.

В это время установка на возрождение страны стала явно превалировать над глобальным стремлением поскорее реализовать коммунизм во всемирном масштабе. Лозунг «возрождение Китая» стал играть более важную роль, чем утверждения о необходимости «доказать преимущества социалистической системы». Явно снижается и практически исчезает агрессивный глобализм во внешней политике КНР, в подходе Пекина к МКД.

На смену отрицанию традиционной культуры приходит стремление опереться на нее, характерное для «государственного национализма». В концентрированной форме это нашло свое выражение в концепции «социализма с китайской спецификой».

Подобная модель демонстрировала свою жизнеспособность до тех пор, пока в кругах китайской элиты существовало относительное единство относительно темпов и масштабов синтеза традиционных культурных и политических ценностей с ценностями зарубежными. Необходимость подобного синтеза разделяется практически всеми китайскими руководителями и донныне, ибо в современном мире без него невозможно само по себе возрождение китайской нации.

Критика телесериала «Хэшан» вскоре после кризиса весны — лета 1989 года продемонстрировала, где проходит линия, разделяющая сторонников различных позиций. Официальные идеологи критиковали оппозиционеров за стремление «полностью отрицать» традиционную китайскую культуру, за то, чтобы всецело заменить ее ценностями Запада. Следует отметить, что здесь имел место явный полемический пережест, ибо оппозиция стремилась не к огульному отрицанию традиционного наследия, но к глубокому его синтезу с западными идейно-политическими установками — подобно тому, как это было сдела-

но в Южной Корее, Японии, в Гонконге, Сингапуре и на Тайване. Ортодоксы в свою очередь подчеркивали свою приверженность традициям, акцентируя, естественно, прежде всего те из них, которые сближаются с коммунистическими идеями.

После событий в Восточной Европе и в Советском Союзе китайские руководители стали еще более энергично подчеркивать «специфичность» объективных условий Китая, еще более интенсивным стал процесс взаимопроникновения традиционных ценностей, составлявших основу «государственного национализма» и коммунистической идеологии. Представляется, что не исключен вариант дальнейшей эволюции в данном направлении, когда суть руководящей идеологии станет вполне имперско-традиционной, но фразеология будет сохраняться вполне коммунистической. «Государственный национализм» в Китае неоднократно демонстрировал свою жизненную силу, не исключено, что так произойдет и сейчас.

Г. М. Телепина. Сам факт существования различий в языке, психологии, традициях и обычаях между национальностями потенциально таит в себе возможность противоречий между ними. Эти различия могут принимать формы неуважения, дискредитации и даже презрения одной нации к другим национальностям. Я думаю, что именно такого рода проявления и составляют понятие национализма.

Какие факторы способствуют тому, что национальные различия приобретают форму противоречия, конфликта?

Во-первых, как отмечалось выше, сами национальные различия дают некоторые основания для противопоставления одних национальностей другим. В частности, например, из-за того, что представители одной национальности про себя думают, что уклад жизни его нации лучше, культурнее и т. д., чем у представителей другой нации.

Заметим, что когда какие-то активные политические силы хотят использовать национализм в своих интересах, то они прежде всего опираются на эти, так сказать, природные различия национальностей, которые, конечно же, всегда проявляются на обыденном, житейском уровне.

Во-вторых громадное значение имеет положение различных национальностей в данном обществе. Все-таки представители ведущей национальности так или иначе господствуют в социально-экономическом, политическом, языковом, культурном и идеологическом отношении. Неравноправие как раз и выражается в этих областях. Это особенно четко проявляется, когда ведущая нация имела свою государственность и достаточно высокие цивилизацию и культуру. Тем более, если ведущая нация на каком-то этапе истории подчинила себе другие народы, независимо от того, имели ли они свою государственность, а также независимо от того, в каком отношении (на какой ступени) находились цивилизация и культура ведущей нации и завоеванной нации.

В-третьих, и все-таки самым главным фактором, определяющим размах и степень глубины национализма ведущей нации, является политика правящих кругов. Ленин не зря трактовал политику не только как отношения классов и государств, но и как отношение наций.

Ни у кого не может вызвать никаких сомнений тот факт, что униженная нация вынуждена бороться за свою самостоятельность, какую-то суверенность и т. д., при этом она всегда использует в своей позитивной деятельности прежде всего националистические факторы. Вследствие такого взаимодействия национализма ведущей и угнетенной нации, мы наблюдаем громадный резонанс этого взаимодействия, тогда как социально-экономические и политические факторы как бы отступают на второй план.

Естественно, что такие формы общественного сознания, как религия и идеология, подключаются к этому взаимодействию и усиливают мощь национализма в целом.

Если с этих позиций посмотреть на историю Китая, то мы обнаружим, что она полна фактов, подтверждающих эти положения. В последние десятилетия это ярко проявилось во время пресловутой «культурной революции».

История Китая помнит, что еще до 1949 г. многие национальности, которые обладали в прошлом и своей государственностью, и своими традициями, угнетались ханьской нацией. В отношении других наций господствующие классы ханьской нации проводили политику прямого вооруженного подавления, физического истребления, разжигания межнациональной вражды, жесткой эксплуатации и порабощения. Практически проводилась политика ассимиляции.

После 1949 г. ввиду того, что политика и идеология, пусть даже формально декретированы как марксистские, националистическая господствующая ханьская нация была

поставлена в довольно узкое русло и не могла резонировать с национализмом малых наций. Когда же в политике и идеологии руководства КПК возобладали националистические амбиции — превратить страну в величайшую державу мира — это неизбежно сказалось и на национальной политике.

Во время «культурной революции» и долгое время после нее продолжала господствовать политика насильственной ассимиляции, нарушения элементарных прав неханьских национальностей, разгрома национальных кадров, подрыва экономического и культурного строительства в районах проживания неханьских народов. Все это вызывало естественную негативную реакцию со стороны неханьских народов, направленную против ханьской нации и мы знаем, что в конце 70-х годов в ряде национальных районов КНР произошли вооруженные столкновения и выступления местного населения против засилья ханьской нации.

Китайское руководство вынуждено было пересмотреть теоретические и практические основы своей национальной политики и восстановить принципы 50-х годов. Однако эта политика по-прежнему ограничена рамками районной автономии. О праве нации на самоопределение и речи нет.

Идеология национализма и ритмы истории

Ведущий. Думается, не только в Восточной Азии, но и в любом другом регионе мира для утверждения международно-политической стабильности необходимо расширение и углубление общерегионального сотрудничества. Оно, естественно, должно развиваться на базе демократизации международных отношений как в глобальном, так и региональных масштабах. Важно подчеркнуть, что эти процессы закономерны, но они нуждаются в целенаправленном политическом стимулировании и идеологическом обеспечении. Два мощных потока событий характеризуют специфику мирового развития на рубеже двух веков, двух тысячелетий. С одной стороны, мы являемся свидетелями столкновения и в Европе, и в Азии новых, цивилизованных форм общения, для которых характерны процессы разоружения, отказ от решения споров силой, формирование целостного всемирного сознания.

С другой стороны, в условиях демократизации международных отношений, падения «руководящей роли» «сверхдержав», размывания прежней «блоковой» дисциплины и распада самих блоков значение национализма, национальных интересов в формировании внешней политики многих стран возрастает, порождая конфликты и противоречия в сфере международной жизни.

А. А. Мурадян. Обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Если первая тенденция особенно характерна для стран развитого капитализма, то вторая — типична для Советского Союза и стран Восточной Европы. Так, уже к середине 80-х гг. сформировались три крупных интеграционных массива: западноевропейский, североамериканский и восточноазиатский. Более того, между этими центрами образуются гигантские экономические пространства с фантастическими экономическими возможностями — североатлантическое и азиатско-тихоокеанское. Указанные интеграционные процессы в социально-экономической сфере современного развитого капитализма сопровождаются соответствующим идеологическим обеспечением. Оно осуществляется по двум направлениям.

Первое — это традиционная, хотя и несколько модернизированная, идеология национализма, американского национализма. Некоторые исследователи называют ее «новым национализмом». Вот как определяет этот принцип профессор Колумбийского университета (США) Ричард Гарднер: «Новый национализм — одностороннее использование американской мощи в глобальных масштабах в нынешних условиях, когда Советский Союз представляется слишком поглощенным своими делами, чтобы быть в состоянии помешать нам». Строго говоря, ничего нового в этой американоцентристской националистической идеологии нет, за исключением того, что ей пытаются придать дополнительное движение в новых условиях. Значительный стимул указанная идеология получила после войны в Персидском заливе.

Думается все же, что у нее мало шансов стать идейным обоснованием интеграционных глобальных процессов, о которых речь шла выше. Следует согласиться с проф. Р. Гарднером, отдающим предпочтение принципу «либерального интернационализма», как более реалистичному, в качестве идеологии глобальных интеграционных тенденций

в мире развитого капитализма. «Либеральный интернационализм, — поясняет свою точку зрения профессор Колумбийского университета, — это интеллектуальная и политическая традиция, признающая необходимость руководящей роли либеральных демократий в строительстве мирного мирового порядка с помощью многостороннего сотрудничества и создания эффективных международных организаций». Иными словами, не США в одиночку должны стать политическим и идейным опекуном интегрирующегося мира, а Запад в целом в состоянии выполнить «руководящую роль» в мировых делах, осуществляя ее преимущественно через международное сотрудничество и международные организации.

Л. С. Аблазова. Идеология «либерального интернационализма» уже воплощается в практику, в частности в Восточной Европе. Общеизвестно, сколь глубоко дезинтеграционные процессы в Югославии. Националистические страсти буквально рвут страну на части. В этой обстановке мощным стабилизирующим фактом для Югославии и Балкан в целом выступает скоординированная политика Западной Европы. Позитивное давление Европейского сообщества на Югославию осуществляется по различным каналам. Так, на заседании Совета министров иностранных дел ЕС в Брюсселе была принята Декларация об отношениях с Югославией, в которой подчеркивалось, что сохранение целостности этой страны является неременным условием для начала переговоров о предоставлении ей статуса ассоциированного члена сообщества. ЕС дает понять сепаратистски настроенным республикам, что единая Югославия — это кратчайший путь включения в европейский интеграционный процесс. Словом, Европейское сообщество против распада Югославии, за стабилизацию обстановки в стране и в балканском регионе в целом.

Такую же позицию занял Международный валютный фонд, заявив, что будет вести переговоры только с единой Югославией. Аналогичную линию провозгласили представители крупнейших банков Западной Европы, Японии, США и Канады. Было заявлено, что дезинтеграционные процессы в Югославии идут вразрез с мировыми тенденциями и противоречат идеям создания интегрированной Европы. Это ли не ярчайшее свидетельство того, что объединительная тенденция набирает силу и на глобальном, и на региональных уровнях? И Запад в целом выступает здесь как фактор стабильности в международных делах, как сторонник разрешения внутренних и межгосударственных споров политическими, а не насильственными мерами. Это новый позитивный момент. Его надо осмыслить и делать выводы.

А. А. Мурадян. Совершенно верно. Эти социально-экономические и идеологические процессы нуждаются в нетривиальной и конструктивной оценке с нашей стороны. На Западе социальные и политические аспекты интеграции сопровождаются разработкой соответствующей «интеграционной» идеологии. И этот процесс зашел достаточно далеко. Создается система взглядов, обосновывающая естественность и необходимость «интернационального единства» развитого капиталистического мира, противостоящая узконационалистическому подходу к национально-государственному развитию.

На этом фоне тенденции к распаду и дезинтеграции хозяйственных, политических и иных связей в Советском Союзе, в восточноевропейском регионе, всплеск националистической и шельмование интернациональной идеологии выглядят как социальный курьез, как «противоход» истории. Попытки некоторых политических и националистических сил «балканизировать» Советский Союз, другие регионы закономерно воспринимаются многими как неуместный и опасный анахронизм. Логика ритмов общечеловеческой истории подсказывает совсем иное направление развития — к консолидации хозяйственной и политической жизни, к превращению экономического пространства Советского Союза и стран Восточной Европы в «мост» к Восточной Азии. Это единое пространство призвано стать связующей евроазиатской структурой между восточно-азиатской, североамериканской и западноевропейской интеграциями. Вот какая идеология сейчас нужна!

Ведущий. Объективная направленность мирового развития очевидна. Дело сейчас за субъективным фактором, за осознанием этой реальности. Все без исключения политические силы в нашей стране, в Восточной Азии и в Восточной Европе должны проникнуться пониманием ведущей закономерности современности: судьбы наших народов, решение национальных и социально-экономических проблем зависят от степени и быстроты нашей «адаптации» к указанной закономерности. Мы должны сознательно «встраиваться» в ритм мирового общественного процесса. Бесперспективно искать решения национальных проблем на волнах «противоходов» мировой цивилизации — на путях «силовой» реализации националистических амбиций, разжигания национальной розни, территориальных претензий, национальной замкнутости, «балканизации» многонациональных стран и

регионов. Наша дискуссия свидетельствует об этом совершенно однозначно.

Вместе с тем из нее можно сделать вывод, что если политические институты и государственные структуры оказываются не в состоянии гарантировать социальное, экономическое, культурное развитие нации, то обостряются национальные чувства, возникают движения протеста, окрашенные в национальные тона. Так происходит везде: и в Восточной Европе, и в Восточной Азии, и в нашей стране.

Сложившийся у нас после 1922 г. унитарный тип государства, авторитарно-бюрократическая система управления обусловили неравноправие народов, в частности в форме ранжирования территориально-государственных образований на союзные и автономные республики, автономные области и округа. Господство тоталитарных форм управления обществом консервировало противоречия экономического, политического, межнационального характера. Сейчас эти противоречия обнажились, породив всплеск межнациональных конфликтов, углубляющих всесторонний общенациональный кризис нашего общества. От того, как он разрешится зависит будущее не только народов нашей страны, но и международное развитие в Европе и в Азии.

На этом мы закрываем сегодняшнее заседание «круглого стола». Благодарю всех участников за сотрудничество. Однако окончательную точку в обсуждении темы «Национализм в мировой и азиатско-тихоокеанской политике» мы не ставим. Следующее заседание будет целиком посвящено национальным и национально-территориальным проблемам в АТР. Это проблемы «северных территорий» и перспектива развития советско-японских отношений, китайско-японский и китайско-вьетнамский споры по вопросу об островах в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, широкий круг вопросов, связанных с межнациональными отношениями в Юго-Восточной Азии и их международно-политическими последствиями, и многое другое. Приглашаем к разговору всех желающих.

¹ Правда.— 1990.— 2 декабря.

² P. S. Reinsch. World Politics at the End of the Nineteenth Century. N. Y. 1902.— P. 3.

³ К. О'Бryan. The Land of God. Thoughts on Religion and Nationalism. L., 1988.— P. 29—51.

⁴ Советский энциклопедический словарь. М., 1983.— С. 866.

⁵ The United States and China. The Next Decade. Ed. by A. D. Barnett and E. O. Reischauer. N. Y., 1970.— P. 140.

⁶ A. D. Barnett. Communist China in Perspective. N. Y., 1962.— P. 6.

⁷ H. Setton-Watson. Nationalism and Communism. Lnd., 1964.— P. 35.

⁸ L. L. Snyder. The New Nationalism. N. Y., 1968.— P. 9.

⁹ Советская Латвия.— 1988.— 12 августа.

АН БЕНГ ЮН

Политическая и военная конфронтация на Корейском полуострове представляет собой реальную и наиболее значительную угрозу безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе. Поэтому без решения корейской проблемы нельзя надеяться на возникновение «процесса азиатской безопасности» в духе Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе. Подобно тому как германская проблема была главной в обеспечении безопасности в Европе, корейская проблема стала ключом к обеспечению безопасности в Азии, поскольку Корейский полуостров является стратегическим районом, где скрещиваются интересы четырех держав — Китая, Советского Союза, Японии и США.

Корейская проблема должна быть решена в первую очередь путем диалога между двумя сторонами и соседние державы должны оказать активное содействие, улучшая или нормализуя отношения с обеими сторонами, чтобы последние могли урегулировать свои разногласия мирным путем. Под первым я имею в виду «корейзацию корейского вопроса», а под вторым — «перекрестное признание»¹.

Здесь следует сделать четыре общих замечания.

Во-первых, корейская проблема объединяет как международные, так и внутренние аспекты, а также военные и политические конфликты. Что касается международных и военных аспектов обеспечения безопасности, то ведущие державы должны играть определенную роль, чтобы не допустить развязывания еще одной войны, и, таким образом, гарантировать равновесие сил; что же касается внутренних и политических аспектов, направленных на ослабление напряженности и объединение, то здесь первоочередную ответственность в создании доверия и достижения соглашения несут две Кореи.

Во-вторых, условия обеспечения безопасности в Азии отличаются от таких же условий в Европе, поскольку здесь существуют асимметрия, дополненная наличием политической неопределенности, особенно в Северной Корее и Китае, и ожидающие решения региональные споры, в то время как в Европе мы наблюдаем симметрию, политический плюрализм и Хельсинкский процесс. Сотрудничество на путях к достижению безопасности ведется в форме двусторонних отношений, поэтому любое многостороннее взаимодействие в виде Форума сотрудничества в Азии и Конференции по безопасности и сотрудничеству в Азии будет материализовываться постепенно, по мере того как будут происходить кардинальные изменения в социалистических странах и улаживаться нерешенные споры в регионе.

В-третьих, одной из областей, где возможно многостороннее сотрудничество, являются экономические отношения. Процесс формирования Азиатско-тихоокеанского экономического совета со временем может привести к созданию структуры наподобие Организации по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР), а также Конференции по безопасности и сотрудничеству в Азии (КБСА).

Ан Бенг Юн — профессор политологии университета Енсэй (Республика Корея, Сеул).

В-четвертых, Южная Корея намерена играть роль в наведении мостов в области безопасности, процветания и стабильности, предотвращая военные провокации со стороны Северной Кореи и побуждая Китай, Советский Союз, Северную Корею и другие социалистические страны к сотрудничеству в Тихоокеанском регионе.

Перспективы создания безопасности и процветания в Корее и Азии станут более обещающими, когда Северная Корея проведет реформы и станет более открытой. Долг всех заинтересованных сторон — помочь Северной Корее изменить себя в духе миролюбия и нравственности. Лишь в том случае, если США будут оставаться «честным брокером», способствующим установлению в течение определенного времени мира, процветания и стабильности в азиатско-тихоокеанском регионе, безопасность здесь может быть гарантирована.

I. Проблема Кореи: сначала корейзация, затем интернационализация

С объединением Германии и Йемена и возобновившимися взаимосвязями между Китаем и Тайванем Корея остается последней разделенной нацией и последним очагом «холодной войны». Учитывая недоверие и враждебность, которые существуют между Севером и Югом, решение корейской проблемы, как я уже отмечал, требует вначале корейзации, а затем интернационализации. Тем не менее важнейшим условием этой проблемы является готовность Северной Кореи принять меры, ведущие к коренным переменам. В перспективе корейская проблема будет разрешена в процессе установления мира, сотрудничества, налаживания контактов и объединения сторон.

Большие перемены, захлестнувшие мир в 1989—1990 гг., заставляют Северную и Южную Корею учитывать мнения и интересы друг друга относительно мира и стабильности, от которых зависит и безопасность в регионе. Нормализовав отношения с Южной Кореей в сентябре 1990 г. и пригласив президента Ро в Москву в декабре 1990 г., Советский Союз начал отделять корейскую проблему от своей линии на глобальное соперничество с Соединенными Штатами и даже от своих союзнических отношений с Северной Кореей². Китай также установил торговые отношения с Южной Кореей в октябре 1990 г. Чтобы преодолеть дипломатическую изоляцию, Северная Корея предпринимает серьезные попытки с помощью всех имеющихся у нее средств в первую очередь нормализовать отношения с Японией и поднять как можно быстрее на более высокий уровень свои связи с США.

Эти четыре державы сходятся в том, что все они хотят, чтобы два корейских государства вели продуктивный диалог и урегулировали свои нерешенные проблемы. Только в этом случае они смогут предоставить международные гарантии для реализации соглашений между Севером и Югом, включая соглашение о воссоединении. В рамках этого они поддерживают принцип корейзации, однако лишь в той степени, в какой они в состоянии предоставлять помощь и гарантии не только двум Кореям, но и всему региону в целом. В этих же рамках они поддерживают и интернационализацию.

Иными словами, политическая борьба за установление законного порядка между Севером и Югом относится прежде всего к корейзации, а военный паритет между ними — к интернационализации. Что касается первой, то ответственность за достижение принципиального примирения несут корейские стороны, а что касается второй, то ведущие державы могли бы ограничить свои военные поставки, договорившись между собой об общих перспективах безопасности.

Южная Корея привержена идее построения Национального сообщества с Северной Кореей в последовательном процессе мирного сосуществования, сотрудничества и налаживания связей. Добившись значительных достижений в экономическом развитии, демократизации политической жизни и проведении «северной политики», Юг готов пойти на политические и военные переговоры и развитие экономических и культурных связей и сотрудничества с Севером. С сентября 1990 г., когда он откликнулся на призыв Пхеньяна поставить на первое место проблемы политического и военного характера наряду с вопросами взаимного обмена и сотрудничества, Юг провел три раунда переговоров с Пхеньяном на уровне премьер-министров. На этих переговорах он предложил заключить соглашение об основных принципах отношений с целью взаимопризнания и взаимоуважения, чтобы две стороны могли осуществлять двусторонний обмен и сотрудничество, не вмешиваясь во внутренние дела друг друга.

Как только будет реализован этот акт примирения, Сеул готов начать процесс двух видов последовательных переговоров: по контролю за вооружениями и по экономическому сотрудничеству. Что касается, например, контроля за вооружениями, то Сеул заявляет, что контроль за баллистическими ракетами должен предшествовать мерам структурного характера, при этом особый акцент делается на подписание Пхеньяном соглашения о гарантиях на случай ядерного нападения и на отвод передовых воинских соединений, развернутых вдоль демилитаризованной зоны, параллельно с сокращением многих видов наступательного оружия, поскольку это представляет собой прямую угрозу Югу³.

В этом духе Юг готов искать подходы к решению проблем политической и военной конфронтации, рассматривая воссоединение и контроль за вооружениями как процесс взаимного примирения и формирования доверия. Равным образом он преисполнен решимости сдерживать всеми способами любые попытки Севера, направленные на развязывание войны или организацию революции. Сегодня, когда Сеул и Вашингтон достигли соглашения по стоящему из трех фаз плану корректировки военной роли США в Корее, нацеленному на то, чтобы Сеул смог играть ведущую роль в обороне к 2000 г., они согласились также увязывать вопрос об уровне войск США на Юге с прогрессом в ходе переговоров между Северной и Южной Кореей, чтобы быть в состоянии осуществлять сдерживание и гарантировать безопасность⁴.

Северная Корея находится в осаде, поскольку все более самоизолируется от внешнего мира, а экономика ее становится все более застойной. Тем не менее ее руководство во главе с Ким Ир Сенем склонно любой ценой сохранять тоталитарную систему, укрепляя партию и в то же время делая некоторые жесты в сторону нормализации отношений с Японией, расширения контактов с Соединенными Штатами и продолжения диалога с Южной Кореей. Боясь, что «ветер свободы» извне проникнет в страну и будет способствовать «мирной эволюции» на Севере, Ким призвал свой народ объединиться вокруг партии и жить своими собственными «социалистическими порядками»⁵.

Север рассматривает воссоединение как конечное условие и считает, что, как только оно будет достигнуто, все другие проблемы будут разрешены сами собой. Он пытается создать впечатление, что только Север заботится о воссоединении, тогда как Юг вместе с США не заинтересованы в этом и лишь стремятся увековечить раздел. С этой же целью Пхеньян трактует свою политику воссоединения как «конфедерацию» среди зарубежной аудитории, однако северным корейцам она представляется как федерация. В качестве предварительных условий осуществления этой политики Север требует, чтобы Соединенные Штаты вывели войска, а правительство Южной Кореи «демократизировалось» и отменило антикоммунистические законы.

Что касается контроля за вооружениями, то и здесь Пхеньян рассматривает его как завершающую фазу, которой должны предшествовать вывод войск, ликвидация ядерного оружия США и прекращение воинских учений «Тим-спирит». Пхеньян постоянно призывает Сеул подписать Декларацию о ненападении, а Вашингтон — мирное соглашение вместо соглашения о прекращении военных действий, в то время как сам не решается подписать соглашение о гарантиях против ядерного нападения. Чего недостает в этом подходе — так это должной откровенности, а также мер, создающих доверие, включая инспекцию и проверку на местах⁶.

До тех пор пока Север будет придерживаться «идеологии чучхе» Ким Ир Сена, рассматривая воссоединение как подтверждение ее правоты, ему едва ли удастся отойти от старого мышления, направленного на стратегию создания «объединенного фронта» и мобилизацию дружественно настроенных лидеров и групп⁷. Именно по этой причине Север должен измениться до того, как будет найдено какое-либо существенное решение. Однако насильственный слом системы не в интересах Юга и других заинтересованных сторон. Важно, чтобы Южная Корея и другие стороны делали все возможное, чтобы способствовать постепенным и упорядоченным переменам на Севере.

II. Азиатско-тихоокеанский регион: стратегическая асимметрия и политическая неопределенность

Помимо проблемы Кореи, Азию от Европы отличает наличие стратегической асимметрии и политической неопределенности. Пока не устранены эти факторы, региону будет нелегко созвать Форум сотрудничества в Азии или Конференцию по безопасности и сотрудничеству в Азии. Если говорить о многостороннем сотрудничестве, оно должно идти от неформальных к официальным конференциям и представлять собой продолжительный процесс. Одной из начальных форм этого процесса является развитие тенденций к регионализму, на что указывает опыт АТЭС.

В отличие от НАТО и ОВД в Европе в Азии нет многосторонних союзов, поскольку здесь нет единого представления об угрозе. Нет здесь и отчетливо проведенной военной линии и буферной зоны между двумя блоками. В международных отношениях преобладают двусторонние связи. Основная асимметрия существует между Советским Союзом как континентальной державой и США как морской державой. Большинство европейских стран имеют общую культуру, в азиатских же странах нет такой однородности; следовательно, немного может объединить их под крышей «общего азиатского дома». Более важно, что в отличие от Хельсинкского заключительного акта, который санкционировал существующие границы в Европе, в Азии все еще существуют нерешенные территориальные споры: в Корее, Японии (северные территории), на Тайване и в Камбодже.

Политическая неопределенность характерна для таких стран, как Северная Корея, Китай, Камбоджа, Вьетнам и Филиппины. Коммунистические страны в Азии все еще придерживаются идеологии марксизма-ленинизма.

Отношения между ведущими державами имеют тенденцию к развитию на двусторонней основе, и из этого взаимодействия возникает стратегический четырехугольник между США, Японией, Китаем и Советским Союзом. Похоже, что, по относительным показателям, и в США, и в Советском Союзе наблюдается тенденция к спаду, тогда как Китай озабочен решением внутренней задачи — поддержанием стабильности и развития на оптимальном уровне; все это усиливает растущую мощь Японии. В той степени, в какой ни одна из держав не пользуется гегемонией над остальными, а война крайне маловероятна, существует и равновесие сил.

Однако сама концепция силы и безопасности все больше определяется не столько военными, сколько экономическими и технологическими ресурсами. Даже Советский Союз стремится открыть доступы к торговле, капиталообложению и технологиям в этом регионе Тихого океана. Среди стран с рыночной экономикой все больше усиливаются торговые трения. Даже в Китае существование пришедшего после Дэна к власти руководства в значительной степени обусловлено экономической эффективностью его деятельности.

Очевидно, что центр мировой политики смещается из района Атлантики в регион Тихого океана. Восточная Азия, в частности, это регион, где соперничают в борьбе за власть и влияние три ядерные державы и одна экономическая сверхдержава. Тем не менее, несмотря на асимметрию и неопределенность, такие европейские концепции, как равновесие сил, демократия, правовое общество, рынок и регионализм, испытываются и в этом регионе.

III. Процесс АТЭС: экономический регионализм и борьба за первенство

По мере того как азиатско-тихоокеанский регион все активнее выступает в роли центра мирового притяжения, все больше стран стремятся укрепить экономический регионализм применительно к тому, что называют процессом экономического сотрудничества в АТР. Чем больше таких усилий будет прилагаться на этом направлении в течение длительного периода, тем больше вероятность, что они приведут в ближайшие годы к созданию какого-то варианта Конференции по безопасности и сотрудничеству в Азии.

Начиная с 70-х годов был внесен ряд предложений по формированию свободного экономического сотрудничества в бассейне Тихого океана, которые могли бы способствовать расширению торговли, координации экономической политики на макроуровне, обмену информацией и стимулированию развития. Однако различия в

культурном, политическом и экономическом развитии стали препятствием на пути появления высокоорганизованного сотрудничества. Вместе с тем по мере того, как в ближайшие годы формы экономической взаимозависимости будут трансформироваться от двусторонних к трехсторонним, а затем и многосторонним, а в сотрудничестве примет участие все больше действующих лиц, включая социалистические страны, шансы возникновения межправительственной организации будут расти. Подобно многим другим азиатским странам, Южная Корея также поддержала эти многосторонние усилия, рассматривая их как средство ограничения экономической гегемонии Японии.

Концепция сотрудничества в бассейне Тихого океана прошла несколько стадий. Первоначально Тихий океан как океан мира рассматривался в качестве географического понятия, включающего в себя регион с огромной сухопутной территорией, морскими просторами и населением, составляющим почти половину земного шара, и более чем 20 странами, если учитывать Северную и Южную Америки. Обычно, однако, в азиатско-тихоокеанский регион включаются страны Северо-Восточной Азии, Юго-Восточной Азии, Океании и Северной Америки. Сегодня Советский Союз активно выступает за то, чтобы и его включили в этот регион, и провозглашает себя тихоокеанской державой.

С 60-х годов Тихий океан привлекает интерес всего мира как некая экономическая зона, поскольку по темпам роста он стал наиболее динамичным регионом. На первых порах США предоставили странам Тихого океана щедрую помощь и доступы к рынку, чтобы они могли до определенной степени наслаждаться «свободной ездой». Япония выступала в роли генератора развития на протяжении 60-х годов, так же как новые индустриальные страны — в 70-х годах. Китай и страны АСЕАН последовали их примеру в 80-х годах.

В результате в странах этого региона наблюдался быстрый экономический рост, что позволило им за десятилетие удвоить свой валовой национальный продукт. В 60-х годах в Японии ежегодные темпы роста составляли 10 %, в новых индустриальных странах — 10 (в 70-х годах), в Китае — 10 (в 80-х годах), а в странах АСЕАН — 7 % в настоящее время. На этот регион в целом приходится примерно половина мирового производства и треть объема мировой торговли. Более того, здесь наблюдается высокая степень взаимодополняемости между высокотехнологическими структурами, существующими в США и Японии, с одной стороны, а также производственными экономическими структурами новых индустриальных стран и экономическими структурами с богатыми ресурсами Китая и стран АСЕАН — с другой. Большинство вышеупомянутых государств придерживается стратегии развития, ориентированной на экспорт.

С недавнего прошлого «зона Тихого океана» рассматривается как региональная концепция в противовес «зоне Атлантического океана». Что подтолкнуло страны Тихого океана искать более высокоорганизованный тип экономического сотрудничества — так это страх оказаться вне блоков мировой экономики, что подтверждается полной интеграцией ЕЭС к 1992 г., когда будут созданы «бастионы Европы», а также соглашением США о свободной торговле с Канадой, подписанным в 1988 г., и намерением подписать аналогичное соглашение с Мексикой в 1994 г.

На этом фоне премьер-министр Австралии Роберт Хоук предложил созвать в 1989 г. министерскую встречу для рассмотрения проблемы экономического сотрудничества в азиатско-тихоокеанском регионе. Он выдвинул предложение о противодействии приливу протекционизма, захватившему США и ЕЭС. Другие страны региона приветствовали эту инициативу как средство борьбы с негативными последствиями торговых трений, разрастающихся между Соединенными Штатами и Японией.

До появления АТЭС как межправительственного органа наиболее успешным проявлением официального сотрудничества в регионе являлась АСЕАН, а наиболее эффективным примером полуофициального сотрудничества — Комиссия по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (КТЭС). Однако все эти три организации не смогли пойти дальше взаимного обмена информацией и соглашения по широко трактуемым принципам главным образом потому, что участвующие в них страны не были в состоянии прийти к соглашению по вопросам членства, роли участников и руководства, даже несмотря на то, что у АТЭС, как кажется, имеются наилучшие возможности по выработке наиболее приемлемой модели регионализма по типу Организации по экономическому сотрудничеству и развитию в бассейне Тихого океана.

АСЕАН, созданная в 1967 г., в самый разгар войны во Вьетнаме, стала единственной региональной организацией, поощряющей правительственное сотрудничество между странами-участниками: Таиландом, Малайзией, Индонезией, Филиппинами, Сингапуром, а впоследствии и Брунеем. Заметного успеха, однако, она добилась лишь в выработке общей политической позиции по отношению к вопросу о Камбодже. Ее попытки по налаживанию экономического сотрудничества были менее чем успешными, поскольку среди членов Ассоциации отсутствует взаимодополняемость.

Первостепенным приоритетом АСЕАН является поддержка регионального сотрудничества среди ее членов. Любые другие усилия, которые могли бы ослабить эту политику, отодвигаются на второй план. По этой причине Индонезия и Малайзия, в частности, неизменно стремятся укрепить «постминистерскую встречу» АСЕАН с азиатскими членами Организации по экономическому сотрудничеству и развитию плюс ЕЭС на своих ежегодных встречах министров, а не создавать новый Тихоокеанский форум на министерском уровне. Однако вышеупомянутые встречи в основном базируются на диалоге, а потому не являются подходящими для рассмотрения таких важных проблем, как торговля, на которую Южная Корея оказывает существенное воздействие, но в решении которой ей не предоставляется возможности участвовать.

Чтобы заполнить эту брешь, на третьей встрече АСЕАН на высшем уровне в 1987 г. было решено расширить сферу экономического сотрудничества со странами вне диалога АСЕАН. На встрече министров стран АСЕАН в июле 1988 г. была одобрена идея созыва форума министров стран Азии и Тихого океана, тем самым была признана все возрастающая роль Южной Кореи и Тайваня в сфере торговли и капиталовложений. Тем не менее Малайзия и Индонезия все еще осторожничают по поводу созыва представительного форума, в котором участвовали бы Китай и Советский Союз, опасаясь, что последние будут в нем доминировать.

В противоположность АСЕАН КТЭС функционирует как полуофициальный орган для обсуждения вопросов экономического сотрудничества со времени своего учреждения в 1980 г. на семинаре в Канберре делегациями, состоящими из трех человек, представляющих правительство, деловые круги и академическую науку, из 11 стран, включая пять членов Организации по экономическому сотрудничеству и развитию, пять членов АСЕАН и Южную Корею. Главным достижением этого форума стало составление докладов рабочими группами, которые, надо полагать, в свою очередь внесли косвенный вклад в разработку политики.

КТЭС стал форумом по сбору новых идей и информации среди своих членов. На втором заседании в Бангкоке в 1982 г. он учредил четыре рабочие группы специалистов по торговле промышленными товарами, сельскохозяйственными продуктами, по полезным ископаемым, по капиталовложениям и передаче технологий. К ним на третьей встрече в Бали в 1983 г. была добавлена еще одна рабочая группа экспертов по перемещениям капиталов. После того как эти группы представили свои доклады на четвертой встрече в Сеуле в 1985 г., были учреждены пять новых групп — по развитию рыбного промысла, по полезным ископаемым и энергетике, торговле, иностранным капиталовложениям, животноводству и кормам.

КТЭС в Ванкувере в 1986 г. одобрил заявление о сотрудничестве в бассейне Тихого океана, которое способствовало укреплению структуры, организации и финансирования этой организации. Национальный комитет Японии предложил подготовить обзор по перспективе экономического развития в регионе в целом. В результате этого КТЭС-VI в Осаке в 1988 г. согласился организовать группы экспертов по транспорту, дальним видам связи, туризму и лесным ресурсам. Именно на заседаниях этих групп была обоснована необходимость встреч на уровне министров с целью координации экономической политики на макроуровне среди стран бассейна Тихого океана. Когда наконец в ноябре 1989 г. была созвана встреча АТЭС на министерском уровне, КТЭС-VII в Окленде единогласно высказался за продолжение деятельности этого нового межправительственного форума.

Наиболее трудным вопросом, который приходилось решать КТЭС с самого начала деятельности, был вопрос о членстве. В 1986 г. Комиссия решила пригласить в качестве новых членов Китай и Тайвань. Начиная со встречи в Осаке Советский Союз присутствует на заседаниях КТЭС в качестве наблюдателя. После того как Горбачев в июле 1986 г. объявил во Владивостоке, что Советский Союз является тихоокеан-

ской державой, Москва в 1987 г. создала Национальный комитет по тихоокеанскому сотрудничеству и начала включать Дальний Восток в международное разделение труда в этом регионе. Кроме Советского Союза, в работе КТЭС участвуют и другие наблюдатели — Мексика и такие международные организации, как ЭСТБ (Экономический совет Тихоокеанского бассейна), АБР (Азиатский банк развития), ТФТР (Тихоокеанский форум по торговле и развитию) и МАГАТЭ (Международное агентство по атомной энергии).

За десятилетие своей деятельности КТЭС, как представляется, достиг пределов своих возможностей. На встрече в Осаке была сделана попытка установить строгую регламентацию действий для председателя Постоянного комитета, который неофициально должен был отчитываться перед правительством, однако такие неофициальные отчеты какого-либо эффекта не имели. Обсуждение КТЭС вопросов ограничено горсткой людей, которые постоянно присутствуют на аналогичных встречах. В результате основные проблемы торговых трений в полной мере не обсуждались на этих встречах. Для этого необходим новый форум действительных творцов политики, представляющих каждое национальное правительство.

Таким образом, сами недостатки КТЭС стали рациональным зерном для активизации деятельности АТЭС. Предложение Хоука было реализовано на первой встрече АТЭС в Канберре в ноябре 1989 г., на которой присутствовали 27 министров и членов кабинетов из 12 стран: шести членов АСЕАН, пяти членов ОЭСР и Южной Кореи. Как пояснил министр иностранных дел Австралии Гарет Эванс, эта встреча была важна, потому что она положила начало процессу сотрудничества правительств. Не менее важным было решение продолжить такие ежегодные встречи: вторая встреча АТЭС была запланирована на 1990 г. в Сингапуре, а третья — на 1991 г. в Сеуле.

Хотя первая встреча не смогла выработать организационную структуру, тем не менее на ней было достигнуто соглашение по некоторым принципам, которые оказали воздействие на всех членов Совета. Министры согласились, например, что уругвайский раунд представляет собой наиболее реальный путь сохранения многосторонней системы открытой торговли, и в связи с этим взяли на себя обязательства и дальше изыскивать возможности для организации консультативных встреч по вопросам, представляющим взаимный интерес. Что касается более конкретных вопросов, то они наметили несколько рабочих программ на будущее: по изучению экономических вопросов, либерализации торговли, капиталовложениям, передаче технологии, развитию людских ресурсов и сотрудничеству по специализированным направлениям. Еще одним важным решением было соглашение о совершенствовании сбора и предоставлении данных о тенденциях экономического развития в регионе и об изучении механизмов, поощряющих торговлю, капиталовложения и передачу технологий⁸.

АТЭС-II в Сингапуре в июле 1990 г. добился конкретного прогресса. Не называя официально каждую страну, 12 «экономических систем» пришли к соглашению пересмотреть свои позиции в отношении переговоров на уругвайском раунде и работать в направлении создания динамичной экономики, ориентирующейся за пределы национальных рамок. АСЕАН получила право предоставлять секретариату и КТЭС надлежащую информацию. На этом форуме Южной Кореи было поручено выступить с предложениями по вопросу о членстве «трех Китаяев» — Китая, Тайваня и Гонконга — на третьей встрече в 1991 г. Было также решено продолжить обсуждение на нескольких рабочих группах в период между встречами.

Ясно, что АСЕАН и КТЭС дополняют работу АТЭС. Если эта тенденция получит дальнейшее развитие, то вполне вероятно, что они сольются в азиатскую Организацию по экономическому сотрудничеству и развитию. Что касается вопросов руководства, то как США, так и Япония не решаются предъявить свои претензии, поскольку это может породить опасения, связанные с усилением их лидирующей роли. Вот почему именно такие средние державы, как Австралия и Южная Корея, проявляют большую активность, стимулируя продвижение к регионализму.

IV. Роль Южной Кореи: наведение мостов в области безопасности, благосостояния и стабильности

Будучи средней по доходам страной, стратегически выгодно расположенной между Севером и Югом, Южная Корея играет позитивную роль в наведении мостов в области безопасности, благосостояния и стабильности между большими и малыми государствами и рыночными и социалистическими экономическими системами. Южная Корея поддерживает усилия двустороннего и многостороннего характера по организации сотрудничества в области укрепления безопасности, установления экономических и политических связей. Занимая второе место в регионе по объему торговли, Южная Корея имеет определенные возможности стать главным участником в построении организационной структуры для регионального сотрудничества.

По достоинству следует оценить роль Южной Кореи, наряду с США, в сдерживании на полуострове. Нет ничего более важного, чем предотвращение новой войны, поэтому поддержание мира и безопасности является крайне необходимым для мира и в азиатско-тихоокеанском регионе. Если революционное рвение и военный потенциал Северной Кореи и дальше будут представлять серьезную угрозу для дела мира в Азии, тогда надо будет признать тот факт, что Южная Корея несет основное бремя по сдерживанию этой угрозы. Первостепенная роль войск США состоит в помощи Южной Кореи в сдерживании агрессии. Сохранение здесь локальной системы сдерживания является вкладом в ослабление напряженности в регионе и во всем мире⁹.

Проводя более активную и содержательную внешнюю политику, Южная Корея по-настоящему занимается охраной своей безопасности, экономических и политических интересов во всем мире¹⁰. Первоначальными мотивами ее «северной политики», например, было создание для Советского Союза и Китая системы рычагов воздействия на Северную Корею, чтобы Москва и Пекин могли бы нести вместе с Сеулом ответственность за укрепление общей безопасности. Эта политика привела к зримым успехам. Примечательно, например, что Московская декларация, которую президенты Ро и Горбачев подписали в декабре 1990 г., выявила довольно много общих принципиальных взглядов на вопросы безопасности и экономического сотрудничества¹¹. Укрепляя связи в области безопасности с Вашингтоном, Сеул в то же время облегчает Соединенным Штатам задачу по обузданию военных амбиций Японии.

Выступая поборником свободной торговли, щедрых капиталовложений и передачи технологий, Южная Корея оказывается в лучшей позиции для примирения различных экономических интересов в регионе. В отличие от Японии, чей импорт составляет всего лишь 6 % ВВП, Корея импортирует примерно 30 %. Южная Корея вынуждена полагаться на торговлю, чтобы выжить и процветать. Будучи одним из прототипов экономики новых индустриальных стран, экономика Южной Кореи является в значительной степени дополнением к странам Юго-Восточной Азии, Китая и Советского Союза, поскольку она производит товары промышленной переработки, а последние — дают ресурсы. С 1987 г. Сеул предоставляет развивающимся и бывшим социалистическим странам средства через Фонд экономического развития и сотрудничества.

По мере того как «северная политика» дает свои плоды, Южная Корея имеет все больше возможностей соединять экономические системы Юга с социалистическими экономическими системами. Этому способствует тот факт, что она тесно соприкасается с последними в географическом отношении. В Южной Корее есть и другие преимущества в развитии взаимных экономических контактов с этими рыночными экономическими системами. По сути, социалистические страны становятся четвертым по величине торговым партнером Южной Кореи.

Поэтому, чем шире Китай открывает свое восточное побережье, а Советский Союз — свой Дальний Восток, тем больше возможностей появляется у Южной Кореи играть роль в наведении мостов. Такие воздушные порты, как Сеул, и морские порты, как Пусан, становятся местом оживленной торговли и туризма с Китаем и Советским Союзом. Аналогичная ситуация — в области науки и технологий: здесь может развиваться взаимовыгодное сотрудничество между основными научно-исследовательскими центрами Советского Союза и южнокорейскими учреждениями, занимающими

мися прикладными научно-исследовательскими работами.

Важной целью внешней политики Южной Кореи является организация регионального и многостороннего сотрудничества. Это необходимо не только для того, чтобы преодолеть дипломатическую изоляцию, но и удержать Японию от стремления вновь стать военным и экономическим гегемоном. Южная Корея была учредителем КТЭС. С мая 1981 г., когда был создан Национальный комитет Кореи по тихоокеанскому сотрудничеству, она взяла на себя ведущую роль в организации рабочих групп специалистов по торговле, полезным ископаемым и энергетике. Точно так же Сеул проявляет наибольшую активность в процессе АТЭС и пытается вовлечь в него Китай и Советский Союз.

Учитывая общие тенденции стратегической асимметрии, двусторонний характер контактов и наличие нерешенных территориальных споров, возможно, еще слишком рано для азиатско-тихоокеанского региона создавать официальные организации типа Форума сотрудничества в Азии или Конференции по безопасности и сотрудничеству в Азии. Однако неофициальные форумы заинтересованных ученых, официальных лиц и бизнесменов могут организовать различные формы дискуссий для поиска консенсуса и создания доверия. Эти усилия добавят динамики АТЭС, которая не может не рассматривать вопросы безопасности, особенно когда на ее встречи собираются министры иностранных дел; с расширением сферы этих усилий, в которую включится не только Китай, но и Советский Союз, постепенно появится, где-то в XXI в., организация типа Конференции по безопасности и сотрудничеству в Азии. Южная Корея взяла на себя серьезные обязательства по вовлечению в этот процесс Северной Кореи во имя общей безопасности, процветания и стабильности.

Перевод с английского Л. П. Атаманенко

¹ Byung-joon Ahn. The Korean Peninsula and East Asian Security / in Robert A. Scalapino, Seizaburo Sato, and Jusuf Wanandi (eds.), *Internal and External Security Issues in Asia* (Berkeley: Institute of East Asian Studies, University of California, 1986).— P. 112—137.

² Byung-joon Ahn. South Korean-Soviet Relations: Issues and Prospects *Korea and World Affairs*.— Vol. 14. N 4 (Winter 1990).— P. 671—686.

³ See the keynote address by Prime Minister Kang Young-hoon to the second high level talk on October 17, 1990.— Ibid.— P. 792—801.

⁴ A Strategic Framework for the Asia Pacific Rim: Looking toward the 21-st Century, the report of the U. S. Department of Defense to the Congress.— 1990.— April 19.

⁵ *Rodong shinmun*.— 1991.— January 1.

⁶ Byung-joon Ahn. North Korea's Arms Control Proposals: Approaches and Problems, an unpublished paper presented to an international conference on "Arms Control on the Korean Peninsula: What Lessons Can We Learn from European Experiences?" sponsored by the Institute of Foreign Policy and National Security, the Ministry of Foreign Affairs. 1990, Seoul, Korea, 1990.— October 10—11.

⁷ Byung-joon Ahn. North-South Korean Relations and the Major Powers, in Robert A. Scalapino, Seizaburo Sato, Jusuf Wanandi, and Sung-joo Han (eds.), *Asian Security Issues, Regional and Global* (Berkeley: Institute of East Asian Studies, University of California, 1988).— P. 196—212.

⁸ *International Herald Tribune*. 1989.— July.— P. 2.

⁹ Byung-joon Ahn. Korea as a Partner in Local Deterrence and Global Detente / in Robert A. Scalapino and Sung-joo Han (eds.), *U. S.— Korea Relations* (Berkeley: Institute of East Asian Studies, University of California, 1990).

¹⁰ Byung-joon Ahn. *Foreign Relations: A More Independent and Inclusive Diplomatic Agenda, Korea Briefing* (New York: Asia Society, 1990).

¹¹ See: "Declaration on General Principles of Relations of the Republic of Korea and the Union of Soviet Socialist Republics" signed by President Roh and Gorbachev on December 15, 1990. *Korea Herald*, 1990.— December 21. Summit special.— P. 2.

Знойное лето Улан-Батора, 1991

В. ВОРОНЦОВ

Днем на улицах Улан-Батора нестерпимо жарко. А как здесь было тогда, в середине 50-х, когда автору посчастливилось (Да! Именно! Тогда это были редкие счастливики) выехать за рубеж, по приглашению ведущей в те времена монгольской молодежной организации — Ревсомола. Смутные, отрывочные воспоминания. Так же по-летнему жаркое солнце купало в своих лучах раскинувшийся в широкой долине Улан-Батор, но, конечно, не такой, каким он выглядит сегодня, а в памяти из 50-х — низкий; чуть поднимаешься на холм и перед тобой открывалось нагромождение приземистых, прижимающихся друг к другу, домишек. Места, где топорщатся сооруженные нашими строителями кварталы стандартных многоэтажек, раньше считались пригородом, там встречались и юрты. Тогда еще здоровствовали многие, кто видел старую Ургу (прежнее название Улан-Батора), они помнили кривые грязные улочки, маленькие лавочки иностранных купцов, убогие юрты, освещаемые слабым мерцанием дзул-лампадок самодельных сальников. В 50-х город казался тихим, а огибающая его река Тола — удивительно чистой, в летнюю жару отсюда веяло прохладой...

С десятого этажа гостиницы «Баянгол» сегодня открывается вид на мост через реку Толу — памятник монголо-китайскому сотрудничеству 50—60-х гг., слева парк — одно из любимых мест отдыха горожан, его называли парком советско-монгольской дружбы. Недавно аттракционы в нем были перестроены китайскими строителями.

Шумно. По дороге, что пролегает рядом с парком, с ревом, извергая клубы отработанного газа, поднимаются на мост машины различных марок. «Разве это шум? — отвечает мне вопросом монгольский друг. — Запасы бензина на исходе, автопарк в основном простаивает, задержки в поставках топлива, запасных частей ведут нашу экономику к катастрофе.» Первые серьезные признаки мучительного перехода на новые формы взаимоотношений между Союзом и Монголией, в том числе и на непривычные для монголо-советского сотрудничества условия расчетов в валюте. «Прямо с ума что ли все сошли?! — сокрушается видный монгольский дипломат, — везде только и слышишь: валюта! валюта!..»

Яд и противоядие

Кризис в нашей стране действительно обнажил уродливость нашей внешнеэкономической деятельности, что особенно ярко проявилось, пожалуй, в созданной за семидесятилетие системе сотрудничества между Монголией и ее северным соседом. Ведь ставшая по-существу традиционной концепция этого сотрудничества, зиждилась на ложном, постоянно внедряемом в наше сознание стереотипе: все лучшее у нас! А раз так, то в соответствии с указанной концепцией Монголии отводилась подсобная в рамках системы распределения труда в «социалистическом содружестве» роль. Модель политического устройства МНР, повторившая в малой копии советскую и китайскую, не могла не определить специфику экономики Монголии. Эту страну у нас нередко приводили в качестве достойного подражания в развивающихся странах примера перехода от феодализма к социализму. Да, возможно, копирование нашей модели начиналось с экспорта революции, со времен Коминтерна, но это отнюдь не было связано с субъективной волей лидеров революции — пусть даже самых радикальных, наиболее талантливых. Выдающийся исследователь Дальнего Востока Оуэн Латтимор — он хорошо известен как в мире, так и в академических кругах Монголии — писал: «В 1911 г., во время китайской революции (движения против последней маньчжурской династии Цинов во главе с д-ром Сунь Ятсеном — авт.) Монголия, известная

тогда, как внешняя Монголия, достигла успеха в частичном разрыве с Китаем. С подержкой русского царизма она достигла «автономии», но не независимости.

После русской революции (1917 г.— авт.), которая временно лишила русской поддержки Монголию, китайский милитарист (идет речь о Сюй Шучжэне — авт.), прочно связанный с Японией, вторгся в Монголию и вынудил монголов подписать отказ от их автономии. Началось движение монгольского сопротивления. К 1921 г., с русской поддержкой — но в то время, конечно, красной России вместо царской — монголам удалось выдворить армию китайского милитариста, а также русские контрреволюционные отряды, вторгшиеся в Монголию. Поэтому монголы рассматривают 1921-й, а не 1911-й год, как год их "народной революции". Только тупоголовые политики из окружения ультрапатриота сенатора Маккарти могли заподозрить Латтимора в прокоммунистических взглядах. Он старался лишь воспроизводить схему традиционной русской политики в Монголии, взаимодействия революции в России и Монголии.

Были ли поражены души представителей политико-формирующей элиты как нашей страны, так и Китая, той тяжкой болезнью, что называется великодержавием? Вряд ли можно отрицать губительные как для Союза, КНР, так и МНР последствия этого заболевания. Но история предопределила неизбежность этого тяжелого недуга, как и проверку на надежность лекарств для его лечения. В любой стране, оказавшейся в условиях, пусть даже самого жесточайшего, политического и экономического кризиса, которая, пройдя через братоубийственные революционные схватки, термидор, продолжала исповедовать идеалы социализма, постепенно накапливалось противоядие командно-административной системе, наиболее извращенной ее форме — диктатуре. Так в чем же это противоядие, если иметь в виду Монголию? Прежде всего в том солидном интеллектуальном потенциале сегодняшней Монголии, возникшем отнюдь не на пустом месте, как, впрочем, и в Союзе. Дипломат из России, пробывший в МНР почти двадцать лет, сказал: «Не верится мне в возможность перестройки монгольского общества». Нет, нельзя согласиться с такими пессимистическими выводами. Монголы еще познают и свое чудо. Их оптимизм уходит своими корнями в древнейшую историю великих кочевых племен, создавших еще в III веке до н. э. свою государственность, оставивших другим народам не только память о военном насилии, но и драгоценные дары своего, впитавшего мудрость иных цивилизаций, опыта. Потенциал этот креп и в лихие годы XX века, абсорбируя все позитивное, что приходило с Севера и Юга. В условиях политизации общественной жизни страны проявляют себя талантливые люди, чей интеллект не стал и не мог стать результатом мгновенного просветления, а развивался в условиях общения с иностранными специалистами, преимущественно с советскими. И прибывавшие с Севера врачисцелители, не раз ставившие под угрозу собственное здоровье, но отдававшие силы и знания благородному делу спасения человеческой жизни, внесли свой вклад в строительство фундамента национального возрождения. А разве мало дали Монголии честно выполнявшие свой долг другие советские специалисты?

Конечно, многие, поднявшиеся на волне политических баталий молодые монгольские лидеры говорят: «Отсталость в Союзе поражала нашу отсталость». И безусловно в этом есть значительная доля правды. И в том-то скорее всего одна из наиболее важных причин здешних антисоветских настроений на бытовом, так сказать, уровне. Вот здесь, зачем далеко ходить, в ресторане «Баянгол» подсаживается принявший дозу спиртного монгол, на его лице — грустная улыбка: «Шофером я был, у русского начальника, понимаешь, в монгольском языке матерщины нет, так я от него научился этому. Теперь, вроде бы, и не могу без нее». И не случайно, видимо, немало молодых монголов предпочитают сегодня кумысу водку. Невежество, действительно, порождало невежество. И это было! И от этого трудно уйти. Но было и другое.

Должность Секретаря ЦК МНРП занял сравнительно недавно человек, не гордящийся, как это было еще недавно, своим «пролетарским, аратским» происхождением или земляческими связями, а ученый, защитивший докторскую диссертацию, выступающий за обновление своей партии. А молодые, весьма и весьма способные монгольские дипломаты, владеющие русским языком, также, как английским, китайским, французским? А ученые, с мировым именем востоковеды, с кем пришлось общаться автору во время поездки? Они поражали глубиной и широтой своих знаний, рядом с ними — талантливая молодежь. Разве они не могли получить немало

полезного от взаимодействия наших культур? Отсюда, наверное, рождалось и рождается противоядие заскорузлым формам управления государством, отжившим догмам и стереотипам, на смену которым утверждается в Монголии новое мышление.

Тайны красного гранита

Если встать лицом к памятнику Сухэ-Батора, символизирующего устремленного в будущее всадника революции, основателя государства, то слева можно видеть пережившие уже не один десяток лет трехэтажные дома. В одном из них находилась в 50-х гг. единственная, пожалуй, приличная на весь город гостиница. А справа — белое здание довольно внушительных размеров, напоминающее своей формой национальный головной убор. В нем — Президиум АН МНР и другие организации. Это уже современная архитектура, скорее — памятник одному из соратников наших партийных вождей последних десятилетий — Ю. Цеденбалу, неизменному премьеру МНР, недавно ушедшему в иной мир и склонному, как и московские лидеры, к гигантомании.

Вы идете вперед по площади и оказываетесь перед еще одним памятником-символом: усыпальницей Сухэ-Батора и Чойбалсана. Здесь как бы знакомый архитектурный ансамбль — мавзоль перед Домом Правительства, где сейчас штаб МНРП. В 1954 г., когда завершилось сооружение усыпальницы, у ее создателей не могло быть сомнений. Тело Сталина недавно поместили в Мавзолей В. И. Ленина — в Улан-Баторе история повторялась: копировалась модель, копировались символы. Почему-то автору здесь вспомнилась аккуратно прибранная могила бывшего некогда лидером американских коммунистов У. Фостера, скромная плита над его прахом, он как бы и после смерти призывал своих сотоварищей к скромности в мыслях и действиях. Но лауреату Сталинской премии, проф. Б. Мезенцеву и монгольскому архитектору Б. Чимит было дано задание и они его выполняли с присущей им скрупулезностью. Зал усыпальницы был облицован красным мрамором, пол уложен плитами темного полированного гранита. Внешнее оформление мавзолея тоже впечатляло: строительным материалом служил гранит красного и голубого цвета. Красный цвет — символ огня, революции, голубой — цвет неба, монголы всегда почитали его в силу религиозных традиций символом бессмертия...

На этот раз Вашего корреспондента, как обычно принято считать, дорогие читатели, в Улан-Баторе встречали представители монгольской ассоциации китаеведов. Вместе с ними пришел в гостиницу молодой человек в шапочке небесного цвета с широким козырьком. «Меня зовут Жугдэрийн Бор», — сказал он по-русски с хорошим произношением. Разговорились. Во время беседы достаю фотографию 50-х гг., на ней — группа советской молодежи и сопровождающие ее монгольские функционеры из Ревсомола. И вдруг лицо Бора засияло, загорелись глаза: «Да ведь это же моя мама, вот здесь, в центре группы. Дайте мне, пожалуйста фото, — просит он, — на время, конечно, порадуя маму, ей сейчас нездоровится, ноги побаливают». И мама Бора узнала себя на этом фото. Казалось бы вечность, сколько воды утекло в реке Толе, а люди помнят о прошлом, хотя многие и по-разному оценивают его, это суровое наше прошлое.

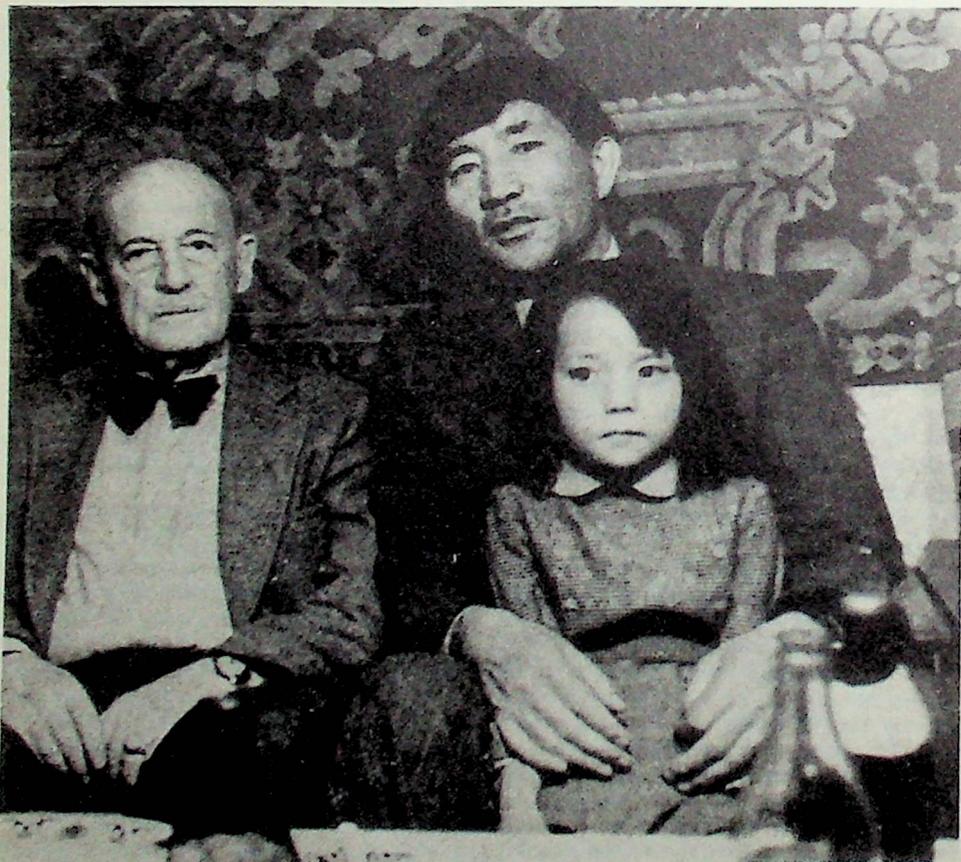
Мама Бора Э. Чимидцэрэн выполняла в молодости поручения МНРП и Ревсомола и делала это и искренне и с верой в разумность происходящего. Но настал момент и она поняла, что ее призвание в ином — дальнейшая ее судьба связана была с воспитанием нового поколения, преподавательской деятельностью, публикациями: ее перу принадлежит несколько книг. «И вы, — обращается ко мне Жугдэрийн — тоже ведь пишете книги...?»

Тогда, в 50-х, у парня, приехавшего из Москвы в Улан-Батор, воспитанного в глубоко интернациональном духе, хотя и неокрепшего в профессиональном смысле, не могли не возникнуть сомнения: а стоит ли с такой остервенелой принципиальностью учить монгольскую молодежь как ей жить, кого принимать в Ревсомол, кому поклоняться, какие собирать взносы и прочее... И парень поделился вслух своими сомнениями. Но могла ли бюрократия, унижавшая, как уже тогда говорилось, «инородцев» в своей собственной стране, прислушаться к робкому голосу рядового комсомольца? Да, не приняли тогда автора этих строк бюрократы от комсомола, не подошел он тогда на роль «румяного комсомольского вождя». И, наверное, хорошо, что так вышло. Пусть! Пусть иногда и безумно жалко невозвратимых тех дней, когда за подготовкой уни-

версальных «решений», чужих справок, докладов, терялось что-то свое, неповторимое. И единственная до сорока пяти, до седины, поездка на десять дней в Монголию. С той поры так и осталась врезавшаяся в память монгольская пословица: у коня усталого колотушек много, у бедного человека хозяев много. Прошли через полосу отчуждения наши коллеги в других странах, бывшего теперь уже, социалистического содружества.

Удивительно быстро пролетела беседа с известным здесь ученым Гунжийном Сухбаатором, с искрящимися задорным огоньком глазами, необыкновенно, как мне почувствовалось, добрым сердцем. Он с честью встретил нападки ретивых служителей «бюрократического чистилища». Его исключали из партии, пытались растоптать, унижить, но просчитались, — у этого, казалось бы, на вид ничем не примечательного и, вроде бы, физически недостаточно крепкого мужчины, был такой запас моральной прочности, что перед ним, как перед богатырем, отступила свора недоброжелателей. Он и сейчас не уходит от острых проблем. И когда молодые люди, оказываясь во власти политических страстей, приходят к нему за одобрением очередной, родившейся под влиянием панмонголистского мышления идеи, ученый стремится охладить их пыл, призывает к трезвости в оценках путей развития монгольской государственности.

Нет, не легким был творческий путь и другого монгольского ученого — д-ра Чулууны Далая. Он, как и многие его единомышленники, стремился найти в жизни свое «я», не бодаться с мраморной стеной, что для многих означало в лучшем случае конец научной биографии, а попытаться все же и под административным прессом найти

О. Латтимору и Ч. Далай со своей дочкой.

отдушину для творческих размышлений. Домашний кабинет превратился в библиотеку, где собраны редчайшие работы выдающихся исследователей Дальнего Востока. Патриарх наших китаеведов Сергей Леонидович Тихвинский, побывав в этом гостеприимном доме, сказал: «Вы, Далай, настоящий ученый». Хозяин положил передо мной дорогие для него фотографии. Неужели Оуэн Латтимор? Да! Здесь бывал исколесивший Монголию, снискавший себе мировую славу исследователь Дальнего Востока, в годы второй мировой войны — советник президента Франклина Рузвельта, лидера Гоминьдана Чан Кайши. «За мою дружбу с Оуэном Латтимором, — рассказывал монгольский ученый, — меня мои коллеги так и нарекли «сын Латтимора».

...В разгар «холодной войны» Оуэн Латтимор стал объектом невиданной травли со стороны американских ультрапатриотов различных мастей, заклеивших американского ученого, как «прокоммуниста» и «агента Кремля». Его названного монгольского сына — Далая, высоко ценившего дружбу своего народа с Россией, его же соотечественники обвинили в антисоветизме. Ну и автору этих строк, подготовившему в начале 70-х к печати книгу «Дело Америкэша», одним из героев которой был Оуэн Латтимор, привыкшие жить за счет чужого труда, но ревниво оберегавшие «социалистическую нравственность» бюрократы приписали проимпериалистические симпатии, нежелательные ассоциации и, бог знает, еще что. Казалось бы, люди, совсем непохожие, трудившиеся в различных временных и социальных измерениях, испытали в своей жизни нечто общее: они столкнулись с элементарным, но удивительно живучим невежеством, подпитывающим человеконенавистнические «измы», независимо от их национального происхождения.

Тогда, в 50-х, ровесники Э. Чимидцэрэн маршировали по площади Сухэ-Батора с красными стягами, под бой барабанов. Символизировавшие вечность громады красного мавзолейного гранита должны были настраивать молодежь на подвиг, но они хранили молчание, даже тогда, когда над площадью гремели бравурные марши, когда горцевали здесь во всем своем великолепии монгольские цирики. И только спустя много лет, уже в 80-х, появились серьезные трещины в не поддающемся, как думалось, разрушению зданию, фундамент которого был заложен по сталинскому рецепту, и начал раскрывать постепенно свои тайны гранит на площади Сухэ-Батора.

В гостях у Ревсомола 1955 г. В середине группы — Э. Чимидцэрэн.

Маховик сталинских репрессий достиг и Улан-Батора, немало политических деятелей Монголии, принадлежавших, казалось, к ближайшему окружению Чойбалсана, были раздавлены этим маховиком.

Монгольские авторы уже рассказали на страницах ПДВ, как Х. Чойбалсан создал в 1937 г. чрезвычайную комиссию, как погиб в результате репрессий каждый десятый житель страны, как из 11 членов Президиума ЦК, избранного на XIX съезде в 1934 г., к 1940 г. остался один Х. Чойбалсан. А вымышленные обвинения по т. н. «Делу о контрреволюционной организации П. Гэндэна и Г. Дэмида»? Нет, такие потери не восполняются! Напротив гостиницы Баянгол вроде бы тихо, тихо... убрали ночью бронзовый монумент И. Сталина. Недалеко от центральной площади осталось стоять в одиночестве гипсовое изображение Х. Чойбалсана.

В штабе демократической партии автора просили довести до сведения советских властей просьбу относительно передачи монгольской стороне документов казненных во времена сталинщины монгольских руководителей. Примеры уже есть, добавили, катынское, например, дело. Просьба вполне законная и, скажу, справедливая. Память о замученных в угоду тирании жертвах свята для каждого народа, как свята она для нашего многострадального, многонационального народа, испившего до дна чашу сталинской деспотии и сполна на себе испытывавшего горечь последовавших за ее разоблачением разочарований.

Тяжкое наследство сталинщины сказалось во всех сферах экономики и политики МНР, на воспитании — что трудно недооценить — молодого поколения. К 70-ым годам в экономике МНР восторжествовал принцип государственной собственности в экономике, в политике — схема «Одна партия — один лидер». Но в 1984 г. абсолютной власти Ю. Цеденбала пришел конец. Одни радовались, другие сожалели — ну, прямо, как у нас! Обсуждали — сначала с оглядкой — причины, говорили об ослаблении умственных способностей лидера, о бросающихся в глаза странностях в поведении, излишней вовлеченности супруги в государственные дела, хотя многие и воспринимали роль жены Цеденбал-Филатовой, русской по происхождению, как вполне логичное для соратницы склонного к харизме политического лидера явление.

И вот монголы оказались на новом витке своего развития. Но расстались ли они с феодальными отношениями, спасала ли монгольского труженика государственная собственность от эксплуатации? Наверное нет, если в жаркие дни лета 1991 г., по-существу в условиях экономического кризиса принят и одобрен Президентом Монголии закон о приватизации, меняется концепция власти, готовится проект новой Конституции, активизируются новые партии и движения.

Небесная лазурь

В начале 30-х О. Латтимор, проведя опрос монгольских эмигрантов, пришел к выводу: раскол среди монголов проходит по линии, где «на одной стороне находится молодежь, реформаторы, верящие в прогресс и цивилизацию, а на другой — монархисты, князья, церковь, консерваторы, все те, кто ненавидит изменения и новшества»³. Простите, дорогой читатель, за столь пристальное внимание к Латтимору, но его оценки монгольской действительности недалекого прошлого настолько емки, что, вспомнив о них, невольно задумаешься о настоящем.

Нынешний социальный водораздел между монголами гораздо сложнее, нежели это представлялось О. Латтимору в 30-х гг., и страна уже не та, и люди иные. В движение пришли все слои монгольского общества, и это ощущается в деятельности МНРП и оппозиционных партий. «В условиях необычной для Монголии политической активности, — говорят мне в ЦК МНРП, — 60 % избирателей отдало свои голоса за мандаты нашей партии». Итог? 83 % депутатских мандатов — за МНРП в Великий Народный Хурал (ВНХ) и 31 из 52 мест — в Малый Государственный Хурал (МГХ).

На одной из тихих улиц Улан-Батора, в невысоком особнячке расположился штаб Монгольской демократической партии (МДП). В нем — не многолюдно, мы встретили на этажах два-три человека. В просторном кабинете, на видном месте висит портрет Чингисхана. На беседе присутствовали члены политического Совета МДП и главный редактор партийной газеты «Ардчилал». Его визитная карточка радует глаз начертанными на ней голубыми буквами. Хозяева с гордостью говорят: МДП — вторая по влиянию партия, объединяющая 24 тыс. членов: 41 депутат — в ВНХ, 13 — в МГХ. Нам

принадлежат посты: Вице-премьера, руководителей Центрального банка, Главного Управления транспорта.

Программные установки? Большая открытость, общение монголов с другими народами, и не через контакты на официальном уровне, а непосредственно между простыми людьми. И прежде всего — право человека на собственность. Этому должна служить приватизация. Но собственность может попасть в руки дельцов теневой экономики, бюрократов из прежнего административного аппарата. Чтобы противостоять этому, будем опираться на закон «О хозяйственной единице», призванный перекрыть пути мафиозной деятельности в этой сфере. Один из главных принципов, связанных с заботой о традиционном скотоводческом хозяйстве, с необходимостью сохранения окружающей среды — пастбища в руках государства.

Сине-голубой флаг — символ Партии национального прогресса (ПНП), объединяющей до 30 тыс. членов. Он трепещет на флагштоке, здесь, недалеко, напротив площади Сухэ-Батора. Встреча в штабе партии заняла немного времени, поскольку Председатель контрольного Совета Жугдэрийн Бор, — а о нем говорилось выше — стал добрым моим экскурсоводом. Здесь утверждают: инициатива в осуществлении программы экономического возрождения страны, в том числе приватизации, принадлежит ПНП, а проводилась она первым заместителем премьера — Ганболдом, молодым экономистом, горячим сторонником реформ. «У нас с МДП каких-либо серьезных различий нет, — подчеркивалось в штабе ПНП, — мы готовы к объединению своих рядов с демократами...»

В огромном административном здании на площади Сухэ-Батора, что стало своеобразным памятником времен Цеденбала, арендует помещение руководство Монгольской социал-демократической партии (МСДП). «В партии 12 тыс. членов, — сообщил член Политсовета Ч. Баярманлай, — у нас есть и единомышленники в МНРП. Да, конечно, сегодня идея социализма, возможно, не столь популярна среди широких масс, как это было раньше, — говорит хозяин, — однако, эта идея всегда сопутствовала движениям трудящихся за свои права». «Да, но в США, — спрашиваю, — социал-демократы ныне утратили прежние позиции?» Собеседник, соглашаясь, отмечает отсутствие в США необходимых социально-экономических предпосылок для социалистического движения, и, прежде всего удовлетворенность американского трудящегося и служащего своим социальным положениям.

«Нас называют партией интеллигентов», — меняет тему разговора хозяин. Да, это еще одно доказательство, думаю, глубоких изменений в монгольском обществе. Нет, не случайно монгольская интеллигенция обращается к социалистической идее, не случайно, что в МСДП, в отличие от иных партий МНР, как показалось автору, больше внимания уделяют разработке программных документов, ведь за социал-демократами гигантский опыт борьбы, успехов и неудач в различных, так непохожих друг на друга странах. Здесь отдают себе отчет в том, что простые люди Монголии мало осведомлены об идеологических установках социал-демократии. И действительно, монголов долгое время воспитывали в духе скорейшей победы коммунизма, строительства «развитого», а затем — «реального» социализма. Современные социал-демократы, как подчеркивается, хотя и обращаются к истокам «демократического социализма», но придают новое значение, казалось бы, традиционным для их идейного кредо категориям. Главное — они не рассматривают социализм как совершенную социально-политическую систему, как неизбежно запрограммированную судьбу для общества. Среди здешних теоретиков социал-демократии пользуется особой популярностью идея, выраженная Председателем Социинтерна Бруно Крайским: «Социализм — это концепция поиска средств и путей решения возникающих проблем, а не конечная цель». Так какие же это пути? Насилие, классовая борьба, доведенная до абсурда, подавление инакомыслия? Нет, такие средства и пути начисто отвергаются в МСДП. Любые концепции, оправдывающие террор, политические убийства, отвергаются в МСДП как антигуманные.

...Мы покидаем здание, где состоялась интересная беседа с представителями МСДП. Льет дождь и пришлось остановиться под навесом, дожидаться окончания ливня. Рядом молодой человек, под мышкой у него папка — видимо, из партийных функционеров новых движений. «Когда у вас, — спрашивает, — будут печатать объективные материалы о Монголии?» И сам отвечает: «Когда, наверно, коммунистов не будет!» «Ну почему же?» — пытаюсь как-то вклиниться в произноси-

мую им тираду. «Разве монгольские дипломаты не объективны в оценках монгольской ситуации?» Парень замылся: «Наверное... да...»

«Так мы их печатаем!» — чеканю фразу со слабой надеждой нейтрализовать как-то враждебный настрой собеседника.

«Но все равно... — следует резкая реакция, — коммунистов нужно уничтожить!»

Что это?! Даже лидеры монгольской религиозной демократической партии, представляющие преследуемых прошлым режимом верующих, ламаистскую церковь (из 100 тыс. священнослужителей было репрессировано 70 %, уничтожено до 720 монастырей и храмов), призывают объективно оценивать прошлое, не поддаваться разрушающему человеческую душу чувству мести. Реалисты в МНРП понимают необходимость обновления партии, изменения характера ее деятельности, сотрудничества с иными общественными силами. Пусть среди лидеров оппозиции не все верят в возможности обновления МНРП, но доминирующие в их среде настроения отражают надежды на мирное урегулирование возникающих споров, на взаимопонимание на основе общей концепции национального возрождения. А экстремисты?! «Они у нас во всех партиях», — говорит мне Бор. Да, конечно, непримиримые действуют всюду, хотя их и меньшинство. Мысли молодого человека, ратующего за уничтожение коммунистов, отражают философию ненависти, они в плену острых эмоций необузданной жажды мщения. Ненависть, как известно, порождает ненависть, она превращает и сердце в камень, лишает надежды на благоразумие, на человеческое взаимопонимание. Но откуда среди пробивающихся, необычных для монголов первых ростков демократии появляется ядовитая поросль чертополоха ненависти? Когда-то Михаил Бородин, в прошлом советник Сунь Ятсена, размышляя еще в 20-х гг. о судьбах идеи социализма в Китае, сказал: «Главный враг этой идеи — невежество, вековая отсталость Китая, находящегося в плену феодальных отношений». И, наверное, наивно было бы полагать, что в стране с неразвитыми институтами демократии, где веками культивировалось насилие как один из основных атрибутов общественной жизни, вдруг сразу наступит просветление. Нет, не могут здесь исчезнуть, словно по волшебству, люди, находящиеся во власти дремучего невежества, готовые взорвать красно-голубой мрамор, чтобы построить, не считаясь с жертвами, стену, скажем, из серого бетона, прибавив к ней добротной колючей проволоки.

...Но вот, наконец, ливень кончился. И мы вышли с Бором на площадь Сухэ-Батора. Над нами простиралось удивительно чистое, лазурное небо, и поскольку солнце еще не добралось до зенита, его слепящие лучи не могли помешать взору насладиться красотой поражающего голубишной небесного цвета.

Нейтрализм!

В документах, статьях официальных деятелей провозглашена сегодня концепция «равных расстояний» от Советского Союза и КНР (за дружбу с народами государств-соседей). В среде оппозиционных партий все больше говорят о концепции нейтральности. «Подумайте, — спрашиваю в штабе МСДП, — разве есть экономические, военные и международно-политические предпосылки для претворения в жизнь концепции нейтральности?» Ответ последовал незамедлительно: «Политика должна способствовать упрочению самих предпосылок, базы государственной независимости».

Дискуссии вокруг идеи нейтральности начались, конечно, не вдруг, они вызваны к жизни целым рядом взаимосвязанных между собой причин. Можно назвать лишь некоторые из них: возрождение национального самосознания монголов, тесно взаимодействующее с процессом формирования внешней политики МНР; настроения массы избирателей, которые нашли отражение в деятельности вновь созданных массовых организаций, провозглашающих в своих программах нейтральность в качестве основной внешнеполитической концепции; разочаровывающие итоги долголетнего сотрудничества МНР с Союзом, отсутствие ожидавшихся от односторонней ориентации результатов, соответствующая реакция по этому поводу общественного мнения, формирующегося как целенаправленно, так и под влиянием политизации общественной жизни МНР; внешнеполитическое маневрирование МНР, поиск, в частности, Улан-Батором опоры среди группы развивающихся стран, прежде всего Индии, с учетом традиций в китайско-индийских отношениях.

Конечно, здравомыслящие монгольские эксперты понимают, что до реального

воплощения в политике страны концепции нейтралитета — огромная дистанция. Ведь созданные с помощью Союза предприятия производят более 50 % валовой продукции страны, МНР зависит от поставок из Союза (90 % — машин и оборудования, 100 % нефтепродуктов, 74 % товаров широкого потребления и т. д.). Все это вполне очевидно. Но переосмысление в верхах роли МНР, на арене международных отношений, признание необходимости диверсификации хозяйственных связей основаны на широкомасштабных изменениях, имеющих место в странах бывшего социалистического содружества. И недаром монгольские эксперты, вовлеченные во внешнеполитические дела, размышляют — их вполне можно понять — о такой в перспективе модели международного сотрудничества Монголии, при которой было бы равным влияние любого из участников этого сотрудничества. Предложения сотрудничества поступают от США, Японии, Южной Кореи. Неконтролируемое сверху сотрудничество на базе использования монгольского сырья осуществляется с китайскими фирмами.

А готовы ли мы к развитию отношений с МНР на новой правовой основе, готовы ли к участию в международном разделении труда в Восточной Азии, опираясь на положительный опыт советско-монгольского сотрудничества? При всем обилии проблем, возникающих в нашем доме, нам, видимо, не пристало забывать уроки истории, и, прежде всего, ущерб, порой невосполнимый, который нанесло московское имперское великодержавие во взаимоотношениях Союза с соседями. Разве не в интересах нашей страны жить действительно в дружбе с соседями? И разве друзья не познаются в лихолетье? А сейчас оно настало и требует от нас уважительного отношения к партнеру. Многие годы мы считали вполне закономерным, когда монгольские друзья говорили с нами на русском языке, оставляя без внимания необходимость диалога, что называется, на равных. Сейчас мы уже без буйного восторга встречаем русскоговорящих гостей из-за океана. Но вам, читатель, наверное, трудно представить удивление и интерес монгола, включившегося в разговор с русским незнакомцем на своем родном монгольском языке. Такое бывает, словно чудо, весьма и весьма редко.

Не только нашим дипломатам предстоит строить новую правовую основу отношений между Союзом, Россией и Монголией. Это строительство немисливо без участия ученых, представителей культуры, просвещения. И разве не может нас глубоко не тревожить ослабление монголоведческой школы в Москве, как академической, так и университетской? А также и то, что в Иркутском, например, университете, откуда рукой подать до российско-монгольской границы, предпочитают заниматься не Монголией, а Австралией и США.

Только наша молодежь, обладающая знанием языка, культурой, традициями монгольского народа, что само по себе явилось бы свидетельством отказа от великодержавия, будет содействовать в новой ситуации сохранению наших позиций перед лицом возрастающей постепенно конкуренции в МНР партнеров из других стран, сохранению всего положительного, накопленного за многие годы советско-монгольского сотрудничества.

Во время беседы в штабе МДП молодые демократы говорили о своей заинтересованности в таком монголо-советском сотрудничестве, которое развивалось бы на основе равенства, взаимной выгоды. Мы не хотим, — подчеркивалось, — исполнять роль иждивенцев, постоянно ощущать какую-то неполноценность из-за убыточности, нерентабельности предприятий, построенных с помощью СССР, и действующих в стране. И находясь в Улан-Баторе, с особой остротой чувствуешь, насколько прочно завязаны узлы разносторонних связей между нашими странами, насколько тесно здесь взаимодействуют экономика и политика. Урегулирование долговых обязательств (10 млрд. рублей) МНР Союзу — в центре политических дискуссий. Когда-то на переговорах о кредитах здесь царила прямо-таки семейная идиллия: обнимались, целовались, обменивались сувенирами... Полное, казалось бы, доверие. Теперь в условиях движения к рынку, все больший вес приобретает такой фундаментальный принцип, как «дружба дружбой, а денежки врозь». Советские и монгольские эксперты придирчиво обсуждают пути покрытия долга и таких путей, скажем, уже найдено немало.

Напряженная ситуация сложилась этим летом с транспортировкой монгольских грузов по советской территории, в пунктах прохода через советско-монгольскую

границу. Некоторые монгольские эксперты полагают, что в отличие от более свободного режима на границах с восточноевропейскими странами, или с Китаем, с советской стороны преднамеренно блокируется поток грузов из Союза в Монголию, — а это связывается прежде всего с запрещением бартерных сделок, ограничивается (что стало особенно заметно на фоне ослабления режима на китайско-монгольской границе) деятельность пропускных пунктов. Дальнейшее блокирование грузов на границе, особенно запасных частей, может привести, как отмечалось в беседах, монгольскую экономику к катастрофе.

В начале лета на советско-монгольской границе действовало всего два погранично-пропускных пункта; заметим, что на границе КНР и МНР их стало 8. Здесь невыносимо жарко и неудобно. Люди сутками, без пищи содержатся в автобусах, ожидая своей очереди на пропускной пункт, блокируется проезд иностранцев. Товары, закупленные на 1 млн. тугриков по инициативе Монгольского общества дружбы с СССР в качестве пожертвований для советских детей-сирот и малоимущих, были задержаны на длительный срок, их беспардонно перепотрошили, «кое-что изъяв при досмотре». «Подумайте, — говорили мне в Центральном совете общества, — ведь наши люди, возвратившись домой, могут представить — и представляют — эти факты как результат недружественного отношения советских людей к монголам».

Не скрою, одной из целей поездки в Монголию автора этих строк стало стремление оценить, хотя бы для себя, искренность, уровень профессионализма наших экспертов, готовящих материалы по монгольской тематике для журнала «Проблемы Дальнего Востока». Монгольские впечатления лета 1991 г. подтвердили лишь правильность нашего решения публиковать статьи специалистов, призывающих учесть прошлые уроки — не совсем и не всегда для нас приятные — в монголо-советских отношениях, зовущих к реализму, трезвому взгляду на будущее этих отношений, к сохранению всего позитивного из опыта сотрудничества между нашими странами.

Улан-Батор — Москва
Лето 1991.

¹ Из письма О. Латтимера г-ну Л. Ковану от 11 мая 1966 г. Special collection Department University of Arkansas Libraries, Fayetteville.

² См. подробнее Ж. Эйсаянхан. Монголия на путях перестройки. ПДВ. — 1990. — № 1. — С. 7.

³ O. Lattimore. The unknown frontiers of Manchuria // Foreign Affairs. — 1933. — № 2. — P. 329.

Советско-монгольское сотрудничество: время испытаний

В. ГАНШИН, Ю. ИВАХИН

Лет десять назад вряд ли было уместно писать о разрушающейся дружбе между соседними странами. Подавляющее большинство из числа тех многих тысяч советских специалистов трудилось в республике на стройках, рудниках, предприятиях, в хозяйствах, не испытывая сомнений в полезности своего дела, в искренности монгольских друзей. Хотя и тогда, кто хотел видеть и слышать, могли бы многое рассказать о том, какие разговоры ведутся за бутылкой «архи» в домах, юртах, как нелюбезны бывают продавцы в магазинах, что доводится услышать иной раз в очередях или в автобусной толчее. Одним словом, с какими антисоветскими настроениями на бытовом, так сказать, уровне приходится сталкиваться нашим людям, работающим непосредственно с монголами. Но... официальное мнение гласило: ничего этого нет в дружественной нам стране, мы по-прежнему здесь желанные гости. Увы, чем дальше, тем все более прежние симпатии уступали место плохо скрываемому недовольству советским присутствием в Монголии. Причем постепенно настроения эти охватывали все более и более широкие слои общества.

Что явилось причиной подобной трансформации в сознании? На наш взгляд, их несколько, и условно они могут быть разделены на две категории — политическую и экономическую.

С началом перестройки в Советском Союзе, как наши, так и монгольские ученые и публицисты стали указывать на «белые пятна» в истории отношений наших двух стран и народов. Сейчас можно с достаточной долей уверенности говорить, что в большинстве случаев делалось это непрофессионально, нередко случайными людьми, главной задачей которых было преподнести читателям очередную сенсацию. В их интерпретации получали весьма тенденциозную и одностороннюю оценку события древней и новейшей, особенно послереволюционной истории Монголии. В местной печати в публикациях, например, о чойбалсановских репрессиях 30—40-х годов и их жертвах, явно прослеживалось стремление не столько детально разобраться в причинах, прежде всего внутренних, возникновения и развития культа личности маршала Чойбалсана, сколько связать его имя с деятельностью Сталина, тем давлением, которое последний оказывал на монгольское руководство. Некритическое отношение к этому периоду, усугубившееся значительным разрывом между объемом информации, обрушившимся на монголов, и способностью правильно воспринять и «переварить» все это, помноженные на в целом низкий политический и общеобразовательный уровень населения, привело к тому, что многие факты стали вызывать недружественную нам реакцию у типичного монгольского обывателя, в основном из среды мало искушенной в политике молодежи и части интеллигенции.

Никак не способствовали росту симпатий к нам и плоды советско-монгольского экономического и научно-технического сотрудничества. Огромные финансовые и материальные ресурсы, которые направлял Советский Союз в Монголию как по линии кредитования, так и безвозмездной помощи, в большинстве своем оказались неэффективными, расходовались монгольской стороной безотчетно, служили завуалированной формой оплаты труда наших же специалистов, а также поставок многих советских това-

Ганшин Владимир Георгиевич, кандидат исторических наук, специальный корреспондент «Известий».

Ивахин Юрий Николаевич, сотрудник МИД СССР

ров в МНР. Созданные при нашем техсодействии предприятия, госхозы и отдельные хозяйства оказывались нерентабельными. Более того, они приносили стране убытки, на покрытие которых требовались все новые и новые денежные «вливания» ради поддержания имиджа нашего сотрудничества.

Такая практика не могла не порождать в монгольском обществе недоверия к советскому опыту, насаждала настроения иждивенчества, халатности, незаинтересованности в наращивании производительности труда, отучала мыслить и действовать самостоятельно.

Видимо, в этом плане нельзя сбрасывать со счетов и работу на монгольское население в течение более 20 лет китайских пропагандистских органов и западных средств массовой информации, многие сообщения которых о неэффективности советской помощи мы сами вынуждены сейчас, прямо или косвенно, признать небезосновательными. Серьезного упрека заслуживают и советские пропагандистские ведомства, которые до недавних пор (да во многом и сейчас) оказались неспособными предложить ничего, кроме затертых штампов о «нерушимой братской дружбе» и манипулирования ничем и никому не говорящими «процентами роста» объемов сотрудничества.

Одному из нас в течение ряда лет довелось работать в Монголии в качестве собственного корреспондента центральной газеты. Но даже еще в 1987 г., когда у нас в стране много и смело писалось о неблагоприятном положении дел в ряде отраслей промышленности, сельского хозяйства, работе министерств и ведомств, тема эффективности советско-монгольского сотрудничества оставалась «закрытой» из-за нежелания «обидеть друзей».

Чрезвычайно важным моментом следует считать и то, что монгольское руководство зачастую проявляло благодушие и бездеятельность по отношению к этим проблемам, не умело (или не хотело?) принимать необходимые меры по отношению к выявлявшимся «болевым точкам» в наших взаимоотношениях.

Когда обстановка в стране, в том числе и под влиянием процессов в Советском Союзе и странах Восточной Европы, стала приобретать все более неуправляемый характер, руководство МНР, не имея возможностей сдерживать напор общественного недовольства, решило использовать набравший силу процесс для того, чтобы обратить наше внимание на всю сложность ситуации в стране во всем ее комплексе. Не получив с нашей стороны адекватного ответа на эти «сигналы», оно старалось «укрыться» за общественным мнением, попыталось в то же время сохранить с Советским Союзом на официальном уровне хорошие отношения. (Монгольское руководство отчетливо представляет себе, что сохранение им своего положения в любом случае зависит от поддержки Советского Союза).

Вместе с тем, не располагая реальными рычагами воздействия для снятия в ближайшие годы социально-политической напряженности в стране и справедливо считая, что народное недовольство уже готово направиться на него самого (этот аспект в общественном мнении прослеживается достаточно определенно), монгольское руководство решило «выпустить пар» в сторону СССР, дабы получить своего рода временную передышку и попытаться предпринять какие-то конкретные шаги «на стороне» для нормализации обстановки в стране. Думается, именно здесь следует искать истоки столь активной деятельности монгольских политических и внешнеэкономических ведомств в Японии, Китае, на Западе, в контактах с США.

Одну из важнейших причин наблюдаемого в последние два-три года роста недружественных настроений в Монголии следует прежде всего искать в истории послереволюционных советско-монгольских отношений. Сегодня это — целый комплекс экономических, политических, психологических, этнических и национальных аспектов, которые никогда за всю историю наших отношений серьезно не исследовались, не принимались в расчет при разработке тактической и стратегической линии в наших отношениях с МНР. Напротив, они постоянно затушевывались, даже намеренно извращались в подкрепление известной доктрины о примате интернационального над национальным, ради своеобразно понимаемого постулата о «пролетарском интернационализме».

Признавая наличие целого ряда объективных обстоятельств — например, существование на территории Монголии плацдарма для действий различных контрреволюционных сил в Забайкалье и на Дальнем Востоке, сильно обострявших общую военно-политическую ситуацию в регионе в условиях его фактической оккупации войсками империалистических государств — при анализе развития революционного процесса в Монголии

и его движущих сил можно в то же время говорить о том, что в страну был осуществлен своего рода «экспорт» нашей революции, не удавшийся в 1918—1920 гг. на Западе. Отсюда и столь сжатый срок формирования партии, вооруженных народных отрядов, образования народного правительства. Как следствие этого — слабость монгольской партии, ее связей с народом, нечеткость ее политико-идеологических ориентиров, полное отсутствие опыта политической и идеологической борьбы. Закономерным в этой связи выглядит и ее полная зависимость от Восточной секции Коминтерна, от РКП (б), власть в которой к концу 20-х годов всецело переходит к Сталину и его окружению.

Нельзя не учитывать того обстоятельства, что в осуществлении монгольской революции, поддержании и укреплении связей с монгольской партией и в ее становлении, также как и в дальнейшем развитии революционного процесса после 1921 г., принимали участие люди не всегда политически зрелые, максималистских убеждений ультралевого толка, что не могло не сказаться на характере МНРП и ее дальнейших политических установках и практических действиях. Захватив власть в партии и государстве, Сталин и его окружение проводили в отношении Монголии «национальную политику», в целом схожую с той, что проводилась ими в отношении национальных окраин России. С соблюдением, конечно, чисто внешних атрибутов дипломатического этикета (послы в обеих странах, церемониал и т. д.).

Таким образом, основные формы и методы сталинского правления были перенесены в Монголию, что нанесло ей трудно восполнимый урон, практически уничтожив интернационалистов-революционеров и начавшую зарождаться монгольскую интеллигенцию (о первых шагах монгольской революции и нашем «участии» в ней можно прочитать подробнее в изданном в начале 70-х годов стенографическом отчете о III съезде МНРП в 1924 г., на котором было расстреляно фактически все умеренное крыло партии и правительства во главе с Данзаном; к власти в партии пришли при покровительстве советского посла Васильева лидеры ультралевого сталинистского толка). Поэтому у нас, видимо, нет сейчас серьезных оснований опровергать заявления монгольских историков и публицистов о том, что Сталин в этом плане оказывал через своих доверенных лиц серьезное давление на Чойбалсана, который, правда, как теперь утверждают, «хотел этой кровью купить суверенитет Монголии», находившийся под угрозой сначала со стороны СССР (недаром же на границе с МНР была образована Бурят-Монгольская автономная республика по подобию Карело-Финской, а Тува по приказу Сталина была включена в состав РСФСР), а затем, в послевоенные годы, и Китая. В Монголии сейчас очень много говорят о «колебаниях» Сталина по поводу предоставления независимости Монголии, полагая, что только благодаря упорству Чойбалсана она осталась суверенным государством. Ссылаются при этом на еще живых очевидцев событий тех времен, людей, работавших с Чойбалсаном, тем самым порождая у населения сомнения в искренности наших целей в Монголии еще на начальном этапе ее революции.

Эти в целом хорошо известные факты в значительной степени сглаживались и затушевывались той огромной бескорыстной помощью, которую оказывали в 20—30-х годах советские врачи, учителя, строители, солдаты, отстоявшие в 1939 году независимость Монголии и оставившие добрую память в народе. Это были, несмотря на жестокие репрессии, годы наибольшей искренности и сердечности в отношениях между советскими людьми и монголами. Испытываемая сейчас многими монголами старшего поколения «ностальгия» по нашим отношениям тех лет — еще одно тому подтверждение.

Что же произошло потом? Почему советский человек в Монголии перестал пользоваться авторитетом, в обществе стало нарастать раздражение и неприязнь к нашему присутствию?

Одна из причин — обнародование фактов недавнего прошлого, о которых мы уже упоминали. Но, помимо всего прочего, страшное и разрушительное по своей силе воздействие на советско-монгольскую дружбу оказали общая бездуховность, неискренность и безнравственность, которые были следствием периода «застоя». Двойная мораль, укоренившаяся в нашем обществе, «вадальничество» понятия о превосходстве всего советского — будь то в науке, технике, жизненном уровне и т. д. даже вопреки очевидным фактам, извращенное, далекое от истинной истории толкование периода татаро-монгольского ига и взаимоотношений Руси с Золотой Ордой — все это породило серьезное недоверие ко всему русскому, к открытости нашей политики. Замалчива-

ние исторической правды (за исключением, может быть, работ Л. Гумилева и В. Яна) вызвало реакцию противоположную той, на которую, по-видимому, рассчитывали идеологи и политики, стремившиеся «очистить» прошлое России и Монголии от негативных ассоциаций. С одной стороны, официальное умалчивание о периоде монгольского нашествия на Русь все равно не могло вытравить из памяти монголов легенды и предания о великом соотечественнике — Чингисхане, объединившем разрозненные племена и ставшим символом государственности, символом славы, воинской доблести и величия монголов. С другой, у советских людей рождался образ «врага», ныне поверженного, униженного и находящегося в полной от нас зависимости. Отсюда берут свои истоки как пренебрежительное отношение наших специалистов, командированных в МНР, к монгольской истории, самобытной культуре и искусству, языку, так и скрытое, глухое сопротивление монголов насаждению в сознании во многом чуждых им воззрений и понятий, стремление ширмой безразличия и социальной апатии прикрыть глубоко увлеченные чувства национального достоинства и самосознания.

Подобное отношение к монголам, их культуре и традициям, утверждавшие ее на протяжении десятилетий в нашем народе, естественно, не ускользало от внимания монгольской общественности, включая официальных лиц и представителей интеллигенции, которые имели постоянные контакты с советскими людьми, порождало в ответ сначала недоумение, а затем и стойкую неприязнь к нам.

Подход к монголам и Монголии как к «шестнадцатой республике», как к «незагранице» не мог не сказаться на всем комплексе наших отношений с ней и на официальной основе. В политике, экономике, культуре долгие годы царил (и продолжает царить) диктат советских министерств и ведомств, даже отдельных их отнюдь не высокого ранга сотрудников и далеко не всегда компетентных уполномоченных, чему в значительной степени способствовал в годы своего 40-летнего правления Ю. Цеденбал. Отсюда — пренебрежение мнением монгольских специалистов (подготовленных, кстати, в советских учебных заведениях), нежелание учитывать специфические условия Монголии, включая географические, природно-климатические, этнические, психологические. Отсюда — нарушения общепринятых норм дипломатического этикета и вежливости по отношению к официальным монгольским лицам, не говоря уж о «рядовых» монголах как в СССР, так и в самой МНР.

Недобрую службу в отношениях с Монголией служит нам и не прекращающаяся до сих пор практика подбора кадров для работы в МНР, включая высший должностной состав (это касается и посольства). Монголы в беседах все чаще с раздражением замечают, что их страна стала местом «ссылки» для неудавшихся (или проштрафившихся) советских партийных работников. Будучи прекрасно осведомленными о нашей партийно-государственной номенклатуре (система-то одна и создавалась нами), монгольские официальные лица склонны полагать, что такое отношение к Монголии превалирует до сих пор и в высшем советском партийно-государственном руководстве. Именно таким критерием пользуются монголы, оценивая искренность наших заверений «об особом характере советско-монгольских отношений».

Короче говоря, мы, отгородившись на долгие годы от общественного мнения шумными речами, тостами и навязшими в зубах лозунгами «о дружбе», упустили, похоже, очень важный момент в развитии национального самосознания и политических настроений в республике. А пропустив и не заметив это, продолжали действовать в том же духе вплоть до начавшейся у нас и в МНР перестройки. Вместе с тем, «маховик» прежнего подхода к монголам и Монголии продолжает вращаться и до сих пор.

К началу 60-х годов Монголия резко выдвинулась на международную арену, став в 1961 г. членом ООН, а в 1962 г. — членом СЭВ; значительно укрепились международные контакты Монголии, участились поездки монгольских дипломатов и других официальных лиц в европейские социалистические и капиталистические страны, государства Латинской Америки, Азии и Африки. Сложилась ситуация, в известной мере схожая с той, когда солдаты Советской Армии во время Великой Отечественной войны перешли границы Советского Союза и увидев «жизнь в Европе», получили возможность предметно сравнить уровни жизни «там» и у себя на родине.

Причем и для монголов сравнение оказалось не только не в свою пользу, но и не в пользу Советского Союза, авторитет которого в то время во всех областях казался незыблемым. Можно сказать, что это был второй этап процесса переосмысления монголами пройденного пути, сомнений в правильности ориентации исключительно на «старше-

го брата». Это был своего рода психологический шок. С ростом в 70—80-е гг. масштабов международных связей МНР, включая торгово-экономические, количества поездок монгольских официальных лиц за рубеж, в том числе и в капиталистические страны, начавшимся заигрыванием политических и деловых кругов Японии, Англии, Франции, ФРГ, а затем и США с Монголией, эти сомнения начинают перерастать в уверенность.

К этому можно было бы добавить, со ссылкой на высказывания тех монголов, которые осуществляли и сейчас осуществляют эти контакты, что «в любой стране, кроме СССР, в контактах и на переговорах, с любой стороной, кроме советской, монгольские представители — дипломаты и рядовые граждане — чувствовали себя как равные с равными, а не на положении посредственного, «ленивого ученика». Характерно, что монголы говорят об этом советским людям с чувством глубокой горечи и обиды, а в основном — плохо сдерживаемого негодования.

Тем не менее и в этот период мы никак неотреагировали на новую ситуацию, если не считать излишне ревнивого отношения к этим контактам и их жесткого сдерживания через Ю. Цеденбала, в результате чего многие ученые и экономисты, грамотные руководители некоторых монгольских министерств и ведомств поплатились своими постами и положением, как теперь говорят монголы, «в угоду советским амбициям».

С глубоким сожалением приходится констатировать, что мы не смогли учесть общую тенденцию к нормализации отношений социалистических стран, включая и Монголию, с Китаем, наметившуюся со второй половины 70-х гг., и не приняли соответствующих мер по своевременному сокращению находящегося в МНР советского воинского контингента, присутствие которого здесь уже в конце 70-х гг. являлось одним из раздражающих монгольское население факторов, одним из основных источников недружественного к нам отношения.

Надо полагать, что именно в этот период у представителей монгольской технической и экономической интеллигенции, а зачастую и творческой, сложилось представление о Ю. Цеденбале как о руководителе, готовом забыть интересы своей страны и народа в обмен на «знаки внимания со стороны Москвы». Распространению представления о Ю. Цеденбале как о «ставленнике Кремля» среди населения в незначительной степени способствовала «деятельность» его супруги и целенаправленная работа зарубежных средств массовой информации, умело игравших на чувствах национальной гордости монголов.

При этом необходимо учитывать, что этот процесс проходил на фоне явного нарастания кризисных явлений в Советском Союзе и других социалистических странах, на фоне застоя и кризиса в социально-экономической сфере, заметного снижения жизненного уровня населения МНР на рубеже 70—80-х годов. Добавим, что к концу 70-х годов насыщенность «всем советским» («русским» — эти понятия у монголов стали синонимами), «и не самой высокой пробы», стала так велика, так «набила оскомину», что вызвала «отрыжку». Следствием явился повышенный интерес, особенно молодежи, к Западу, его культуре, технологии и технике, что, надо признать, многих наводило на не совсем приятные для нас сравнения.

Таким образом, в сознании монгольского населения 40-летняя деятельность Ю. Цеденбала, в условиях фактически монопольного положения СССР в политике, экономике, культуре МНР, отложилась как направляемая из Москвы в интересах исключительно Советского Союза, вопреки интересам монгольского народа.

Главным ударом по нашему престижу и позициям в Монголии следует считать все же безрадостные итоги социально-экономического развития МНР за прошедшие десятилетия, которые совершенно справедливо связывают здесь с просчетами и грубыми ошибками в нашем экономическом сотрудничестве. Авторитет Советского Союза и советского специалиста из-за отсутствия у нас экономической культуры, совершенной техники и технологии, умения грамотно и, скажем прямо, честно вести дела и расчеты, неудержимо падает. Кроме того, монгольские официальные лица сегодня прямо заявляют о своих сомнениях в нашей деловой компетентности. Они в беседах все чаще с раздражением говорят о том, что «советская помощь» Монголии не только увеличивает ее государственный долг, но и приносит экономике республики значительные убытки, не говоря уже о трудновосполнимых экологических потерях. «Мы вам так верили.., а вы нас обманули!» — таков основной настрой населения по отношению к нашему экономическому партнерству. И в этом общем хоре тонут голоса немногих трезвомыслящих монголов, пытающихся доказать, что «критиковать можно только то, что сделано своими руками».

К этому можно добавить, что наши директивные органы отнюдь не способствуют поднятию авторитета советского Специалиста, поставив его в Монголии в такие невыносимые материальные, бытовые и, что особенно важно, правовые условия, которых не знает здесь ни один специалист из бывших «братских стран», не говоря уже о капиталистических.

Можно с большой долей уверенности предположить, что при сохранении нынешней ситуации в нашем сотрудничестве (а для исправления ее потребуется при наших темпах и возможностях, видимо, не один десяток лет) и активизации в Монголии деятельности японских, китайских, американских и западноевропейских фирм, процесс ослабления советско-монгольских связей пойдет с нарастающей быстротой.

В то же время создается впечатление, что все эти проблемы, проистекающие из просчетов в стратегии и тактике сотрудничества с МНР по всем практически направлениям и способные повлечь за собой серьезные политические последствия, до сих пор по-настоящему не волнуют советские министерства и ведомства. «Остаточный принцип» и старые подходы, включая прямой диктат, в нашем сотрудничестве продолжают сохраняться, несмотря на почти неприкрытое противодействие монгольских ведомств, официальных лиц и острокритические статьи монгольских публицистов и ученых-экономистов в печати. Мы, как и прежде, продолжаем считать монголов «недорослями» или в лучшем случае «расшалившимися детьми».

Учитывая вышесказанное, можно предполагать, что это противодействие, вероятно, будет нарастать. Монгольская сторона, это видно уже и сейчас, не намерена больше терпеть наш диктат и необоснованное строительство убыточных предприятий на своей территории, хотя и вряд ли сможет обойтись без наших крупных дотаций в развитии топливно-энергетических отраслей, горно-добывающей промышленности с переработкой сырья на месте (при условии строго обязательного проведения природоохранительных мероприятий), инфраструктуры, то есть отраслей наиболее трудо- и капиталоемких. На такие непроизводительные затраты, очевидно, не пойдет ни одна страна в мире. В то же время следует уже в ближайшие годы ожидать оживления деятельности в МНР японских, китайских и американских фирм, в результате чего наш авторитет, предпримчивость и гибкость подвергнутся самому серьезному испытанию.

Шагом вперед в исправлении допущенных ошибок и перекосов могли бы явиться честные и документированные выступления советских средств массовой информации о нашем видении «белых пятен» в истории взаимоотношений с Монголией, как это было сделано в публикациях, посвященных репрессиям в отношении немецких, итальянских и других коммунистов-коминтерновцев, по «катынскому делу» и т. д. Правдивое отображение истории русско-монгольских контактов с древнейших времен и до сегодняшнего дня будет иметь, на наш взгляд, огромное психологическое и нравственное значение, заставит многих монголов поверить в реальность и искренность перестройки в наших отношениях. Пока же за нас это делает монгольская печать, что лишний раз свидетельствует в представлении монголов о нашем пренебрежении к ним, продолжающем сохраняться «остаточном принципе» в отношении МНР.

Одним из наиболее действенных стимулов, способных изменить сложившуюся ситуацию, явился бы и радикальный пересмотр нашего подхода ко всему комплексу сотрудничества с Монголией, отказ от принципа «на тебе боже, что нам негоже», от купечески-деляческого к ней отношения.

Новая тональность разговоров с монгольскими руководителями в ходе интервью, личных бесед позволяет надеяться, что осознание срочной необходимости изменения прежних подходов к советско-монгольскому сотрудничеству наблюдается и у наших должностных лиц. Хочется надеяться, что с приходом новых людей к руководству в обеих странах, этот шанс вернуть взаимоотношениям двух соседних народов и государств, искренность и добросердечие не будет упущен.

П. МИНАКИР

Положение в Дальневосточном регионе СССР к началу 1991 г. перестало отличаться чем-либо от общесоюзной ситуации. Регион тоже вошел в тяжелый экономический кризис. Два года Дальний Восток удерживался на краю экономической пропасти благодаря устойчивости добывающего сектора и благосклонному отношению центрального правительства к внешнеэкономическим связям самого региона. Углубление общенационального кризиса в экономике и ужесточение внешнеэкономической политики привели к кризису и на Дальнем Востоке.

Попытки стабилизировать обстановку на Дальнем Востоке, ускорить процессы кооперации со странами АТР без понимания происходящих в экономике всей страны событий, учитывая очень тесную связь Дальнего Востока с СССР, не будут плодотворны.

Кризис экономики СССР: истоки и возможности выхода

Называются многие причины экономического кризиса в СССР, в том числе военные расходы, отсутствие рыночного регулирования экономики, чрезмерный расход первичных ресурсов, отставание потребительского сектора, экстенсивный характер роста производства, невозможность использования достижений научно-технического прогресса, отсутствие заинтересованности производителей и пр. Все эти причины справедливо называются среди основных. Но для максимально простого определения модели выхода из кризисной ситуации (и при этом максимально понятного для дальневосточной ситуации) следует обратить внимание на единственный элемент из множества причин кризиса.

В течение длительного времени в СССР искусственно создавалась диспропорция между производством средств производства и товаров военного назначения и производством потребительских товаров. В то же время господствовавшая доктрина централизованного планирования исходила из того, что критерием эффективности производства является полное использование производственных ресурсов. Это означало отсутствие резервов и возможностей гибкого реагирования на изменение спроса.

Такая система полностью исключала возможность регулирования производства спросом. Регулятором экономики было сделано предложение товаров и услуг, а следовательно, с необходимостью было введено нормирование потребления, чтобы зафиксировать диктат предложения над спросом. Спрос мог предъявляться только в соответствии с нормами плановой системы (фонды или фондовый спрос). Фондовый спрос был всегда равен предложению. Это привело к планированию только производства и к возможности углубления диспропорции между реальным спросом и предложением.

С началом перестройки, особенно с 1988 г., когда предприятия были переведены на хозрасчет и получили самостоятельность в определении своей финансовой и производственной политики, сложившаяся система диктата предложения стала быстро разрушаться. Резко начал увеличиваться спрос и в производственном, и в

потребительском секторах экономики. Потребительский спрос рос в связи с увеличением номинальной заработной платы, так как политика заработной платы также была либерализована.

Если бы в экономике работали рыночные регуляторы, то увеличение спроса на товары производственного и личного потребления вызвало бы использование резервов производственных мощностей и рост накоплений в производстве с последующим увеличением предложения товаров и стабилизацией соотношения спроса и предложения. Рост цен в результате роста спроса стимулировал бы рост производства, а последующее расширение товарной массы ограничило бы инфляцию.

Но в СССР ситуация была принципиально иной. Резервов не было. Увеличение накопления также было невозможно из-за официально провозглашенной политики стимулирования расходов на потребление. Резкое увеличение спроса в потребительском секторе нельзя было компенсировать ростом предложения товаров и услуг, и началась неуправляемая инфляция, которая сразу же дала толчок нарастающей эмиссии денег. Эмиссия денег в свою очередь усугубила инфляцию и привела к чрезвычайному «перегреву» потребительского рынка. Деньги потеряли ценность и начали ускоренным образом перекачиваться в товары. Увеличения производства не происходило, поэтому товары просто стали исчезать и деньги потеряли всякую ценность.

В производственной сфере произошло почти то же самое. Резкое увеличение производственного спроса не могло быть удовлетворено из-за отсутствия производственных резервов и реальных фондов накопления внутри страны. Предприятия столкнулись с катастрофическим превышением спроса над предложением. При этом цены оставались долгое время фиксированными. В этих условиях деньги потеряли смысл и предприятия стали прибегать к бартерному обмену (товар на товар). Это был способ избежать диспропорций между денежным спросом и товарным предложением. Разрешение устанавливать договорные цены уже не привело к изменению ситуации. Цены стали повышаться, отражая общее превышение спроса над предложением, но сфера товарообменных операций все равно расширялась, так как рост спроса не мог стимулировать роста производства из-за отсутствия ресурсов для такого роста.

Разрушение потребительского рынка привело к невозможности превратить рост доходов в расширение рынка труда, стимулы к труду оказались потерянными, и, выплачивая повышенную зарплату, предприятия не могут расширить масштабы труда. Кроме этого, разрушение рынка производственных товаров и услуг привело к разрушению натурально-вещественной структуры производства. Нарушились связи и пропорции, что привело к приостановке каких-то производств, а это в свою очередь стало толчком к остановке и снижению производства других (резервов нет).

Выходом может быть:

- 1) быстрое наполнение товарного рынка (и потребительского, и производственного);
- 2) появление финансовых ресурсов для реального накопления, которое может базироваться на наличии огромного потенциального спроса;
- 3) упорядочение денежного обращения и кредитной политики в стране, переход к конвертируемой валюте.

Осуществить эти три меры можно только одним способом — на деле открыть экономику страны для свободного движения товаров и капиталов. Пока политика правительства преследует прямо противоположные задачи. Ужесточение валютного регулирования, искусственное поддержание высокого курса рубля, введение запретительных импортных пошлин ведут на деле к дальнейшему закрытию экономики СССР. В этих условиях кризис не может быть преодолен и станет, скорее всего, перманентным.

Исходя из этих общих для страны соображений, предлагается модель выхода из кризиса для Дальнего Востока. При поддержке центральным правительством идеи использования трех вышеприведенных принципов борьбы с кризисом, хотя бы в рамках отдельных региональных секторов советской экономики, предлагаемая модель может дать хорошие результаты.

Экономическая ситуация на Дальнем Востоке

Длительный эксперимент по превращению Дальнего Востока и Забайкалья в сырьевую провинцию страны на основе насаждения монопродуктовой экономики, перекачивания доходов от эксплуатации природных ресурсов в государственный бюджет и бюджеты министерств и ведомств, монополизировавших контроль над природными ресурсами региона, финансирования социальных и инфраструктурных программ в притихоокеанских районах СССР по остаточному принципу привел к угасанию традиционного природно-ресурсного потенциала Дальнего Востока и Забайкалья и кризису в общеэкономической и социальной сферах. Только за 1980—1988 гг. доля добывающих отраслей промышленности в ДВЭР увеличилась с 24,6 до 28,5 %. Сырьевая база экономического развития региона трансформируется таким образом, что для поддержания масштабов производства в ресурсоэксплуатирующих отраслях, а тем более для экономического развития на их основе, необходимо резко увеличить текущие и капитальные затраты в расчете на единицу готовой продукции. Это связано с необходимостью ввода новых технологий и технических систем, адекватных качественно новым характеристикам ресурсов и условиям их разработки, с возрастанием роли инфраструктурного, в первую очередь энергетического и транспортного, фактора в развитии сырьевого сектора, а также с усилением экологической составляющей затрат на разработку сырьевых ресурсов.

Появившиеся во второй половине 70-х годов симптомы возникновения кризисной ситуации на Дальнем Востоке и в Забайкалье в связи с трансформацией природно-ресурсного потенциала и неспособностью централизованного планирования и управления справиться с ситуацией традиционными методами не были вовремя учтены, что привело к быстрому ухудшению ситуации в начале 80-х годов. Долговременная государственная программа экономического и социального развития Дальневосточного экономического района и Забайкалья (ДГП) на период до 2000 г., принятая в августе 1987 г., была последней попыткой выправить ситуацию за счет централизованного перераспределения капитальных вложений и структурной их переориентации в пользу развития социальной сферы.

За весь период 1986—1990 гг. рост промышленного производства в Дальневосточном экономическом районе составил 14,9 % против 21 %, предусмотренного ДГП, и 17,5 %, предусмотренных первоначальным пятилетним планом. Но даже этот уровень достигнут только благодаря тому, что в 1986 г. прирост промышленного производства составил 5 %. В дальнейшем началось падение темпов, и средний темп за 1987—1990 гг. составил всего 3 %, что ниже даже показателя наилучшей за предыдущие 15 лет пятилетки 1981—1985 гг. (3,4 %) и ниже, чем в допрограммный период 1971—1985 гг. (3,7 %). Ни в одной из отраслей материального производства намерения программы (на прошедшую пятилетку) не реализованы. К концу пятилетки произошло даже снижение масштабов производства по сравнению с 1988 г. (на 1 %).

Несмотря на то что программа носила статус государственной и предполагалось выделение за 15 лет почти 200 млрд. руб. капиталовложений из централизованных источников, на регион уже в 1989 г. было распространено ограничение капиталовложений, и, кроме этого, министерства и ведомства, которые являются основными держателями ресурсов, ссылаясь на переход к рыночным отношениям и хозрасчетную самостоятельность предприятий, фактически уклонились от выполнения мероприятий программы. Источников финансирования производственных, инфраструктурных и социальных программ у самого региона практически нет. Согласно проведенным расчетам даже в случае поддержания в 1991—1995 гг. темпов развития экономики региона на уровне, соответствующем проектам ДГП (6,3 % в среднем за год), дефицит капиталовложений только по Дальневосточному экономическому району составит не менее 25 млрд. руб., если по-прежнему регион не сможет опираться на централизованные источники финансирования и не будет иметь возможности увеличивать внутренние ресурсы накопления за счет активации предпринимательской деятельности. Но даже такой уровень дефицитности может быть обеспечен только за счет изъятия у предприятий порядка 75 % чистой прибыли, остающейся после уплаты налогов и страховых взносов, процентов банкам. Это начисто подорвет самостоятельность предприятий и рынок, не говоря уже о том, что будет противо-

речь к Закону о предприятии.

Если не прибегать к изъятиям из прибыли предприятий, в тяжелейшем финансовом положении окажутся местные Советы, у которых дефицит средств на содержание всей социальной сферы увеличится даже по сравнению с сегодняшним почти 40 % дефицитом и составит суммарно по Дальневосточному региону около 30 млрд. руб.

К этому добавляется активно разрушаемый общесоюзными процессами в ценообразовании продовольственный и потребительский рынок на Дальнем Востоке. Переход к натурализации межпроизводственных и межрегиональных экономических связей, а также практика установления договорных цен при сохранении фиксированных цен на сырьевую продукцию привели к тому, что Дальневосточный регион оказался в неравных условиях. Повышенный по сравнению с центральными районами страны удельный вес добывающей промышленности и высокая зависимость от межрегионального обмена (почти 50 % производимого в регионе совокупного продукта находится в обороте ввоза-вывоза) приводят к тому, что регион не в состоянии профинансировать необходимый объем поставок продукции, не может использовать натуральный обмен для этого, так как не владеет сырьем, производимым в регионе.

На Дальнем Востоке созрело решение сформировать свою собственную политику по развитию экономики и международного сотрудничества, реализация которой должна гарантироваться государством, вместо навязываемой из центра политики, не учитывающей реалий региона. Подобная политика «из центра» уже привела к крушению жилищной программы, относительному снижению уровня денежных доходов населения по сравнению с другими районами страны, товарному голоду, карточной и талонной системам распределения продовольствия и промышленных товаров, и все это в сравнении с процветающими и гораздо менее богатыми в природно-ресурсном отношении соседями — Японией, Кореей, Китаем, Тайванем, Гонконгом. Дальневосточники потеряли доверие к традиционным планам и программам, реализация которых отдается на откуп министерствам и центральным ведомствам, ресурсы на которые растворяются в общем «котле».

В настоящее время центральные органы управления в лице Госплана СССР продолжают настаивать на проведении на Дальнем Востоке прежней политики. Она сводится к следующему:

1. Дальний Восток должен увеличивать поставки сырья в другие районы страны на основе физического увеличения масштабов производства. Но это нереально и ведет при нынешнем качестве природных ресурсов и технологии производства к дальнейшей деградации производственных возможностей в сырьевом секторе экономики региона. Более того, ориентация только на внутренний рынок моделирует на будущее быстрый рост дефицита межрегионального обмена (по расчетам к 2000 г. отрицательное сальдо вывоза-ввоза при данном подходе составит порядка 30 млрд. руб. в год в расчете на предлагаемый концепцией ДГП объем производства и численность населения региона).

2. Активизация внешнеэкономической деятельности должна происходить только на основе увеличения физического объема поставок продукции дальневосточных предприятий за границу. Это означает увеличение поставок сырья. Без крупных капиталовложений в модернизацию сырьевых отраслей этого добиться нельзя. Но даже в этом случае отрицается развитие экономической кооперации Дальнего Востока со странами АТР. Она заменяется поставками сырья, остающегося от внутреннего потребления.

3. Приоритет развитию социальной сферы. Никакого реального приоритета до сих пор добиться не удалось и в условиях материально-технической, товарной и финансовой разбалансированности в стране и регионе не удастся без кардинального изменения системы хозяйствования и наращивания масштабов производимого в регионе дохода. Это возможно только на основе активизации деловой активности, стимулирования предпринимательства, в том числе и иностранного.

4. Сокращение дефицита товарного обмена Дальнего Востока с внутренними районами СССР за счет приоритетного развития машиностроения и сокращения вывоза продукции машиностроения за пределы региона с одновременным увеличением поставок машин и оборудования на дальневосточный рынок. Такую политику можно осуществить в регионах с хорошим уровнем экономического развития и с развитой инфраструктурой. Для Дальнего Востока это приведет к перераспределению ресурсов в пользу машиностроения и ухудшению ситуации в сырьевом секторе и в инфраструктуре. Кроме того, на Дальнем Востоке не хватает квалифицированной рабочей силы.

Альтернативная политика развития

Альтернативная политика для Дальнего Востока, очевидно, должна строиться на трех вышеизложенных принципах вывода экономики страны в целом из тупика. В соответствии с этим целью политики в отношении Дальнего Востока должно являться максимальное содействие созданию в регионе рыночного хозяйства смешанного типа с равными правами в отношении всех хозяйственных субъектов, гибким стимулированием предпринимательской деятельности, максимально открытого для сотрудничества со странами АТР.

Необходимо исходить из двух основополагающих принципов модернизации политики в отношении Дальнего Востока.

Во-первых, основой экономического развития должны являться природные ресурсы региона. Их эксплуатация должна быть строго связана с коммерческой целесообразностью того или иного способа их использования и с соответствием этого способа экологическим и экономическим ограничениям, принятым на данной территории.

Во-вторых, экономическое развитие региона должно быть ориентировано на резкое усиление и углубление экономических связей со странами азиатско-тихоокеанского региона не только в форме товарной торговли, но и в области обмена технологиями, капиталами, деятельностью.

Важнейшим элементом направленной на получение такого результата политики является законодательное закрепление за Дальним Востоком права на осуществление гибкого налогового, таможенного, валютного, банковского регулирования, проведение политики цен и других мер по защите рынка и активизации предпринимательской деятельности.

Такие меры должны включать в себя:

1. Стимулирование инвестиций и предпринимательской деятельности. Стимулирование включает в себя:

а) налоговые льготы и условия:

— предоставляется отсрочка в 3 года на уплату налога с прибыли для всех предприятий после получения объявленной прибыли; для иностранных и смешанных компаний отсрочка составляет 5 лет;

— общая норма налога на прибыли составляет порядка 20 %, предприятия, использующие передовую технологию, и предприятия с высокой долей экспорта в производстве дополнительно получают налоговые льготы в размере до 50 % общей нормы налогообложения;

— на первые 5 лет функционирования иностранных и смешанных предприятий они и занятый на них иностранный персонал освобождаются от налога на перевод доходов за границу;

— иностранные и совместные предприятия в регионе получают освобождение от налогов на ту часть объявленной прибыли, которая направляется на финансирование социальных объектов и объектов производственной инфраструктуры, а также направляемой для реинвестирования в регионе части прибыли в случае, если реинвестиции осуществляются не менее трех лет подряд;

— разрешается ускоренная амортизация основного капитала для всех предприятий в регионе; амортизационный фонд полностью остается в распоряжении предприятий;

— исключаются из подлежащей налогообложению прибыли затраты на капиталовложения для модернизации производства, внедрение новых технологий и технических систем, развитие социально-культурной сферы региона;

б) финансовые и тарифные льготы:

— всем иностранным и совместным предприятиям, а также советским предприятиям в части, соответствующей объему их экспортной деятельности, гарантируется право конверсии рублевых авуаров в иностранную валюту по коммерческим курсам через Дальневосточный банк экономического развития;

— для иностранных и совместных предприятий в регионе, а также для советских предприятий в течение первых 5 лет после начала функционирования устанавливаются льготные ставки всех видов рентных платежей, арендной платы за землю, здания и сооружения, тарифы платы за воду, электроэнергию, связь и другие виды коммунальных услуг;

в) организационные льготы:

— в регионе устанавливается упрощенный порядок регистрации иностранных, совместных предприятий через решение местных органов власти с проведением предварительной экспертизы;

— советские предприятия, находящиеся в государственной форме собственности, получают право организации совместных предприятий без согласования с вышестоящими организациями в соответствии с общими правилами регистрации иностранных капиталов и предприятий в регионе;

— всем субъектам хозяйствования предоставляется право на осуществление товарообменных и посреднических операций с товарами и услугами, производимыми в пределах региона;

— для всех субъектов хозяйственной деятельности устанавливается единообразная форма деловой и бухгалтерской отчетности на основе зарубежных стандартов и методик;

— для развития материально-технического снабжения организуется товарная биржа, через которую осуществляются закупки необходимых материалов и сырья; кроме этого, создаются торгово-посреднические коммерческие организации и фирмы, через которые осуществляются прямые закупки сырья, материалов, оборудования, комплектов за пределами региона на договорных условиях;

— совместные и иностранные предприятия в регионе получают право безлицензионных внешнеэкономических операций, советские предприятия и организации должны получить лицензию на внешнеэкономическую операцию; право выдачи лицензий делегируется местным органам власти во всех случаях, кроме ограничения на торгово-экономические отношения, накладываемые полномочными органами центральной власти по военно-политическим соображениям;

г) таможенные льготы:

— освобождение от таможенных пошлин импорта и экспорта товаров и услуг, произведенных в регионе или предназначенных для производственных и потребительских целей в его пределах;

— отложенное взимание таможенной пошлины в уменьшенном размере с товаров и услуг, произведенных в регионе и ввозимых на внутренний рынок СССР, в пределах импортного компонента в стоимости этих товаров и услуг;

— освобождение от таможенной пошлины товаров и услуг, экспортируемых транзитом через регион из внутренних районов СССР, в части, соответствующей стоимости, добавленной на территории Дальневосточного района и Забайкалья (в случае осуществления в регионе финишных операций по производству, упаковке и пр.).

2. Реорганизация финансовой системы.

Основой создания новой финансовой системы явится учреждение Дальневосточного банка экономического развития, а также создание сети коммерческих банков и филиалов иностранных банков. Важнейшей мерой будет создание Дальневосточного банка (ДВБЭР), который должен функционировать как коммерческий банк, но быть тесно связан с союзным и российским государственными банками.

Важнейшей задачей ДВБЭР является обеспечение частичной конвертируемости рублевых депозитов, корреспондирующих с экономической деятельностью в пределах региона, на основе экспортных операций и установления справедливого курса рубля по отношению к иностранным валютам. На территории региона необходимо поддерживать исключительно рублевое денежное обращение, включая и систему налогообложения.

Для обеспечения операций ДВБЭР по конвертируемости рубля, гарантий иностранных инвестиций и займов создается залоговый фонд, величина которого определяется размером операций с конвертируемой валютой и размером гарантируемых активов иностранных партнеров. Для создания залогового фонда необходимо часть природных ресурсов региона, включая запасы руд цветных и благородных металлов, лесные и рыбные ресурсы, пушнину, передать в исключительное распоряжение и пользование местным органам власти на основе договора между Ассоциацией дальневосточных территорий, представляющей регион, и правительствами Союза и республики. Для обеспечения гарантий валютных операций ДВБЭР, частичной сбалансированности платежей необходимо создать золотой запас ДВБЭР на основе части продукции золотодобывающей промышленности региона.

Кроме этого, источниками формирования залогового фонда могут являться:

- доходы в СКВ, полученные от продажи предприятий в собственность иностранным юридическим и физическим лицам;
- часть доходов в СКВ от внешнеэкономической и предпринимательской деятельности, аккумулируемых местными органами власти;
- часть доходов от арендных платежей, платежей за концессии, услуги инфраструктуры и пр.;
- часть доходов от поступающих в СКВ налогов, доходов от ценных бумаг и депозитов в иностранных банках;
- иностранные кредиты, полученные для создания гарантийного фонда и обеспечения конвертируемости платежных средств в регионе;
- специально выделяемый союзным валютным фондом резерв свободно конвертируемой валюты;
- имущество советских предприятий и местных органов власти, включая земельные участки;
- перспективные участки территории, имеющие ценность для экономической деятельности, которые при определенных условиях будут переданы в собственность иностранным партнерам в качестве возмещения потерь.

Для поддержания рублевого денежного обращения в регионе розничная торговля, оплата труда персонала (кроме иностранного персонала), социальные выплаты, оплата заказов государственных и местных органов осуществляются исключительно в рублях. Остальные платежи могут осуществляться в свободно конвертируемой валюте, но только через банк с обязательной конверсией в рубли по банковскому курсу.

На территории региона разрешаются операции с акциями и ценными бумагами, в том числе и за рубежом.

Ценообразование в регионе основывается на принципах свободного рыночного ценообразования. Для предприятий, находящихся в государственной собственности, допускается установление цен соответствующими государственными органами. На продукцию и услуги предприятий, находящихся в коммунальной собственности, цены и тарифы устанавливаются местными властями.

Для обеспечения гарантированного минимума уровня жизни населения, особенно в первый период, когда товарный рынок не насыщен, конкуренция производителей не развернута, вводится система гарантированных розничных цен на продовольственные и промышленные товары по определенному ассортименту. Разницу между рыночными ценами и гарантированными розничными ценами должны компенсировать местные Советы за счет средств, получаемых от налога с оборота по товарам со свободными ценами. Для стимулирования снижения цен или их стабилизации по данным товарам необходимо ввести систему стимулирования для производителей, например снижение ставок налога на прибыль в определенной пропорции по мере снижения цен или же, наоборот, увеличение ставки налога на прибыль пропорционально росту индекса цен с учетом изменения индекса цен.

3. Защита рынка.

Для организации внутрирегионального оптового рынка создается товарная биржа с соответствующими обслуживающими фирмами, которая обеспечивает функционирование товарного рынка наряду со специализированными и универсальными торговыми фирмами.

Для предпринимателей, функционирующих в регионе, доступ к оптовому рынку свободен. Свободным является и осуществление операций по торговле с другими регионами страны. Для защиты сбалансированности товарных и денежных потоков в качестве антиинфляционного стабилизатора используется правило, согласно которому доступ на внутренний рынок региона предприятиями других регионов страны ограничен денежными средствами этих предприятий на счетах ДВБЭР (или других банков), образуемыми от поступлений в результате реализации продукции данных предпринимателей на рынке региона. Средства с этих счетов могут использоваться лишь на оплату товаров и услуг, а также как инвестиции, однако не подлежат конверсии в иностранные валюты.

Посреднические операции по перепродаже продукции и сырья, завозимого из других районов страны и региона, запрещаются. Устанавливается определенная степень переработки на территории региона ввозимой продукции для последующего ее экспорта. Это не распространяется на продукцию, экспортируемую из других районов страны и следующую транзитом через территорию Дальнего Востока. Для защиты платежных

операций ДВБЭР, курса рубля перевод рублевых поступлений от реализации на территории региона продукции, ввезенной из других регионов страны и республик, осуществляется только в размерах, определяемых договорами с этими регионами и республиками о поставках конкурентоспособной экспортной продукции на Дальний Восток.

Государственные гарантии и государственная поддержка

Государственный бюджет не должен в условиях рыночной экономики финансировать все экономическое развитие и все элементы социальной программы. Это не реально, и обещания подобного финансирования только дезорганизуют регион и блокируют возможные шаги по использованию собственных возможностей.

Однако без государственной поддержки региона осуществить программу экономической модернизации и обеспечить гарантии рыночного механизма будет невозможно. Эта поддержка должна быть осуществлена в форме создания специального фонда развития Дальнего Востока. За счет средств данного фонда (ФРДВ) должны финансироваться проекты общерегионального значения, которые ориентированы не на получение прибыли, а на создание условий для сбалансированного экономического развития и поддержания социальных стандартов, а также обеспечения модернизации экономической структуры. К ним относятся проекты:

1. Модернизация и развитие сырьевого сектора экономики региона, что включает в себя:

- освоение углеводородных месторождений шельфа острова Сахалин с сооружением комплекса объектов по транспортировке и переработке природного газа и нефти, с тем чтобы обеспечить подачу газа в районы Сахалинской области, Приморского и Хабаровского краев к 2000 г. в объеме 10 млн. куб. м;

- создание мощностей (особенно малых) по комплексной, глубокой переработке лесных и рыбных ресурсов, их техническое оснащение;

- модернизацию добычи и переработку цветных и благородных металлов.

2. Создание и модернизация инфраструктурных условий социально-экономического развития в регионе, что включает в себя:

- электрификацию и модернизацию Транссибирской магистрали;

- реконструкцию железнодорожных подходов к порту Ванино, а также портовых сооружений Ванино, создание промышленной зоны и превращение порта Ванино в новый эффективный выход в бассейн Тихого океана, особенно на японском направлении, учитывая ограниченность пропускной способности Транссиба в направлении портов Находка и Восточный;

- финансирование дорожного строительства в части дорог республиканского и союзного значения;

- создание современных средств связи и коммуникаций внутри региона и между регионом и странами Тихоокеанского бассейна, в частности сооружение опτικο-волоконных систем, создание станций спутниковой связи и пр.;

- строительство современных международных аэропортов и реконструкцию существующих, в частности в Хабаровске, Владивостоке, Южно-Сахалинске, Магадане, Находке, Биробиджане, Благовещенске;

- частичное финансирование создания опорной инфраструктуры локальных зон свободного предпринимательства на территории региона, в частности Находкинской, Хабаровской, Благовещенской, Биробиджанской (строительство автодорог, аэропортовых комплексов, коммуникационных центров, объектов тепло- и электроснабжения);

- финансирование геологоразведочных работ по наращиванию минерально-сырьевого потенциала региона, а также финансирование фундаментальных научно-исследовательских работ.

3. Строительство и реконструкция объектов энергетики:

- строительство новых угольных предприятий для обеспечения электроэнергетики региона топливом, в частности разрезов Ерковецкого, Лучегорского, Ургальского, Солицевского;

- создание общерегиональной базы энергетического строительства, рассчитанной на освоение 400—500 млн. руб. строительно-монтажных работ в год на энергетических объектах любого типа в пределах Дальнего Востока;

- строительство крупных, имеющих общерегиональное значение объектов электро-

энергетики (Бурейская ГЭС, Хабаровская АЭС, магистральные линии электропередач и пр.).

4. Социальная поддержка населения, создание и поддержание социального минимума в области обеспечения жильем, коммунальными услугами, услугами здравоохранения и образования. В частности, важной государственной программой должно быть финансирование жилищного строительства и строительства объектов здравоохранения, образования и культуры в размере, обеспечивающем поддержание показателей обеспеченности социальной инфраструктурой на уровне не ниже среднереспубликанского, с учетом средств, выделяемых на эти цели местными Советами и предприятиями.

5. Конверсия оборонной промышленности региона, которая занимает важное место, особенно в машиностроении (до 30 % общего объема машиностроения); конверсией оборонной промышленности может на данном этапе ограничиться программа модернизации машиностроения, так как именно в рамках конверсии может быть реально достигнута переспециализация части машиностроения на внутрорегиональный и международный рынки, а также частично решена проблема облагораживания совокупного продукта региона за счет конечной продукции с высокой долей добавленной стоимости.

Государственная поддержка регионального экономического развития явится важной гарантией для инвесторов серьезности намерений СССР на Дальнем Востоке. Кроме того, наличие государственной поддержки необходимо для обеспечения контроля за соблюдением социальных гарантий для населения и обеспечения экономического взаимодействия Дальневосточного региона с внутренними районами страны. Наряду с поддержкой из государственного фонда социально-экономического развития принципиально важно ограничить сферу экономической деятельности и управления со стороны местных Советов.

Сейчас преобладает точка зрения, согласно которой местные Советы должны сконцентрировать у себя как можно больше собственности и власти над экономикой. В частности, очень популярны требования передать в собственность местных Советов государственные предприятия, играющие ключевую роль в экономике Дальнего Востока. Местные власти считают, что это позволит им в интересах территории контролировать экономическую деятельность и политику развития. Скорее всего, это может привести к нарастанию трудностей и для местной власти, и для этих предприятий.

Бесспорно, во всяком случае, что такая мера станет большим препятствием на пути к рынку, так как резко ограничит сферу рыночных отношений как раз в наиболее мощном экономическом секторе.

Точно так же, как государственная поддержка должна концентрироваться на малорентабельных сферах крупной инфраструктуры, структурной модернизации и социальных программах, управление местных властей должно быть сосредоточено на развитии социальной сферы, коммунальных службах, местной энергетике и транспорте, дорожном строительстве и связи, охране окружающей среды, образовании и культуре.

Содействие развитию предпринимательства, в том числе на основе частной собственности, является важнейшей задачей местных Советов по проведению альтернативной политики экономического развития региона. Наиболее эффективным способом использования части проектируемых для создания фондов Ассоциации дальневосточных Советов и государственного ФРДВ станет поддержка процессов приватизации и развития малого бизнеса в регионе с обязательной гарантией малому бизнесу возможности приобретения элементов материально-технического обеспечения производственной деятельности.

Кроме этого, для создания начальной рыночной среды в регионе следует осуществить передачу в коллективную собственность или продажу в частную собственность мелких предприятий торговли, общественного питания и бытового обслуживания с сохранением системы материально-технического обеспечения их работы на основе рыночных цен. Прежде всего это можно сделать с убыточными и малоэффективными предприятиями. Уже в 1922 г. при соответствующей подготовке можно передать в частную и коллективную собственность убыточные и малорентабельные промышленные предприятия. Но при этом придется обязательно выделить средства для финансовой поддержки этих предприятий и предоставить им ряд существенных льгот.

Первые шаги

Изложенная выше альтернативная политика и меры по ее претворению в жизнь сегодня уже не являются лишь кабинетными построениями. Без стройной системы, без четкой аргументации эта политика уже осуществляется на Дальнем Востоке отдельными территориями и поддерживается таким авторитетным органом, как Ассоциация дальневосточных Советов народных депутатов.

Основные принципы этой политики поддержаны третьей сессией этой ассоциации, которая состоялась в Хабаровске в феврале 1991 г. Именно на этой сессии впервые официально местные власти Дальнего Востока отказались поддержать предложенную Госпланом СССР концепцию экономического развития региона. Вместо этого принято решение начать осуществление вышесказанной альтернативной концепции построения открытого смешанного рынка.

Но фактически уже до этого такая концепция начала осуществляться. Наиболее ярким проявлением стало стремление многих территорий получить статус свободных экономических зон. Прежде всего это удалось Находке, которая давно к этому готовилась. Но, кроме Находки, о создании свободных экономических зон объявили также Сахалин, Приморский край, Еврейская автономная область, Хабаровский край. Конечно, речь шла и идет о создании открытой рыночной экономики с гибким стимулированием предпринимательства.

Территории начали активно работать в данном направлении, и документы Сахалинской области и Еврейской автономной области уже в феврале 1991 г. были переданы в Верховный Совет РСФСР. Активно начали развиваться, особенно на Сахалине, процессы приватизации государственной собственности. Сразу после принятия российского Закона о земле на Дальнем Востоке гораздо активнее, чем на других территориях, начали создаваться фермерские хозяйства, и местные власти ищут возможности оказать им эффективную помощь.

Все это направлено на подготовку к полномасштабной реализации альтернативной политики развития экономики Дальнего Востока.

Реализация же этой политики станет наиболее действенным средством активизации внешнеэкономических связей этого региона СССР со странами Тихоокеанского бассейна.

Экологическая безопасность в АТР и Китай

Ю. МИНАКОВ

Проблема экономического развития Китая на здоровой экологической основе тесно связана с формированием системы экологической безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе. Выход Китая на международный экономический рынок привел к резкому увеличению экономических, культурных и экологических связей с рядом зарубежных стран, вызвал стремление использовать богатый зарубежный опыт в области охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов. Тем не менее в условиях развития неэквивалентного обмена между развитыми и развивающимися странами региона (Китай считает себя социалистической развивающейся страной) большое значение приобретает научно обоснованное развитие экономики страны в условиях международного разделения труда с учетом специфики формирования национальной экономики на современном этапе. Так, выступая на конференции АТР по проблемам окружающей среды и развитию в октябре 1990 г., председатель комиссии Госсовета по охране окружающей среды Сун Цзянь назвал ключевой гарантией постоянного развития региона АТР и Китая курс на сдерживание чрезмерного роста населения, защиту ресурсов и окружающей среды и установление нового порядка в международных экономических отношениях.

В этом плане, считают в Китае, необходимо уделить внимание решению следующих вопросов:

1. Исходя из современной ситуации с ростом народонаселения, необходимости координации экономического развития с рациональным использованием природных ресурсов и защитой среды, важно, чтобы все развивающиеся страны уделили должное внимание проблеме окружающей среды и приняли активное участие в ее решении.

2. Каждая страна азиатско-тихоокеанского региона должна взять на себя ответственность и обязательство в решении проблем окружающей среды и развития в АТР.

3. Необходимо установить новый порядок в международных экономических отношениях.

4. Проблемы разрушения природной среды, бедности и проблемы ускорения экономического развития находятся в тесной связи с проблемами роста населения.

Китайские ученые полагают, что вряд ли удастся обеспечить продолжительное развитие экономики ценой принесения в жертву природной среды, что необходимо добиться органичного сочетания развития экономики и защиты окружающей среды. Считается, что ведомством по охране среды в Китае был найден путь к защите окружающей среды, соответствующий развитию экономики в Китае. Он состоит в комплексной разработке программ экономического развития, городского и сельского строительства и строительства окружающей среды, усилении контроля за окружающей средой, экономией энерго-ресурсов.

Тем не менее в Китае сознают, что темпы экономического развития будут определяться состоянием окружающей среды в Азии в целом, особенно в сопредельных с Китаем странах. Китай уже ощущает последствия, обусловленные нарушением озонового слоя, появлением кислотных дождей (в Китае около 16 % пахотных земель под-

Минаков Юрий Васильевич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИДВ АН СССР.

вержены этому загрязнению), «парникового эффекта», сокращения видов растений и животных. Поэтому проблема гармоничного развития экономики и окружающей среды в Китае, где численность населения составляет около 20 % мирового, будет оказывать существенное влияние на всю архитектуру продолжительного экономического развития в Азии.

Китайскими учеными были выделены основные моменты, характерные для экономики будущего в азиатско-тихоокеанском регионе:

- постоянное обновление техники;
- повышенные степени открытости и взаимодействия между различными экономическими системами;
- новые связи между экономикой и экологией;
- еще более глубокие и быстрые политические сдвиги в экономических структурах разных государств;
- быстрые технологические изменения в наиболее чувствительных районах мировой экономики.

Эти моменты, по мнению председателя Китайского общества экономики У Цзяняня, представляют собой новую форму регионального сотрудничества в АТР¹.

В Азии проблемы охраны окружающей среды всегда стояли на втором месте по сравнению с наращиванием валового национального продукта. В настоящее время, когда проблема загрязнения биосферы достигла своего критического уровня, правительства региона начали учитывать проблему среды и исправлять ошибки в этом направлении. Как заявлял К. Тарумицу, президент Азиатского банка развития (АБР), «мы в Азии поняли очень быстро, что деградация окружающей среды есть высокая цена за неконтролируемый экономический рост»². В отличие от Запада, где организации по охране окружающей среды определяют глобальные приоритеты — глобальное потепление, «парниковый эффект», — задачей азиатских экологов является не только борьба в защиту среды, но и поощрение соответственного экономического развития. Однако ряд ученых считает, что вскоре в Азии возникнет такая же серьезная проблема, как и на Западе. АБР, с которым ряд экологов связывает надежды на разработку компенсационной экологической стратегии, может стать гарантом ряда экологических проектов в АТР. Однако, как отмечал Ч. Фау, директор Международного восточного общества по проектам в Азии, «проблема среды обострится только через несколько лет»³. Экологи считают, что Азия несколько отстала от Запада в развитии процессов экологической защиты, а Международный банк реконструкции и развития более оперативен в стратегии охраны окружающей среды в ряде районов планеты. АБР отстает в разработке экологической политики от этого банка примерно на 4 года. Опыт показывает, что многие развитые страны, зависящие от природных ресурсов Азии, часто обеспечивали свой рост за счет уничтожения окружающей среды стран АТР, особенно его лесов. Экологи призывают руководителей стран региона обратить внимание на проблемы окружающей среды.

«АБР отмечает, что проблема охраны среды должна включаться в социальные программы. Это очень серьезная проблема в перспективе, — заявил Ч. Фау. — Особую опасность представляет превращение некоторых богатых сельскохозяйственных районов в пустыню, поэтому надо усилить экспортную направленность отраслей развивающихся стран с целью накопления средств для природоохранных целей»⁴.

Ряд зарубежных специалистов, рассматривая ситуацию в АТР, СССР, Китае, МНР, на Тайване, в Лаосе, Вьетнаме, отмечают усиление влияния экологических проблем на социально-экономическое развитие стран региона⁵. Они считают, что предсказанные катастрофические последствия в ряде развивающихся стран могут произойти, поэтому важно вовремя изменить приоритеты человеческой деятельности. Надо понимать, что эти последствия затронут жизнедеятельность людей и в экономически развитой части мира. Человечеству необходимо выжить, противостоять грядущим изменениям, а это потребует огромных экономических ресурсов всех стран мира.

Поэтому стабилизация экологической ситуации в крупнейшей стране АТР — Китае в условиях обострения демографической ситуации и сокращения природных ресурсов становится одной из важнейших задач формирования устойчивого социально-экономического развития.

Как отмечал американский ученый Джим Дейтор, «если Китай намеревается играть более активную роль в мировых политических и экономических процессах (а его человеческие ресурсы впечатляющи и станут еще более значительными при соединении с

богатой талантами сетью «заморских китайцев»), то, возможно, будет корректнее говорить о «китайском столетии», нежели о «тихоокеанском»⁶.

Тем не менее ряд китайских и зарубежных специалистов считают, что обострение в 80-е годы кризиса в области демографии, экологии и природных ресурсов в Китае может создать серьезные трудности в экономическом развитии Китая в 90-е и последующие годы.

Проблема сохранения окружающей среды Китая как крупнейшей державы АТР — важная часть экологической проблемы всей планеты. Этот вопрос, как считают специалисты Центра экологических исследований Академии наук КНР, охватывает две области: проблема охраны окружающей среды на всей планете и в самом Китае⁷. Они связывают возникновение сложной экологической ситуации в Китае с рядом философских, экономических, исторических, правовых и социальных проблем, которые сложились в результате исторического развития страны⁸.

Характер отношения природы и человека усугублялся и рядом неблагоприятных природных факторов, и хозяйственной деятельностью в условиях бесконтрольного роста населения⁹.

За всю историю Китая в стране трижды удваивалось население, что постоянно приводило к нарушению экологического баланса¹⁰. Так, третье увеличение китайского населения произошло после образования КНР, когда оно возросло с 540 млн. в 1949 г. до 1,11 млрд. человек в 1989 г. При этом, как подчеркивают китайские специалисты, последние 10 лет экономического развития принесли особенно большой вред, в результате чего обстановка продолжает ухудшаться¹¹. На основании исследований, проведенных в ряде районов страны, установлено, что нарушен предел равновесия множества биосистем, поддерживающих существование природы. По мнению китайского социолога Сунь Бинвэня, которое он высказал еще в 1957 г., «природная среда Китая может функционировать только при уровне населения в 800 млн. человек». Однако в 1981 г. в результате более углубленных исследований председатель Государственного комитета по науке и технике КНР Сун Цзянь заявил, что среда в Китае может функционировать только при населении 0,65—0,7 млрд. человек. Нагрузка на среду в конце 80-х годов достигла своего пика, в 90-е годы это может привести к непредсказуемым последствиям в использовании земельных, водных, лесных и других ресурсов¹². Несмотря на принимаемые в административном и законодательном порядке меры по улучшению земледелия, пахотные угодья сокращаются ежегодно на 0,2—0,6 млн. га в год, в результате чего в 1990 г. на душу населения приходилось 0,08 га пашни¹³. Если к 2020 г. население Китая увеличится до 1,5 млрд. человек, этот показатель составит только 0,06 га, что создаст невероятные трудности в решении продовольственной проблемы. Катастрофически быстро сокращаются лесные ресурсы страны, несмотря на принимаемые ежегодно многомиллионные кампании по лесонасаждению. Площадь лесного клина последние 20 лет колеблется в пределах 8—13 % территории страны. Для нормального же функционирования биосферы и населения необходимо, чтобы территория на 30 % была покрыта лесами¹⁴.

Питьевая вода в Китае становится не только дефицитом, но и все более непригодной для употребления. Обследование, в ходе которого были изучены 874 реки, показало, что более 50 % водоемов загрязнены и отравлены органическими веществами и ядохимикатами. В результате 65 % из 1,11 млрд. китайцев вынуждены пить грязную питьевую воду, что приводит к резкому возрастанию заболеваний.

Серьезное загрязнение атмосферы и учащающиеся кислотные дожди создают реальную угрозу сельскому хозяйству. Так, в 1987 г. на 40 % по сравнению с 1981 г. увеличилось количество отходов сельскохозяйственного производства. Особенно острой критике в области загрязнения подвергаются поселковые и волостные предприятия (в 1989 г. их насчитывалось около 19 млн.). Около 40 % этих предприятий признаны источниками загрязнения окружающей среды, причем 10 % из них создают угрозу экологии. Китайские специалисты АН КНР в специальном докладе подчеркивали, что «загрязнение сельскохозяйственных угодий стало очень большой ценой реформы в деревне и что, возможно, оно когда-нибудь перечеркнет результаты этой реформы»¹⁵.

О кризисе окружающей среды свидетельствует также и возросшая на протяжении последних лет частота стихийных бедствий — ураганов, засух, наводнений, града, причиняющих все больший ущерб. По оценкам, площади, подвергающиеся засухам и затоплению, возросли по сравнению с периодом до образования КНР на 65 %, а мате-

риальный ущерб от них — в 2 раза. По данным Государственного управления по охране окружающей среды, в 1987 г. потери от загрязнения окружающей среды составили 67 млрд. юаней (в СССР в 1989 г. — 60 млрд. руб.), а с учетом нерационального использования природных ресурсов и ущерба от стихийных бедствий — свыше 100 млрд. юаней. Эти цифры сравнимы с материальными потерями за 8 лет антияпонской войны. Если все будет продолжаться в том же плане, то положительный экономический эффект от развития народного хозяйства к концу XX в. будет сведен на нет отрицательным эффектом от загрязнения окружающей среды¹⁶.

Проблемы охраны окружающей среды становятся препятствием на пути экономического развития страны. Более того, они становятся причиной обострения политической ситуации, общественных беспорядков. Стихийные бедствия (а в год подвергается стихийным бедствиям 40 % пахотных земель) приводят к голоду, бедности¹⁷. «Если сейчас не принять решительных мер в области предотвращения деградации почв, загрязнения подземных вод, сведения растительного покрова, то ситуация может выйти из-под контроля»¹⁸.

Оценки перспектив решения экологических проблем в Китае в XXI в. часто противоположные и противоречивые. Ряд китайских и зарубежных специалистов считают, что «Китай неотвратимо идет навстречу гигантской экологической катастрофе», и данные, представленные на проходившем в марте 1990 г. в Пекине международном colloquium, почти не оставляют надежды на улучшение положения в ближайшем будущем¹⁹.

Другие специалисты, просчитывая и прогнозируя экономическое развитие Китая к 2050 г., подчеркивают невозможность выполнения ряда задач из-за ограниченности природных ресурсов. Так, западногерманские специалисты считают, что к 2050 г. будут потеряны около 27 млн. га. Вновь освоенные земли могли бы уменьшить эти потери наполовину, но за это время население Китая достигнет 1,8 млрд. человек. Если каждому китайцу нужно 600 кг зерна в год, включая сюда зерно, необходимое для производства мяса, то необходимо более 1 млрд. т зерна, что фактически невозможно произвести в условиях Китая²⁰.

Однако основная часть ученых, специалистов и государственных деятелей Китая считает, что имеются все возможности для смягчения экологической ситуации и в дальнейшем ее разрешения. Важным фактором в деле охраны окружающей среды стал отказ Китая от доктрины самостоятельного разрешения экологической проблемы в условиях ускоренного развития экономической реформы²¹.

При этом были сделаны очень важные выводы, в частности вывод о том, что расточительное природопользование — это не только следствие, но и условие жизнедеятельности административно-командной системы хозяйствования, которая может добиваться экономического роста только экстенсивным путем, то есть путем вовлечения в общественное производство все большего количества новых ресурсов, прежде всего взятых у природы²².

Отсутствие у людей «чувства хозяина» ведет к расточительному расходованию природных ресурсов, чему примером может служить нерациональная вырубка леса. Многие руководящие работники лишь на словах заботятся о состоянии окружающей среды, а на деле их интересуют лишь производственные показатели²³. Потому в Китае 90-е годы рассматриваются как экологизация экономического развития и управления народным хозяйством, то есть перехода от природоразрушительного к природосберегающему типу функционирования социально-экономической системы. И здесь возникает проблема финансирования этого перехода. Только 0,7 % объема ВВП ассигнует Китай на охрану окружающей среды. В некоторых других странах с аналогичными серьезными проблемами на это отводится 2,5 %. К 1992 г. расходы на проведение экологических мероприятий будут увеличены до 1 %. По мнению начальника Государственного управления по охране окружающей среды Цюй Гэпина, чтобы взять под контроль нынешнее состояние окружающей среды, требуется как минимум 1,5 % ВВП²⁴.

В условиях формирования стратегии глобальной охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов у государства должна быть национальная программа действий по охране природы и участия в международном сотрудничестве, направленная на решение глобальных и региональных экологических проблем. Это отметил, выступая по случаю Дня Земли 21 апреля 1990 г., премьер Госсовета КНР Ли Пэн. При этом он указал на необходимость углубления международного сотрудничества в области борьбы с «парниковым эффектом», возобновления лесных ресурсов,

снабжения возрастающего населения Земли пресной водой, борьбы против окончательного исчезновения редких биологических видов растений и животных.

К примеру, китайские научные круги серьезно беспокоит проблема «парникового эффекта», в результате которого к 2030 г. температура на планете поднимется в среднем на 1,5—4,5 °С, а уровень Мирового океана — на 20—140 см. По подсчетам китайских специалистов, при повышении уровня океана только на 30 см будет затоплена часть страны, так как ряд приморских районов (дельта рек Чжуцзян, Янцзы, Хуанхэ) вышатаются над уровнем моря только на 10—40 см²⁶. Поэтому Китай рассчитывает на помощь в деле изменения структуры энергоресурсов, их рационального использования. Китай является самой крупной страной по добыче угля (в 1990 г. более 1 млрд. т) и его использованию (72—75 %). Выбросы в атмосферу двуокиси углерода достигают 12—15 млн. т, что составляет 10 % мировых выбросов (США и СССР вместе выбрасывают до 40 %). Поэтому необходимость сотрудничества трех крупнейших в АТР держав в энергетике является важной предпосылкой ослабления «парниковой проблемы».

Все более тесной координации в рациональном использовании ресурсов Мирового океана в районе АТР требует развитие и практическая реализация комплексного мониторинга Тихого океана и отдельных его регионов, включая шельфовые зоны. Китай в 1990 г. добыл 12 млн. т рыбы и морепродуктов и занял третье место в мире после Японии и СССР. Поэтому разумное использование морских ресурсов этими странами также требует совместных мер, предотвращающих загрязнение моря сбросами отходов и других материалов, требует разработки регионального плана действий в области охраны морской среды с учетом деятельности ЮНЕП ООН по региональным морям.

С конца 80-х годов Китай активизирует связи с ООН и ее специализированными организациями в деле изучения охраны среды. В 1989—1990 гг. в Китае прошел ряд международных семинаров и конференций с целью формирования экологической политики в Китае. Как подчеркнул представитель программы развития ООН в КНР Рой Д. Мори, одной из главных целей международного симпозиума в феврале 1990 г. являлась разработка для правительства КНР программы действий с загрязнением на ближайший и долгосрочный период. Рекомендации симпозиума были переданы высшему китайскому руководству. В 1990—1991 гг. ООН продолжала оказывать активную помощь Китаю, учитывая опасный характер разрушения окружающей среды.

Участники симпозиума пришли к единому выводу, что главными загрязнителями окружающей среды в Китае, как и во многих других странах, являются отходы промышленных предприятий, фактически бесконтрольное применение в сельском хозяйстве пестицидов, химических удобрений и других химикатов.

Международные организации предлагают также перестроить структуру китайской промышленности и сельского хозяйства, чтобы уменьшить применение хлорфторуглеродов, которые разрушают озоновый слой Земли. Между тем в 80-е годы в Китае был построен ряд заводов по производству холодильников и предполагается в начале 90-х годов выпустить 7—10 млн. Попытки ряда зарубежных стран оказать давление на Китай с целью сократить производство фреоновых приборов не увенчались успехом. Это было очевидно на Лондонской конференции 1989 г. по охране озонового слоя, когда Китай призвал развитые страны к созданию фонда, предназначенного для оказания помощи странам «третьего мира» в приобретении технологии производства заменителей хлорфторуглеродов²⁶. К примеру, стоимость научных разработок фирмы «Дюпон» — крупнейшего производителя холодильного оборудования США — в течение 10 лет оценивается в 1 млрд. долл. Такие объемы финансирования, как подчеркивали китайские ученые, им не под силу.

Важное значение приобрело сотрудничество Комиссии ЮНЕСКО по проблемам человека и биосферы ООН и министерства научных исследований ФРГ и ряда китайских организаций по изучению современных экосистем в различных районах страны. Проект, рассчитанный до 1993 г., рассматривает три формы экосистем — горные районы, акваторийские территории и экосистемы городов²⁷.

Особое внимание в условиях усиления экономических связей между странами АТР, роста взаимной торговли Китай уделяет различным методам и формам сотрудничества — от поисков единой философской и этической основы взаимоотношений человека и природы, как показало обсуждение в декабре 1989 г. в Фуданьском университете проблемы «Конфуцианизм и общество будущего», до создания «сферы китайской экономики», включающей континентальную часть страны, Сянган, Аомэнь и Тайвань, с

тем чтобы использовать преимущества региона в доступной рабочей силе, в природных ресурсах, капиталах и высокопроизводительной технике. Как отмечал китайский ученый Сюэ Цзиньсяо, постепенно складывающаяся «сфера китайской экономики» играет все более важную роль в АТР и одновременно стимулирует рациональное и эффективное развитие экономики континентального Китая. Китай стремится расширить сотрудничество со странами АСЕАН, Австралией, Японией в области рационального использования природных ресурсов, а также надеется создать на своей территории объекты, предусматривающие высокую степень переработки местного и ввозимого сырья, создание новых экологически чистых отраслей промышленности.

На фоне активизации сотрудничества КНР с другими странами АТР советско-китайское сотрудничество в области охраны окружающей среды находится на начальной стадии. Заключенное соглашение между академиями наук СССР и КНР на 1989—1990 гг. в области охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов в основном сосредоточило внимание на отдельных аспектах природопользования, изучении теории ландшафтов и т. д. В условиях обострения проблем экологической безопасности в Китае и в дальневосточных районах СССР назрела необходимость создания экологически целостной программы развития Дальневосточного экономического района СССР, Северо-Восточных провинций КНР, МНР, Кореи и Японии.

Необходимо комплексно проанализировать проблемы экологической безопасности наших стран, тесно связав возможность их решения с финансовыми возможностями стран, привлечением ресурсов заинтересованных стран (Южная Корея, Япония) с целью максимальной реализации преимуществ ресурсного потенциала, географического положения СССР и КНР в АТР, региональных трудовых традиций.

В процессе реализации советско-китайского сотрудничества в области экологической безопасности в АТР необходимо силами всех научно-исследовательских организаций СССР, КНР, Японии и Южной Кореи определить пути ликвидации негативных экологических последствий в Китае, разработки совместной экологической концепции оздоровления охраны окружающей среды в АТР.

Сложившаяся в АТР экологическая ситуация требует нового политического и связанного с ним экологического мышления, активной национальной деятельности и международного сотрудничества на двухсторонней и многосторонней основе.

¹ Ляован.— 1989.— № 44.— С. 36.

² China Daily.— 1990.— May 31.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

Экономика и жизнь.— 1990.— № 41 (приложение).— С. 1.

⁶ Проблемы теории и практики управления.— 1990.— № 4.— С. 98.

⁷ Ляован.— 1989.— № 45.— С. 36—37.

⁸ Beijing Review.— 1989.— № 51.— P. 20—21; Сюй Диньинь. Экологические проблемы Китая.— М.,— 1990.— С. 70—71.

⁹ Frankfurter allgemeine.— 1990.— April.

¹⁰ Ляован.— 1989.— № 45.— С. 30—31.

¹¹ Чжунго нунцюнь цзинцзи.— 1989.— № 3.— С. 3.

¹² Нунъе цинцзи вэньти.— 1989.— № 9.— С. 48.

¹³ China Daily.— 1991.— March 7.

¹⁴ Ibid.— 1990.— March 14.

¹⁵ Ляован.— 1989.— № 44.— С. 23.

¹⁶ Вэйлай юй фачжань.— 1989.— № 2.— С. 18.

¹⁷ China Daily.— 1991.— March 1.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Suddentsche Zeitung, Muchen.— 1990.— Mazz 27.— S. 8.

²⁰ China Actuell, Humburg.— 1989.— July.— S. 486—487.

²¹ Хуанцзин баоху.— 1989.— № 7.— С. 8.

²² Чжунго нунцюнь вэньти.— 1989.— № 3.— С. 6.

²³ Beijing Review.— 1990.— July 16.— P. 18.

²⁴ Хуанцзин баоху.— 1989.— № 7.— С. 13.

²⁵ Ляован.— 1989.— № 44.— С. 36.

²⁶ Functional Times.— 1989.— April 21.

²⁷ China Daily.— 1990.— March 19.

В. САВАЛЕЙ

*Входите тесными вратами,
потому что широки врата
и пространен путь...*

(Гл. 6 от Матфея)

Ключевая роль в процессе интеграции России в экономическое пространство азиатско-тихоокеанского региона может быть исполнена, по-видимому, Приморским краем. Благодаря удобному экономико-географическому положению такая редукторная роль может оказаться оправданной. Правда, пока экономика края очень робко взаимодействует с внешним миром.

Объем экспортных поставок предприятий края составляет лишь 130 млн. руб. в инвальнойном исчислении. Зарегистрированные на его территории 24 совместных предприятия произвели в 1990 г. продукции и услуг на 21,6 млн. руб., что составило 0,02 % совокупного продукта края. Далека от оптимальности структура экспорта. В ней превалирует сырье рыбной и лесоперерабатывающей промышленности. Доля же машин и оборудования — менее 1 %¹.

Не искусственна ли в таком случае систематическая апелляция общественных и научных кругов к необходимости разворота экономики края если не анфас, то в профиль к странам тихоокеанского бассейна? Достаточно ли для этого иметь сухопутные границы к КНР и КНДР (не исключено, что в скором времени это будет граница с единым корейским государством), морскую — с Японией и кратчайшие выходы по морю на другие страны Восточной Азии и западного побережья Американского континента? Ведь экономический потенциал Приморья несопоставим с масштабами и уровнем развития многих из них.

Многоотраслевое хозяйство края характеризуется в настоящее время следующими параметрами (уровень 1990 г.):

- объем валового продукта составляет 11 млрд. руб.;
- стоимость основных фондов оценивается в 32 млрд. руб.;
- годовая прибыль по народному хозяйству — 2,6 млрд. руб.;
- среднегодовой объем капитальных вложений — 1,9 млрд. руб.

По большинству макропоказателей (численность населения, объем валового производства, национальный доход, объем ежегодных капиталовложений и др.) доля края в общесоюзном масштабе находится в пределах 0,8—1,2 %, в республиканском — 1,5—2 %. В то время как экономический потенциал Японии, Южной Кореи, восточных провинций Китая вполне сопоставим именно с союзным или республиканским масштабами.

Поэтому, если рассматривать Приморский край как автономную территориальную систему, следует признать, что с таким экономическим уровнем ее присутствие в регионе Японского моря в случае открытия экономических границ вряд ли окажет заметное возмущающее воздействие. Другое дело, если край получит в этом регионе статус полномочного представителя крупного государства, имеющего значительный интерес к интегрированию в восточноазиатское сообщество. В этом случае Приморье может рассматриваться как соединительная муфта или переходный отсек стыкующихся экономических моделей разного типа.

Соответственно и концепции перспективного развития края, механизм и этапы интегрирования в новое экономическое пространство будут формулироваться по-разному.

Савалей Виктор Васильевич, зам. директора Института экономических и международных проблем освоения океана ДВО АН СССР, кандидат экономических наук.

Например, концепция автономного интегрирования может быть реализована только через такую степень политической самостоятельности, которую сегодня пытаются заполнить союзные республики. Прообразом этой модели является существовавшая в 20-е годы Дальневосточная республика.

Концепция согласованного или поощрительного интегрирования может быть построена на особом государственном интересе, материализованном в создании на территории режима максимального благоприятствования предпринимательству и ресурсной поддержке государства на начальном этапе движения (инфраструктурное обустройство, материально-техническое и продовольственное снабжение).

Если обратиться к истории, окажется, что Дальний Восток и особенно Приморье довольно часто выполняли роль российского плацдарма в экономической и военной стратегии и функций экспериментального полигона.

Первые 15 лет XX в. по динамике наращивания экономического потенциала были, пожалуй, наиболее выразительными для этого района. За эти годы была, по существу, решена двуединая задача создания торгово-экономического представительства России на восточной окраине и военного форпоста на базе города Владивостока.

Двумя железнодорожными магистралями (Транссибирской и Восточно-Китайской), достроенными в начале века, Приморье было надежно пристыковано к остальной части России. Проводилась целенаправленная политика заселения его территории. Ежегодный приток переселенцев из России составлял в среднем 20 тыс. человек². За первые 10 лет с начала века население Владивостока выросло в 4 раза и достигло уже к 1910 г. 100 тыс. человек, что по тем временам придавало ему статус крупного торгового города-порта. Ежегодно во Владивосток заходило по 500—600 и более коммерческих судов, подавляющая часть из которых — под иностранными флагами. Об активности иностранного предпринимательства и всемерной поддержке его со стороны государства говорит такой факт. В городе функционировало 11 консульств иностранных государств, в числе которых были не только соседи — Япония, Китай, США, но и Великобритания, Германия, Норвегия, Франция и др.³

Годовой товарооборот 3 тыс. торговых предприятий в 30 раз превышал по стоимости объем производства 100 заводов и фабрик. Это свидетельствует о торгово-коммерческой специализации городского хозяйства, его торгово-посреднических связях с внешним миром. Характеристика — «отдаленная российская провинция, напоминающая далекий Запад», — емко выражала степень развития края.

В калейдоскопе политических (и во многом трагедийных) событий, охвативших регион в 1917—1922 гг. со сменой власти, иностранной интервенцией, особо выделяется период двухлетнего существования Дальневосточной республики (ДВР). Экономическая, социальная и правовая концепции буферной республики разрабатывались в условиях давления левого и правого экстремизма, угрозы иностранного вмешательства, разрушенного хозяйства, правового хаоса, и тем не менее в этих концепциях удалось выдержать демократизм принципов управления.

Все три концепции по большинству положений могут быть и сегодня взяты за основу преобразований дальневосточной экономики. Например, экономическая концепция правительства ДВР, возглавляемого коммунистом П. Никифоровым (в состав правительства входили также эсеры, меньшевики, кадеты), исходила из необходимости:

— сохранения единых принципов хозяйственного механизма страны с обязательным сочетанием рыночной экономики и госкапитализма и учетом экономических особенностей каждой дальневосточной области;

— многообразия различных форм хозяйственной организации: концессий и аренды, артелей и кооперативов, акционерных и частных компаний, коммерческих банков;

— перераспределения части валового дохода в пользу расширения производства товаров первой необходимости;

— сокращения непроизводительных расходов на госаппарат и армию;

— восстановления сельского хозяйства и мелкого кустарного промысла при сохранении старой системы землепользования, допускающей применение наемного труда, сдачи земли в аренду и т. п.;

— стимулирования товарооборота между городом и деревней;

— денационализации нерентабельных и убыточных предприятий;

— предоставления свободы предпринимательства во внешнеэкономической торговле;

— согласования программы действий правительства ДВР и земских администраций⁴.

Однако до серьезной реализации программы дело не дошло. Уже в ноябре 1922 г. ДВР воссоединилась с РСФСР. Тем не менее периферийное положение региона позволяло еще определенное время сохранять здесь более свободный экономический климат. Так, еще в 30-е годы в Дальневосточном крае сохранялись «атавизмы» буферной республики:

а) основная масса предприятий не подчинялась союзным комиссариатам, а оставалась в собственности края;

б) сильные позиции частного капитала, прежде всего в промысловых отраслях, мелкооптовой торговле, легкой и пищевой промышленности;

в) существование акционерных обществ и концессий вплоть до 40-х годов.

Итак, в своей истории Приморье последовательно выполняло важные стратегические функции: военно-морская база, торгово-коммерческий канал России в азиатско-тихоокеанское пространство, буферная территория между большевистской Россией и агрессивной внешней и внутренней оппозицией.

Сегодняшний статус края трудно определить одной фразой, но такие составляющие, как ресурсно-сырьевая база, военно-морской плацдарм, транспортно-транзитный канал, без сомнения, образуют основу ее конструкции.

Хозяйственный комплекс Приморья, как и других территорий региона, формировался в условиях сильного централизованного управления в целях создания «дальневосточной крепости коммунизма» (выражение Н. А. Вознесенского, председателя Госплана СССР в 30—40-е годы). Здесь в исторически сжатые сроки были созданы горнодобывающая промышленность, мощный рыболовный и транспортный флот, судоремонтное и судостроительное производство, морские порты, новые города. С позиции критерия эффективности общесоюзного разделения труда многомиллиардные капиталовложения в этот регион себя окупили, так как относительно дешевое сырье из Приморья и всего Дальнего Востока (лес, руда, рыба) позволяло поддерживать приемлемый масштаб цен на продукцию их переработки и потребления, а созданная здесь экономика служила надежной материальной базой армии, погранвойск, флота, развернутых в соответствии с доктриной безопасности СССР в этом регионе.

Следует констатировать, что в государственной политике использования экономического потенциала Приморья не удалось найти компромисса между интересами центра и местного населения. В результате в 90-е годы Приморье вступает с деформированной межотраслевой структурой экономики, изношенными производственными фондами, напряженным топливно-энергетическим балансом, отсталой инфраструктурой, запущенной социальной сферой, очагами экологических бедствий.

«Вклад» экономики края в республиканскую и общесоюзную копилку определяется:

— производством 17 % общесоюзных объемов товарной пищевой продукции (в основном за счет рыбы и рыбных консервов);

— поставками в монопольном объеме концентрата флюорита и борсодержащих продуктов, а также значительной доли концентратов руд цветных и редких металлов (олова, вольфрама, свинца, серебра и др.);

— вывозом деловой древесины, меда, пушнины;

— производством 9 % риса и 15 % сои в республиканском объеме;

— перевозками и перевалкой свыше 30 млн. т хозяйственных грузов на международном и каботажном направлении через крупнейшие в России морские порты Владивосток, Находка, Восточный;

— судоремонтным и хозяйственным обслуживанием военно-морского флота;

— выполнением на ряде машиностроительных заводов оборонных заказов;

— предоставлением территории под объекты и дислокацию частей военно-морского флота, армии, погранвойск.

Государственный «вклад» в приморскую экономику состоит:

— в финансировании на 40—50 % программ строительства производственных и социальных объектов, реконструкции и обновления основных фондов предприятий;

— в выделении прямых и косвенных дотаций рыбной промышленности, сельскому хозяйству, угольной промышленности и другим отраслям на сумму около 2 млрд. руб.;

— регулировании доходных статей местного бюджета из расчета обеспечения минимального уровня расходов на нужды здравоохранения, культуры, народного образования, просвещения, физкультуры и спорта;

— установлении ряда льгот в налогообложении прибыли предприятий, как совместных (для них ставка налога — 10 %, налоговые каникулы — 3 года с момента получения первой

прибыли), так и вновь создаваемых отечественных предприятий в отраслях недобывающего профиля;

— установлении районного коэффициента и надбавок к заработной плате, поднимающих ее уровень до полутора раз по отношению к номинальному (в районах края, приравненных к северным, — еще выше);

— поставках из государственных фондов 50 % товарной массы продовольственных и 70 % промышленных изделий, поступающих в розничную сеть края.

— Но начиная с 1990 г. сформировавшийся баланс «вкладов» (опускаем термин эквивалентность»: это тема специального обсуждения) стал разрушаться. Государство, утрачивая аккумулирующие и распределительные функции, оказывается не в состоянии выполнять ряд «обязательств», соответствующих балансу интересов центра и края. В первую очередь это касается недопоставок товаров народного потребления, компенсировать которые цивилизованными рыночными методами не удастся.

Кроме того, предприятия края, переходящие на рельсы самофинансирования, вынуждены брать на себя государственные обязательства по дополнительной оплате труда своих работников, снижая к тому же конкурентоспособность выпускаемых изделий из-за более высоких издержек.

Оценку соотношения вкладов двух взаимодействующих систем разного уровня иерархии впервые заставила делать мода регионального хозрасчета (ее расцвет пришелся на 1989—1990 гг.). Правда, из-за некомпетентности и конъюнктурности многих партийных и советских руководителей эстонская модель ИМЕ, разработанная для целей обоснования экономического и политического (I) суверенитета республики, распространена по всей стране, охватив даже такие невычленимые территориальные образования, как городские районы. Ошибка состояла в том, что чисто производственную категорию «хозрасчет» пытались один к одному перенести на инородное тело — «территорию». Прямой и полный хозрасчет возможен только между товаропроизводителями при характеристике их внешних связей и внутри субъекта-товаропроизводителя при характеристике внутренних связей.

Однако в тех регионах, где экономический неологизм «территориальный хозрасчет» понимался здраво, с иным содержанием, думается, расчеты по экономическому обоснованию территориального саморазвития оказались полезными. Не случайно в эти годы вышла методика Госкомстата СССР по исчислению национального дохода территорий на уровне краев, областей, что до сих пор не делалось.

Польза для территориальных органов власти состояла в том, что эти расчеты заставляли задуматься: по каким принципам «верхи» на 80—90 % регулируют доходы местных бюджетов, как измерить нагрузку на территориальные ресурсы (землю, воду, инфраструктуру) промышленных и особенно оборонных предприятий, не создающих чистого продукта — армии, флота, погранвойск, — и почему нет ясного механизма компенсации за отторгаемые ресурсы, благом или «данайским даром» являются государственные постановления о повышающих коэффициентах к заработной плате дальневосточников, севера и других жителей?

Эти раздумья стимулировали процессы децентрализации, территориального самоуправления, поисков путей мобилизации внутренних резервов. К сожалению, пути выбираются зачастую тупиковые, хотя внешне они привлекательны.

До сих пор многие политики на местах (особенно в восточных районах) не осознали экономической истины, что действительное, осязаемое в реальных благах богатство обеспечивают населению не сырьевые кладовые, а преобразовательный труд. Ложное чувство богатого шейха, сидящего на месторождениях нефти, газа, угля, руд, распоряжающегося запасами леса, рыбы, привело к очередной крайности. За парадом суверенитетов последовал марш открытия свободных экономических зон (СЭЗ). Только на Дальнем Востоке их уже в самостоятельном или организованном порядке объявлено пять. И это, видимо, не последняя цифра. Сложнейший, требующий синхронности действий государства, местных властей и хозяйственников акт образования СЭЗ или ЗСП заменяется зачастую эмоциональным обсуждением на сессии N-ского Совета и последующей апелляцией к государственным структурам о признании этого решения. После чего предполагается взять под контроль экспортные ресурсы территории, объявить о готовности содействовать размещению иностранного капитала и ожидать всплеска местного благополучия.

Иллюзорность такой политики состоит в том, что, как показал Ф. Кенз еще в XVIII в., обмен или торговля не порождает богатств. Суммарную меновую стоимость производи-

мых в стране товаров (включая сырье на экспорт) нельзя увеличить, торгуя, например, не централизованно, а по районам или предприятиям либо наоборот. Тем не менее ряд местных органов власти, не ведая того, реанимируют идеи меркантилистов, утверждавших, что накопление денежного богатства может быть достигнуто с помощью манипуляций государственной власти.

Отсюда вывод: стоит изменить эту власть, передать ее функции в части распоряжения богатствами на места, умело организовывать торговый бизнес, как начнется преумножение доходов территории.

Да, самостоятельность территорий должна быть существенно расширена, но не столько для того, чтобы вернуть местной властью сырьевые и прочие ресурсные потоки с внутреннего рынка на внешний, сколько чтобы более решительно озонировать экономический климат, заняться облагораживанием приемных условий для размещения капитала, в том числе иностранного, на основе своей стратегии регулировать распределение инвестиций по сферам хозяйства и территории, оперативно решать организационные вопросы хозяйственной и административной деятельности.

Одна из важнейших задач территориального управления — формирование прогрессивной отраслевой структуры регионального хозяйственного комплекса, опирающейся на научно обоснованную стратегию участия экономики территории в системе национального и внешнеэкономического разделения функций.

В отраслевой структуре хозяйственного комплекса Приморья доля промышленности в общем объеме производства составляет 64,5 %, транспорта — 14,6, строительства — 9,0, сельского хозяйства — 6,2, прочих отраслей — 5,7 %. Выше 80 % промышленной продукции включено в список важнейшей продукции общегосударственного значения.

Таким образом, Приморский край — регион с отчетливо выраженной промышленно-транспортной специализацией хозяйственного комплекса. Эти две народнохозяйственные отрасли (промышленность и транспорт) дают около 80 % объемов материального производства.

В промышленности ключевые места принадлежат рыбной отрасли и машиностроению, обеспечивающим более половины производства промышленной продукции. На остальные отрасли приходится в основном по 3—7 % на каждую, хотя некоторые, как уже отмечалось, выполняют общесоюзные или республиканские функции в разделении труда (цветная металлургия, химическая, лесная и деревообрабатывающая).

Для определения степени прогрессивности хозяйственной структуры в мире используется соотношение вкладов трех секторов экономики в общий доход территориальной системы. Чем выше доля третичного (обслуживающего) сектора по отношению к двум другим (перерабатывающему и добывающему) и перерабатывающего по отношению к добывающему, тем совершеннее и эффективнее структурная специализация производства в данном регионе.

В отраслевой структуре Приморского края четыре звена первичного сектора экономики (сельское хозяйство, лесо-, горно- и рыбодобывающие подотрасли) обеспечивают 23,7 % всего объема производства. В них занято 17,4 % численности работников материальной сферы. Перерабатывающие отрасли промышленности и строительство дают 52 % объема производства в крае с численностью занятых в 2,5 раза больше, чем в первичном секторе (см. таблицу).

Сравнивая этот расклад с отраслевой структурой острова Хоккайдо, который выполняет сходную с Приморьем функцию периферийного проблемного района Японии, получаем на первый взгляд преимущество Приморья по этапности технологического развития. Однако по глубине и комплексности переработки, ассортименту выпускаемой продукции и внутренней структуре перерабатывающих секторов сравнение не в пользу Приморья. Например, в лесоперерабатывающем цикле приморской экономики конечной продукцией являются фанера, древесностружечные плиты, домостроительная фурнитура, мебель не самого высокого качества. Часть древесины перерабатывается на щепу. Практически полностью отсутствуют профильные деревообрабатывающие производства, работающие на широкий круг индивидуальных заказчиков. Крайне беден ассортимент реализуемой рыбопродукции, недостаточна комплексность использования рыбного сырья. Относительно высокий вес перерабатывающего сектора экономики края объясняется также большими объемами судоремонтных услуг и производства машиностроительной продукции.

Но главная «болезнь» хозяйства края — в полной запущенности третичного сектора: группы обслуживающих отраслей. В нее включаются электроэнергетика, транспорт, связь,

торговля, снабжение и сбыт, информационно-вычислительные, банковские и прочие коммерческие услуги, бытовое и коммунальное обслуживание. На «ресурсном» Хоккайдо эти отрасли обеспечивают 64 % дохода префектуры и занято в них 64 % работников. В Приморье же доля третичного сектора соответственно 24,4 и 38,6 %. Еще более разительна дистанция Приморья от высокоразвитых префектур Японии, таких, например, как Осака, где соотношение объемов производства и услуг по трем секторам экономики выглядит приблизительно как 1:30:70.

Т а б л и ц а

Структура экономик Приморья и Хоккайдо

Сектор экономики	Объемы производства, %		Численность занятых, %	
	Приморье (1989 г.)	Хоккайдо (1987 г.)	Приморье (1989 г.)	Хоккайдо (1987 г.)
Первичный (добывающие отрасли)	23,7	10,0	17,4	13,0
Вторичный (перерабатывающие отрасли)	51,9	26,0	44,0	23,0
Третичный (обслуживающие отрасли)	24,4	64,0	38,6	64,0

Составлена таблица с использованием Новой долгосрочной программы развития Хоккайдо (Саппоро, 1988) и статистических бюллетеней Приморского краевого управления Госкомстата РСФСР.

Согласно долгосрочному плану развития Хоккайдо (1984—1997), в ближайшие годы структура его экономики не претерпит существенных преобразований. Ожидается некоторое снижение доли первичного сектора (до 7 %) и рост «вклада» перерабатывающей среды (до 28 %). Это свидетельствует, по-видимому, о приближении к оптимальным пропорциям регионального хозяйства, учитывающим экономико-географический и ресурсно-сырьевой потенциал острова.

Следовательно, с формальной точки зрения даже для регионов сырьевой специализации достижимой является пропорция 10:30:60 в распределении доходной роли трех секторов экономики: добывающего, перерабатывающего, обслуживающего. Для Приморья форсированное развитие третичного сектора — приоритетная задача.

Одним из основных направлений структурной оптимизации экономики края является более эффективное задействование транспортного фактора. В общей сложности по территории края перевозится и перегружается за год наземными и водными транспортными средствами около 90 млн. т грузов. Доля транспорта в совокупном объеме производства края почти в 2 раза выше аналогичного показателя по стране.

Через морские порты Приморья (Владивосток, Находку, Восточный) осуществляется 70 % внешнеторговых операций СССР со странами азиатско-тихоокеанского бассейна. 75 % контейнерных грузов Японии проходит в западном направлении через транспортный сервис с конечным и начальным пунктом в порту Восточный. Транзитные функции транспортных магистралей и портов края, по-видимому, могут укрепиться еще сильнее. Во всяком случае, интерес к транссибирскому мосту проявляют и другие страны, например Республика Корея. В 1990 г. первые 20 тыс. контейнеров из этой страны проследовали через порт Восточный и далее⁵. Поэтому заманчивым выглядит путь строительства новых транспортных линий. Однако транспорт магистрального значения относится к числу капиталоемких отраслей. 29 % стоимости основных производственных фондов края сосредоточено в этой отрасли. Коэффициент эластичности дохода к капиталу невысок, и обоснование наращивания транспортной сети «тяжелого» типа (железных дорог и портовых мощностей) следует проводить очень взвешенно.

Ряд специалистов серьезно ставят вопрос о строительстве параллельного железнодорожного моста от Находки до Комсомольска-на-Амуре, имея в виду:

- направить через него часть внешнеторговых и транзитных грузов, разгрузив работающую с огромным напряжением ветку Владивосток — Хабаровск;
- повысить коммерческую эффективность БАМа, направив сюда часть грузопотока, и ослабить нагрузку Транссиба;
- подготовить базовые условия для распространения хозяйственных связей на пионерную территорию между восточными склонами хребта Сихотэ-Алинь и морским побережьем Приморья.

Этот проект, возникший десятилетия назад, является естественным продолжением стратегии ширококомасштабного освоения ресурсов восточных территорий и находится в кильватере стройки века — БАМа. Известно, что экономические и военно-политические условия конца 60-х годов, объяснявшие актуальность строительства БАМа, кардинально изменились. Поток нефтяного и другого сибирского сырья к восточным портам страны так и не набрал планируемой мощи, а пограничное противостояние с Китаем упало практически до нуля, и стратегическая миссия БАМа как дублера Транссиба в форс-мажорных обстоятельствах оказалась неустребованной.

Следовательно, обоснование строительства новой железнодорожной трассы протяженностью 1100 км и ориентировочной стоимостью 3 млрд. руб. должно исходить из новых реальностей и иметь только коммерческую основу. Безусловно, Приморский край привлекателен как транзитный, перегрузочный и накопительный пункт товарно-материальных потоков между странами АТР и Западной Европой и в других попарных комбинациях, например между США и странами Центральной Азии. А нынешние сервис (скорость перевозки, оперативный контроль за продвижением грузов по всем участкам пути, сохранность грузов и т. п.) и пропускная способность железных дорог накладывают предел на заметное расширение транспортных услуг иностранным клиентам. Но, во-первых, достаточно ли надежен в будущем прогноз роста спроса на эти услуги и до каких объемов, чтобы закладывать его в расчеты на экономическое обоснование строительства «приморского меридиана»? Полностью ли задействованы резервы диверсификации транспортно-сервисных услуг? Скажем, введение консигнационных зон в морских портах, придание им статуса «портов-франко» создают дополнительные каналы доходов, не обязательно связанные с транзитом.

Не следует исключать ухудшения конъюнктуры в этой сфере и появления внешних и внутренних конкурентов приморским линиям за счет освоения новых направлений грузопотоков, таких, как:

- 1) паромная переправа Вакканай (остров Хоккайдо) — Ванино (порт в Хабаровском крае) — восточный участок БАМа — БАМ — европейская часть СССР;
- 2) воздушный мост из США и других стран АТР — авианеперегрузочный комплекс на Хоккайдо (только что сооруженный) — страны глубинной Азии и Европы;
- 3) китайско-советский железнодорожный мост — Шанхай — Урумчи — поселок Дружба (450-километровый участок, введенный в эксплуатацию в сентябре 1990 г. и соединивший китайскую и советскую железные дороги) — Семипалатинск — европейская часть СССР.

Поэтому проект сооружения железнодорожного отвеса БАМа от Комсомольска-на-Амуре к Находке следует в большей мере связывать с освоением крупных месторождений полезных ископаемых на новых территориях края. А такая стратегия имеет очень мощную опозицию.

Важнейшим стратегическим ориентиром в совершенствовании отраслевой структуры должно стать форсированное создание торгово-коммерческих, транспортных, коммуникационных, информационных, бытовых, туристических и прочих обслуживающих звеньев. Этот путь может оказаться для Приморья возрождающим былой статус торгово-экономического посредника Российского государства в АТР, в его восточноазиатской части.

¹ Красное Знамя. Владивосток, 1991.— 30 января.

² Рыбаковский Л. Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М.: Наука, 1990.

³ Владивосток: штрихи к портрету.— Владивосток, 1985.

⁴ Гавло Ю. Н. Государственный строй ДВР.— Томск, 1978.

⁵ Красное Знамя. Владивосток, 1991.— 10 января.

Один из секретов «тайваньского чуда»

В. ДРЫГИН

К экономическим реформам гоминьдановских лидеров подталкивала прежде всего экономическая необходимость. В середине 50-х годов проявились первые признаки замедления экономического роста на Тайване. Политика импортзамещения привела к весьма быстрому насыщению сравнительно небольшого по емкости внутреннего рынка, начала усиливаться безработица. Осуществлению заветной мечты Чан Кайши — превращению Тайваня в остров с независимой экономикой — никак не способствовал хронический дефицит торгового баланса. Решение было найдено, надо отдать должное тайваньским экономистам, весьма оригинальное: преодолевая идеологические стереотипы, гоминьдан взял курс прорыва на мировой рынок, широкое вовлечение острова в мировое хозяйство. Идея тайваньской «открытости внешнему миру» отнюдь не была, как оказалось, амбициозным прожектерством. Местный частный капитал уже окреп во многом благодаря протекционистской политике импортзамещения, и риск «заболеть» от «свежего ветра» внешнеэкономического сотрудничества и иностранных инвестиций был значительно снижен. Кроме того, переход от «оборонительной» к «наступательной» внешнеэкономической стратегии совсем не означал самоотстранения государства от внешнеэкономических дел. Наоборот, потребность местного частного бизнеса в таком мощном союзнике, как государство, с принятием крупномасштабных задач развития экспорториентированной экономики, по-видимому, даже в определенном смысле возросла. Союз государства и частного капитала еще более укрепился в движении за прорыв на международные рынки, и ликвидация на данном этапе протекционистских барьеров способствовала этому процессу консолидации. В свою очередь вовлечение Тайваня в систему мирового хозяйства стимулировало усиление маркетизации местной экономики, развитие начал экономического соревнования между госсектором и частным сектором и их консолидации перед лицом иностранных конкурентов. Становилось все более очевидно, что для быстрого индустриального роста и достижения конкурентоспособности тайваньских товаров на мировом рынке местных накоплений и уровня технологии недостаточно. Эти недостающие элементы экономического развития мог предоставить иностранный капитал. Тайвань обладал сравнительно квалифицированной и дешевой рабочей силой. Весьма благоприятно складывалась и ситуация в международном разделении труда: Япония осуществляла переход от трудоемких производств к техно- и капиталоемким, и для Тайваня освобождалось место, на котором остров мог полностью использовать свои преимущества.

Среди задач, поставленных VIII съездом гоминьдана, проходившим с 10 по 23 октября 1957 г., были следующие: создать на острове самостоятельную экономическую систему, всеми силами накапливать необходимый капитал, увеличивать производство, улучшать инвестиционный климат, поощрять свободу предприятий, улучшать валютную политику, развивать внешнюю торговлю¹. В соответствии с этими установками в конце 50-х годов была начата валютная реформа, направленная на достижение конвертируемости нового тайваньского юаня на основе поэтапного приближения официального курса обмена валют к рыночному. Снимались различные налоговые и иные ограничения на производственно-финансовую деятельность частных предприятий, все меньше бюрократических препонов оставалось на пути частной инициативы, особое внимание было уделено развитию рынка капиталов. Было принято законодательство, расширявшее возможности импорта и путем налоговых льгот ориентировавшее производителей на экспортные операции. Естественно, все эти меры способствовали общему улучшению инвестиционного климата. Возникла

Дрыгин Владислав Валентинович, аспирант ИДВ АН СССР.

насыщенная потребность в пересмотре законодательства об иностранных инвестициях. В декабре 1959 г. были внесены изменения в Закон об инвестициях иностранцев, а в марте 1960 г. пересмотрен Закон об инвестициях хуацяо. Версии законов 1959 и 1960 гг. содержали новые льготы, также основанные на смягчении налоговой политики: значительно расширились рамки и масштабы капиталовложений; инвестор мог обратиться за выплатой в валюте всей ежегодной чистой прибыли или банковских процентов от инвестиций, а не всего лишь 15 %, как раньше; иностранное предприятие не могло быть конфисковано в течение 20 лет (ранее — 10 лет); процедуры утверждения инвестиций были упрощены².

Окончательно оформился курс на реформы к 1960 г. Работа по разработке нового четырехлетнего плана развития тайваньской экономики на 1961—1964 гг., начавшаяся еще в 1958 г., завершилась утверждением целей третьей «четырёхлетки» в январе 1960 г. Новые элементы проявились в самой форме плана: значительно меньше было фиксированных показателей, по преимуществу это был индикативный, направляющий, а не директивный план. Предполагалось сделать капиталовложения общим объемом 125 млн. долл.³ План определял основную задачу развития — сделать тайваньскую экономику из в основном аграрной в преимущественно индустриальную. Выделялись главные направления ее развития: экспортные отрасли, обработка сельхозпродукции, энергоресурсы и тяжелая индустрия, инфраструктура. Была поставлена задача увеличения ВВП на 36 %. Очень серьезной проблемой при этом была нехватка капиталов, в связи с чем правительство решило применить следующие меры для улучшения инвестиционного климата: сокращение или ликвидация некоторых видов налогов, изменения в сторону либерализации в регулирующих законах и положениях, упрощение утверждения инвестиционных проектов, ликвидация ограничений на создание частных предприятий, выделение специальных районов в качестве индустриальных зон, создание инвестиционных центров, которые помогали бы инвесторам.

Составной частью новой экономической стратегии явилась «Программа 19 пунктов» — программа экономических реформ, принятая в феврале 1960 г. и направленная на привлечение накоплений, принятие первоначальных мер по созданию рынка капиталов, дальнейшие шаги по приватизации, упрощение бюрократических процедур при создании частных предприятий местным и иностранным бизнесом, поощрение капиталовложений. Программа содержала и ряд предложений, выдвинутых главой американской миссии помощи Харалдсоном в 1959 г. США осуществляли экономическое стимулирование реформ на острове, обещая дополнительные займы при условии более энергичной перемены в экономической политике гоминьдана в сторону либерализации.

Закон о поощрении капиталовложений, принятый в августе 1960 г., стал важным реальным шагом тайваньской экономической реформы. Политическое давление со стороны оппонентов реформы и боязнь усиления социальной нестабильности в деревне в случае широкого внедрения рыночных отношений, что могло нанести ущерб еще не окрепшим после земельной реформы фермерским хозяйствам, сдерживали возможность проведения широкомасштабных экономических реформ. Однако деятельность «прагматиков» в гоминьдановском экономическом руководстве, Инь Чжунжун в том числе, приносила свои плоды. «Осторожный либерал» Инь Чжунжун стал одним из инициаторов принятия Закона о поощрении капиталовложений, определившего основные льготы для вкладчиков:

1) отмена подоходного налога на три года в случае вложений в новые или уже существующие предприятия, если эти инвестиции привели к увеличению производительной мощности на 30 %;

2) установление максимальной ставки налога в 25 %;

3) часть прибыли, реинвестированная для производственных целей, не облагается налогом;

4) освобождение от налога 2 % ежегодного дохода от экспорта;

5) освобождение от налога банковских процентов для вкладов, которые находятся в банке два года или более;

6) освобождение от налога с оборота для коммерческих операций иностранных компаний, которые не имеют отделений или агентов на острове, а также для экспортных операций;

7) ликвидация таможенной пошлины для импорта оборудования, которое не производится на Тайване и будет использовано предприятием-импортером в собственном производстве;

8) поощрение сдачи земли в аренду для создания предприятий;

9) поощрение создания резервов для расширения производства и нейтрализации рыночных колебаний и т. д.¹

Принятие закона означало и значительное упрощение бюрократических процедур утверждения инвестирования и создания новых предприятий. После 1960 г. началась постепенная ликвидация контрольных функций министерства экономики, которое все больше становилось совещательным и направляющим органом. Значительно было улучшено сотрудничество между различными государственными организациями при рассмотрении заявок об инвестировании. Все это привело к тому, что вопрос о проекте решался значительно быстрее (ранее инвесторы должны были подать 36 копий заявлений и ждать решения не меньше трех месяцев, после принятия закона потенциальный вкладчик должен был сдать только три копии, правительственные органы выносили свое решение менее чем за месяц).

Тайваньская администрация обращалась за помощью к иностранным специалистам. В октябре 1961 г. на Тайвань приезжала группа из семи экспертов Стэнфордского университета, в 1961—1962 гг. на острове побывали три делегации японских экономистов, и те и другие пытались найти дополнительные источники капиталовложений.

Пришедшее в начале 60-х годов понимание, что для привлечения иностранного капитала и техники основным условием является благоприятная инвестиционная обстановка (благоприятная в том числе и для местных вкладчиков), выразившееся в принятии Закона о поощрении капиталовложений, оказало большое положительное воздействие на развитие экономики Тайваня.

Успехи экономического развития после принятия Закона о поощрении капиталовложений способствовали его пересмотру в сторону дальнейшей либерализации. 4 января 1965 г. в закон указом президента были внесены изменения, направленные на дальнейшее решение проблем индустриального развития и привлечения капиталовложений. Подчеркивалась необходимость более крупных вложений в отрасли с большим риском, прежде всего нефтехимическую. Согласно пересмотренной версии закона предполагалась дальнейшая продажа акций прибыльных государственных предприятий. Полученные средства вкладывались в новые перспективные предприятия, которые, после того как вставали на ноги, постепенно передавались в частные руки. Закон разрешал почти неограниченный вывоз прибыли, отмену подоходного налога на 5 лет для случаев эффективного инвестирования, подчеркивал отказ от экспроприации в течение 20 лет, поощрял продажу земли по низкой цене, упрощал процедуру импорта необходимого оборудования, предоставлял льготы экспортерам².

Важнейшей составной частью тайваньской реформы стало создание особых экономических зон, или, точнее, «экспортных зон обрабатывающей промышленности». Внимание тайваньских экономистов еще в 50-е годы привлек сянганский опыт бурного развития обрабатывающей промышленности в свободной торговой зоне. Идея создать особый район вокруг порта Гаосюн возникла в 1956 г. В 1959 г. Совет по американской помощи предложил создать на острове зону свободной торговли. Однако для создания такой зоны было необходимо наличие определенной промышленной базы и инфраструктуры, достаточное развитие рыночных отношений вне зоны. Отсутствие этих факторов, а также давление догматически мыслящих чиновников воспрепятствовали развитию этого проекта в 50-е годы. В начале 60-х годов обстановка изменилась. Одновременно с индустриализацией происходило и расширение рыночных структур. И тогда тайваньские экономические лидеры решили соединить элементы зоны свободной торговли с характерными чертами промышленных районов, которые активно возникали на острове в процессе индустриального развития. В экспортных зонах в одно целое объединялись усилия местных предпринимателей из приоритетных отраслей и их коллег из-за рубежа, привлеченных экономическими льготами производства в этих районах. Кроме того, локальный характер таких зон с очень благоприятным для иностранных инвесторов «микроклиматом» успокаивал ревнителей жесткого отношения к иностранному капиталу.

В марте 1965 г. началось строительство экспортного района в Гаосюне. Главными принципами создания особой экономической зоны стали: четкий юридический статус и правила, защищавшие права собственности иностранных владельцев, различные экономические льготы, продолжавшие линию Закона о поощрении капиталовложений, создание в районе специального административного управления, которому предоставлялись широкие права в деле регулирования хозяйственной деятельности в пределах зоны, что сразу же смягчило одно из важных препятствий на пути привлечения капиталов —

бюрократизм, предоставление удобств развитой инфраструктуры и близость сконцентрированной дешевой рабочей силы.

Очевидные выгоды инвестиций в экспортных зонах вызвали весьма энергичный ответ со стороны вкладчиков: еще до начала официального приема заявок 40 иностранных и местных фирм заявили о своем желании участвовать в разработке данного района. Развитие экспортных зон, успешно сочетавшее интересы развития экономики Тайваня, цели местного государственного и частного бизнеса с интересами иностранных вкладчиков, оказало большое положительное влияние на процесс индустриализации, усиления экспортного потенциала острова, создания рабочих мест и введения в производство новых технологий.

Итак, со второй половины 50-х годов начался перелом в экономической политике гоминьдана, перелом, который приобрел отчетливые контуры в 1960—1965 гг. Гоминьдановское государство взяло на себя роль руководителя контролируемого развития частного бизнеса. Установка на «ограничение капитала», означавшая, по существу, препятствие его широкому развитию, превратилась в способствование его (капитала) ограниченному и направляемому росту под руководством государства. Гоминьдану пришлось в целом примириться с необходимостью дать возможность частному капиталу развиваться, но при этом был сделан акцент на руководящей роли государства, направленность которой заключалась в том, чтобы не выпустить развитие частного капитала из-под контроля. Система тайваньского государственного капитализма представляла результат компромисса между государством и в его лице бюрократическим капиталом и формировавшимся частным бизнесом и во вполне традиционном китайском духе означала «гармонизацию» отношений между двумя сторонами, являясь одной из основ «конфуцианского капитализма».

В 60-х годах сложился особый вид политико-экономического консенсуса на Тайване. На наличие компромисса между гоминьдановской политической элитой и формировавшейся местной буржуазией указывает американский исследователь Т. Голд. Этот компромисс основывался на сохранении политической диктатуры гоминьдана при поощрении развития частного капитала. Голд отмечает, что «...буржуазия не обращалась к политике для нажима в сторону перемен — больше всего она боялась нестабильности»⁶. Действительно, капиталисты шли на ограничение своих политических и частично экономических прав ради необходимой стабильности, особенно важной в условиях укрепления позиций правительства КНР во внутренней политике и на международной арене. Однако причины политической апатии представителей частного капитала нужно искать, как нам представляется, прежде всего в том, что частный бизнес сам во многом экономически зависел от гоминьдановского государства, которое продолжало осуществлять значительный контроль над частным сектором, все в большей степени переходя к косвенным формам такого контроля (посредством финансовой политики, налогообложения и т. д.). Оно же занималось и контролируемым «вращиванием» частного капитала, делая это в значительной мере косвенно — через развитие инфраструктуры.

Бюрократический же капитал смог, модернизируясь и несколько ослабляя свои позиции, влиться в эту новую систему государственного капитализма. Ликвидируя экономические и юридические ограничения по отношению к развитию частного капитала, давая возможность развиваться институтам рынка, экономической конкуренции и частной инициативы, представители бюрократического капитала постепенно сами сближались с частным бизнесом в социально-экономическом плане. Бюрократическая буржуазия отказалась от неэкономических методов конкуренции, все более переходя к экономическим формам соревнования и, таким образом, во все большей степени проявляя свои собственно капиталистические, а не бюрократические черты. Весьма парадоксально выглядит тот факт, что социально-политический консенсус между этими двумя группами буржуазии во многом исходил из перехода ко все более свободной конкуренции между ними в экономической сфере. Нельзя, однако, забывать, что эта свобода была весьма относительной: бюрократическая буржуазия обладала значительным экономическим могуществом и продолжала играть ведущую роль при формировании политики.

Таким образом, данный процесс подразумевал начало объединения бюрократического и частного капитала в единое социально-экономическое целое, в котором первый занял «верхние этажи». В этих условиях государство перестало быть простым орудием в руках бюрократической буржуазии, а все более начинало играть автономную роль «буфера», «посредника» между различными социальными слоями, прежде всего между представите-

лями бюрократического и частного капитала, а также между верхними и нижними социальными группами, обеспечивая высокий уровень социально-политической стабильности с помощью политики «кнута и пряника» (в которой проведение экономических реформ соседствовало с жестким политическим режимом). В экономике государство начинало все больше играть индикативную роль. Изменения в тайваньском обществе сделали возможной и перемену отношений гоминьдана к иностранному частному капиталу. Был сделан важнейший шаг от взгляда на иностранный частный бизнес как «потенциального противника» к восприятию его в качестве реального союзника. Усилившийся местный частный капитал только выигрывал от сотрудничества с иностранными фирмами, на страже его интересов и интересов всей местной экономики стояло государство, которое одновременно с обеспечением многочисленных существенных льгот иностранным инвесторам никогда не теряло рычаги контроля за их деятельностью.

Такое состояние общества и социально-экономическая политика и стали одним из основополагающих элементов «конфуцианского капитализма», развитие которого и обеспечило претворение в жизнь «тайваньского экономического чуда».

¹ Дандай Тайвань. Хэфэй.— 1990.— С. 153.

² China Year book, 1960—1961.— Taipei, 1961.— P. 433.

³ Ibid.— P. 300—302.

⁴ Цзянли тоуцзы тяоли лзи гуаньси фагуй—Закон о поощрении капиталовложений и соответствующее законодательство.— Тайбэй, 1989.— С. 1—35.

⁵ Тайвань саньши нянь: 1949—1979—«Тайвань за 30 лет: 1949—1979».— Чжэнчжоу, 1988.— С. 164.

⁶ T. Gold. State and Society in the Taiwan Miracle.— Armonk, N. Y., 1986.— P. 90.

Знакомьтесь: сельские предприниматели Китая

(Продолжение)

ЧЖОУ ЦЗОЛЯН

(Директор швейной фабрики «Счастье»
в уезде Цяньцзян, провинция Хубэй)

Чжоу Цзолян, имеющий физический недостаток обеих ног, был в свое время сельским портным. Десять лет назад он руководил небольшой швейной мастерской, в которой работало 27 человек. Сегодня под его началом крупная фабрика с 1200 человек рабочих и служащих и основным фондом в размере 5 млн. юаней, дающая продукцию на сумму 21 млн. юаней в год. По масштабу производства, объему продукции, размерам налоговых платежей и среднему заработку рабочих и служащих фабрика занимает первое место среди сельских предприятий этой отрасли страны.

В 1985 г. швейная фабрика «Счастье» (уезд Цяньцзян, провинция Хубэй) переживала кульминационный период в своей истории: темпы роста производства побили рекорд, было приобретено 640 штук специального оборудования, расширены фабричные помещения на 2200 с лишним кв. м, годовая продукция впервые превысила 15 млн. юаней, увеличившись более чем в 3 раза против предыдущего года. Однако этот год был и самым трудным годом для фабрики со времени ее рождения. Стоимость годовой продукции на складе достигла 4 млн. юаней, дебиторская задолженность 5 млн. юаней, столько же задолжали по банковскому кредиту. Особенно круто пришлось Чжоу Цзоляну с суконными пальто. Из-за ошибочного прогноза рыночного спроса несколько десятков тысяч суконных пальто и большая партия сукна скопились в складских помещениях, более 3 млн. юаней оказалось вне обращения. Чжоу Цзолян принял решительные меры, продал залежалую продукцию по уцененным на 30—40 % ценам, привел замороженные средства в действие. Как показали факты, дальнейшее залеживание продукции принесло бы фабрике еще больший, невосполнимый ущерб.

Но Чжоу Цзолян не собирался вешать нос из-за этой истории. Он обобщил опыт, извлек урок, усилил изучение рыночной информации по трем категориям. К первой категории он отнес ту информацию, которая шла непосредственно с рынка и от потребителя. Организация производства, согласно этому роду информации, позволяла лишь «гнаться за краткосрочной, преходящей модой». Поэтому Чжоу Цзолян назвал такую информацию третьестепенной. Ко второй категории он отнес информацию, получаемую из конструкторских бюро, институтов одежды и швейных фабрик. Организуя производство одежды применительно к такой информации, по его мнению, можно идти в фарватере сезонных мод. Это была второстепенная информация. К третьей категории принадлежала исключительно прогнозная информация, рожденная на основе анализа и изучения психологии потребителя и закономерностей изменения рыночной конъюнктуры. Только следуя такого рода информации, можно наладить производство одежды, которая окажется сверхмодной, превосходящей самые требовательные вкусы, которая будет способна завоевывать рынок. Такого рода информацию Чжоу Цзолян назвал информацией первостепенной важности. Руководствуясь своей теорией информации, Чжоу Цзолян добился большого успеха. В 1986 г. он сконструировал новую модель зимней куртки, которая вызвала на рынке сенсацию. Чжоу стал настоящим законодателем мод. Помимо славы автору, новая модель принесла его швейной фабрике более 1,6 млн. юаней прибыли.

Юй Цзоминь

(Директор Дацючжуанской агропромышленно-торговой
компани, уезд Цзинхай, город Тяньцзинь)

Дацючжуан раньше был бедным селом, отсталым в культурном отношении. А ныне здесь имеется около 100 производственных предприятий. Это село четыре года (1983—

1986) числилось в первых рядах деревень по валовой промышленной и сельскохозяйственной продукции поселково-волостных предприятий. Большими переменами сельчане обязаны прежде всего Юй Цзоминю, руководителю, который насадил здесь уважение к знаниям и к специалистам и тем самым немало способствовал развитию родного края.

В использовании кадров Юй Цзоминь всегда отдает предпочтение людям с высокими моральными и деловыми качествами, не очень-то принимает в расчет, имеют ли они диплом и какой у них возраст. В 1982 г., когда организовывался Дацючжуанский завод электроприборов, Юй Цзоминь вопреки многочисленным наветам несогласных возложил должность директора завода на 23-летнего парня Чжан Яньцзюня. Два года спустя после его назначения чистый годовой доход завода достиг 2,5 млн. юаней. В настоящее время двадцать из ста директоров дацючжуанских предприятий — люди в возрасте 20 с лишним лет, причем у каждого есть свои отличительные стороны. Используя кадры, необходимо дать им возможность выявить свои сильные качества и помочь им преодолеть недостатки. Только таким образом можно вырастить плеяду деловых кадров. Юй Цзоминь ценит в людях хозяйственную сметку, умение стратегически мыслить, организационные способности. Кроме того, выдвигаемые им кадры отличаются упорством в овладении техническими знаниями. Благодаря правильному использованию кадров дела в Дацючжуане стали быстро идти в гору.

Умелая работа с кадрами привлекла в Дацючжуан немало специалистов из других районов страны. По приглашению здесь работают более 300 человек — профессора вузов, учителя начальных и средних школ, врачи, инженерно-технический персонал и квалифицированные рабочие. Они работают в качестве директоров и заместителей директоров предприятий, заведующих строительными компаниями, главных лечащих врачей, заведующих учебной частью школ, руководителей, отвечающих за научно-исследовательскую работу.

Одной из отличительных черт Юй Цзоминя является то, что он оказывает полное доверие тем, кому он поручил дело. Он никогда не прибегнет к услугам человека, которому он не может довериться полностью. Человеку, назначенному на руководящий пост с согласия Юй Цзоминя, предоставляются широкие права в использовании людских, финансовых и материальных ресурсов, включая право зачислять и увольнять рабочих. Он имеет право отдавать распоряжения о премировании и штрафовании подчиненных, разрабатывать внутренние правила, принимать решение о строительстве объектов в сфере своей компетенции.

По мнению Юй Цзоминя, критерием для проверки работников должны служить результаты их практической работы, развитие производства и экономическая эффективность предприятия.

Однако доверие к кадрам не означает ослабление контроля над ними. Тот, кто нарушил партийную дисциплину, законы государства или местные правила, не может рассчитывать на снисходительность. Зато кадры, хорошо зарекомендовавшие себя, получают высокую зарплату, пользуются льготами в жилье, в устройстве своих детей на работу и т. д. Вошедшее благодаря Юй Цзоминю в быт дацючжуанцев уважение к знаниям и специалистам способствовало созданию атмосферы активного труда и стремления к прогрессу.

Н. БОРЕВСКАЯ

Осенний Нанкин прекрасен — в конце октября днем до 20°, платаны, высаженные по обеим сторонам улиц, соединяются верхушками крон, образуя зеленый коридор; цикады, правда, уже смолкли, но теплый воздух еще напоен ароматом коричных деревьев, цветущие хризантемы в живописных горшках сливаются в клумбы у ворот учреждений.

Вот в такой солнечный день я отправилась в педагогическое училище «Сяочжуан», основанное почти 70 лет назад крупнейшим китайским педагогом-просветителем Тао Синчжи. Сегодня в Китае глубоко чтят его память и вновь припадают к живому роднику его творческой мысли. В стране действует Всекитайское общество изучения наследия Тао Синчжи с отделениями в нескольких провинциях, издается журнал «Синчжи яньцзю» («Изучение Синчжи»). Встав в один ряд с замечательными просветителями XX века Цай Юаньпэем, Янь Янчу, Чэнь Хэцином, Хуан Яньпэем, он так же прославил педагогический поиск, как С. Шацкий, В. Сухомлинский, А. Макаренко, Л. Занков в СССР, доказав, что не только Востоку есть чему поучиться у западной педагогики, но и сам он оплодотворял и будет оплодотворять творческую мысль Европы и Америки.

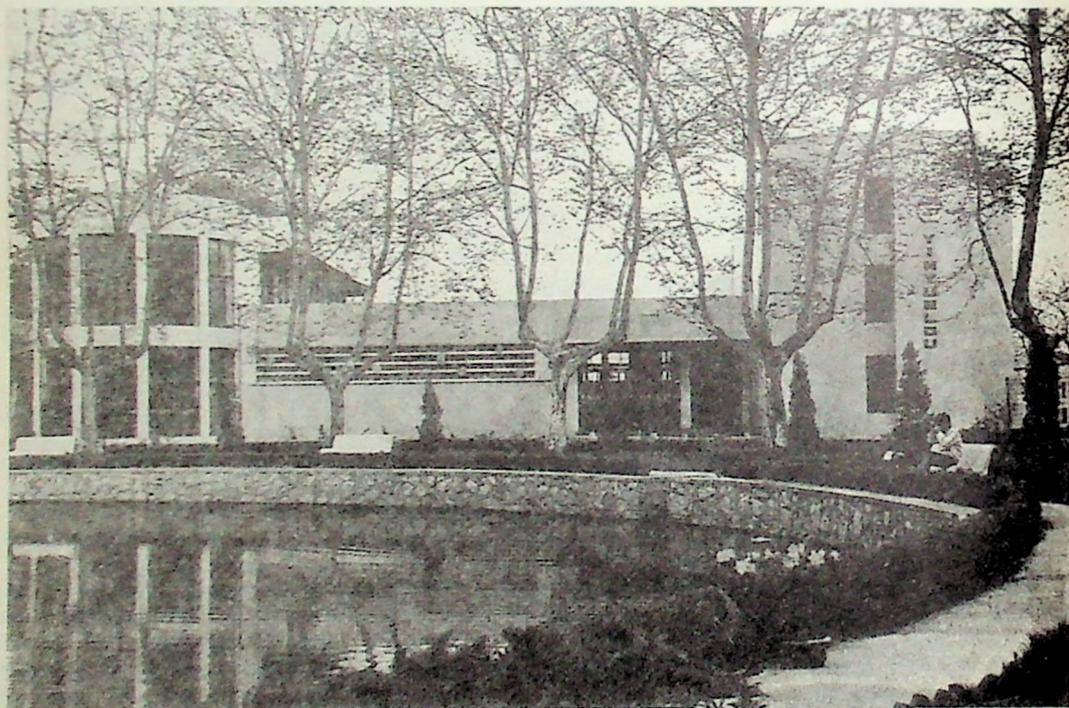
Еще в августе, узнав, что моя полугодовая стажировка будет проходить в Нанкинском педагогическом университете, я взволновалась — ведь в 1917 году именно в это учебное заведение, тогда именовавшееся Высшее педучилище, приехал преподавать 26-летний Тао, еще называвшийся Чжисин (позже я объясню секрет изменения его имени), переполненный идеями и энтузиазмом — еще бы, ведь он только что вернулся после трехгодичной стажировки в Соединенных Штатах, в родной город, где заканчивал университет. Пребывание в Штатах было на редкость плодотворным: сначала он получил степень магистра политических наук в Иллинойском университете, а затем изучал педагогику в Колумбийском университете у самих Дж. Дьюи и П. Монро. Засучив рукава, Тао берется за введение новшеств на родине — долой старую мертвую традиционную педагогику, прагматизм вдохнет в учебные заведения новую жизнь, новую методику, а там глядишь и... «образование спасет страну». Эту идею разделяла значительная часть прогрессивной китайской интеллигенции тех лет. Среди таких мечтателей — его друзья и единомышленники Чжу Цихой, Янь Янчу, Чэнь Хэцин. С последним они вместе были на стажировке в США, а затем бок о бок работали в Нанкине.

Вдохновленный развернувшимся в 1919 г. по всей стране антиимпериалистическим движением за обновление Китая (набат прозвучал в Пекинском университете, где ректором был Цай Юаньпэй), господин Тао становится ученым секретарем созданного в 1920 г. Китайского общества усовершенствования образования. Вместе с другими крупными педагогами он готовит принятую в 1922 г. реформу всей структуры системы образования, на несколько десятилетий определившую развитие китайской школы, активно пропагандирует идеи нового образования, в частности, через журнал, который он редактирует. В основе его идей — «единство процесса обучения и изучения», их взаимосвязанность, взаимовлияние — ростки педагогики сотрудничества.

И все же, как явствует из всего написанного о господине Тао в Китае, он очень скоро понял, что китайская и американская школы находятся на совершенно различ-

ных уровнях, обучением в Китае охвачена ничтожная часть детей и подростков — около 10 %, а с 90 % неграмотной массы страна никогда не войдет в ряды свободных и богатых держав. И тогда Тао Синчжи и Янь Янчу решают придать небывалый масштаб тлеющему с конца XIX века движению за обучение простого народа. Если революционеры в городах сделали после «движения 4 мая» ставку на рабочих, стали создавать для них вечерние школы, университеты самообучения, отряды пропагандистов образования для народа, то господин Тао с друзьями решили прежде всего поставить дело на научную основу: в 1923 г. они организуют «Китайское общество содействия обучению простолюдинов» с грандиозной программой: в течение десятилетия обучить грамоте 100 млн. молодых людей в возрасте от 12 до 25 лет, для чего необходимо собрать миллионный фонд средств, мобилизовать миллионы учителей, открыть миллионы школ! Тао неутомим: он самолично отредактировал «Учебник из 1000 иероглифов для простолюдинов», ездил по разным организациям, фабрикам, гостиницам, храмам, даже тюрьмам, пропагандируя свой учебник, убеждая, что только грамотный человек избавится от нищеты.

Господин Тао хорошо понимал свою страну, сознавал, что корень решения ее проблем — на селе, где проживало 90 % населения. Вот почему в 1926 году он написал «Декларацию изменения всей системы сельского образования в стране»¹. Суть его программы составляли два пункта: связать преобразование облика села — его модернизацию, использование сельскохозяйственной техники — с обновлением сельской школы, которая, в свою очередь, должна стать центром всей жизни на селе — его сердцем.

Музыкальный клуб

Господин Тао настойчиво подчеркивал, что «наука — мать промышленной цивилизации», необходимо ввести научные достижения в сельское хозяйство, а помочь в этом и может школа.

Если вникнуть в дух педагогической деятельности, то становится ясно, что трудовую деятельность учащихся, несмотря на ее экономическую отдачу, он не мыслил без созидания, творчества — только такой подход мог оплодотворить современную педагогику. Это почувствовали, в частности, его последователи в провинции Шаньси

80-х годов. В ряде сельских школ провинции учащиеся не просто получают профессию, которая пригодится им по окончании школы, не просто участвуют в сельскохозяйственном труде, но и в научном эксперименте: выведении новых сортов, для чего имеют собственные делянки. Провинциальный комитет по образованию, осуществляя курс «единства деревни и школы», включил в свой состав руководящие кадры с обеих сторон. Комитет обратил внимание на прозорливость предложения Тао Синчжи об усилении преподавания биологической науки в сельской школе, что было блестящим предвидением в канун XXI века².

«Жизненное образование» — альфа и омега педагогических построений господина Тао — сводились к тому, что образование должно соответствовать запросам реальной жизни на селе, давать детям полезные знания и навыки для этой жизни: «Как делаешь, так и изучаешь». Поверхностное прочтение этой фразы настораживает всех, знакомых с практикой китайской революции в образовании 60-х гг., тем более, что, как известно, ее теоретики были хорошо знакомы с идеями прагматической педагогики и начали претворять их в жизнь гораздо раньше, еще в освобожденных районах в конце 30—40-х годов. Вот тут-то, думается, и необходимо показать принципиальное различие двух подходов: Тао Синчжи был не только теоретиком, но и практиком гармоничного развития личности, включающего умственное, нравственное, физическое, трудовое и эстетическое воспитание, настаивал на том, что если отсутствует хоть одно звено, то нельзя сформировать полноценную личность. Его основополагающая идея — «воспитание для жизни, воспитание жизнью, воспитание ради потребностей движения жизни

Спортивный комплекс

вперед» — казалось бы, акцентирует социальную функцию образования. Но это не так, и сегодня, когда в КНР кипят споры о том, какова основная функция образования, думается, весьма полезно вспомнить, что выдающийся педагог считал необходимым поставить в центр жизненного воспитания личность, развитие ее «творческих сил». Только через развитие гармонической личности можно эффективно осуществлять социальную функцию образования. Вот почему он и в теории, и в практике своей педагогической деятельности стремился развить дух активности, самостоятельности, само-

управления учащихся, дать им «шесть свобод» — научить их самих думать, мастерить, видеть, свободно высказываться, дать им свободное время и пространство (внеклассная деятельность). Такое обучение, такой творческий процесс требовали и иных взаимоотношений между учителем и учеником, и демократизации всего общества. Тао писал: «Я хочу, чтобы все поняли, что наиболее благоприятным условием для проявления творческого потенциала является демократия. Конечно, он может проявиться и в недемократической обстановке, но это будет неполное и ограниченное проявление»³. А создавать демократический дух в учебных заведениях должны прежде всего учителя.

Думается, что тут-то и лежит коренное несходство практики Тао и «революционеров» 60-х гг., которые вынули из стройного теоретического построения Тао Синчжи один кирпичик — и все здание рассыпалось.

Господин Тао был хорошим учеником Дж. Дьюи, ибо сумел осмыслить его теорию в условиях китайской действительности: «Восьмилетний опыт (имеется в виду его педагогическая деятельность после возвращения из США.— Н. Б.) подсказал мне, что этим путем нельзя идти», — писал он, имея в виду концепцию Дж. Дьюи «образование — это жизнь». И далее заявлял, что в условиях нищеты нужно идти по пути «соединения обучения, учения и делания»: «эта формула — новый путь, который я нашел после того как разбил голову об стену, осуществляя программу «образование — это жизнь»⁴. Вот тут-то господин Тао и пришел к иному подходу: «жизнь — это образование».

За этой казалась бы простой перестановкой стояла подлинная китайская специфика, внесенная им в формулу прагматистской педагогики, которую он перевернул с головы на ноги. Развитые страны были озабочены тем, чтобы внести в школу дыхание жизни, а цель китайца состояла прежде всего в том, чтобы обучить миллионы нищих крестьян, остававшихся вне стен школы. «Педагогические идеи Тао Синчжи предназначались не для горстки богачей, а для всего народа», — с гордостью сказал мне в беседе исследователь педагогики Тао Синчжи профессор Дин Минкуань, чью прекрасно, даже поэтически прочитанную лекцию я незадолго до этого слушала вместе с группой преподавателей и директоров школ из провинции Чжэцзян. Именно профессор Дин указал, что корни педагогики этого просветителя не только во вне, но и в самом Китае — в деятельности У Сюня⁵. Суть педагогических идей Дж. Дьюи состояла в том, чтобы превратить школу в модель общества, перенести туда понятия и представления окружающей действительности, идея же Тао Синчжи заключалась в том, чтобы распахнуть двери школы и окунуться в гущу жизни.

Вот какие мысли руководили господином Тао, когда он взялся за создание в марте 1927 г. в пригороде Нанкина Сяочжуане экспериментального сельского педагогического училища.

Подъезжая к училищу по шумным торговым улицам поселка, мимо строительного котлована, и затем въезжая на цветущую ухоженную его территорию, я вспоминала, воссоздавала по-прочитанному день его основания. Чэнь Хэцин, присутствовавший на церемонии открытия, так вспоминает этот день: господин Тао, расставшийся со своей европейской одеждой и облаченный в крестьянские соломенные сандалии и шляпу, держал речь, рисуя учителям и ученикам увлекательные перспективы. Все это происходило на голом глинистом пустыре, ибо никакого помещения еще не было. Господин Тао вместе с первым набором слушателей — их было всего 13 (это потом число учащихся стало быстро расти, достигнув вскоре уже полусотни, а затем и нескольких тысяч) — разводили уток и свиней, распахивали целину под сад и подсобный участок, строили своими руками помещение для занятий, а также музыкальный зал, библиотеку.

Сейчас территория училища — более 100 му, общая площадь школьных помещений — более 20 тыс. кв. м, в книгохранилище — более 100 тыс. томов; легкая и изящная цветочная галерея, современный спортивный комплекс, музыкальный клуб на берегу пруда с танцзалом, светлое легкое здание лабораторного корпуса — об этом господин Тао мог только мечтать! Меня встречают заместитель директора училища, сотрудники исследовательской группы факультета психологии, а также директор находящегося здесь же музея великого просветителя Тан Цуйин. Училище уездное, готовит учителей для начальных школ, две трети выпускников — деревенские дети, которые возвращаются по окончании учебы на работу в деревню, то есть набор целевой, предпочтение отдается абитуриентам из бедных районов — так богатая Цзянсу чтит тради-

ции господина Тао. Учебные программы тесно связаны с жизнью села — портняжное дело, лекарственные растения и многое другое. Училище готовит в основном учителей китайского языка и математики, но учитывая дефицит учителей в сельских школах, дает выпускникам настолько широкое образование, что они одновременно могут вести уроки истории, географии, музыки, а в случае необходимости — и осуществлять руководство. Училище имеет в своем распоряжении четыре школы, где студенты проходят практику, три из них расположены в сельской местности, а одна — в Нанкине.

Помимо общей для всех педагогических училищ страны дисциплин, здесь читается курс «Педагогические идеи Тао Синчжи». Рассказывая о работе, зам. директора подчеркивает, что весь коллектив руководствуется не буквой, а духом учения Тао Синчжи, подходит к нему, исходя из нынешней китайской действительности, изучает не только педагогические идеи Тао, но и его нравственный кодекс. Пытаясь осмыслить педагогический процесс в училище, Тао Синчжи, в частности, написал статью «В процессе физического труда заниматься умственным». В ней прагматистское делание приобрело смысл противовеса книжной зубрежке, дополняется мыслительной деятельностью. В то же время господин Тао переосмысливает постулат Ван Янмина «знание — есть поступок». Он приходит к выводу, что единственный путь — от поступка к знаниям: «действие — это начало знания, знание — результат действия». Таким образом, слова «знание» (чжи) и «действие» (син) меняются местами в его имени, и он становится Тао Синчжи.

Автор статьи с руководством музея и училища

Тао отличался терпимостью взглядов, уважал свободу мыслей — свою и чужую. Среди учителей были как беспартийные, так и члены Гоминьдана, а также КПК. Тао Синчжи объявил свое училище «свободной территорией», где сосуществовали представители разных партий и группировок. Любопытно, что посетивший экспериментальную сельскую школу С. Шацкого американский педагог, приехав впоследствии в Сяочжуан, высказал мысль, что в деятельности обеих школ много общего. Услышав об этом, Тао Синчжи заинтересовался, является ли С. Шацкий коммунистом, и услышав, что нет, удивился, как же он в таком случае может создавать свою школу. «Узнав, что советское правительство разрешает эти эксперименты, так как они содействуют

повышению материального уровня народа, Тао Синчжи сказал: «И здесь ситуация совпадает с моей».

Однако в 1930 г. гоминьдановские власти училище закрыли, так как преподаватели и учащиеся участвовали в демонстрациях в поддержку борьбы рабочих. Тао Синчжи уехал сначала в Японию, а по возвращении работал в Шанхае. В этот период он во власти новой идеи «наука спасет страну», его занимает распространение среди молодежи естественнонаучных знаний. Он организует естественнонаучный институт, редактирует серию «Наука — детям». В 1932 г. в одном из районов города он организовал «отряд труда и учебы» — маленький цех, начальная школа и коммуна вместе взятые. В этом он видел жизнеспособную новую клеточку преобразования села, воплощение идеи: «наука спасет страну».

К нему приходит осознание того, что стране необходима система всеобщая, и в 1934 г. Тао выступил инициатором создания Китайской ассоциации за всеобщее образование, опубликовал проект его распространения, положив в основу систему мониторов — «юных наставников».

С середины 30-х годов от педагогической работы Тао Синчжи все больше отвлекает политическая деятельность — размах революционной войны, начало японской агрессии, углубляющийся кризис в стране — под влиянием этих событий растет симпатия Тао к коммунистам, осознание им необходимости национально-демократического движения народа как магистрального пути возрождения страны. В 1936 г. он с группой активистов создает Союз спасения родины, но вскоре после ареста лидеров Союза ему приходится уехать из страны. Начинается период его двухгодичной поездки по странам Азии, Африки, Европы, Америки (он посетил 28 стран) с важнейшей миссией — он обращается к народам разных стран с предложением поддержать справедливую борьбу китайских патриотов за спасение родины, организует финансовую помощь зарубежных соотечественников. Вернувшись на родину, Тао Синчжи вновь активно включается в общественно-педагогическую работу, составляет проект распространения образования в условиях антияпонской войны. Его «жизненное воспитание» впитывало живую меняющуюся действительность. Поэтому, когда в 1938 г. в Гуйлине он официально основал Общество жизненного воспитания, то имел в виду «соединить жизнь, состоящую из войны сопротивления и освобождения родины, с образованием, направленным на войну сопротивления и освобождения родины». И вскоре он дал прекрасный выразительный пример такого соединения, организовав в Чунцине школу «Воспитание талантов», куда собрал одаренных подростков с благородной целью — «в трудную минуту не дать завянуть росткам талантов, а напротив, развивать их». Своим энтузиазмом он зажег людей, и находившиеся в ту пору в Чунцине прогрессивные ученые, специалисты (многие из них члены КПК) вели в этой школе занятия.

Составляя программу для этой школы, Тао Синчжи стремился соединить общеобразовательный цикл со специальным, учитывающим интересы учащихся — занятиями музыкой, литературным творчеством, театром. Он оценивал эстетическое воспитание как важную составную единого комплекса: «знания, чувства, мысли». Цель такого воспитания — сформировать людей — хозяев своей судьбы. Интересно, что Тао Синчжи предпочитал естественной красоте — рукотворную, хотя не вычурную, для него красота существовала прежде всего в простоте как альтернативе излишества. В своей педагогической практике он исходил из того, что правильные эстетические воззрения воспитывают чувства, будят нравственный потенциал человека, его созидательный дух. Воспитывать же эстетические взгляды нужно через практическую деятельность детей, труд, творчество. Как не вспомнить В. Сухомлинского: «Сила красоты как воспитательного средства зависит от того, насколько умело раскрывается сила труда как воспитательного средства...»⁶. Вот почему в гимне учащихся школы «Воспитание талантов» есть слова: «Истина, добро, красота — неразрывны». Стоит согласиться с теми исследователями наследия замечательного педагога, которые считают, что его эстетическая теория и практика «сохранили свое практическое значение, достойны изучения и заимствования».

Тао Синчжи очень точно подметил, чем отличается традиционное аграрное общество от индустриального — последнее гибко-подвижно, постоянно развивается, но главное его отличие — совершенно иной подход к ценности человеческой жизни. Вот почему, определяя новые задачи, вставшие, по его мнению, перед образованием,

он называл утверждение критерия ценности человеческой жизни. Необходимость научить молодежь не пассивно воспринимать старую духовную цивилизацию, а стать творцами новой. Вот почему в этот период он так суммировал основные черты «жизненного воспитания»: демократическое, научное, массовое, творческое¹. Думается, что весьма плодотворным могло стать сопоставление его с курсом новодемократического образования, сформулированным как: национальное, научное, массовое. Потеря двух составных — подлинной демократичности и творческого характера — в отдельные периоды осложняла путь развития школы в КНР.

Тао Синчжи прожил не такую уж долгую жизнь — всего 55 лет, но он был настоящим народным учителем. Когда его останки привезли из Шанхая для захоронения в Сяочжуан, то от городских Ворот мира на всем протяжении пути стояли и шли горожане и сельчане, провожавшие в последний путь Учителя.

И вот я стою у его могилы у самого подножья горы, скоро сядет солнце и я тороплюсь сфотографироваться. Вместе со мной в машине две юные студентки, будущие учительницы. Они честно признались, что вовсе не мечта об этой профессии привела их в училище — труд сельского учителя в сегодняшнем Китае еще мало почетен и низко оплачиваем, но учиться им очень нравится. Девочки веселы и приветливы, а я смотрю на изречение Тао Синчжи, высеченное на поперечной планке мраморных ворот перед его могилой: «Любовью полнится земля», и думаю, что, наверное, это и есть главный завет Учителя — «воспитывать детей любовью и для любви».

¹ И Тао вэй ши, сяньшэнь цзяюй.— Нанкин, 1990.— С. 24.

² Цзяюй лилунь юй шисянь.— 1989.— № 9.— С. 23—26.

³ И Тао вэй ши, сяньшэнь цзяюй.— С. 127.

⁴ Чжунго цзинь сяндай цзяюйцзя чжуань.— Пекин, 1987.— С. 354.

⁵ Известный филантроп XIX века, разбогатевший бедняк, который свою благотворительность направил на ниву просвещения, открывая школы для крестьян.

⁶ Сухомирский В. Сердце отдаю детям. Киев. 1969. С. 213.

⁷ Тао Синчжи цзяюй вэньсюань.— Пекин, 1981.— С. 330; Цзяюйши яньцзю.— 1990.— № 3.— С. 45.

Советский Союз и мирное урегулирование с Японией

Х. КИМУРА

1

Историки часто цитируют высказывание легендарного английского политика Уинстона Черчилля о том, что действия Советского Союза — это тайна, покрытая загадкой и вложенная в нечто непостижимое¹. Эти его слова, думается, очень точно отражают маневры советской дипломатии, связанные с послевоенным мирным урегулированием с Японией. Например, вопреки многочисленным предположениям Советский Союз принял участие в Сан-Францисской конференции 1951 г. Эта конференция не ставила целью обсуждение содержания мирного договора с Японией, а, как было заранее объявлено, «созывалась лишь для его подписания». Поэтому Советский Союз заранее известил, что ставит перед собой ограниченную цель «использовать трибуну конференции для изложения своей позиции»². Тем не менее советскую делегацию возглавил заместитель министра иностранных дел А. Громыко. Более того, Советский Союз изложил свой вариант мирного договора с Японией с целью воспрепятствовать англо-американскому проекту как до открытия конференции, так и в ходе ее.

Советский Союз настаивал на включении в мирный договор формулировки о том, что «Курильские острова в соответствии с заключенными в ходе войны договоренностями между союзными державами — Каирской и Потсдамской декларациями, Ялтинским соглашением — возвращаются под суверенитет Советского Союза»³. Зная, что советский проект не будет обсуждаться и не будет одобрен, СССР тем не менее предпринял такой смелый шаг. Вследствие этого всемирно признанным фактом стала нерешенность вопроса об окончательной принадлежности Курильских островов. Остается загадкой, почему СССР так поступил.

Одна из причин загадочности внешнеполитической деятельности Советского Союза проистекает из того, что советская сторона иногда предпринимает действия, которые в нашем понимании никак не соответствуют ее интересам. И ярким примером подобного поведения можно назвать то, что СССР упорно обличал в «недемократичности» и процедуру приглашения на Сан-Францисскую конференцию, и условия работы в ней⁴, и тем не менее не отказался от участия в конференции, но бойкотировал подписание договора. Подобное отсутствие последовательности совершенно не беспокоит советскую дипломатию, несмотря на то, что, например, в Сан-Франциско Советский Союз по этой причине не только не добился в ходе конференции каких-либо дипломатических успехов, но, думается, понес большие потери.

Возникает вопрос, чего достиг Советский Союз участвуя в работе мирной конференции и отказавшись подписать мирный договор? Советская делегация, можно сказать, упустила редкий шанс решить проблему возвращения Японии «северных территорий». Как известно, по этому договору Япония «отказалась от всех прав на Курильские острова», но не в пользу Советского Союза, не подписавшего этот договор. Если бы Громыко поставил тогда свою подпись под договором, то естественно, СССР приобрел бы эти права, а требования Японии вернуть эти территории были бы весьма существенно ослаблены.

Хироси Кимура, вице-президент Международной ассоциации советологов, профессор Университета Киото (Япония).

Далее хотелось бы рассмотреть роль и место маневров советской дипломатии в период заключения договора в Сан-Франциско во всей дипломатии СССР. Изложенный выше образ действий советских дипломатов на Сан-Францисской конференции не представляется автору образцом классической советской дипломатии, т. к. не выглядит достаточно практичным. Однако нельзя подходить легковесно к оценке дипломатии СССР на конференции в Сан-Франциско ни как к классическому примеру советского стиля, ни как, скорее, к исключению из правил. Перед тем, как вынести суждение на этот счет, следует в целом определить, во-первых, основные особенности советской дипломатии, которую на Западе считают загадочной или непостижимой, а также отметить, в частности, основные особенности действий советской делегации на мирной конференции в Сан-Франциско. Во-вторых, вскрыть причины и мотивы тех шагов советской дипломатии, которые нам часто непонятны и которые приводят, на наш взгляд, к противоположным результатам. В конечном итоге, исследуя и анализируя действия советской дипломатии в период переговоров, связанных с заключением Сан-Францисского мирного договора, необходимо попытаться выявить основные особенности советской дипломатии, если таковые вообще имеют место. Разумеется, не следует рассчитывать на то, что в небольшой статье удастся дать исчерпывающие ответы на каждый из этих вопросов. Несомненно, буду рад, если моя статья даст импульс для дальнейших исследований в этом направлении.

2

В советском «Дипломатическом словаре» в статье «Сан-Францисский мирный договор 1951 г.» указывается, что это сепаратный мирный договор с Японией, подготовленный, вопреки союзническим соглашениям, правительствами США и Великобритании без участия СССР, а также Китая. В этой короткой формулировке хорошо отражена сущность позиции Советского Союза в отношении Сан-Францисского договора, хотя сказано и не все.

Советский Союз считает Сан-Францисский договор «сепаратным», подготовка и заключение которого проходили под руководством США. Если объяснить вкратце эту позицию, то именно в этих словах выражена точка зрения СССР на Сан-Францисский мирный договор и выражена также причина неподписания Советским Союзом этого договора.

Глава советской делегации Громыко на пресс-конференции 8 сентября 1951 г. в Сан-Франциско, объясняя причины отказа СССР от подписания договора, пояснил, что в СССР рассматривают данный договор в качестве «сепаратной сделки» между США и Японией⁶. В то же время и в самой Японии еще до конференции велась ожесточенная дискуссия о том, считать ли договор «сепаратным» или «полновесным», и в конце концов эта дискуссия утвердила решимость правительства Иосида подписать договор.

Несомненным фактом является то, что переговоры о заключении мирного договора с начала и до конца велись всецело под руководством Соединенных Штатов. Это мнение разделяют многие ученые, например, автор одного из серьезных исследований о договоре американский профессор Ф. Дан считает, что Сан-Францисский договор почти полностью составлен Соединенными Штатами. И инициатива подписания договора, и его замысел американские, он заключен на американских условиях, все формальности договора, его содержание тоже соответствуют американским требованиям⁷.

Советский Союз возражал не только против содержания договора, но и против проходившего под руководством США процесса его подготовки, он выражал резкое недовольство и процедурой подготовки конференции, подвергал критике и осуждал ее⁷. Советские возражения, если говорить о подготовке договора, прежде всего вызвал сам образ действия США и Великобритании. СССР утверждал, что подготовку следует вести не в Дальневосточной комиссии, где господствовали США и Великобритания, а на совещании министров иностранных дел четырех держав. Однако было совершенно очевидно, что если согласиться с этим, то вследствие применения Советским Союзом права вето перспективы заключения мирного договора были бы проблематичными и его подписание стало бы невозможным в течение довольно длительного времени. Ведь и в наше время, когда прошло уже более 30 лет с тех пор, Япония и СССР так и не достигли

такого состояния двусторонних отношений, когда было бы возможным заключение мирного договора.

Были, также, возражения Советского Союза и в связи с тем, как США и Великобритания односторонне принимали решение о государствах-участниках Сан-Францисской мирной конференции. Несмотря на требования правительства СССР, почти ни одно из социалистических государств Азии — КНР, КНДР, МНР, ДРВ — не были приглашены, и это обстоятельство тоже вызвало протест СССР. Кроме того, такие «занимающие важное место в Азии страны», как Индия и Бирма не могли не отказаться от участия в конференции вследствие несогласия с американско-английским проектом. С другой стороны, Советский Союз возражал против приглашения на мирную конференцию многих неазиатских государств, включая зависимые от США государства Латинской Америки, например Гондураса и Никарагуа, а также Люксембурга, которые не участвовали в войне против Японии и которые не имели значения для решения важных для Японии вопросов.

Особенно настойчиво СССР требовал включить КНР в число участников⁶. Это требование было неизменно твердым, и невыполнение его — одна из основных причин отказа СССР подписать мирный договор в Сан-Франциско. Нечего и объяснять, что в тот период, вскоре после заключения 14 февраля 1950 г. между СССР и КНР договора о дружбе, союзе и взаимопомощи, отношения между СССР и КНР были самыми дружественными. Однако это требование СССР — оставляя в стороне уместность его — для Соединенных Штатов, признававших в то время в качестве законного китайского правительства правительство Тайваня, а не КНР, было абсолютно неприемлемым.

Кроме этого Советский Союз возражал и против разработанной США и Великобританией процедуры работы Сан-Францисской конференции. СССР выступал против того, что в приглашении на конференцию, составленном от имени США и Великобритании, «подготовленный ими текст договора рассматривался как окончательный» и «не принимались никакие другие проекты или изменения». Советская сторона подчеркивала, что при помощи подобного «нарушения элементарных принципов проведения международных конференций» США и Великобритания «превратили конференцию, созываемую с участием делегаций суверенных государств, в простую формальность подписания американско-английского проекта мирного договора с Японией»⁹. Эти критические высказывания советских представителей во многом были справедливы, но США были полны решимости устранить любые препятствия на пути подписания договора. Руководство США исходило из того, что даже для Советского Союза нелогично ставить под сомнение разумность и законность заключения мирного договора с Японией¹⁰. Соединенные Штаты, поняв невозможность убедить СССР подписать мирный договор, сочли для себя важнейшей задачей предпринять меры для нейтрализации попыток Советского Союза, направленных на «подрыв усилий по заключению мирного договора»¹¹. Благодаря этому в ходе подготовки конференции удалось отразить все демарши Советского Союза, заранее продумать все детали¹².

3

Можно сказать, что руководство Советского Союза было возмущено прежде всего не проведением конференции под американским руководством, а тем, что США проигнорировали Советский Союз. В Соединенных Штатах в тот период высказывались неоднозначные мнения по вопросу о том, стоит или нет побудить СССР принять участие в мирной конференции. Министерство обороны первоначально считало, что участие СССР окажет отрицательное влияние на обеспечение безопасности Японии после мирной конференции, и поэтому считало необходимым участие в ней СССР. В противоположность этому государственный департамент выражал полную уверенность в невозможности добиться участия СССР в конференции и в выработке такого текста договора, который бы удовлетворил Соединенные Штаты¹³. Дж. Ф. Даллес при этом исходил прежде всего из того, что для СССР взаимные уступки и достижение компромисса в том, что касается мирного договора с Японией, маловероятны и надеяться на это — значит верить в утопию. То обстоятельство, что полномочия по ведению переговоров о заключении мирного договора с Японией от имени США были предоставлены Даллесу, подтверждает согласие президента Трумэна с позицией государственного департамента, по которой требования СССР придется проигнорировать. Вскоре и министерство обороны отошло от своей первоначальной позиции, предусматривавшей и обосновавшей необхо-

димость участия в конференции СССР¹⁴. Государственный секретарь Д. Ачесон, который непосредственно назначил Даллеса полномочным представителем на переговорах по заключению мирного договора с Японией, впоследствии писал в своих мемуарах: «В то время встала проблема, как поладить с четырьмя группировками, а именно: коммунистами, Пентагоном, союзниками Соединенных Штатов, бывшими участниками войны». И далее Ачесон поясняет: «Коммунисты создавали для нас меньше всего проблем. Их оппозиция любой разумной идее была предсказуемой и неприемлемой. Ее можно было только игнорировать»¹⁵.

Каковы бы ни были причины и особенности всего этого, возмущение Советского Союза, интересы которого были проигнорированы, представляется вполне естественным. Например, в «Памятной записке Правительству СССР Правительству США по вопросу заключения мирного договора с Японией» от 7 мая 1951 г. правительство США обвиняется в том, что оно отстранило Советский Союз, Китайскую Народную Республику и другие страны от подготовки мирного договора с Японией. Советские политологи, например Л. Н. Кутаков в монографии «Внешняя политика и дипломатия Японии» (1964 г.), упорно подчеркивают, что переговоры по заключению мирного договора происходили «без участия Советского Союза».

Эти обвинения большей частью справедливы, но будет неправильно утверждать, что они отражают истину на все 100 процентов. Во-первых, советская сторона была информирована о содержании американско-английского проекта договора еще на стадии его подготовки. Например, Даллес трижды с октября 1950 г. по январь 1951 г. встречался с постоянным представителем СССР в Совете Безопасности ООН Я. Маликом, передавал ему меморандумы по проекту договора, при этом обсуждалось его содержание. И это исторические факты, которые советская сторона не может отвергать. Впрочем, как утверждает советская сторона, мирный договор с Японией — это по существу итог переговоров между двумя странами, договор между США и Японией, эти встречи были не чем иным как жестом США, цель которого — «подтвердить, будто бы СССР тоже участвовал в переговорах»¹⁶. Также расценивались и семь принципов мирного урегулирования с Японией, которые Даллес вручил Малику¹⁷. Согласно объяснениям советской стороны, они представляли собой по существу окончательный проект договора, вносящий изменения в который США не имели никакого намерения, и «были маневром, направленным на создание видимости обмена мнениями с заинтересованными странами, включая СССР»¹⁸. Подобные утверждения и критика, появившиеся впоследствии в советской литературе, до некоторой степени не лишены оснований. Но, видимо, нельзя с точностью восстановить ход событий того времени, если не отметить и следующие обстоятельства. В то время советская сторона бдительно следила за тем, чтобы не быть использованной в американских планах, но вместе с тем хотела быть информированной о положении дел по подготовке мирного договора, и никоим образом не отвергала усилий американской стороны по распространению информации, даже если американские шаги были всего лишь жестом. Американские источники указывают, что Малик избегал встреч с американцами днем и выражал желание проводить их в ночное время в резиденции Даллеса в Нью-Йорке¹⁹. Кроме того, значительная часть времени в ходе этих встреч тратилась на ответы на вопросы Малика, а также на разъяснения различных деталей позиции США по вопросу о мирном договоре²⁰. Малик и О. Трояновский на встречах непринужденно беседовали с Даллесом и его коллегами, шутили, благодарили Даллеса за гостеприимство, а на другой же день вновь брали официальный советский тон и называли Даллеса не иначе как «фашистским пособником».

Нельзя утверждать, будто СССР был полностью отстранен от процесса подготовки мирного договора с Японией также и потому, что был опубликован и советский проект мирного договора с Японией, хотя он и не обсуждался на равных правах с американско-английским. Суть дела не в том, что СССР полностью отвергал американско-английский проект договора, он подвергал его острой критике и выдвигал свой проект, пересмотренный и дополненный. 7 мая, 10 июня, 20 декабря 1951 г. Правительство СССР направило памятные записки Правительству США по поводу мирного договора с Японией. Аргументация памятных записок была полностью повторена в речи Громыко на пленарном заседании мирной конференции в Сан-Франциско. Если оставить в стороне формальные и юридические аспекты его речи, то следует отметить великолепные антитезисы, направленные против американско-английского проекта. Однако предложенный Советским Союзом пересмотренный проект договора не получил

достаточной мировой поддержки, его поддержали лишь две-три дружественные Советскому Союзу страны, и он остался лишь скромным контрпроектом.

В качестве еще одной причины, по которой нельзя утверждать, будто Советский Союз по вине Соединенных Штатов подвергся дискриминации на конференции в Сан-Франциско, можно привести и тот факт, что СССР получил приглашение на нее и принял в ней участие. Общеизвестно, что для Советского Союза приглашение от стран—организаторов конференции во главе с США было «большим сюрпризом»²¹.

Для Соединенных Штатов было вполне естественным предположить, что Советский Союз не примет приглашения участвовать в конференции. Однако, 12 августа 1951 г. СССР направил США и Великобритании ноту о намерении участвовать в конференции²². В биографии Даллеса ее автор отмечает, что Советский Союз в течение года держался в стороне от переговоров о мирном договоре с Японией и вдруг в августе объявил о своем участии в мирной конференции. Этот неожиданный вызов, по его словам, породил в Вашингтоне беспокойство²³.

Почему же СССР решился в конце концов на участие? Можно ли сказать, что это было мудрым, заранее предполагавшимся, политическим и дипломатическим решением?

Прежде всего отметим, что, судя по советским официальным документам, цель советской делегации заключалась в том, чтобы использовать Сан-Францисскую мирную конференцию «для разоблачения политики Соединенных Штатов и разъяснения мировой общественности позиции Советского Союза»²⁴. Например, в книге Кутакова «Внешняя политика и дипломатия Японии» разъясняется, что правительство СССР ставило перед собой следующие цели:

— использовать конференцию для разоблачения истинного характера и существенных недостатков американско-английского проекта договора.

— разъяснить мировой общественности позицию Советского государства по этим вопросам,

— указать путь к подписанию подлинно демократического всестороннего мирного договора²⁵.

Из этого объяснения советской позиции можно сделать вывод, что Советский Союз оставил мысль об оказании непосредственного влияния на правительство США и Японии, а вместо этого решил апеллировать к мировой общественности, в частности к Китаю и странам Азии, ставя это в качестве главной политической цели²⁶. Для Советского Союза, по крайней мере теоретически, существовало три варианта действий. Первый — вступить в прямое и серьезное противоборство с Соединенными Штатами. Конкретно это значило бы представить внезапно японскому правительству индивидуальный проект мирного договора, «более великодушный»²⁷ и фактически более приемлемый для Японии и затем заключить с этим правительством отдельный мирный договор. Второй — полностью игнорировать переговоры, связанные с разработанным в США мирным договором и бойкотировать мирную конференцию. Третий — приложить усилия для пропаганды своей позиции. Можно заключить, что Советский Союз, оставив в стороне доводы за дискуссию и против нее, сделал выбор в пользу третьего варианта.

Нет необходимости вновь пояснять, что в то время мир в ходе «холодной войны» был расколот на два полярно противоположных лагеря, и Советский Союз считал Соединенные Штаты своим главным противником и исходя из этого вырабатывал политику в отношении Японии. В СССР считали, что после победы коммунистов в Китае и войны в Корее возростала заинтересованность США в военных базах на Дальнем Востоке и в Азии. В этой связи Япония приобретала все возрастающее значение. Для США встала необходимость втянуть и Японию в военный блок. Япония в советском понимании была жертвой коварных замыслов Соединенных Штатов. В своем проекте мирного договора Советский Союз настаивал на возвращении под суверенитет Японии островов Рюкю и Огасавара. Однако нет необходимости повторять, что СССР, как отмечается во многих исследованиях, руководствовался не тем, чтобы сделать Японию своим союзником, а стоял на чисто антиамериканской позиции²⁸. С другой стороны подобная позиция СССР в отношении этих островов подтверждает логическую непоследовательность в советских разъяснениях о необходимости признать суверенитет СССР над Южным Сахалином и Курильскими островами.

Оценивая обстановку того времени, можно заключить, что СССР отказался от намерения повлиять на Японию, вступившую на путь заключения сепаратного мирного договора

с США, и стал придавать большее значение возможностям воздействовать на страны Азии. Полномочный представитель СССР Громыко на Сан-Францисской мирной конференции прямо заявил, что американско-английский проект мирного договора особенно неудовлетворителен для стран Азии и Дальнего Востока, могущих пострадать от возрождения японского милитаризма, постоянно угрожающего мирному существованию соседних с Японией стран на Дальнем Востоке, чьи народы наиболее пострадали от японской агрессии.

Среди стран Азии и Дальнего Востока СССР уделял особое внимание, видимо, двум странам — Китайской Народной Республике и Индии. Китайская Народная Республика была провозглашена в 1949 г., а в феврале 1950 г. Мао Цзэдун и Сталин подписали Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи. В первой статье этого договора Япония и США определялись в качестве возможных противников. Тем самым СССР помогал КНР завоевать международное признание в качестве единственного представителя китайского народа. В то время заинтересованность Советского Союза в этом вполне естественна и СССР неустанно повторял, что в мирном договоре с Японией должно быть ясно записано положение о передаче Китайской Народной Республике Тайваня и островов Пэнхуледао, и это, как подчеркивается в советских источниках, было «всего лишь забота Советского правительства об интересах китайского народа»²⁹.

Что же касается Индии, то автор первоклассного исследования о Сан-Францисском мирном договоре Хосоя Тихиро, который внимательно изучил английские дипломатические документы, считает, что в своей политике в отношении этого договора «Советский Союз в особенности принимал во внимание ее интересы»³⁰.

4

Можно ли считать, что рассмотренная выше политика Советского Союза в отношении мирного договора с Японией увенчалась успехом? Ответ на этот вопрос труден, но попробуем найти его, исходя прежде всего из соображений территориальной проблемы. Допустим, что СССР не бойкотировал мирный договор с Японией и стал его участником. В этом случае Сахалин и Курильские острова не только де-факто, но и по договору переходили под советский суверенитет. Вероятность этого была тогда велика, и Даллес, как «создатель» мирного договора с Японией, видел такую возможность. Послу Индии в Вашингтоне госпоже Виджая Л. Пандит, настаивавшей на том, что в соответствии с Ялтинским соглашением Сахалин и Курильские острова следует возвратить Советскому Союзу, Даллес разъяснил, что он уже дал ответ на этот вопрос г-ну Малику, в котором подчеркивалось, что по мнению Соединенных Штатов, если Советский Союз вместе с Японией и другими странами станет участником мирного договора, то этот договор, видимо, подтвердит советские права на Сахалин и Курильские острова. В противном случае Соединенные Штаты вряд ли будут требовать от Японии территориальных уступок стране, ненамеренной связать себя условиями договора³¹.

Если же говорить более конкретно, то в случае подписания Советским Союзом американско-английского проекта договора в заключительный день работы Сан-Францисской конференции, то, думается, наряду с решением других проблем СССР смог бы существенно укрепить свою позицию по крайней мере по проблеме «северных территорий». Как бы ни был СССР недоволен ведущимися под руководством Соединенных Штатов переговорами по вопросу заключения мирного договора с Японией, как бы ни выражал он резко свое несогласие с американско-английским проектом договора, но раз уж было принято решение участвовать в конференции, видимо, разумнее было бы с его стороны и подписать этот договор. Ведь в таком случае СССР как один из участников Сан-Францисского мирного договора получал право применить статьи договора, лишившие Японию Курильских островов. Разумеется, и в этом случае Япония настаивала бы на том, что острова Хабомаи и остров Шикотан относятся к Хоккайдо и не имеют отношения к «Курильским островам», и таким образом могла бы требовать возвращения этих островов. Однако острова Кунашир и Итуруп образуют группу Южно-Курильских островов как часть всех Курил, и для Японии, лишившейся всех Курильских островов, оснований требовать возврата Кунашира и Итурупа было бы совсем мало.

Советский Союз, таким образом, упустил исключительный шанс ослабить законность притязаний Японии на «северные территории». Более того, Японии был дан лишний аргумент в территориальном споре. Дело в том, что представитель СССР Громыко

в выступлении на Сан-Францисской мирной конференции и затем в представленном им советском проекте мирного договора публично перед все миром признал тот факт, что сам Советский Союз считает «территориальную проблему» не «решенной», как сейчас утверждают в СССР, а наоборот, «нерешенной». Громыко пояснил, что «естественно, мирный договор с Японией должен решить и территориальные проблемы ее со странами, заключающими договор»³². В соответствии с этим пояснением законная передача территорий должна происходить не в результате «итогов второй мировой войны»³³, как сейчас настаивает СССР, а на основе международного права, и лишь в результате мирного договора, и СССР публично признал это обстоятельство.

Советский проект мирного договора, в отличие от американско-английского проекта, «представленного в качестве окончательного для подписания», был внесен с целью обсуждения в ходе конференции, но не обсуждался. Следовательно, территориальная проблема в японо-советских отношениях в ходе Сан-Францисской конференции не была решена так, как хотел того Советский Союз. Этот серьезный факт находит четкое признание и в самом Советском Союзе. Так, в «Истории международных отношений на Дальнем Востоке» (1945—1977 годы) об этом сказано: «Если бы был принят советский проект договора, территориальная проблема была бы решена полностью и окончательно»³⁴. Как разъясняется там, поскольку советский проект не обсуждался, территориальный вопрос не был решен. Думаю, другого пояснения не нужно.

5

Возражение Советского Союза на мирной конференции в Сан-Франциско вызвало и то, как решается проблема обеспечения безопасности. Это выражалось в обвинениях по поводу возрождения милитаризма в Японии и недостаточности оговоренных мер для недопущения включения Японии в военные союзы.

Прежде всего следует обратить внимание на то обстоятельство, что по крайней мере в тот период Советский Союз не выдвигал возражений против того, чтобы Япония имела вооруженные силы для своей обороны. В Памятной записке от 7 мая 1950 г. говорилось: «Для предотвращения возрождения японского милитаризма в мирном договоре следует установить размеры японской армии, и, подобно тому как это сделано в мирном договоре с Италией, указать, что они не должны превышать пределы, необходимые для самообороны»³⁵. В выступлении на Сан-Францисской мирной конференции Громыко также говорил о необходимости четко ограничить сухопутные, воздушные, морские силы Японии с тем, чтобы они лишь выполняли задачи самообороны, и подчеркнул, что конкретно следует установить предел для ее сухопутных войск в 150 тысяч человек и 200 танков, для ВВС в 20 тысяч человек и 350 самолетов, для ВМС общее водоизмещение кораблей 75 тысяч тонн.

Советский Союз возражал не против наличия у Японии какой-либо оборонной мощи, а против того, что «при помощи договора о военном союзе с США Япония втягивается в примыкающие к лагерю американского империализма военные блоки» и «становится передовой базой на Дальнем Востоке для размещения войск США». Авторитет в области истории японо-советских дипломатических отношений Кутаков, считает, что Сан-Францисский мирный договор и японо-американский договор об обеспечении безопасности тесно увязаны посредством статьи 3 первого договора. Эта статья 3, озаглавленная «Безопасность», включает раздел 5 и раздел 6. В разделе 5 параграфа С говорится: «Япония имеет право на коллективную безопасность в соответствии с Уставом ООН, союзные государства признают за ней право добровольно заключать соглашения об обеспечении коллективной безопасности». В параграфе А раздела 6 говорится: «После вступления в силу этого договора все войска Объединенных Наций будут вскоре выведены из Японии», однако «в результате заключения Японией соглашения иностранные войска могут оставаться в Японии, и данный договор этому не препятствует». Кутаков яростно убеждает, что статья 3 договора «по существу подчиняет себе все остальные статьи договора». Придавая такое важное значение этой статье, Кутаков поясняет, что президент Трумэн в своей речи на церемонии открытия Сан-Францисской мирной конференции назвал разделы 5 и 6 «сутью договора». По словам Кутакова, «конкретизация и развитие» разделов 5 и 6 — не что иное, как заключенный в тот же день японо-американский договор об обеспечении безопасности. И Кутаков делает вывод, что «вследствие заключения договора об обеспечении безопасности между

Японией и США Япония оказалась в положении передовой военной базы США на Дальнем Востоке»³⁶.

Эта точка зрения, представителем которой является Кутаков, по существу сводится к рассмотрению Сан-Францисского договора не только как положившего законный конец состоянию войны, но и как договора, ставшего неотделимым от японо-американского договора об обеспечении безопасности. Он называет этот договор «вовлекающим Японию в американский военный блок» и считает его неотъемлемым составным элементом сан-францисской системы³⁷. Однако следует сказать, что подобная точка зрения в своей основе не может считаться совсем уж бессмысленной. Ведь главной целью, которую ставили перед собой в мирном договоре с Японией тогдашние творцы американской внешней политики, классическим образцом которых был Даллес, было «вовлечение Японии в дружественные отношения с некоммунистическими странами»³⁸, и это совершенно очевидный факт.

6

Сан-Францисский мирный договор с Японией оценивается западными исследователями как «успех его главного создателя Дж. Ф. Даллеса», как «великий и грандиозный подвиг». В политических кругах иногда его расценивают с точки зрения правовых норм как «игру с нулевым результатом»³⁹, но если исходить из того, что переговоры по заключению этого договора не представляют собой исключения из общего правила, то все же его следует признать победой Даллеса (США) и поражением Громыко (СССР). Прежде всего давайте разберемся в некоторых успехах и просчетах, не подвергая сомнению общую оценку договора.

Что касается главной причины успеха Даллеса (США), то ее, думается, можно изложить в виде трех факторов. Первый — это сила воли США, которую олицетворял собой Даллес. Как отметил один из авторов многочисленных биографий Даллеса, заключение мирного договора с Японией и японо-американского договора об обеспечении безопасности «представляло собой решимость Америки усилить меры по обеспечению мира и безопасности в Тихом океане и противодействовать коварным замыслам красного империализма»⁴⁰. Второй фактор — сплоченность в официальных кругах Соединенных Штатов, иными словами, победа надпартийной дипломатии. Тот же автор биографии Даллеса Л. Герсон пишет об «образцовой надпартийности» и отмечает, что полномочный представитель США Даллес убедил президента Трумэна в необходимости вести переговоры о заключении мирного договора с Японией исходя из принципа надпартийности, и тот факт, что переговорам оказали широкую поддержку как демократическая, так и республиканская партии, а также государственный департамент и министерство обороны, еще более способствовали укреплению позиции США⁴¹. Третьим фактором, определившим успех Даллеса, следует, пожалуй, считать способность выработать искусную тактику. Даллес не пошел по пути дискуссий со всеми собранными вместе представителями стран, пожелавших заключить мирный договор с Японией. Вместо этого он предпочел двусторонние переговоры с каждой из стран, общий итог этих переговоров был суммирован при подготовке проекта мирного договора. В соответствии с такой тактикой Даллес провел переговоры в столицах многих государств, излагал суть американско-английского проекта и добивался взаимопонимания. Говорят, что общая протяженность поездок Даллеса составила 125 тысяч миль. Таким образом, можно сказать, что была использована настоящая японская тактика ведения переговоров «нэмава-си» (обкапывание корней), благодаря которой основная работа по подготовке договора была завершена еще до открытия Сан-Францисской мирной конференции, и впервые в мировой практике стало возможным созвать мирную конференцию лишь для подписания готового договора.

В противоположность этому дипломатические усилия СССР в период Сан-Францисской мирной конференции никоим образом нельзя признать успешными. Если говорить откровенно, есть даже соблазн оценить их результат как полное поражение. В качестве основания для подобной оценки можно указать на следующие обстоятельства. Несомненным фактом следует считать провал попыток СССР предотвратить подписание мирного договора на заключительном этапе конференции. Советской делегации не удалось заблокировать в последний момент территориальную проблему, более того, было публично заявлено, что территориальная проблема остается нерешенной. Советский

Союз не смог помешать формированию японо-американской системы обеспечения безопасности. Не получил он и возможности продемонстрировать в ходе конференции что-то такое, что вызвало бы благодарные чувства со стороны социалистических и дружественных стран Азии.

Можно назвать несколько причин этой дипломатической неудачи Советского Союза. Во-первых, все его усилия были направлены на разрушительную и пропагандистскую деятельность. Советские дипломаты не смогли представить реалистичный альтернативный проект договора. Во-вторых, в территориальной проблеме советская сторона увлеклась своей трактовкой противоречий и несовместимостей, что и породило в конечном счете ту атмосферу, в которой многие страны во главе с США решили просто игнорировать позицию СССР. В-третьих, советские дипломаты не привыкли к обычным правовым действиям парламентского государства, к правилам парламентских дискуссий, были склонны преуменьшать ценность этих дискуссий и сомневались в их целесообразности. Иными словами, поскольку советские дипломаты привыкли к обстановке, в которой часто игнорируются все процедуры, если сверху спускается соответствующий приказ, и приводится вопреки логике требуемый политический курс, не могли понять в достаточной мере сложившуюся ситуацию и боялись ее.

Изложенные выше возможно несколько скоропалительные выводы о поражении советской дипломатии в ходе Сан-Францисской мирной конференции могут показаться в определенной мере сомнительными, но попытки дать новые оценки итогам конференции стали заметны в самом Советском Союзе. Разумеется, руководствуясь принципом непогрешимости КПСС советские официальные издания до недавнего времени не могли критиковать дипломатию своего правительства.

Однако можно ли сделать вывод о том, что советская историография, дававшая впоследствии оценку действиям советской делегации на Сан-Францисской мирной конференции, совершенно ничего не дает? никоим образом нельзя делать такое заключение. Если внимательно прочесть различные работы советских авторов на тему договора и сравнить их, можно обнаружить наличие мелких расхождений. Часть советских авторов, специализирующихся на японо-советских дипломатических отношениях, в том числе А. Громыко, возглавлявший делегацию СССР в Сан-Франциско, а затем длительное время занимавший пост министра иностранных дел, прилагали усилия для приуменьшения роли советской делегации на конференции. Например, заведующий отделом Японии Института Дальнего Востока АН СССР Д. Петров в работе «Внешняя политика Японии после второй мировой войны» (1965 г.) в разделе о Сан-Францисском мирном договоре упорно избегает упоминания о Громыко как о представителе СССР и умудряется ни разу не назвать его. Вместо этого он пишет «СССР» (8 раз), «делегация СССР» (3 раза), «представитель СССР» (1 раз). В другой работе «История международных отношений на Дальнем Востоке, 1945—1977» (1978 г. издания) в главе, написанной Д. Петровым, также говорится о «советском представителе» и ни разу не упоминается фамилия Громыко. Подобная осторожность Петрова и тот факт, что другой специалист по проблемам японо-советских дипломатических отношений — Л. Кутаков прямо упоминает Громыко, как советского представителя на Сан-Францисской мирной конференции, объясняются расхождениями в их оценках итогов конференции как специалистов по японо-советским отношениям.

Что же касается точки зрения, согласно которой СССР потерпел крупную дипломатическую неудачу на мирной конференции в Сан-Франциско, то в тот период в СССР была, видимо, невозможна объективная оценка ее итогов. Представляется важным и вопрос о приоритетах в дипломатической стратегии СССР. Имеется в виду, к примеру, поддержание состояния противостояния главному противнику — Соединенным Штатам, и подход к Японии, верному союзнику Соединенных Штатов, поддержку того, что выгодно для социалистических государств. Что было приоритетным? Видимо, по меньшей мере бессмысленно говорить применительно к тому времени о каких-либо ожиданиях, связанных с внимательным отношением СССР к Японии или же с любым компромиссом из-за Японии. К тому же необходимо исходить из арсенала используемых в те годы советской дипломатией средств, уместности тех или иных дипломатических шагов. Советский Союз в те годы был очень слаб в Азии по сравнению с США в военной мощи, в возможности предоставления экономической помощи другим странам и в других сферах, и для него участие в Сан-Францисской мирной конференции выглядело как эффективное средство подвергнуть США критике, продемонстрировать свою позицию.

Он не имел иных возможностей, и этому можно лишь посочувствовать.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов об общих тенденциях в русской и советской дипломатии, коснуться и современности. Возможно, для Советского Союза был нелепым выбор иного пути в те годы. Но все же наиболее мощное противодействие заключению под руководством США мирного договора с Японией он мог бы оказать, вероятно, проведением своих переговоров с Японией по заключению отдельного мирного договора. Однако и в этом случае нет уверенности, удалось бы найти решение проблемы «северных территорий». Нет никакого сомнения в том, что в те годы в СССР и не предполагали, что вопрос о «северных территориях» будет отодвинут на долгие годы и перерастет в крупную проблему в японо-советских отношениях. Именно решение этой проблемы в свое время могло помочь сохранить достоинство СССР как государства, а также создать прецедент для решения других схожих вопросов. Надо было позаботиться об этом, а не допускать превращения проблемы в монстра. И в этом смысле можно говорить об упущенной тогда возможности решить сложную проблему в японо-советских отношениях. Однако, как свидетельствуют последующие шаги советской дипломатии в отношении Японии, речь шла об удержании территории исключительно военной силой и об отказе решать ее за столом переговоров. СССР в лице его руководства занял жесткую позицию. Насколько можно судить по этой упорной позиции, даже если бы можно было вновь вернуться в те годы, СССР, вероятно, вновь счел бы свои действия в начале 1950-х годов вполне допустимыми.

(Перевод статьи из сборника «Сан-Францисское мирное урегулирование с Японией», издание Токийского университета, 1986 г.)

¹ In: Winston S. Churchill. *The Second World War: The Gathering Storm* (Boston: Houghton Mifflin Company, 1948).— P. 449.

² См.: Кутаков Л. Н. *Внешняя политика и дипломатия Японии*.— М.: Международные отношения, 1964.— С. 250.

³ Правда.— 1950.— 7 сентября.

⁴ История дипломатии.— Том 5.— М.: Политиздат, 1974.— С. 313.

⁵ Правда.— 1950.— 10 сентября.

⁶ Frederik S. Dunn. *Peace-Making and the Settlement with Japan* (Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1963).

⁷ Max Beloff. *Soviet Policy in the Far East 1944—1951*. London: Oxford University Press, 1953. P. 118.

⁸ Правда.— 1951.— 10 сентября.

⁹ См.: История Японии (1945—1975).— М., Наука, 1978.— С. 88.

¹⁰ In: *Foreign Relations of the United States (FRUS), 1950, Vol. 6* (Washington, D. C.: U. S. Government Printing Office, 1976).— P. 1142.

¹¹ Dunn. *Op. cit.*— P. 112.

¹² FRUS, 1950, Vol. 6.— P. 1144—5, 1175.

¹³ Ibid.— P. 1187.

¹⁴ Ibid.— P. 1280.

¹⁵ Dean Acheson. *Present at the Creation: My Years in the State Department* (New York: W. W. Norton & Co., 1969).— P. 428.

¹⁶ История дипломатии.— Том 5.— С. 308, 312.

¹⁷ *Внешняя политика Советского Союза*.— М.: Госполитиздат, 1953.— С. 260.

¹⁸ Там же.— С. 308.

¹⁹ Townsend Hoopes. *The Devil and John Foster Dulles* (Boston: Little, Brown and Co., 1973).— P. 105.

²⁰ John M. Allison. *Ambassador from the Prairie or Allison Wonderland* (Boston: Houghton Mifflin Co., 1973).— 153. FRUS, 1950.— Vol. 6.— P. 1332—6.

²¹ Acheson. *Op. cit.*— P. 542.

²² Известия.— 1951.— 17 августа.

²³ Hoopes. *Op. cit.*— P. 110.

²⁴ История международных отношений на Дальнем Востоке 1945—1977.— Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1978.— С. 144; История Японии (1945—1975).— С. 88; Петров Д. В. *Внешняя политика Японии*.— М.: Международные отношения, 1966.— С. 60.

- ²⁵ Кутаков.— Цит. соч.— С. 245.
- ²⁶ Beloff. Op. cit.— P. 154. 1945—1963. 1970.— P. 212.
- ²⁷ Savitri Vishwanathan, Japan's Relations with the U. S. S. R. (1945—1963).— P. 212.
- ²⁸ Beloff. Op. cit.— P. 154.
- ²⁹ Кутаков.— Цит. соч.— С. 243.
- ³⁰ Хосоя Тихиро. Путь к согласию в Сан-Франциско=Санфурансисуко ронва-э-но мити.— Туюкоронся.— 1984.— С. 266.
- ³¹ FRUS, 1950.— Vol. 6.— P. 1327, 1332, 1380.
- ³² Правда.— 1951.— 7 сентября.
- ³³ Правда.— 1977.— 7 и 12 июля.
- ³⁴ История международных отношений... С. 144.
- ³⁵ Правда.— 1950.— 23 мая, 7 сентября.
- ³⁶ Кутаков.— Указ. соч.— С. 254, 265.
- ³⁷ Правда.— 1951.— 7 сентября; Кутаков. Указ. соч.— С. 235, 239, 253, 255.
- ³⁸ FRUS.— 1950.— Vol. 6.— P. 1143.
- ³⁹ Louis L. Gerson, John Foster Dulles (New York: Cooper Squire, 1967).— P. 62; Eleanor Lansing Dulles, John Foster Dulles: The Last Year (New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1963).— P. 33; Michael A. Guhin, John Foster Dulles. A Statesman and His Times (New York: Columbia University Press, 1972).— P. 58.
- ⁴⁰ Gerson. Op. cit.— P. 65.
- ⁴¹ Ibid.— P. 54, 59, 60, 61, 62.

История — наука о будущем

Ф. ЛАППО

Всем надоел исторический мазохизм, исторические химеры и спекуляции. Если история — наука, то она стоит на знании, а это не только события и лица. Она урок, раз у нее есть смысл. Она высшая мера истины. Негоже глумиться над ней, потому что плоды истории — это мы, сегодняшние, а мы — не самые лучшие. История существует, чтобы могли понять, что мы есть. А когда поймем, — будет ли смешно? Во всяком случае, давайте сначала поймем. Прошлому история не нужна, оно ушло. Она нужна, чтобы видеть настоящее. Она нужна, чтобы мы были и завтра. Но теперь просто повторяться, с теми же ошибками и недоразумением, пусть даже с обратным знаком, уже нет времени и слишком дорого это обойдется. Речь идет не о том, какой будет XXI век, а о том, будет ли вообще XXII.

В деянии — начало бытия, писал Гете. В деянии таится слово, слово есть мысль, и нет деяния без мысли. А мысль — уже продукт истории и ее продолжение. Историю не переделать, сколько ни кляни ее, но в наших руках будущее. Она посмеется над нами, если мы посмеемся над ней. Ее нет — и она есть, и значит, без нее нельзя. Историю нельзя судить, она не бывает виновна. Без искусства мыслить, как и без совести, нельзя постичь ее смысл.

Может показаться, что прошлым в его беззащитности можно вертеть и так и эдак себе на потребу. Оно ведь немое, оно молчит. Молчит, пока лгут и пакостят. Так Творец тихо взирает с небес, поражаясь, что же еще натворят на земли рабы его. Но стоит обратиться к прошлому не корысти, а души и истины ради, как в ответ на правду о настоящем заговорит оно звучно и ярко. Только в ответ на истину о нас самих. Только увидев себя, мы увидим прошлое. Всякая смута взрывается прежде в головах, особенно незрячих. Не пора ли осмотреться? Мыслить все же удобнее так, а не иначе. В жизни одного человека учиться никогда не поздно. В жизни народа — бывает. Не уяснив себе логики истории, мы рискуем свалиться в кювет или снова оказаться на обочине.

Наука истории, тяга к историческому знанию — не ради потехи или утешения, не ради наслаждения искусством коварной, как все музы, музы Клио*. И не только мысленное движение вспять, реконструкция нашего происхождения. Это возвращение к сущности, то есть восхождение по ступеням абстракции, без чего нельзя объять многообразие мира прошлого, без чего невозможно «снятие» хаоса поверхности явлений. Критерий знания — его пригодность к делу. История прозревает в теории, в науке о движении сложнейшей, мыслящей, одухотворенной материи. Поэтому история в то же время — наука о происхождении действительно мировой идеи, мирового духа как действительного богатства человечества, без которых принцип развития человечества бессмысленен и неразумен, тем более, если мы признаем необходимость принципиально новой цивилизации. Теория как воплощение этой идеи помогает увидеть логику истории. Уходя от конкретной истории к логике развития человечества, мы приходим к его будущему. Поэтому-то если история сама по себе — ориентация, то ее теория — навигация. У всех ступеней этого процесса — общая направляющая: развитие интересов и потребностей человека и человечества, стремление к человеческой жизни и ее осознание. Потому это способ реализации сущности человека и идеи человечества.

* Есть еще одна сторона проблемы: история и арханка, но здесь рассмотреть ее невозможно.

История есть и способ критики реальности, как одно из средств исторического творчества. Эта критика осуществляется у нас в двух направлениях: критика коммунизма (идея его исторического краха) и критика с позиций его действительного развития. В недавнем прошлом были критики-диссиденты и критики-марксисты. Против них употреблялись разные средства, одни осуждались как истерики, взгляды других расценивались как заумность или схоластика. Естественно считать, что эффективнее та критика, что основывается на действительном знании. Что же считать знанием? Называние, подбор фактов и их оценка по настроению? Или (что сложнее и требует основательной подготовки, а не только элементарной порядочности) это сложное, трудное, даже мучительное движение от фактов — к их связям, от них — к закономерности и сущности. Какая критика оказалась эффективнее — посмотрим далее.

Конечно, логику исторического развития нельзя смешивать с шаблонно-линейными представлениями. Имеет ли смысл противопоставлять логическое и историческое, формационный подход и цивилизационный? Такая постановка неадекватна, мягко говоря, сложными проблемами. У догматиков, у бюрократии и у бывших диссидентов, у нынешних антимарксистов есть, как ни странно, нечто общее. Это общий уровень социального незнания.

Наука истории хиреет и умирает, если не возвышается к движению понятий, а самопознание человечества — к общей высокой идее, идее человеческой общности. Опять «честь безумцу?»

Мировые религии в их совпадениях были первой и необходимой ступенью, хотя не стали по отдельности мировыми идеями. А на следующей ступени «сон золотой» оказывается уже вещим. То, что некоторым и посейчас кажется мифом, становится не только способом мышления, уровнем общественного сознания, но исторической необходимостью, истинной человеческой потребностью, а история его — наукой. Редко вспоминают, что миф — вчерашняя быль. Быль уходит, а в памяти остается миф. И наяву бывает умопомрачение хуже, чем сон. Так что поскромнее бы насчет «бредовых идей». Если коммунистам и должно быть стыдно, то не за идею, а *перед* ней.

Если во всех наших бедах виновна бредовая идея, порочное дело, ради которых принесена в жертву судьба великого народа, то велик ли народ, что дал себя принести в жертву ради бредовой идеи? И зачем тогда гневаться на Энгельса за «тупоголовое славянство»? Конечно, не очень деликатно, но куда мягче, чем наши взаимные обвинения.

Если же это действительно мировая идея, высокая и святая, притом человеческая по своей сути, доказывающая закономерность (реальную возможность) избавления человечества от мерзости? Как в этом случае назвать тех, кто «довел» эту идею до свинства? Опять Энгельс не виноват.

Без теории история бесплодна или лжива. С теорией она — наука о будущем, в этом смысл философии истории. Иначе человечество обречено на движение без цели и вдохновения, напролом, вслепую, куда попало, целиной и буераками, а так без конца быть не может. Уже пора строить дорогу и выходить на нее. Обращение истории в орудие травли теории отравляет разум. Это и есть конец истории. Чего стоит бездумная история? Заслуживает ли будущего такое человечество? Во многия мудрости многия печали. Если бы: во многия печали — многия мудрости! Судом над идеей мы оправдываем действительно виновных.

Реально ли понятие мировой идеи? Очевидно, что оно не означает идеологической унификации, идейного господства, оно лишь выделяет среди множества идей их общечеловеческую и историческую сущность, общечеловеческую связь, то человеческое общее, что есть в нас. Очевидно также, что необходимые (функциональные) характеристики мировой идеи следующие. Это идея обобществления человечества, обеспечивающая его способность действовать сообща там, где это требуется, идея гармонии человека, общества и природы. Это общесоциальный идеал, идея человеческого братства, единая система общечеловеческих ценностей. Она должна быть гуманистической и реалистической, т. е. основанной на научном знании, в частности, знании объективного механизма развития человека, его освобождение от власти стихийных сил; исток высокой духовности. Напомним, что предварительной ступенью к этому состоянию явились мировые религии, в этом также их исторический смысл. Доказуемая рационально мировая идея, естественно дополняется экуменическим аспектом. Это, наконец, эмоциональ-

ная доступность и интеллектуальная убедительность*.

Мы знаем три формулы, три модели социального развития, объективно претендующие на роль мировой идеи:

— развитие человека невозможно, возможны лишь социальные изменения, требующие институционализации мировых процессов и выработки внешних норм деятельности в мире (хотелось бы думать, что эта формула сегодня имеет главным образом историческое значение);

— развитие общества через развитие человека, путем конкуренции и отбора; в основе развития — механизм стихийной регуляции (с элементами рационального управления), права человека и т. д.; такова либерально-демократическая модель; считается, что эта модель уже реализуется, если не завершается, в развитых странах;

— развитие человека через развитие общества, развитие общественных отношений в соответствии с объективными законами, научное управление обществом, сознательное формирование всесторонне развитой личности, права человека и т. д. — это марксистский, коммунистический подход; пройдена лишь начальная стадия реализации этой модели.

Две последние модели раньше обнаружили свою противоположность**. В наши дни появилась возможность их дополнительности, взаимообогащения, а не только выбора. Часто сегодня оценивают эти модели по их динамизму, а также — простите за вульгаризм — по «количеству отходов». Мне кажется, что в их оценке наиболее рационален сегодня подход, раскрывающий механизмы реализации этих моделей. Проблемы реализации коммунистической идеи требуют специального рассмотрения, которое я надеюсь представить читателю особо. Здесь же ограничусь следующей констатацией. Наши антикоммунисты считают эту проблему несущественной, поскольку марксизм — бредовая и замшелая идея, а дело его — порочно. Хотелось бы напомнить, что проблема нравственной оценки *использования* научной и не только научной идеи, касается не только обществознания. Но никому не пришло еще в голову судить Эйнштейна, Ферми и прочих за Хиросиму и Нагасаки. Да и Христа распяли не за то, что сотворили его именем усердные последователи. Дело, как многим известно, в социально-психологической атмосфере, социальной среде, в исторической ситуации. Так что вопрос этот не только содержателен, но и существенен.

Какова историческая судьба и место в современном мире обоих этих идей, каковы их шансы — тому посвящена вторая часть нашего описания. Несколько предварительных замечаний, во избежание недоразумений (хотя абсолютно их избежать невозможно). Вспомним, что сущность марксизма не в теории классовой борьбы и насилия, разрушения (не им, кстати, изобретенных), а в идее обобществившегося человечества и общественного человека, т. е. человека культуры, а не случайного индивида. Историческое место марксизма — научная ступень развития гуманистической традиции, закономерная и неизбежная. Не может быть химерой то, что является объективной потребностью людей. Один мой знакомый, человек прошлого века (и не он один!), говаривал, что Христос был первым коммунистом. Наивно?.. Но не невежественно. Мы имеем дело с различными ступенями единого процесса развития мировой идеи: мировые религии, гуманизм (в различных вариантах, в том числе утопического социализма) Возрождения и Просвещения, от него — к либеральной демократии и к собственно коммунизму как движению.

Вот почему тот, кто действительно стал коммунистом, тот им и останется, бегут недействительные, и бог с ними, ловить не победим. Теперь (естественно, в самом общем виде) о содержании марксизма, чтобы ясно было, что громят «утеклецы», что они отрунули и страхнули, действуя по принципу Бени Крика: «Набери в рот жидкой грязи и плюнь ему в морду, чтоб ему было противно».

— Человечество движется от вынужденной предыстории к свободной, подлинно человеческой истории.

* Особый вопрос — условия реализации мировой идеи. Практическая дискредитация, а также разрушение материальных основ, социальная деструкция, духовное вырождение могут прикончить любую идею.

** В принципе марксизм не против либерализма, а дальше его. Это заметно по статье того же Ф. Фукуды; либерализм «стремится» к достижению конечного состояния эволюции общества и человека, лишая ее безграничности.

— Никто не опроверг всерьез, что общественному характеру производства (и вообще деятельности людей) должны соответствовать адекватные системы общественных отношений и социального управления.

— Никто не опроверг всерьез закономерность исторического процесса, как и то, что социальной группой, наиболее полно осуществлявшей общественный характер производства был и в значительной мере остается рабочий класс. Эта функция постоянна, она может лишь видоизмениться в новой социальной структуре.

— Маркс и Ленин основывались на активной роли как общественного сознания, так и личности, ибо любую социальную закономерность надо *суметь* и *смож* реализовать.

— Человек — единственная самоцель общественного развития. Идеи людской солидарности, реальный гуманизм, коллективизм, интернационализм марксизмом поставлены на научную основу, как и идеи социального равенства (но не одинаковости) и подлинной культуры.

— Марксизм нигде не дал повода утверждать, что бытие общества и человека — в вещественной стороне их жизни, а духовная жизнь второстепенна и несущественна.

Вольно или невольно рассерженные на марксизм не замечают, что марксизм — это не только (и не столько) то, что написали или сказали классики. Перефразируя Ленина, можно сказать, что из слов Маркса и Энгельса можно надергать все, что угодно. Марксизм же — сложная и четкая, открытая, динамичная и живая логическая (и методологическая) система, которая существует в известной мере самостоятельно от ее творцов и которая еще не достигла своей высшей фазы развития, а быть может, и средней. Забавная деталь — последняя буква фамилии Маркс совпадает с обозначением переменной, которую еще предстоит определить. Марксизм не придуман, он отразил определенное качество истории, а именно ее переход от стихийности к сознательности, требующий умения видеть историю ближнюю и дальнюю. Марксизм есть система понятий, смысл которых необходимо *знать*. Он не ограничен национальными, сословными, цивилизационными или формационными скобками. Марксизм есть первая не только рациональная, но научно определенная мировая, общечеловеческая идея. И прежде чем говорить о ней, надо ее изучить. А уж если лень, то простите.

В мире, в истории (в том числе XX века) нет ничего, что делало бы ненужным или невозможным существование и развитие марксизма. В марксизме нет частей, отторгаемых реальностью, несовместимых с нею. Есть лишь определенные стадии его развития и формы его реализации, есть степени его усвоения. Есть теория, а есть конкретные люди в конкретных обстоятельствах и состояниях души. Если мы и виноваты, то в том «только», что для его развития сделали далеко не все, что должны были сделать. За это нас и бьют, кому не лень, кому *хочется*...

С другой стороны, следует различать гносеологические, социально-психологические и исторические корни антимарксизма, который также доступен критическому анализу и который не является ни логической системой, ни методологией, который обитает лишь на эмпирическом и апологетическом уровне. Его ареал — незавершенность марксизма, наши школярские представления, наше убогое употребление его, наше нежелание «ломать голову». Здесь он и развернул освобождение обществознания от теории и методологии, что суть несвобода. Фетишистское мышление не заменит теоретического, «новые мифы» — не есть новые идеи.

Почему, собственно, возник вопрос о мировой идее? Потому что наша судьба — это часть (и немалая) судьбы человечества. И прежде чем выяснить нашу судьбу, нашу историю, мы должны определить их место в этой общей судьбе (которую и выражает общая идея), чтобы не пойти наперекор ей, чтобы не оказаться попрошайками истории, не стать ее тормозом и обузой.

Как обстоит дело? Давайте посмотрим.

* * *

Современное знание представляет общественное развитие вероятностным и многомерным. Таковы, например, измерения астрогеофизическое, этногенетическое, цивилизационное, формационное и, скажем, духовное (информационное), исследующее историю идеального бытия человечества и его информационные системы. Остановимся на тех, что находятся в эпицентре дискуссий востоковедов и, судя по приведенной типологии, не могут быть взаимозаменяемы, — формационном и цивилизационном.

Оценивать теорию и дело исторически имеет смысл только с позиции высшего знания, высшего, а не просто большего. Действительно действующее историческое знание мы обретаем лишь тогда, когда пройдем через немалые усилия и горький опыт и найдем, что в них, теориях и делах, нетленно, что суть и стратегия, что нам в науку и поучение. Не мешает знать и то, насколько мы, умудренные, пошли дальше, насколько подняли выше наследие обретенное, корректны ли, честны ли наследники и исполнители. Неудачи — впрямь наука; извращение, дискредитация — преступление. Только тогда можем судить, вина ли идеи в случившихся бедах, только тогда поймем, что в прошлом истинно, что нет, когда сотворим что-то настоящее, следуя иным путем или, наоборот, данным.

История не закончена, и ставить всем отметки еще рано. В вероятностном, стохастическом процессе, каким является стихийная история (иной мы не ведаем: даже Октябрь был в большей мере стихийным взрывом, чем сознательно творимым актом — «переворотом»), когда действует статистическая закономерность, — в этих условиях даже неудача марксизма на практике не есть его опровержение. История может избрать разные пути и состояния, и самая стройная социальная теория может не найти своего воплощения, но это ей не в укор, хотя на нее и падет озлобление. История вообще может не состояться. Она может остановиться, а Ф. Фукуда оказаться прав. И гитлеризм — не такая уж химера, ибо ультраимпериализм «нового порядка» был заложен в истории Запада как актуальная возможность. И мировая революция (абстрактная возможность), и мировой революционный процесс (реальная возможность, сила примера) были возможностью, но не выдумкой. История может пойти вспять, а может и вдруг оборваться. Но это значит только одно: дальше она пойдет только осмысленно, теперь прогресс невозможен без исторического знания.

Наконец, стремление человека к человечности, к человеческому, к действительной жизни, к справедливому миропорядку, к подлинной истории тем более не может быть химерой. Правда, люди способны пасовать перед обстоятельствами, поддаваться случайным настроениям и тягостным заблуждениям при самых блестящих теориях и самых прочных нравственных устоях.

Марксизм первый предложил видение истории в целом как социальной формы движения материи, как закономерного движения к подлинной истории человечества, предложил видение человека в его социальном развитии, в связи с развитием общества. Это первая общечеловеческая и общеисторическая идея, отказ от которой суть одичание, разрушение социального знания и утрата облика человеческого.

Мы переживаем критический этап истории человечества и находимся в той ее точке, откуда видно больше и дальше, но где разочарований и вопросов тоже больше, чем когда-либо прежде. Чем шире круг знания, тем протяженнее граница с неизвестным. Поэтому именно сегодня нельзя пренебрегать знанием, опытом. Без Маркса видеть историю невозможно, но и этого сегодня мало. У нас есть время на историю, но не на ошибку.

Марксова теория формации имеет к нам самое прямое отношение именно потому, что мы впервые действительно озабочены будущим. У самой этой теории драматическая биография. До сих пор историки и обществоведы работают с понятиями «античный» и, особенно, «азиатский» способы производства, хотя все более очевидно, что в перечне 1857 г. и позже Маркс и Энгельс еще не различали явлений формации и цивилизации. Следовательно, наши представления находились на уровне 1857 г. Античный мир и Азия как способы производства практически не различались, различались лишь их общественные формы, в конце концов они были частями общей аграрной цивилизации.

Мы все еще спорим и корим Маркса по поводу рабовладельческой формации, считаем, сколько там и сям рабов, хорошо, если притом вспоминаем о системообразующем факторе, а то и так обходимся. А для Маркса это было не столь уж важно (они с Энгельсом представить себе не могли, что их последователи додумаются до уродца «пятичленки»). Для них самих важно было не число «ступенек», а логика развития, направленность процесса формации. Помнится, на ЦТ известному академику простодушный слушатель задал вопрос (его очень любила когда-то задавать русская редакция «Голоса Америки»): «Какая формация будет после коммунизма?» Академик ответил: поживем — увидим. На таком уровне мы знали теорию формации и Маркса вообще. Сам же Маркс в том же 1857 г. писал иначе: коммунизмом завершается

институты и нормы (государство, собственность, власть, право, традиции и т. д.), охраняющие интересы данного общества и конкретных социальных групп, его утверждающих. Поэтому фигура их движения имеет вид прерывный, ступенчатый (до того момента, когда характер их взаимодействия с «х» меняется коренным образом). Развитие общественного сознания намечено нами в самом общем виде.

Немало противоречий, несоответствий и вопросов обнаруживает и вызывает данное построение. Значит, оно живое, открытое для нового и хранит место для непознанного. И это не трафарет. Недаром Энгельс предупреждал, что порой логике очень долго приходится дожидаться истории. Ни одно общество не прошло всех этих ступеней, иначе и быть не могло, не могло быть движения гуськом или за компанию. Тем труднее было Марксу обнаружить эту самую логику истории, т. е. создать теорию формации.

Почти сорок лет назад профессор И. М. Рейснер поставил нас, несмышленишей, перед вопросом о причинах отсталости Востока. Много позже мы начали осознавать, что действительная причина не в госфеодализме (это не сущность, а форма отношений). Наиболее общая причина — в стихийном характере исторического процесса, порождаемом отдельностью бытия его ветвей (цивилизаций, рас, народов, групп и т. д.). Иными словами, иначе быть не могло. Логика истории осуществлялась и через свое неосуществление. Человечество шло методом проб и ошибок, народы были не в состоянии сравнивать и выбирать свои пути, плыли по разным течениям, как повелевал рок. В чертах исторических цивилизаций — след этого многообразия от бедности и зависти от природы. В экстремальных природных условиях складывались близкие общественные формы. Великие религии различались весом природного элемента в их структурах; чем древнее, тем больше был этот вес.

Еще одно противоречие. То, что мы обозначаем как первобытную формацию, не являлось таковой. Первобытное стадо с охотой и собирательством и родоплеменной строй с земледелием и скотоводством — достаточно самостоятельные ступени общего процесса формации (способы производства). Зато три последующие ступени обнаруживают немалое сходство. Из этого можно заключить, что существуют историко-временные образования, большие, нежели собственно формации. Западные авторы уже давно обратили на это внимание, обозначая их как аграрную, индустриальную и постиндустриальную цивилизации. Мы различаем их как формы социального движения хотя бы затем, чтобы не перегружать значениями понятие «цивилизация» и чтобы выделить их самостоятельность, особость и тем снять механический обрубок «пятичленки». Это необходимо и для того, чтобы отменить механистическое толкование теории формации как «дурной бесконечности» смены формаций-ступенек, и тем получить более точную картину целостного и открытого исторического процесса.

Кривая роста производительных сил не может быть экспонентой, т. е. расти без конца. Всякое отдельное движение конечно, отмечал еще Энгельс. Производительные силы, как и все природные и общественные системы, развиваются по логистической кривой. Достигая определенного уровня, они стабилизируются (в оптимальном случае), увлекая производственные отношения к стабильному же, оптимальному состоянию, определяя тем самым их законченное взаимное соответствие. Собственно, это и имел в виду Маркс, говоря о завершении процесса формации. Долгое время мы представляли себе это соответствие в виде той самой дурной бесконечности, которая не объясняла, почему обе линии становятся параллельными.

Итак, процесс общественного развития, процесс формации есть процесс формирования оптимальной структуры общества, основанной на сознательной саморегуляции (это, конечно, не исключает возможности пустить все прахом, что, впрочем, не делает теорию формации мифом). История предстает перед нами как статистический процесс движения от биосоциальной формы движения, определяемой непосредственной взаимосвязью человечества и природы, к собственно социальной, движимой механизмом социальных (классовых) противоречий, в том числе и по поводу природных ресурсов (т. е. за счет природы), а от нее — к духовной (это понятие шире и действительнее понятий «интеллектуальный», «информационный», которые перестают быть естественными без нравственной, эстетической и собственно духовной сторон человеческой деятельности). «Мировая идея» оказывается естественноисторической закономерностью, а «конечная цель» — началом собственно человеческой истории, кстати, в действительном единстве с природой.

Подлинная история человечества гуманна, осмысленна и одухотворена, иначе невозможна будет дальше никакая история. Любопытную картину в этой связи представляет собой современный мир. Никогда еще достижения человеческого разума и социального опыта не открывали перед людьми таких блестящих перспектив. В то же время человечество впервые увидело пределы своего существования. Наряду с прогрессивными открылись процессы не менее константные, но с обратным знаком, определились уровни, за которыми не менее определенные, чем прогресс, варианты *будущего*, более или менее длительного.

Угроза космической катастрофы, вероятностной и неопределенной, но конкретной.

Угроза термоядерной катастрофы продолжает оставаться самой главной, при известном снижении ее остроты. Накопленных арсеналов достаточно, чтобы десятки раз уничтожить все живое, не снята немалая статистическая вероятность случайного взрыва. Чтобы сработал эффект «ядерной зимы», достаточно двух-трех десятков локально расположенных мегатонных взрывов, т. е. одного-двух залпов стратегических подводных лодок: пламя «торнадо» (известное по Дрездену в 45-м), когда горят камни и железо, поднимает в атмосферу тучи сажи, обволакивающие планету, практически прекращая доступ к Земле солнечных лучей. Процесс этот необратим. Наконец, обычная война там, где есть АЭС, может дать аналогичный катастрофический результат от их разрушения. В Чернобыле выброс радиоактивного вещества составил в сумме около 65 кг (в Хиросиме — чуть больше 450 г, правда, в виде взрыва), в зоне непосредственного воздействия его оказалась территория с пятиmillionным населением.

Угроза экологической катастрофы стоит, по существу, рядом, а может быть и ближе. В результате стихийного индустриального развития Земля не только уподобляется выеденному яйцу (это предел потребления вещества природы), под угрозой вся система биосферы — главное условие существования человечества. «Парниковый эффект» продолжает неуклонно формироваться*. Меры, предпринимаемые развитыми странами, в глобальном масштабе существенного эффекта не дают. Растут и другие гомогенные дисбалансы в природе (озоновый слой, тропические леса, Мировой океан, опустынивание, искусственные примеси и т. д.). Индустриализация «третьего мира» стала бы катастрофой для человечества.

Третий фактор в этом ряду условно можно было бы назвать угрозой демографической катастрофы. При всех восхитительных исключениях векторы развития Севера и Юга расходятся. Долг развивающихся стран (³/₄ населения Земли) растет все более безнадежно, прирост их населения в 3—4 раза превосходит рост их ВВП. Масштабы голода на планете не сокращаются, сотни миллионов хронически голодают. 1 млрд. человек неграмотны. Отдельные страны «третьего мира» лишь подпрыгивают, не обретая способности к постоянному развитию. Экономика «социалистических стран» оказалась в тупике и не в состоянии помочь им ни прямо, ни примером. Китай, по некоторым расчетам, способен прокормить 800 млн. человек, а его население еще до середины XXI в. составит 1,5 млрд. человек. В отчаянном положении многие страны. Нет методики их развития. Это огромный фактор нестабильности, который не ослабевает. Захват Кувейта свидетельствует, что в «третьем мире» растет, так сказать, самостоятельность. Сегодня водородную бомбу можно уместить в чемодане...

Наконец, в тени этих проблем, а потому не столь на виду, еще две тенденции, можно сказать, энтропийного свойства, — тенденции социального и духовного вырождения.

Десоциализация, разрыв социальных связей, деформация норм и ценностей выражаются в росте преступности, центр которой определенно разместился в самой могущественной державе мира. Этот рост обретает глобальные масштабы и образует структуры тоталитаристского типа, порой способные конкурировать с государственным. Наркомания (с оборотом в ¹/₂ трлн. долл.) и алкоголизм сотен миллионов людей, признаки дегенерации, психической деструкции, неестественные перегрузки и т. д. продолжают этот перечень. Проблема СПИДа не случайно угнездилась не только на границе 4-го и 5-го

* В последнее время активно пропагандируется идея ограниченного и даже местами благотворного воздействия «парникового эффекта», однако эта идея не учитывает качественных уровней изменений и неизбежную социальную нестабильность при таких глобальных переменах.

факторов, но и на границе «первого» и «третьего» миров: то ли природа сбрасывает лишнюю нашу численность, то ли мы сами уже ступили за грань вырождения. Во всяком случае XXI век может стать последним для Африки — колыбели человечества. А затем?

И последнее — признаки духовного вырождения. Рост функциональной неграмотности, снижение престижа социального знания, коммерциализация искусства, оскудение духовного, этического и эстетического начал в жизни общества — такова очевидность. Авангард, конечно, впереди, но куда идет весь поезд, вверх или вниз? Похоже, все это расцветает тогда, когда обществу плохо, когда оно без сознания. Снижение восприимчивости к культуре, способности строить внутренний мир — таково наследие XX в., его урбанизации (как стороны индустриальной цивилизации)*.

Более 180 стран и территорий образуют современный мир. В большинстве их — полный простор рыночным отношениям и частной собственности, тоталитарные режимы — редкость, а каков результат? 26 индустриально развитых стран плюс 4 НИС (производных от японского центра); плюс 4 страны ЮВА того же происхождения — на подходе; полдюжины среднеразвитых стран Латинской Америки — детища Запада; столько же стран Восточной Европы; плюс СССР да «нефтяные карлики» Персидского залива. Около четверти от общего числа.

К 2025 г. в развитых странах будет жить уже лишь $\frac{1}{8}$ (или даже $\frac{1}{9}$) населения мира. Эта арифметика показывает, что страны Запада преуспели не столько благодаря рынку и частнику, сколько по причине развития последних в среде европейской цивилизации, особенно в связи с ее социальной эволюцией и потрясениями в XX веке.

Конечно, ширятся интеграционные процессы в мировой экономике, политике, социальном строе, духовной жизни (не следует путать все это с процессами нивелировки). Мощный импульс им дан политикой и философией нового мышления СССР, и очень нехотая было бы допустить, чтобы источник его оказался в состоянии исторического шока, а мы кое-что уже дружно предприняли в этом направлении. И все же — общий баланс прогресса $\frac{1}{4}$:³/₄ плюс шесть вариантов конца, считая космическую катастрофу (избежать которую человечество сможет, вероятно, лишь с помощью ракетно-ядерного оружия).

Все эти факторы риска, угрозы катастрофы — общие проблемы человечества. Они значат, что дальше историческое развитие не может идти стихийно, т. е. по отдельности и неуправляемо. Это значит, что индустриальная (в основном — западная и где-то сбоку СССР) цивилизация исчерпала себя. Хорошо, если наметился где-то переход к новой, интеллектуальной (духовной) цивилизации, пусть даже со слабым ресурсом. Этот переход возможен лишь как осмысленный, глобально управляемый процесс. Его может осуществить лишь обобществившееся (естественно, не в вульгарном понимании) человечество. Маркс видел импульсом этого поворота осознанные закономерность и желание. Сегодня у нас, пожалуй, больше страха. Человечество не может далее развиваться, если не остановит и даже сократит потребление вещества природы, если не перейдет к интеллектуальной технологии. Сделать этого нельзя, если не сформируется гарантирующий механизм, в основе которого новый мировой порядок, оптимальное общественное устройство (соблазн тоталитарного решения при определенных условиях может возрасти, особенно, если дотянем до крайности).

Зато решив проблему социального развития (на стадии социальной формы движения), мы освободим энергию развития духовного (не избавляя его от немалых забот, т. к. фиксация оптимальной социально-экономической структуры — формации потребует постоянных усилий). Зато человеческий дух, общественное сознание, интеллектуальный момент производительных сил будут продолжать движение, в них сосредоточится дальнейшее развитие самого человечества, ибо сознание человечества суть зеркало, в которое (и только в него) может смотреться природа, лишь в нем может найти адекватное отражение и бесконечное продолжение бесконечная природа, лишь в нем может она почерпнуть высший ресурс самоорганизации и тем придать истории характеристику безграничности, не давая ей остановиться. (Конечно, при условии, если мы сами будем

* Эти шесть угроз, вместе или порознь, обладают мерой, за которой развернутся непредсказуемые и необратимые энтропийные процессы. Тогда кризис станет неразрешим.

почаще заглядывать в это зеркало). Только так история сможет продолжить движение по экспоненциальной кривой (Σ), реализуя безграничность общественного прогресса. Природа пустит нас вперед, если мы прекратим грубое вмешательство в ее дела. Таковы судьба и логика теории формации.

Как в этой ситуации работает цивилизационный подход? Немало столетий европейская цивилизация несла на себе бремя функции магистрального прогресса в мировой истории. Не бесплатно, конечно. Две мировые войны, сотни других, ограбление целых континентов, сотни миллионов жертв, не говоря уж о пяти факторах риска, перед которыми сегодня именно она поставила человечество.

Общую картину развития мировых цивилизаций можно графически представить по-разному. Нам более импонирует схема, отражающая их сравнение относительно общественного прогресса, как варианты этого прогресса. Методика составления этой схемы аналогична методике А. Н. Северцова в его теории ароморфоза. Правда, у нас отражены не «восемь культур», как у О. Шпенглера, т. к. использован иной метод подсчета (см. рис. 2).

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОГРЕСС И МИРОВЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

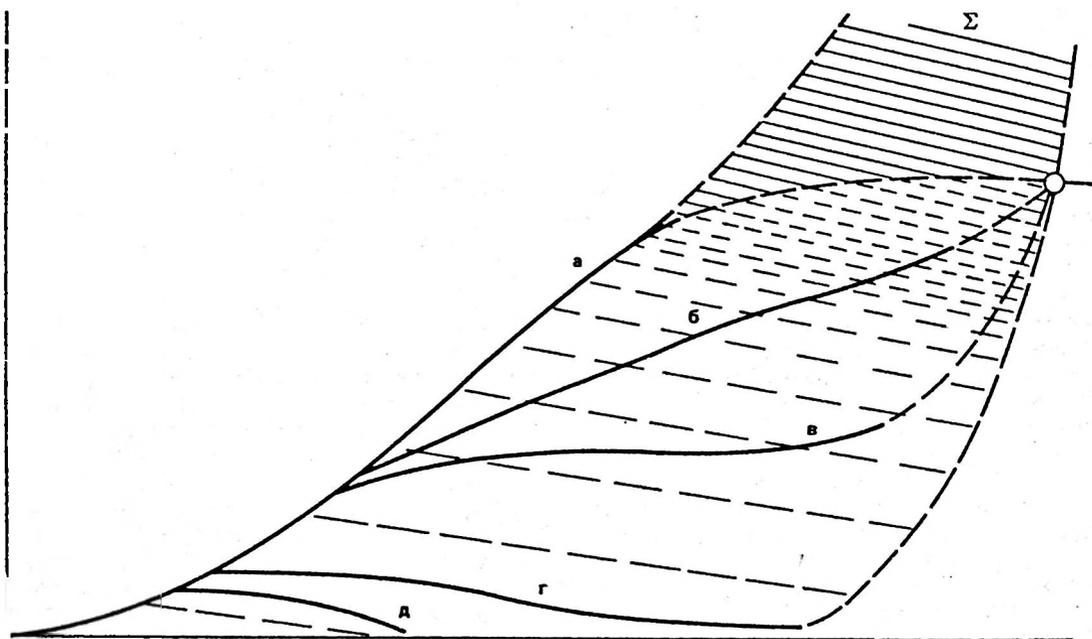

Рис. 2.

а) — магистральный прогресс; б) — ограниченный прогресс; в) — тупиковый (застойный) вариант; г) — регресс; д) — катастрофический вариант; Σ — общечеловеческая цивилизация.

Есть и другие варианты распределения — по месту в общественном разделении труда, культурологический, компаративистский и т. д. Различаются цивилизации и по сочетаниям ступеней общественного развития (формаций). Во всяком случае, цивилизация — это целостный вид общественного развития, а не только его духовные испарения. Это формы развития истории.

Все конкретные цивилизации конечны. И здесь срабатывает логистическая кривая, постоянны лишь варианты. Мы видим также, что в стихийно развивающемся мире цивилизации движутся по расходящимся направлениям. Что уведит ту или иную ветвь от магистрали? Скорее всего здесь срабатывает двусторонний механизм. Во-первых, реализуется стремление к состоянию, равновесному с естественноисторической средой. Не

всякая среда стимулирует непрерывный качественный рост общества. Как мы уже упомянули, совершенно далекие цивилизации останавливаются на одном уровне в экстремальных зонах обитания — полярной и тропической. Скотоводческая цивилизация обнаруживает иной механизм остановки: отсутствие в ней такой подсистемы, как производство средств производства (его компенсируют биологические процессы). Структурный дефицит обрекает эту цивилизацию на тупик, на агрессию и чаще всего на рассеяние и исчезновение. Наконец, народы, мигрировавшие на Американский континент, удобно там расположились, но «растеряли колеса» и, регрессировав, стали жертвой колонизаторов. Есть общества, перегруженные демографически, есть с острым дефицитом населения. Иными словами, структурный дефицит и стихийный гомеостазис — таковы две стороны, что сказываются на прогрессе, исторической судьбе, культуре, на национально-психологическом и других факторах цивилизаций.

Наконец, многообразие цивилизаций противоречиво: это богатство, но и источник конфликтов и соблазнов (на уровне преддистории). Каково же будущее этого множества, как оно в принципе разрешимо? Казалось бы, все просто: кто динамичнее, богаче, сильнее, — тот притягательнее, к тому и склонятся все ветви кроны. А может быть — слияние, суммирование, смешение? Но вот языки и религии не смешиваются! С другой стороны, одни бегут в США, другие (их поменьше) тяготеют к Японии. Специалисты считают, что XXI век — век АТР. Япония выдвигается на острие НТР, раньше других начав поворот к интеллектуальной технологии (и цивилизации?). Однако будет ли это выходом для общечеловеческой цивилизации? Знатки рассказывают, что японские ученые близки к разработке биотехнологии океанического рыбозаведения. А это пока единственно мыслимая дорога к решению продовольственной проблемы в... Китае. Принципиальное различие систем управления Японии и Запада тоже не вдохновляет.

Если теория формации выражает логику истории, то теория цивилизации — многообразие стихийного поиска, вариантность истории на социальном уровне (в отличие от биосоциального, более монотонного).

Итак, цивилизации обнаруживают тенденцию к расхождению. Видимо, решение — в «девятой культуре», в синтезе, снимающем данные сложность и множество, и образуемом из него многообразное единство, в образовании новой цивилизации на базе общечеловеческих ценностей, на базе общечеловеческой природы, связи и идеи. Такая идея есть, ей давно пора выбраться из норы, куда ее загнали «верные последователи». Ее обвиняют в мессианстве, обзывают мифом, хотя это очень рациональная и реалистическая теория — теория выхода. Над ней только надо очень много поработать, надо дать ей развернуться, как следует, как она того стоит, а прежде надо ее понять. Нельзя нам всю жизнь быть ранними, пора бы повзрослеть.

Могут возразить, что именно эта теория привела нас к кризису, тупику, к обочине прогресса, что теория прогресса и формации разошлись. Во-первых, теории недостаточно для выхода на магистраль. Во-вторых, действительно, чтобы описать реальную картину современного мира, нам недостаточно категорий «формация» и «цивилизация», нам нужна категория, позволяющая увидеть весь сегодняшний мир *в целом*.

Некоторые наши теоретики поторопились снять, вернее, изъять понятие «эпоха всемирно-исторического развития». Их смутило «не соответствующее» высказывание Ленина о том, что эпохи отличаются тем, какой класс стоит в центре той или другой из них. Если обратить внимание на контекст, на задачу, которую в тот момент решал Ленин, то станет ясно, что этот критерий применен им на уровне разработки политической стратегии, а не на уровне философско-исторического исследования. Применение Лениным этого понятия в собственно историческом контексте свидетельствует (это корреспондируется с подходами Маркса), что Ленин рассматривал понятие «эпоха» как отражение степени целостности конкретного всемирно-исторического процесса, как ступень этой целостности, иначе он не стал бы применять ее лишь с XVI в., с первого шага этой действительной, а не случайной, целостности, — с эпохи первоначального накопления, великих географических открытий, становления колониальной системы и формирования мирового капиталистического рынка, системы общемировых связей. Собственно, лишь с этого рубежа история становится всемирной. Итак, эпоха — это уровень целостности и мгновенный снимок человечества, ступень всемирно-исторического развития, в основе которого — взаимодействие и на уровне формаций, и на уровне цивилизаций.

Поворот к *завершению* процесса формации не может обойтись тем же механизмом, что и смена формаций. Развернулся всемирный (общемировой, общечеловеческий) процесс, который не укладывается ни в формационный, ни в цивилизационный подходы, — процесс поляризации исторических сил на уровне эпохи. Мир не разделился, а наоборот, — сгруппировался, т. е. обрел новую, более определенную организацию, которую долго все принимали и на Востоке, и на Западе как «раскол мира», «борьбу выбора, перехода одной системы в другую». Лишь затем (и с опозданием, дорого обошедшимся всем) увидели иное — возможность поворота всех исторических сил к новому качеству. Поляризация образовала ось этого вращения, требующего, конечно, совместного участия. (На внешней дуге путь пройден больший, чем на внутренней. Тут поворот шел труднее, мучительнее, но более всего — странно). Трансформировался

ЗАВЕРШЕНИЕ ПРОЦЕССА ФОРМАЦИИ — ЛОГИКА СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

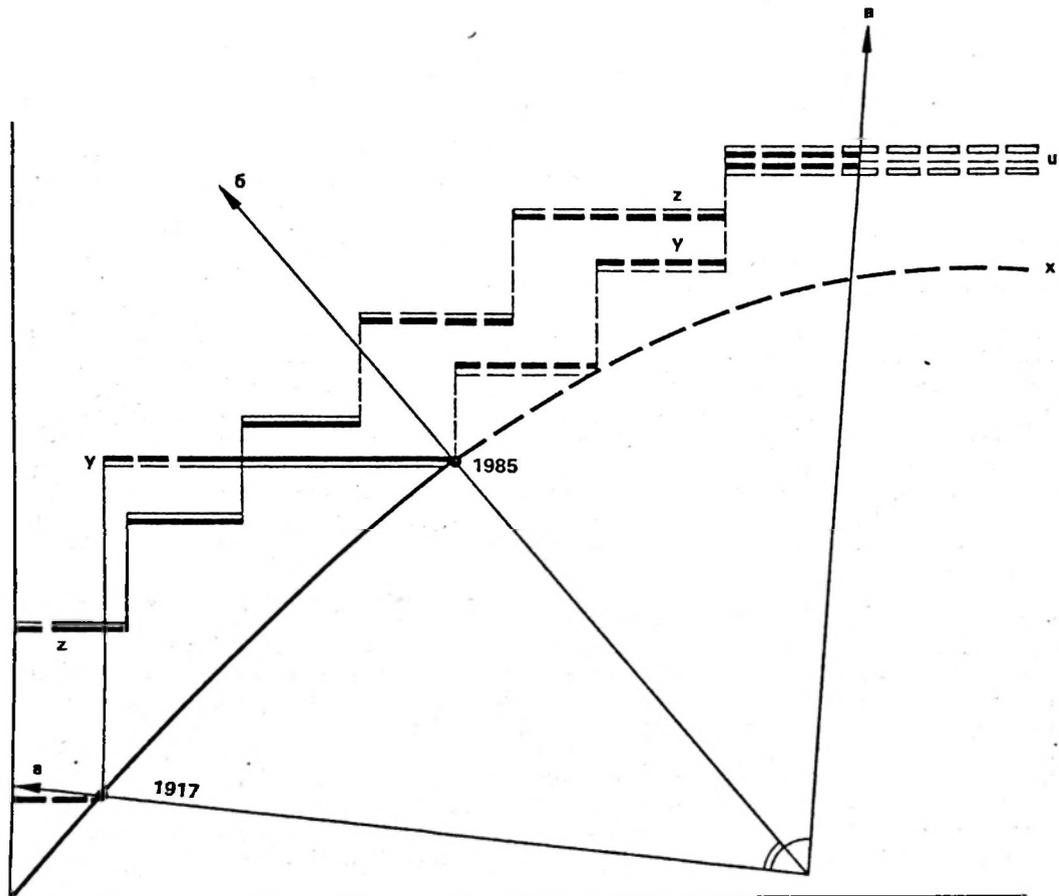

Рис. 3.

а, б, в — этапы поворота: а — революция, а—б — конфронтация, б — перестройка, б—в — сближение, в — синтез; х — производительные силы, у — производственные отношения социализма, z — производственные отношения капитализма, u — универсальные отношения.

* Это искажение образа возникло, по-видимому, от того, что экстремальные состояния обоих миров вступили в ожесточенную схватку к середине XX в.

сам механизм формационного и мирового развития под ударами целой серии мощных кризисов, потрясших мир XX века. Это и определило содержание эпохи, обещающей и впредь быть непростой и длительной (см. рис. 3).

История продемонстрировала, что соотношение изменчивости и устойчивости, гибкости и жесткости, реформы и революции в процессе формации меняется по-разному на национальных уровнях. С накоплением исторического опыта, возрастанием исторического риска, развитием общественного сознания и т. д. логически первые начинают преобладать. История и политика становятся все дороже, а потому осмысленнее, общества — более реформируемыми. Человечество больше вырабатывает идеи, чем увлекается ими. При этом не исчезли четыре основных общественных состояния (прогресс, регресс, застой и хаос), они даже стали более четко отображаться в идеях и поведении определенных групп. Так или иначе, изменились механизм процесса формации и структура формаций-ступеней, характер взаимодействий внутри них. Производственные отношения обрели способность не доходить до прямого столкновения с производительными силами, т. е. способность модернизироваться. Возможно, аналогичная эволюция в какой-то степени наблюдалась в первобытном обществе стихийно-автоматически. Однако для антагонистических формаций это не было характерно. И вот капитализм с 1914—1919 гг. стал обретать, постепенно и не без катаклизмов, это свойство *гибкой* формации. Зато очень молодой коммунизм (квазисоциализм) взял себе (не без воздействия внешнего фактора и новизны предприятия) свойство жесткости. «Высшая и последняя стадия» ушла в прошлое, но не стала химерой. Исторический путь осложнился, и в этом нет ничего сверхъестественного. В мире начало работать стойкое взаимодействие. Капитализм стал не единственной формацией. А главное, он стал работать на *соответствие «х» и «у»* (рис. 1), особенно в виде «нового курса». Он в известном смысле становится отрицанием самого себя, «посткапитализмом». Но не будем забывать, что параллельно пробивала себе дорогу с немалым упорством и другая ветвь того же капитализма — ультраимпериализм с его «новым порядком». Не забудем и то, что западные демократии сами этот вектор одолеть не смогли, вряд ли он и сегодня исчез абсолютно. Мы не знаем также, как Запад будет переходить от индустриальной цивилизации, хватит ли на это его ресурсов и запаса гибкости. Америке нужен триллион, чтобы догнать японскую технологию. Это можно сделать лишь в ином мире, с иной функцией в нем США.

Борения XX в. побудили капитализм к поиску оптимума в соотношении частной инициативы и общественных интересов, т. е., по Гелбрейту, государства всеобщего благодеяния. Роскошные узоры эффективности западная экономика стала вышивать по канве (правда, неполной и не очень прочной) социальных интересов и исторического опыта, в том числе нашего, хотя и классовые интересы, и инерция империализма в миф еще не превратились. Рыночный механизм на Западе работает (и этому нам еще предстоит учиться), как горячее в двигателе, прочно сбитом из систем контроля, регуляции и планирования — государственных, налоговых, банковских, правовых, из этики бизнеса (бизнес — это и вид этики), международной интеграции, общественного мнения и т. п. Почему не мы, а они первыми поняли, что самое надежное помещение капитала — не непосредственно в производство, а в человека, и кто их надоумил? Маркс или Кейнс? Почему, например, швед-предприниматель отдает государству 50 %, муниципалитету 15 %, а себе оставляет 35 % прибыли? Разум, расчет, но ведь может и надоест.

Здесь в принципе и должен сработать другой полюс.

Советская страна десятилетия была центром притяжения немалых прогрессивных сил мира, и здесь играли роль не столько неведение по поводу подлого режима, сколько качество идей и реальные достижения реальных людей. Без 1917-го не было бы 1945-го (впрочем, авторитет последнего мы довольно быстро растеряли в суматохе «холодной войны» внутри и вовне). Без Октября то, что осталось бы от развалившейся и растащенной России, было бы придушено кризисом 1929 г., который был так же неминуем, как фашизм и вторая мировая война, ибо были они порождены не существованием СССР со всеми его плюсами и минусами, а тем же, что привело к первой мировой войне и что очень жестко определяло характер союзничества Запада и России. 1941-й год (тем более без второго фронта, что также нетрудно вычислить) стал бы для России последним, и это было бы не единственной потерей для народов мира. Иначе выглядел бы и также неизбежный атомный фактор.

Осуществляемый даже через свое «неосуществление», напролом, по костям миллионов (никого не оправдываю, но трудно отделаться от простенького расчета: в 1929 г. до 1939 г. оставалось 10 лет, до 1941 г.— 12), социализм был все же и народным подвигом, и живой жизнью, и надеждой, и культурой, а не только «культом». Это и позволило новому обществу (и именно ему) отсесть вариант ультраимпериализма, самый безысходный для народов мира, самый безнадежный для западной и восточной цивилизаций. Социализм своей Победой придал истории и человечеству общую активизацию, новый динамизм либерально-демократической и социалистической тенденций на Западе и Востоке, национальное освобождение Востока и Юга, формирование мирового сообщества и т. д. (при всех тогдашних издержках нашей стратегии). Социализм позволил нашей стране играть незаменимую и намного более позитивную в конечном счете роль в мировой истории, чем старая или «временная» Россия.

Наперекор всем невзгодам и бедам своим, социализм дал эпохе, да и всей человеческой цивилизации ту точку опоры, тот второй полюс взаимодействия (не хочется употреблять термин «ось»), который гарантирует поворот к подлинно человеческой истории. Поляризация мирового прогресса (на разных уровнях абстракции она имеет разную степень сложности) обозначает новый шаг в самой диалектике общественного развития*. Ее можно представить в виде двух составляющих: демократические и социалистические тенденции Запада и Юга, с одной стороны, и социалистическое развитие Востока — с другой, во всем их многообразии. Можно представить ее и как взаимодействие индивидуального и социального, личностного и коллективистского, национального и интернационального, народов и человечества. Цивилизационные различия с этой позиции не выглядят определяющими, ибо вливаются в каждый из компонентов, образуя их специфику.

Оба строя начали с крайностей, с классовых антагонизмов. Будем надеяться, что этот вариант исчерпан. Для нас важнее сейчас то, что образует взаимное притяжение двух этих полюсов: развитие общественного характера производства, мирохозяйственная интеграция, НТП, процессы демократизации и интеллектуализации, культурные связи, наконец, — единая человеческая природа, духовные потребности, а также драматические проблемы современного человечества, требующие общего осмысления и объединенных усилий, требующие разумных компромиссов, для чего необходим общий уровень разумения.

Странные зигзаги выделяет история социального идеала. Сначала это легенда о «золотом веке», т. е. идеал в прошлом. Затем он вознесся на небеса, в потусторонний мир, затем его увидели в будущем. А сейчас наиболее обеспокоенные умы высматривают его в доме соседа, и, бросив все, устремляются туда, на готовенькое, не задумываясь о том, почему сосед преуспел, не задумываясь о том, социализм ли нереален, или сами оказались неспособны даже на нормальный капитализм, век которого оказался у нас меньше 60. Видеть, что сосед живет хорошо, а ты скверно, — это еще не знание. Можно пустить ему петуха. Можно самому загореться примером или услужением. Ан все в дураках. Подражать — не значит быть.

Зато срыв нами дела социализма решительно подрывает силы всех тех демократических и социалистических тенденций, что растут в несоциалистическом мире, которые (они, а не «чистый» капитализм!) имеют столь впечатляющие достижения. Об этом говорил Пьер Моруа, бывший премьер, видный деятель социалистической партии Франции и Социинтерна. И еще в 1963 г. Питирим Сорокин завещал нам: «Не разжижайте социализм!» Нарастание тенденции к военно-политической монополии одной страны, одного блока будет вести к застою, т. е. к нарастанию факторов риска, угрозы катастрофы.

Обе составляющие современной эпохи взаимно необходимы, не нуждаются в беге наперегонки или в перескакивании с поезда на поезд. Им нужны совместимость и стабильность, примерно равный уровень развития, потому что их назначение — встретиться в оптимальном состоянии, в общем качестве завершения процесса формации. Этот процесс отличается от конвергенции тем, что он строится не на сближении имеющих признаки, а на обретении новых, отличающихся и от современного Запада, и от нынешнего Востока, и от капитализма, и от «реального социализма» (см. рис. 4).

* Новое историческое качество, новая цивилизация не может возникнуть как продолжение единственной составляющей, нужно дополнение противоположного свойства. Любая целостность — уровень многообразия, особенно если ведущая составляющая сползает к застою.

Эта схема есть попытка определить оптимальную, стабильную, универсальную структуру общественных отношений, в основе которой универсальная собственность включающая государственную, акционерную, кооперативную и индивидуальную формы ее в системе постоянных функциональных связей этих форм, а также общественных интересов и задач управления обществом. Об этом — теория формации.

СИНТЕЗ, ЭВОЛЮЦИЯ ТИПОВ СОБСТВЕННОСТИ

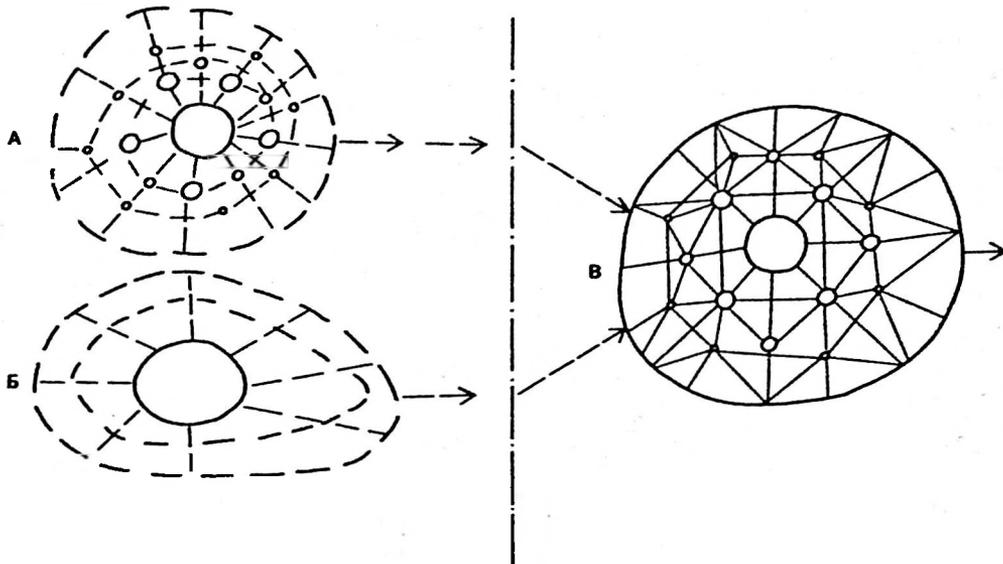

Рис. 4.

А — современная западная собственность, Б — собственность при государственном социализме, В — универсальная собственность.

Что же до цивилизационного подхода, то он обещает не слияние и не конфронтацию их, а встречу, чтобы вместе идти дальше в качестве общечеловеческой цивилизации. Предшествение этой новой цивилизации есть в каждой из ныне сущих. Все это и делает современную эпоху сравнимой по масштабам и значению лишь с периодом возникновения человечества даже в том случае, если логика истории не будет соблюдена. Если же удастся преодолеть глобальный фактор деформации, ничто не помешает нам назвать нашу эпоху действительно, по существу революционной.

Итак, оставим дурное настроение, оставим иронию, недопустимую в отношениях с Клио. Данное описание современного мира, путей к нему и из него — не только в самом общем виде, но даже пунктиром. Но пришла пора начать, ведь никакие «анти» не дадут главного — дороги в будущее.

1. Генеральный вывод исторической науки уже сделан. История не может дальше развиваться стихийно. Стихийный механизм дал эффект расхождения ветвей прогресса, чем породил необходимость нового целого в истории. История может продолжиться лишь научно осмысленно, человечество — лишь одухотворенное мировой идеей, как выражением общей исторической связи, судьбы, культуры.

2. Генеральный вывод формационного подхода — не обозначение ступеней, а модель истории в целом: переход от процесса формации к оптимальной структуре формации. Движение человечества к оптимальной организации означает его осуществление. Прогресс человечества уже не может реализоваться в смене, выборе, борьбе двух или нескольких формаций, они снимаются тождеством противоположностей и целостным движением

человеческого мира. Разрушение и даже дефицит этой целостности — путь к катастрофе, к действительному кощунству всякой истории.

3. Генеральный вывод цивилизационного подхода — ни один из измерений и вариантов цивилизации (ни западный, ни восточный, ни южный, ни северный; ни аграрный, ни индустриальный или постиндустриальный; ни европейский, азиатский, евразийский, южноамериканский или африканский; ни традиционный, ни урбанистический; ни социалистический или капиталистический в прежнем их понимании) не обладает ни ресурсом безграничного развития, ни способностью абсолютно влиять на мир, устроить его по своему образу и подобию. Из пяти цивилизаций — вариантов стихийного общественного прогресса четыре уже ведут к накоплению факторов риска и к катастрофе, а завтра, если прозеваем поворот (не по Стругацким), — все шесть вариантов катастрофы даже не понадобятся, достаточно будет одного, это и доказывать не нужно. И ни один из вариантов ныне существующих не может претендовать на вершину, «конец» истории, на роль Мессии.

4. Сложность современного мирового развития и его перспектив, острота проблем человечества говорят о недостаточности (или дополнительной) обоих подходов — формационного и цивилизационного, а также о невозможности «чисто» насильственного перехода в обоих этих направлениях к сознательной истории, и прежде всего к гармонии, балансу цивилизации с природой, к необременительности человечества для природы. Насильственное (так, во всяком случае, было) обычно сосредоточивается на *формальных* решениях. А нужно решение, снимающее сегодняшнюю сложность.

5. Отсюда генеральный вывод культурологического подхода: человечество уже обладает достаточным запасом культуры (как системы ценностей, как социального опыта, который многие, как ни странно, отвергают), чтобы выйти из критической ситуации, чтобы понять значение этого выхода. Все дело в способности усвоить этот запас, большей частью оставшийся пока вне программ обучения и воспитания, т. е. в способности и умении освоить эту культуру как главное средства выживания. В противном случае — самоуничтожение или взаимоуничтожение. И решение не в «толщине» слоя социализации, культуры личности, а в достаточности ее структуры (не в бесконечном множестве элементов-граней, а в давно и четко определенном их числе). Той, что дает возможность самостоятельно определить основные ценности. Отсюда и уровень технологии, степень социального развития, зрелость политических форм, состояние сознания и духовности личности, общества.

6. Генеральный вывод анализа современной эпохи как ступени всемирной истории в следующем. Содержание нашей эпохи составляет не переход от одной мировой системы к другой, не переливание одной в другую, а в таком векторном комплексе, «параллелограмме сил», структуре мирового развития как целостности, которые гарантируют определенность выхода, направление его. Это логично и в плане идей (не пугайтесь!) «мировой революции», ее логическое завершение. Всякий некомплект уводит от магистрали, от будущего, от истории. В этой структуре, наряду с формулой «США — Западная Европа — Япония с дочерьми» сохраняет значение и прежняя: «Россия — Индия — Китай». Это ее составляющие, главные, но не единственные, впрочем. Определенность, дополнительность и компенсация — основные принципы системных отношений в сегодняшнем мире. Монополия (с неизбежной тенденцией к застою) и здесь бесплодна и губительна. Только ответственность и сотрудничество различных сил гарантируют выход, освобождение от угрозы. Такова специфика последнего исторического распутия. И человечество догадывается, куда надо идти, возможно, знает и как не надо это делать, но не знает окончательно, как надо, а пора бы. Оталось чуть больше полувекка.

Нам истерические порывы не нужны.

Остается следующий по уровню абстракции (и по системе понятий, следовательно) вопрос. Зря, впустую 74 наших года, преступный ли это эксперимент или исторический опыт? Куда идти теперь или ждать, чтобы нас повели?

Итак, следует ли продолжение?

Е. ХИЯМА

Отель «Ямато» в Дайрене

20. Бесед с Такахаси Содзабуро, бывшим служащим отеля «Ямато» в г. Дайрене, состоявшаяся 4 марта.

Такахаси. Отель «Ямато» в Дайрене был гостиницей международного класса. В нем останавливалась миссия лорда Литтона, посетившая с инспекционными целями Маньчжурию с мандатом Лиги Наций. Там всегда было много иностранцев. В центре г. Дайрена находилась площадь, от нее прямыми лучами расходились десять широких улиц. На западной стороне были высажены стройными рядами множество акаций и тополей. На мой взгляд, такого красивого вида в сегодняшней Японии просто нет. Отель «Ямато» был выстроен в юго-восточной части площади. Это было внушительное четырехэтажное здание кирпичной кладки. Интересно, под какие цели приспособлено это здание в нынешнем Китае.

— Летом 1938 г. советский генерал Генрих Люшков бежал в Маньчжурию. Этот эпизод не сохранился в нашей памяти?

Т. Когда это было, я точно уже не помню, но такой случай действительно имел место. Человек бежал, спасая свою жизнь, чтобы не погибнуть от режима Сталина. Не так ли?

— Вот фотография Люшкова. В то время он под покровительством Квантунской армии поселился в местечке Хосигаура под Дайреном и время от времени появлялся в отеле «Ямато».

Т. Хотя вы показали мне его фотографию, я как-то не могу ничего припомнить. В 1938 г. из-за тогдашних событий в Маньчжурии все перевернулось вверх дном. и в отеле «Ямато», и в самом Дайрене без предварительного бронирования мест остановиться на ночь было совершенно невозможно.

— Думаю, что Люшков появлялся вместе с офицером Квантунской армии Утагава Тацую или Синда Харуёси, которого сейчас называют главарем правых.

Т. Вот Синда Харуёси я хорошо помню. Он был главой правой экстремистской организации — общества Кинкикай и всегда сопровождал г-на Амакасу Масахико. В 1945 г., когда советские войска вторглись в пределы империи, в Дайрен и в Корею из Маньчжурии сплошным потоком бежали люди, женщины с детьми. Улучив этот момент, общество Кинкикай (Общество парчевого императорского знамени) урвало очень много денег и ценных вещей с беззащитных беженцев. Оно наживалось на людских страданиях.

Члены общества торговали билетами на проезд и затем грузили беспомощных беглецов на грузовики. При этом они грубо заявляли: «Кто не может заплатить, тот не будет отправлен». Матери со слезами на глазах умоляли посадить их с грудными детьми на машины, цеплялись за борта грузовиков, но их только грубо отпихивали. Это была настоящая банда, ненасытная и корыстная. Синда уже тогда нахапал столько вещей и денег, что сколотил себе солидный капитал. Когда я сегодня слышу разговоры о том, будто бы Синда является настоящим патриотом, мне просто становится смешно.

— А не помните ли вы офицера Квантунской армии Утагава Тацую? В 1938 г. он был подполковником.

Т. Генерал Утагава? Этот человек отличался от других. Все господа офицеры императорской армии носили на поясе самурайский меч, а у г-на Утагава вместо меча на бедре висел пистолет. Он совсем не мог пить саке и, когда появлялся в отеле, всегда заказывал себе «понпан». Молодые люди сейчас, наверное, и не знают, что это такое, а в то время это была марка самого модного яблочного сидра.

— Вы видели его в августе-декабре 1938 г.?

Т. Да, и Синда Харуёси, и г-н Утагава были в это время постоянными посетителями нашего отеля.

— У Вас ничего не осталось в памяти об этих людях?

Т. Да ничего особенного, впрочем, как сказать...

— Ну-ка, расскажите, что помните.

Т. Был большой переполох в связи с поимкой шпиона.

— Что это был за переполох?

Т. В то время молодчики из общества Кинкикай схватили в нашем отеле одного китайца, болтали, что это советский шпион. Я хорошо запомнил этот случай, ведь это было неслыханным делом для нашего отеля. Я слышал, будто этот китаец пытался связаться с одним русским — постояльцем нашего отеля, но молодцы из общества Кинкикай заметили это и схватили его.

— Наверное, этот случай вызвал большую панику в отеле?

Т. Да, пожалуй, нет. Когда люди из общества Кинкикай схватили этого китайца, то, чтобы это не бросилось в глаза постояльцам нашего отеля, они сразу же отвели его на четвертый этаж. На этом этаже размещались одни лишь русские, всего их было человек десять.

— А нельзя ли предположить, что среди них был и генерал Люшков?

Т. Может быть. Но точно я этого не помню.

— А что было потом?

Т. На 4-м этаже, помимо русских, жили 3 или 4 японца. Одним из них был г-н Утагава. Кроме того, туда прибыл из полицейского управления г. Дайрена полицейский агент по имени Каваками. Он и забрал задержанного китайца, скрытно выведя его из отеля через задний двор.

— А почему решили, что этот китаец был советским шпионом?

Т. Рассказывали, что этот китаец вел себя крайне подозрительно. Поэтому парни из общества Кинкикай его задержали и обыскали. При этом у него было обнаружено сообщение, написанное по-русски. Похоже, что оно было написано кем-то из русских гостей, остановившихся на 4-м этаже.

— А что было написано в этом сообщении?

Т. Ну, этого я не знаю.

— А установили, кто из русских постояльцев написал это сообщение?

Т. На следующий день после этого происшествия в отель прибыло несколько офицеров, которые, похоже, расспрашивали русских. Но, кажется, им так и не удалось выяснить ничего определенного. Нас, служащих, тоже собрали и приказали смотреть в оба и сразу же докладывать начальству, если кто-нибудь из русских будет звонить по телефону, посылать письма или вступать в разговоры с другими гостями отеля. Однако, похоже, ничего такого замечено не было, и через 2—3 дня все русские выехали из отеля. К тыльному входу в отель были поданы автомобили, и под охраной людей из общества Кинкикай они уехали. Это был очень холодный день, крутила сильная метель.

— А когда это было точно, не помните?

Т. Кажется, в ноябре или декабре 1938 г.

— Есть журналист, который натолкнулся на Люшкова в вашем отеле в конце ноября. Он собирался в дорогу. Этот журналист говорит, что он видел Люшкова вместе с несколькими русскими у гостиничного лифта. Кроме того, некоторые люди говорили мне, что Люшков, кажется, выехал в Европу.

Т. Я ничего не помню о Люшкове...

— Похоже, что в это время Люшков сменил внешность. Может быть, поэтому вы его и не замечали?

Т. Возможно.

— А вы не знаете, зачем группа русских выехала в Европу?

Т. Не знаю. Однако, когда начался весь этот переполох вокруг поимки шпиона,

г-н Утагава и другие проявляли большое беспокойство.

— Что, подполковник Утагава действительно сильно беспокоился?

Т. Да, сильно беспокоился. Все служащие отеля были строго предупреждены о том, что всякий, кто разболтает кому-нибудь о случившемся, будет отдан под суд как за разглашение военной тайны. Г-н Утагава много говорил по телефону с разными лицами по поводу этого происшествия.

— А что случилось с китайцем, который был отправлен в полицейское управление г. Дайрена? Я думаю, что если бы этого китайца допросили как следует, то наверняка узнали бы, кто из русских написал найденное у него сообщение.

Т. В отель приходил и забрал китайца с собой полицейский агент Каваками. Но что стало потом с этим человеком, я не знаю. После этого происшествия Каваками еще несколько раз приходил в отель и расспрашивал всех служащих о разных вещах. Однако все мы были предупреждены г-ном Утагава о том, чтобы держать язык за зубами. И никто ничего не болтал. Каваками приходил еще, когда русские уже выехали из отеля, и опять расспрашивал нас, однако все кончилось тем, что его перевели по службе от нас в другое место. Вместо него пришел другой человек.

Отель «Ямато» в Дайрене

21. Беседа с Каваками Отодзо, бывшим в то время агентом отдела охраны безопасности полицейского управления г. Дайрена, состоявшаяся 10 марта.

Что же это был за инцидент, связанный с задержанием шпиона, происшедший как раз накануне выезда группы Люшкова за границу? Я подумал, что если бы мне удалось поглубже разобраться с этим случаем, то, возможно, я раскрыл бы тайну, связанную с выездом Люшкова в Европу.

Суть этого инцидента должен был знать полицейский агент по имени Каваками. Однако г-н Такахаси знал об этом человеке лишь то, что он служил агентом отдела охраны безопасности полицейского управления г. Дайрена.

Выяснить дальнейшую судьбу г-на Каваками было так же трудно, как ухватить облако. Полицейское управление Дайрена входило в состав полицейского управления гражданской администрации Квантунской армии¹.

Свои розыски г-на Каваками я начал с поиска людей, служивших в то время в полицейском управлении. Сначала я обратился к помощи общества «Маньчжурия» и «Общества лиц, добывающихся компенсации за свою утраченную собственность в Маньчжурии». Однако среди членов этих организаций не оказалось никого, кто бы имел отношение к полицейскому управлению. Тогда в пенсионном управлении при канцелярии премьер-министра я изучил список бывших чиновников полицейского управления, состоящих на пенсионном обеспечении. Но и в этом списке не оказалось необходимых мне данных на чиновников о прохождении ими службы. Так что здесь мне не удалось установить, кто же из них работал в полицейском управлении гражданской администрации Квантунской армии. Я был просто вне себя от этой неудачи, но в конце концов я вспомнил, что в колонках воскресных номеров газеты «Асахи симбун», посвященных розыску тех или иных людей, публикуются соответствующие объявления обществ соучеников по школе, кружков бывших боевых друзей, организаций, занимающихся составлением различных поименных списков. Поэтому я выписал из воскресных номеров этой газеты за последний год все публикации по поводу розыска лиц, связанных с Дайреном.

Таких публикаций оказалось четыре. Среди них было и такое объявление:

«Составляется поименный список. Просьба откликнуться лиц, учившихся в конце войны в 6-м классе начальной школы Токива в г. Дайрене при бывшей гражданской администрации Квантунской армии в Маньчжурии».

Далее был помещен контактный номер телефона г-на Кисима Юдзай.

Я позвонил г-ну Кисима, объяснил ему суть дела и попросил посмотреть, не было ли среди его соучеников по классу детей полицейских чиновников Дайрена. Примерно через неделю я позвонил г-ну Кисима вновь, и он назвал мне имя г-на Хара Тэруо, проживающего в г. Цутиура, префектуры Ибараки. Отец г-на Хара в конце войны служил начальником отдела полиции в полицейском управлении гражданской администрации Квантунской армии, но в 1971 году он отправился, как говорится, в мир иной.

Г-н Хара показал мне некоторые материалы, принадлежавшие его отцу и оставшиеся

после его кончины. Среди них оказался изданный в 1942 году «Список чиновников и вольнонаемного состава полицейского управления гражданской администрации Квантунской армии». В этом списке действительно фигурировала фамилия Каваками, и даже не одна, а целых три.

Я тотчас же справился об этих трех лицах в пенсионном управлении при канцелярии премьер-министра. В списках этого управления числился в живых лишь г-н Каваками Отодзо. По этому списку он фигурировал в качестве начальника отдела уголовной полиции полицейского участка Каухара. Я выяснил место жительства г-на Каваками Отодзо и направил ему письмо, в котором спрашивался, не является ли он тем самым человеком, который служил в 1938 г. в полицейском управлении г. Дайрена, в отделе охраны безопасности, и о котором мне рассказал г-на Такахаси Содзабуро. Через несколько дней я получил от г-на Каваками Отодзо следующий обстоятельный ответ:

«Дело было, кажется, в конце 1938 г. Давняя это история... В то время пал перед нашим натиском город Ханькоу, и премьер-министр Коноэ выступил с заявлением об установлении нового порядка в Восточной Азии. Я хорошо помню, как все мы, находившиеся в то время в Маньчжурии, восторженно встретили эту новую доктрину, полагая, что к ней присоединится и упрямый Чан Кайши.

И в самой Японии, и в Маньчжурии все были преисполнены радужных надежд, но я почему-то испытывал какое-то беспокойство. Видимо, оно было вызвано тем, что в связи с продолжавшимся японо-китайским инцидентом часть Квантунской армии была перебросена в Северный Китай. Это весьма серьезно ухудшило ситуацию с поддержанием безопасности в самой Маньчжурии. То тут, то там стали появляться бандиты, китайцы начали оказывать все более наглое сопротивление нашим действиям, руководимые из Советской России коммунисты, находясь в подполье, подстрекали народ к бунту. Антияпонские настроения в Маньчжурии быстро росли, и справляться с этой ситуацией силами одной полиции становилось все труднее.

В этой связи я очень опасался, что в случае если японо-китайский инцидент не будет быстро урегулирован, то как бы не рухнул и установленный нами порядок в Маньчжурии.

С другой стороны, экономическая конъюнктура в самой Маньчжурии в тот период складывалась исключительно удачно. Все гостиницы в Маньчжурии были переполнены прибывшими из Японии торговцами и деловыми людьми. Внезапно разбогатевшие дельцы ночи напролет кутили со своими дамами в ресторанах. Поезда все шли битком набитые переселенцами и туристами из Японии. Все главные улицы маньчжурских городов были заполнены японцами. Сейчас, когда я вспоминаю все это, мне кажется, что это было во сне.

Полицейское управление г. Дайрена, где я тогда служил, размещалось на центральной площади Дайрена, улица Нисидори, 1. Слева от него было здание корейского банка, справа — консульство Великобритании. Еще правее, за английским консульством, находился отель «Ямато», построенный компанией «Мантэцу». Это было солидное четырехэтажное здание европейского типа. С балконов верхнего этажа открывался прекрасный вид на Дайренскую бухту. Тот случай, о котором вы спрашиваете, отчетливо сохранился у меня в памяти. В связи с этим инцидентом к нам из Токио пожаловало много важных лиц.

Я-то хорошо запомнил этот случай. Ведь он имел отношение к знаменитому ёкодзуна — чемпиону по японской борьбе сумо — Таманисики. Вы, наверное, никогда и не слышали о таком чемпионе, а в 1931—1936 гг. он был в расцвете своей славы. Таманисики, как и я, был родом из Коти, поэтому, как только он начал выступать с 1927 года в первом разряде борцов сумо, я стал его постоянным болельщиком.

Однако примерно в 1938 году в сумо появился новый борец — Футабаяма, и он пять раз подряд одержал победы над Таманисики. Это было для меня невыносимо. Как раз в этот момент в Кокура проходил очередной круг соревнований по борьбе сумо, и на 7-й день этих соревнований Таманисики победил своего соперника, и я вновь поверил в его звезду.

И вдруг в тот самый день, 29 ноября, который я не могу забыть с тех пор, я прочитал в газетах, что мой обожаемый Таманисики попал в больницу с язвой желудка. Возвращаясь с соревнований с о. Кюсю, он почувствовал себя на пароходе очень плохо и был срочно отправлен в больницу.

Поскольку я очень беспокоился о состоянии здоровья Таманисики, я старался не пропускать последних известий по радио из Японии, даже находясь на работе в полицейском управлении. Там у нас стоял радиоприемник новейшей марки «Виктор-5Р». Мы, сотрудники

управления, купили его в складчину за 87 иен. В прежние времена вещи стоили гораздо дешевле, чем сейчас, и эта сумма по тем временам была ужасно большой.

И как раз во время передачи новостей прозвучал телефонный звонок из отеля «Ямато». Звонил г-н Судо, начальник отдела безопасности. Он сказал мне, что в отделе схвачен тайный агент, по национальности китаец, и чтобы я немедленно отправлялся туда. И я вместе с моим другом полицейским Кобаяси поспешил в отель.

Задержанный китаец находился в номере на четвертом этаже. Там были также 4 или 5 японцев, которые, похоже, еще до нашего с Кобаяси прихода уже приступили к допросу задержанного. Двоих из них я встречал. Это были молодые парни из дайренского отделения общества Кинкикай. Двое других были офицерами высокого ранга.

Об обществе Кинкикай после войны говорили разное, но это была совсем не плохая организация. Это было нечто вроде муниципальной полиции, в которую охотно и добровольно вступали молодые японские патриоты. Это общество тесно сотрудничало с полицией.

Среди находившихся в номере японцев одного человека я в Дайрене не встречал. На вид он был такого же возраста, как и вы, чуть за 30 лет. Он был одет в новый с иголки серый костюм, хорошо сидевший на нем. Волосы у него были густо смазаны маслом. Выглядел он довольно франтовато, но лицо имело угрюмое выражение. Впоследствии я узнал его имя. Это был Нагатанибэ Таро.

Этот человек рассказал мне, как был задержан китаец. По его рассказу, выходило, что молодые парни из общества Кинкикай следили за отелем «Ямато», имея на то соответствующее распоряжение. Они-то и заметили, как этот китаец околачивался перед вестибюлем отеля. У них создалось впечатление, что китаец все время колебался, входить ему в отель или нет. Но в какой-то момент он, видимо решившись, все же вошел туда, пересек вестибюль и направился в мужской туалет перед входом в ресторан.

Один из парней, увидев, что китаец вошел в отель, позвонил другому, и они вдвоем последовали за этим подозрительным типом. Они увидели, что китаец открыл ящик для мусора, находившийся в туалете, что-то там нашел и спрятал в карман. В этот момент они подскочили к китайцу и скрутили его. После этого они доставили его в номер на 4-м этаже и там обыскали. Тогда-то и был обнаружен обрывок бумаги, подобранный им в мусорном ящике.

После этого рассказа я взял этот клочок бумаги и приобшил его как вещественное доказательство. Похоже, он был вырван из записной книжки. На нем было что-то написано по-русски. Кажется, что-то вроде: «Следите за нами, Лэо». Да, текст был именно такой. Инспектор Кобаяси отличался большой аккуратностью, и он, наверное, переписал эту фразу.

После окончания войны мой друг Кобаяси, демобилизовавшись, сильно бедствовал, а недавно он прислал мне открытку, в которой сообщил, что работает охранником в Осака.

Итак, в этом номере на диване сидело два офицера. один из них надменным тоном сказал китайцу: «Говори, кто писал на этом клочке бумаги?» А затем: «Если знаешь, сразу говори, а не то...»

Я был еще молод и сильно недолюбливал надменных, высокомерных людей, и я подчеркнуто вежливо сказал ему: «Узнав что-либо, докладывают об этом по инстанции, поэтому, если вы хотите что-то выяснить, то вам потом и докладывать об этом начальству». Конечно, ничего нельзя было приказать офицеру императорской армии, он и не должен был никому ничего докладывать. Поэтому после моей реплики глаза у офицера потемнели, и он с ненавистью посмотрел на меня.

У меня что-то екнуло в груди. Мы с Кобаяси вывели задержанного из отеля и доставили его в полицейское управление. Затем мы приступили к его допросу. Вдвоем угрозами и угрозами мы заставили его заговорить. Он сказал, что живет около Сунагавагути, связан с бродягами и добывает себе пропитание всякими делишками. Когда он болтался около вокзала Сунагавагути, к нему подошел незнакомый китаец и предложил: «Если достанешь и принесешь из мусорного ящика в мужском туалете на первом этаже отеля «Ямато» записку на русском языке, получишь от меня десять иен». «Но,— добавил он,— в отель нужно зайти ровно в 12 часов». Этот человек дал ему пять иен в качестве задатка и деньги на билет на поезд, чтобы добраться до Дайрена. Он доехал до Дайрена на поезде, пешком дошел от вокзала до отеля «Ямато». Всю эту историю задержанный выпалил на одном дыхании. Я спросил его, как он собирался передавать взятую им в отеле записку. Он ответил, что должен встретиться с пославшим его человеком в три часа дня на том же месте перед вокзалом Сунагавагути. До этого времени у нас оставалось около полутора часов.

Поэтому мы с Кобаяси взяли еще одного агента, посадили задержанного китайца в машину и поехали к вокзалу Сунагавагути. Там мы и расположились. Китайцу я сказал, что застрелю его, если он выкинет с нами какую-нибудь штуку, и показал ему свой пистолет. Поставив китайца на указанное им место, мы отошли на некоторое расстояние и стали наблюдать.

Ровно в три часа появился этот тип. Это был молодой, смахивавший на студента китаец. Мы тут же бросились к нему, но он оказался проворен и быстр на ногу. Он ловко увернулся от нас, перевернул на бегу вверх дном какой-то ларек и бросился от нас наутек. Нам ничего не оставалось делать, как взяться за пистолеты и открыть по нему стрельбу. Третьим выстрелом ему снесло полчерепа, и он умер на месте. Во время этой заварухи задержанный в отеле бродяга не стал мешкать и скрылся! Так что мы вернулись в управление несолоно хлебавши. Там мы доложили обо всем начальнику отдела господину Судо. Однако и этот начальник был весьма высокомерным человеком, и он только молча нас выслушал.

Уже значительно позднее, когда мы с другом Кобаяси играли в японские шахматы, вполуха слушаю радио, и я успел уже выиграть подряд три партии, господин Судо пришел к нам и сообщил: «Только что звонил подполковник Утагава из штаба Квантунской армии и спрашивал, сумели ли мы расколоть задержанного китаеца». К этому времени я и думать уже перестал о происшествии в отеле «Ямато», решив, что этот инцидент уже исчерпан. Однако, услышав о запросе по этому делу на таком высоком уровне, я призадумался, и мне захотелось его распутать. Ведь офицеры императорской армии вряд ли стали бы устраивать такой переполох из-за какого-то пустяка!

Подумав, я пришел к заключению, что раз перехваченная записка была написана по-русски, значит, ее автором был один из русских гостей отеля. Я отправился в регистратуру гостиницы и выяснил, что действительно на ее четвертом этаже располагается целая группа русских, примерно, как мне помнится, семь человек.

Я выписал из регистрационной книги их фамилии и адреса постоянного места жительства и сразу же поспешил в управление, чтобы немедленно послать запрос в полицейское управление Харбина, поскольку все они зарегистрировались в отеле как жители этого города.

Мы с другом Кобаяси сидели в управлении на шахматной доской не менее двух часов, пока, к моему величайшему удивлению, мне не сообщили из Харбина, что «указанные лица у нас не значатся». Вот здесь меня разобрало настоящее любопытство, мне очень захотелось разузнать, что такое замыслила эта компания, и я решил заняться собственным расследованием.

На следующее утро я опять зашел в отель «Ямато» и расспросил его служащих об оставшихся там русских. Выяснилось много интересных вещей: заявка на номера для них была сделана от имени Синда Харуёси неделю тому назад; вся группа русских и один японец прибыли в отель как раз накануне происшествия с перехваченной запиской; с их прибытием отель стал охраняться парнями из общества Кинкикай; офицеры Квантунской армии то и дело входят и выходят из номеров, занятых русскими. Вот такие дела.

После всех этих открытий у любого человека возникнет естественный вопрос: что же собирается делать эта компания дальше?

Я пришел к заключению, что эта группа дожидается парохода. Далее, пароход из Дайрена в Японию отправляется по расписанию ежедневно, следовательно, если бы эти люди собирались ехать в Японию, им не нужно было бы останавливаться в гостинице на три-четыре дня. Из этого вытекало, что они направляются куда-то в более отдаленные места. Я взял расписание движения пассажирских судов из порта Дайрен и обнаружил, что 5 декабря из Дайрена в Европу отплывает пароход компании «Тэйкоку Юсэн» «Азия-Мару». Для меня стало ясно, что эти постояльцы отеля «Ямато» ждут именно этого парохода. Чтобы окончательно удостовериться в этом, я отправился в билетную кассу в пассажирском зале на пристани Дайрена. Там я без труда выяснил, что на этот пароход забронированы места для восьми человек до итальянского порта Неаполь. Эти билеты были забронированы еще в начале ноября человеком по имени Нагатанибэ Таро. Что представляет из себя этот человек в действительности, я понял лишь много позже. Внешне же он казался служащим отеля. Кстати, интересная деталь. Уже после войны, кажется в 1947 или 1948 году, я увидел человека, очень похожего на Нагатанибэ Таро, на «черном» рынке в Синдзюку. Этот человек шел, как будто он напился браги в какой-то забегаловке, в сопровождении четырех человек, выставив вперед плечо. Завсегда таи рынка всюду угодничали перед ним. Из этого можно было догадаться, что это идет теневой король со своей бандой, крепко держащий в своем кулаке все увеселительные заведения этого района.

Я люблю в каждом деле докапываться до самых корней и не понимаю, как этим можно кому-либо навредить. Однако в Маньчжурии, чтобы добиться успеха, требовалось совсем другое, а именно строго выполнять тройное правило — не замечать, не говорить и не слышать ничего, что творит Квантунская армия. А я из-за своего характера не мог заставить себя следовать этому правилу.

Я задумался, с какой целью эти русские под вымышленными именами отправляются в Италию или куда-то еще? В этом надо разобраться. С этой целью я провел ряд следственных мероприятий. Прежде всего я попытался установить личности всех русских. Среди них по документам был некто Алексей Варский. Но я сразу понял, что это вымышленное имя, под которым скрылся бежавший советский генерал Люшков. По словам мальчика, служившего боем в отеле «Ямато», генерал Люшков и раньше часто посещал этот отель и встречался здесь с Синда и господином Утагава.

Еще один русский назвал себя Борисом Безыменским. Этот человек остановился в отеле под своим настоящим именем. На левой руке у него была татуировка — лев; заметив эту татуировку, бой сразу опознал этого человека. Он выполнял во внешнеполитическом ведомстве государства Маньчжоу-го какие-то переводческие функции, а затем был включен в состав этой группы.

Остальные русские были взяты из так называемых политических организаций Харбина. Они были отобраны из людей, лично известных руководству общества Кинкикай. Говорили, что все они прибыли в середине ноября на «холостяцкую» дачу Синда в Хосигаура.

Что касается Нагатанибэ Таро, то он появился в Маньчжурии, похоже, летом того года. Я пришел к выводу, что этот человек связан с органами особого назначения. Если не считать послевоенной случайной встречи с ним на «черном» рынке в Синдзюку, я его и тех русских больше в Маньчжурии не видел, видимо, потому, что они тогда выехали в Европу и обратно, видимо, уже не возвратились. Но кто же из этих семерых русских написал ту злополучную записку?

Со второго этажа восточного крыла здания нашего полицейского управления я наблюдал в бинокль за отелем «Ямато» и прекрасно видел, как приехал туда на автомашине со своими подчиненными подполковник Утагава, а также майор Миэда со своими подчиненными, а под вечер прибыл из Харбина сам начальник органов особого назначения генерал-майор Кадзи и какой там поднялся переполох. Я смотрел на все это и никак не мог понять, кто же написал эту проклятую записку и почему из-за этого клочка бумаги раздулось такое важное дело.

Но самое удивительное случилось тогда, когда я совершенно случайно перевел свой бинокль от парадного входа отеля «Ямато» на стоящее напротив от него здание советского консульства. Там в окне второго этажа я увидел человека, который также наблюдал в бинокль за тем же вестибюлем отеля, что и я.

Советское консульство в Дайрене размещалось на той же площади, в трехэтажном кирпичном здании между улицей Санкэндории и Токонматидори, с балкона консульства висел красный флаг. А в окне третьего этажа, между двумя портьерами, скрывался человек с биноклем, пристально следивший за входом в отель «Ямато». Когда он увидел, что я заметил его, он поспешно скрылся в глубине комнаты.

Утром 5 декабря я прочел в газетах о том, что великий чемпион сумо Таманисики умер в больнице, и пришел в полицейское управление в полном унынии. Было около десяти часов, когда катайчонок, служивший боем в отеле «Ямато», сообщил мне по телефону, что группа русских постояльцев, занимавшая весь четвертый этаж, покидает отель. Я подбрасывал этому мальчишке мелочь за то, что он регулярно информировал меня обо всем, что происходило в отеле.

Я поспешил к отелю, даже не раскрыв зонта, хотя в этот день шел сильный снег. Вид покрытого снегом Дайрена вызывает удивительно глубокое чувство. Влетев в отель, я заметил, что бой пальцем указывает мне на вход со двора. Я вышел из отеля, обошел его и стал издали внимательно наблюдать за тем, что там творится. У тыльного входа в отель стояло пять таксомоторов автомобильной компании «Танака». В них садилась вся группа русских. Тут же находились Нагатанибэ и подполковник Утагава. Рассевшись по машинам, они с опасной, на мой взгляд, скоростью умчались.

Но я хорошо знал, что они спешили на пороход «Азиа-Мару», который сегодня отплывет из Дайрена. Поэтому я спокойно вернулся к главному подъезду гостиницы, взял там такси и отправился в порт. Приехав, я укрылся за колонной зала ожидания морского порта Дайрена, в котором может поместиться, как утверждали, даже десять тысяч человек, и стал на-

блюдать за отъездом моих «подопечных». Нагатанибэ и русские, окруженные молодыми парнями из общества Кинкикай, ожидали посадки на пароход в самом дальнем углу зала. Здесь же находились и подполковник Утагава, и майор Мизэда, помимо них, еще два старших офицера Квантунской армии, а также начальник внешнеполитической службы господин Нисино Тадаси. Когда настало время подниматься по трапу на огромную махину — пароход «Азиа-Мару», стоявший у второго пирса, все эти важные персоны с самым серьезным видом обменялись рукопожатиями с каждым из русских.

Ровно в двенадцать часов «Азиа-Мару» под пляску снежных вихрей вышел из порта Дайрена. Глядя на эту картину, я вдруг поймал себя на мысли, что, если бы была возможность, я бы тоже отплыл на этом корабле в Неаполь, чтобы все-таки разгадать, с какой целью отправилась эта компания в Италию.

После отъезда русских я какое-то время еще продолжал допрашивать служащих отеля, но мне так и не удалось выяснить, кто же написал ту злополучную записку и с какой целью эти люди под вымышленными именами отправились в Европу.

Однако я до сих пор считаю, что существовал след, ведущий к автору этой записки. Ведь в ней стояла подпись — Лео. А именно такой была агентурная кличка резидента советской шпионской сети в Маньчжурии. Летом 1938 года за ним по всей Маньчжурии была развернута настоящая охота, но его так и не удалось схватить. Суммируя все изложенное, можно допустить, что среди этих семерых русских находился и тот, кого называли Лео.

А меня вскоре, как будто по указанию подполковника Утагава, перевели с понижением в должности в полицейский участок Каихара, переданный железной дороге. Все эти события, происшедшие со мной в декабре 1938 года, крепко врезались мне в память, ведь они оказались связанными со смертью моего любимого Таманисики и моим понижением в должности».

Вот такое письмо получил я от господина Каваками.

По совету господина Каваками Отодзо я заехал к господину Кобаяси Бандзи. Господин Кобаяси хорошо помнил происшествие в отеле «Ямато» в г. Дайрене. К тому же он разыскал свой дневник и записные книжки, относившиеся к тому времени, и передал мне то, что мне было особенно нужно для моей работы. Это была следующая запись, сделанная им по горячим следам в своей записной книжке.

22. Сообщение от Лео.

«29 ноября, 10 час. 50 мин. К нам поступило донесение из отеля «Ямато», там арестован в связи с подозрительным поведением китаец. У него отобран клочок бумаги с текстом сообщения, которое выглядит следующим образом:

«НАДЗИРАЙ НАМ ЛЕО»².

Восемь человек на борту «Азиа-Мару».

Как же докопаться до целей поездки русской группы в Европу или стена времени высотой в 40 лет уничтожила все следы этой группы, как будто японец, называвший себя Нагатанибэ Таро, и 7 русских просто отправились на те страницы истории, которые для нас навсегда останутся во мраке? Но, может быть, кто-то из членов тогдашней команды парохода «Азиа-Мару» знает что-нибудь о дальнейшем пути этой группы. Исходя из этого, я нанес визит в отдел личного состава судоходной компании «Кёкуто Райн» (Дальневосточные линии). Эта компания является преемницей судоходной компании «Тэйкоку Юсэн». Однако там мне сказали, что все документы, относящиеся ко времени функционирования компании «Тэйкоку Юсэн», были уничтожены. Но чтобы помочь мне, начальник отдела личного состава «Кёкуто Райн» г-н Эмори Хидэё порекомендовал связаться с г-ном Сиина Тоёхару. Последний в настоящее время уже находится в отставке по возрасту, а в прошлом был начальником информационного отдела компании «Кёкуто Райн» и в 1975 году написал подробную историю этой компании. Поэтому у него должны быть различные материалы и документы, касающиеся служащих компании «Тэйкоку Юсэн» и членов экипажей ее пароходов.

Когда я посетил г-на Сиина, он предоставил мне информацию о бывшем первом помощнике капитана парохода «Азиа-Мару» г-не Тогаси Юдзо, который проживал в Токио, район Китаку, в муниципальном доме для престарелых.

23. Рассказ Тогаси Юдзо, бывшего первого помощника капитана парохода «Азиа-Мару», записанный 24 марта.

«Да, я действительно плавал на «Азиа-Мару». Я приступил к своим обязанностям первого помощника капитана на этом корабле в 1936 г. В то время наш пароход был самым луч-

шим в японском флоте на грузопассажирской линии, связывавшей Японию с Европой. Судно было построено на верфях Мицубиси в Нагасаки и успешно конкурировало по всем показателям с немецкими судами. Оно имело 17 000 т водоизмещения и скорость 21 узел. Каюты первого класса были оборудованы кондиционерами, подававшими теплый и холодный воздух. С началом войны в Восточной Азии наше судно было переоборудовано под авианосец и в конце концов было потоплено у берегов Филиппин.

После «Азия-Мару» я плывал на пассажирском пароходе «Аргентина-Мару», принадлежавшем компании «Мицуи». Это было судно, совершавшее кругосветные рейсы по западным маршрутам. Как раз в это время судоходная компания «Нихон Юсэн» построила специально для рейсов в Западную Европу новый корабль «Синда-Мару» и предложила мне перейти на это судно. Но тут началась война на Тихом океане, «Аргентина-Мару» и «Синда-Мару» были переоборудованы под авианосцы, и оба корабля оказались на дне океана. До того, как эти корабли были переданы в состав военно-морского флота, я плывал первым помощником капитана, а с началом войны стал капитаном стандартного грузового военного судна, которое в период войны осуществляло грузовые перевозки и транспортные операции. Плавать на таком судне не представляло для меня никакого удовольствия. Совсем другое дело «Азия-Мару», из Японии это судно шло в Неаполь и заходило в Дайрен, Гонконг, Сингапур, Коломбо, Александрию. Один наш рейс длился целых 45 суток.

Я хорошо помню русских на борту нашего судна, которыми вы интересуетесь, потому что уж очень необычные это были пассажиры. До самого Неаполя они ни разу не выходили из своих кают. Даже питались у себя. И так все плавание — ни шагу из каюты.

Вам приходилось бывать в Неаполе? Если не бывали, то обязательно хоть разок побывайте там. Есть на что посмотреть. В Италии бытует поговорка: «Посмотрев Неаполь, можно и умереть». Это — замечательный порт и город. Я бывал во многих портах мира, но такой красоты, как там, нигде больше не видел. Я уже 30 лет как сошел на берег, но и сейчас мне часто снятся море и разные порты, особенно Неаполь. Уж больно он прекрасен. Особенно ночью. Просто неземная картина. При свете луны слегка курится вершина Везувия. По склонам горы светятся, как светлячки, своими окошками бесчисленные дома. Когда стоишь на верхней палубе, этот вид просто захватывает дух. Но лучше на этом прервать речь о Неаполе, ибо о нем можно говорить бесконечно. Вернемся к нашим русским. Их компания выглядела очень странно и хорошо запомнилась мне, хотя с тех пор и прошло 40 лет.

Наша «Азия-Мару» вышла из Модзи 1 декабря. Ночью 2 декабря мы вошли в Дайрен. Там мы приняли на борт, помимо пассажиров, груз соевого масла до Европы. При погрузке я спустился с капитанского мостика, чтобы проследить за тем, как китайские кули загружают это масло в трюмы корабля. Здесь я увидел, как по трапу на борт поднялся офицер императорской армии в сопровождении подчиненных. Вскоре я увидел этого офицера уже на капитанском мостике. Он спросил, здесь ли капитан. Плащ на нем был перетянут ремнем, на котором висел пистолет. Думаю, что он представился, но имя его я забыл. Да и незачем было его помнить.

Капитаном на нашем судне был Маэда Токудзо. Он начинал плавать юнгой на американском судне и упорным трудом пробился на капитанский мостик. Мы все звали его «отец». Ему было уже за 50, но он остался холостяком. Я тоже так и не обзавелся женой. И слава Богу, что живу сейчас на полном содержании в доме престарелых.

Маэда ответил: «Я — капитан». Офицер держался так надменно, что невольно вызывал антипатию.

— У меня есть разговор к вам, капитан.

— В таком случае прошу ко мне в каюту, — ответил капитан и провел офицера к себе.

Они вышли оттуда только через полчаса. Когда капитан, проводив офицера, вернулся, я спросил, что ему было нужно. Капитан, не отвечая, приказал: «Дайте мне список пассажиров». Я тотчас принес ему пассажирский лист нашего рейса. Он пробежал глазами страницы, где были перечислены пассажиры I-го класса. «Вот они», — сказал он, ткнув пальцем в список. «В чем дело?» — спросил я. Капитан ответил: «Офицер, сказал, что эти русские едут в Неаполь по специальному поручению Квантунской армии».

Я точно не помню, но думаю, что русских было от 10 до 15 человек. Имен их я, конечно, тоже не помню, но среди них затесался и один японец. Это точно. Я не ошибаюсь. Я видел этого человека много раз во время рейса. Это был мужчина с короткими черными волосами, поджарый, с жестким взглядом, с узким ртом. Далее капитан сказал:

«Офицер также сообщил, что этот японец едет вместе с русскими. Чтобы он ни сказал или ни попросил, надо внимательно выслушать и сделать так, как он скажет. Далее, если мы заметим, что кто-либо из русских пытается послать радиogramму или завести разговор с кем-нибудь из пассажиров, нам надо немедленно сообщить об этом японцу».

— Как звали этого японца?

— Не помню. Но только это был не военный. Этот мужчина производил какое-то неопределенное впечатление человека, даже способного, не задумываясь, прибегнуть к насилию. Свою шляпу с опущенными полями он надвигал до самых глаз, как будто пряча лицо. Он наглухо застегивал свое серое пальто из толстой шерсти. Во рту он постоянно держал трубку, набитую египетским табаком. В общем, это была весьма колоритная фигура. Волосы он смазывал дешевым маслом, от чего они слипались и издавали сильный запах.

Все русские были одеты в новые костюмы и пальто. Было заметно, что чувствовали они себя в этих обновках не слишком удобно. Вся компания явно чувствовала себя не в своей тарелке. Вы спрашиваете, не было ли среди них человека с этой фотокарточки. А как его звали? Люшков? Нет, не помню.

Капитан тоже чувствовал себя довольно скованно. Ведь он недолюбливал военных. Я тоже не люблю солдафонов. Захватив один клочок земли, они хотят заграбастать уже всю землю. От этого и возникают все войны.

Попробуйте выйти ночью и посмотреть на море и небо. Вас окружает беспредельная ширь, все мироздание. Это подавляет вас. И хотя на душе у вас нет никакой печали, слезы начинают сами катиться из глаз, в груди что-то сжимается, и вы погружаетесь в философское настроение. Именно философское.

Так вот. Днем 5 декабря наша «Азия-Мару» вышла из Дайрена, имея на борту такую странную компанию, и благополучно, по расписанию, прибыла в Неаполь. За все время пути, похоже, никто из русских и шагу не сделал из своих кают.

Ехавший вместе с ними японец, похожий на уголовника, как видно, вполне сошелся с русскими. Когда у них возникали какие-либо просьбы, то этот человек выступал в роли посредника. Например, когда им нужен был табак, или вино, или еда, он все это для них обеспечивал. За его спиной чувствовалось мощное плечо армии, и, хотя он был еще молод, но уже заражен гнилью чванства.

Поскольку политическая ситуация в Европе тогда все более ухудшалась, на борту «Азия-Мару» было совсем мало пассажиров-японцев. Но в Гонконге к нам подседело множество европейцев.

Многие из этих пассажиров были вынуждены покинуть Китай из-за продолжающегося японо-китайского конфликта, поэтому они были явно настроены против японцев. И даже мне пришлось испытать на себе это неприязненное отношение.

Что же еще осталось в памяти об этой компании во время того рейса? Пожалуй, только то, что во время захода нашего судна в Гонконг нас посетил Амакасу Масухико и он контактировал с этими людьми. Он прибыл на наш пароход, уединился в креслах на верхней палубе с японцем, сопровождавшим русских, о чем-то с ним долго разговаривал. Я еще тогда подумал, что где-то видел лицо этого человека. «Отец», т. е. капитан Маэда, подсказал мне, что это тот самый Амакасу Масухико, который убил анархиста Осуги. Затем Амакасу 2 часа обедал в ресторане парохода вместе с другими пассажирами. Проведя на судне несколько часов, он отбыл на берег. Перед уходом он сказал нашему капитану: «Прошу вас особо позаботиться о русских пассажирах». После этого он очень вежливо попрощался с нами и пошел на берег. Пожалуй, это стало единственным событием во время рейса, связанным с русскими. За все время пути в их адрес не пришло ни одной телеграммы. Никто из русских также ничего не отправлял. Не было замечено ни одной попытки с их стороны завязать разговор с другими пассажирами. Ни один из них ни разу даже не посетил вечеров, которые регулярно устраивал капитан для своих пассажиров. К счастью «Азия-Мару» была первым японским судном, оборудованным кондиционерами. Без них мы просто изжарились бы в Индийском океане.

В порт Неаполя, насколько я помню, мы вошли 14 января. Вскоре к нашему борту подошел катер морской полиции, и мы подверглись обычному досмотру, который проводится при въезде в другую страну. Компания русских, хотя они и были пассажирами I-го класса, встала для досмотра в самый последний ряд, явно с целью не бросаться в глаза.

После окончания этой процедуры пассажиры стали уезжать с парохода на итальянский берег на катерах. Капитан и я стояли у трапа и прощались с ними. На причале были видны люди, встречавшие наш корабль. До причала от нас было примерно метров 500. На таком расстоянии нельзя сказать, чтобы отчетливо, но я увидел человека, который обменялся рукопожатиями с высадившимися на берег русскими. Вся компания гуськом последовала за этим человеком и вскоре скрылась за прибрежными домами.

Если Люшков действительно выехал в Европу, то он должен был получить загранпаспорт со всеми визами. Этот документ должна была выдать ему прежде всего Япония. Но, возможно, и государство Маньчжоу-го. Я решил попытаться выяснить этот вопрос у тех лиц, которые имели отношение к тогдашнему министерству иностранных дел Японии и к внешнеполитической службе Маньчжоу-го³. Однако в настоящее время лиц, связанных с тогдашним японским МИДом, почти не осталось в живых. Так что я не смог выяснить, был ли выдан Люшкову загранпаспорт японским МИДом.

С другой стороны, оказалось нелегко разыскать и лиц, связанных с тогдашней внешнеполитической службой Маньчжоу-го. Я начал свои поиски среди членов общества Мантэцукэй и собрал сведения, кто из них был связан в 1938 г. с этой службой. В результате я получил 14 фамилий. Этот список я сопоставил с данными министерства здравоохранения о бывших гражданах государства Маньчжоу-го, репатрировавшихся в Японию. В результате мой список сузился до шести человек. Из них, как оказалось, трое уже умерли, один был включен в список повторно, пятый в 1957 г. сменил местожительство, и я не смог отыскать его следы.

Из шести человек остался лишь один — г-н Аматами Ясабура, зато он предоставил исключительно ценные для меня документы, благодаря которым мне удалось продвинуть зашедшее в тупик параллельное расследование по линии японского МИДа.

¹ Полицейское управление гражданской администрации Квантунской армии было создано в 1933 г. Оно подчинялось главе жандармерии и включало следующие отделы: полиции, тайной полиции, охраны безопасности, уголовной полиции, санитарной службы.

² Этот русский текст имеет смысл: «Следите за нами. Лео».

³ Внешнеполитическая служба государства Маньчжоу-го подразделялась на следующие управления: по политическим вопросам, торговли, пропаганды и по общим вопросам.

С. БЕЛОУСОВ

ГЛАВА 4. БЕЛЫЕ, КРАСНЫЕ, ЖЕЛТЫЕ.
НАЧАЛО КОНЦА. ИЛИ EX FONTIBUS*

Итак, вновь перевербован.

На следующее утро, ровно в 11, Веспы уже в конторе Доихары. Как только адъютант докладывает о его приходе, полковник появляется в дверях кабинета и просит следовать за ним. Они выходят из здания, минуя сад и входят в большой особняк рядом с японской военной миссией. Еще недавно он принадлежал богатому поляку, члену Харбинского биржевого комитета Ковальскому. Японцы его конфисковали, снесли стену, разделяющую оба здания, разбили между ними сад.

Они входят в левую дверь, ведущую в просторную комнату, где за дубовыми столами сидят пять офицеров. Доихара говорит что-то одному из них по-японски, и после короткого обмена репликами полковника и Веспы приглашают войти во внушительную, обитую черной кожей дверь.

В просторном кабинете за массивным письменным столом — благообразный японец лет сорока пяти, в гражданском костюме. Весь облик производит впечатление необычайной интеллигентности.

За все годы службы у этого человека Веспы так никогда и не узнает ни его имени, ни даже настоящей должности. Он никогда не видит своего шефа за пределами служебного кабинета. В распоряжении у того всегда самолет, до которого он добирается на личном автомобиле, когда отправляется в свои таинственные поездки. Веспы не задает лишних вопросов. Сказывается высокая профессиональная подготовка и многолетняя привычка. Но не только это. Теперь сама жизнь бывшего агента Чжан Цзолина находится в прямой зависимости от неразумных по-

пыток задавать какие-либо вопросы — как в резиденции шефа, так и за ее стенами. Он вполне отдает себе отчет в том, что за ним неусыпно следят и любой скольконибудь неосмотрительный, а тем более подозрительный шаг с его стороны станет тут же известен. Это может повлечь за собой и немедленную казнь, если не что-нибудь еще худшее.

Как-то раз, когда они уже, казалось бы, хорошо узнали друг друга, Веспы в разговоре с шефом замечает, что евреи, если разобратся без предвзятости и ненужных эмоций, отбросив вредные предубеждения, не так уж плохи. Реакция шефа ошеломляет. Сидящий перед Веспой интеллигентного вида человек вскакивает, глаза его заволакивает белая пелена, он полностью теряет контроль над собой и в буквальном смысле хватает итальянца за глотку. Позже тот понимает, что вполне мог быть застрелен на месте.

Но во время их первой встречи новый шеф показывает себя мягким человеком, совершенным джентльменом, свободно говорящим на превосходном английском, даже проявляющим нечто вроде заботы о тех, кто работает на него.

Доихара обращается к хозяйину кабинета по-японски, после короткого кивка — к Веспы по-английски.

— Господин Веспы, этот джентльмен — ваш новый шеф. С этого момента вы должны забыть, как я выгляжу, и что мы когда-нибудь встречались. Если нам вдруг придется столкнуться снова, то, где бы это ни произошло, вы должны вести себя так, как будто совершенно со мной не знакомы. Желаю удачи.

Несколько поклонов и Доихара выходит. Веспы остается с глазу на глаз с маленьким человеком, который пристально его изучает и приглашает садиться. Английский его почти безупречен — редкий случай среди японцев; это заставляет предположить, что он, видимо, провел многие годы за границей, скорее всего, судя по выговору, в Америке.

Продолжение. Начало см. № 4 — 91.

* Из первоисточников.

— Господин Веспа, я не стану задавать дежурных вопросов. Я располагаю обширным досье, в котором во всех подробностях отражена ваша деятельность с момента приезда в Китай в 1912 году. Японская разведка следила за вами везде — в Маньчжурии и Монголии, в России и Сибири. Нам известны все ваши псевдонимы во всех ваших многочисленных паспортах: «сэр Стэйл», «господин Ли» и так далее. Сейчас, если не ошибаюсь, вы — «сеньор Вантини»? (Ошибается. На данный момент в нагрудном кармане серого френча Веспы лежит паспорт на имя «капитана Милкича».) Многие наши высшие офицеры, в том числе полковник Танака и генерал граф Тераучи, весьма высокого о вас мнения. Иными словами, наши военные власти вовсе не считают, что вы настроены антияпонски. Многие даже склонны считать вас симпатизирующим японцам. Это, разумеется, сыграло свою роль при определении вашей судьбы. Но не только и даже не столько это. Буду откровенен: мы могли бы вас убрать сразу после нашего прихода в Маньчжурию и, уверяю, никто бы даже не узнал, что с вами случилось. Не пришлось бы даже разыгрывать спектакль, как со Свайнхартом. Вы догадываетесь, что такие попытки были и до этого, но вам всякий раз удавалось ускользнуть. Но только не теперь, когда мы стали уже полновластными хозяевами в Мукдене и Харбине. Однако... Мы были хорошо знакомы с вашей деятельностью как ведущего агента секретной службы Чжан Цзолиня, а тут еще в наши руки, вместе со списками всех сотрудников маньчжурской разведки, попало и ваше досье. Я далек от того, чтобы льстить вам, но послужной список действительно впечатляет!

Веспа давно уже заметил на столе хозяина кабинета пухлую серую папку под кодовым номером 0:0:11. Когда-то он уже видел ее мельком. Это действительно его «чжанцзолиневское» досье. Только теперь в правом верхнем углу ярко красной типографской краской отсиснут гриф японской спецслужбы — «кио ку мицу» — «совершенно секретно». Веспа в общих чертах знаком с содержимым серой папки.

Амлето Веспа. Год рождения 1888. Место рождения — Акила, Италия. Национальность — итальянец. Учеба в лицее, военном училище. Служба в Мексике, в революционной армии генерала Франциско Мадера. Воинское звание — лейте-

нант (1911 год). Журналистская поездка по Северной и Южной Америке, Австралии, Французскому Индокитаю. Потом — Дальний Восток, Китай и Корея, Монголия и Тибет. Участие уже в качестве секретного агента союзнических войск в «китайских» и «сибирских» походах японской армии, Приморье и Приамурье, Забайкалье и Николаевск. Борьба с контрабандой оружием, наркомафией и торговлей белыми невольницами в Маньчжурии. Выполнение отдельных деликатных поручений Чжан Цзолиня. Дата перевербовки и начало официального, хотя и негласного, сотрудничества с маньчжурской тайной полицией — сентябрь 1920 года.

[Далее — если перевести китайские экзотические характеристики на канцелярский язык европейского документа]:

Приметы: На вид лет 35, чуть выше среднего роста, сухощавый, лицо узкое, продолговатое, волосы темные, глаза небольшие, темно-серые, нос прямой, губы тонкие. Особых примет нет. Привычки и слабости: курит (сигары); характерная манера смеяться — одними губами; заядлый картежник.

Дата принятия китайского гражданства — лето 1924 года.

Свободно владеет многими языками: помимо итальянского — английским, русским, испанским, французским, датским, немецким, китайским... Профессиональный разведчик высокого класса. «Международный агент» с самыми широкими связями. Мастер психологической игры, незаурядные способности к аналитическому мышлению. Склонен к авантюрам, но ни одного провала. Особое чутье на контригру...

— Повторяю, мы могли бы вас ликвидировать. Такой вариант рассматривался. Но полковник Доихара решил, что выгоднее сохранить вас — уже как японского агента. Я поддержал его. Такими специалистами не бросаются. Как бы то ни было, я надеюсь, что мы поймем друг друга, и вам не придется сожалеть о нашем сотрудничестве. Если Доихара сказал вам что-то малоприятное, не обращайтесь к нему и постарайтесь забыть об этом. Ведь за границей его называют «Японским Лоуренсом», и ему доставляет редкое удовольствие поддерживать эту аттестацию столь грубыми приемами. Хотя... Он работает со мной многие годы, и уж кто-кто, а я могу безо всяких колебаний утверждать, что он, конечно, никак не может сравниться с Лоуренсом, подобие

которого тщится создать.

Действительно, что заставило молву провести параллель между этими двумя выдающимися, бесспорно, мастерами закулисной игры? Да, оба действовали на Востоке, и там, где они появлялись, кардинально менялись судьбы государств и правительств. Оба любили маскарад: сам Лоуренс, «некоронованный король», возникал то в образе буддийского монаха, то нищего бедуина или старой цыганки; его японский коллега любил носить китайское платье, но часто облачался и в европейский костюм и тогда начисто забывал, что свободно говорит на нескольких диалектах Китая. Их появления всегда сопровождалось таинственными событиями, неожиданными даже для тех, кто, казалось бы, готов ко всему. Но в основном оба вели игру, дергая за ниточки из-за кулис. И все-таки разница есть, и немалая. Методы достижения целей, сам подход к осуществлению задуманного отличались. Томас Эдуард — интеллигент шпионажа, прежде всего психолог, виртуозно играющий на самых, вроде бы, обычных, но потому и самых сильных человеческих страстях и слабостях, как-то — алчность, религиозный фанатизм, тщеславие, любовь, ревность. «Дальневосточный Лоуренс» считал вполне достаточным эксплуатировать одно, но наиболее сильное средство — инстинкт самосохранения.

— Разумеется, нельзя отрицать, что полковник Доихара преуспел во многих своих начинаниях, но факт остается фактом: у него немало и явных провалов — столько и такого свойства, что можно принять их скорее за ошибки простого капрала, нежели полковника, работающего в разведке.

Да, победы Доихары общеизвестны. Хотя бы его знаменитое: «Я сделаю из него императора, как делают из бумаги бэбу...» Это о Пу И как о ширме. Близкий друг и поклонник Доихары, военный атташе в Берлине Хироси Осима считал Доихару разведчиком экстракласса, правда, не Лоуренсом, а современным Вильгельмом Штибером. Действительно, японцы в свое время начинали с подражания немецкой разведке, переняли систему Штибера, но потом пошли своим, специфически восточным путем, выращивая чисто японский тип разведчика — фанатичного, прежде всего. Но далеко не всегда Доихара переигрывал того же Веспу. На равных шла игра и с Полномоч-

ным Представителем ОГПУ по Дальневосточному краю, комиссаром госбезопасности 1-го ранга Терентием Дерибасом — правда, до того времени, как «первый чекист Приамурья» не исчез из Хабаровска и его жизненный путь не уперся в тупик в одном из подвалов Лубянки. Зато в лице преемника Дерибаса — нового начальника Управления НКВД СССР по Дальневосточному краю, комиссара госбезопасности 3-го ранга Генриха Люшкова — Доихару, да и весь 2-й отдел японского генштаба, ждет поистине бесценный подарок: 13 июня 1938 года тот перейдет границу и выдаст японцам всю советскую агентурную сеть в Маньчжурии. Дважды сыграют в шпионские шахматы Доихара и приятель германского военного атташе в Токио Рихард Зорге, и результат партий, по мнению самого Доихары, будет ничейным, если, конечно, не считать того, что Зорге казнит на четыре года раньше его японского партнера.

— Скажем, как вы считаете, покушение на маршала Чжан Цзолиня было шедевром?

Веспа не знает, что ответить. Он слышан, что среди высокопоставленных японцев царит тщательно скрываемая взаимная неприязнь и зависть, но полагает, что подобная информация — результат антияпонской пропаганды. Теперь он сам имеет возможность убедиться в том, что слухи не лишены оснований. Как иначе можно объяснить тот факт, что шеф разведки, поддавшись соблазну компрометировать соперника по службе, откровенно признает: союзник Японии Чжан Цзолинь был убит с благословения и, более того, по приказу японского генерального штаба. Веспа поражен, но хранил молчание.

— Насколько я понимаю, — продолжает его собеседник, — вы пытаетесь понять, почему я разговариваю с вами подобным образом — более чем откровенно. Действительно, я признаю, что японцы стараются заставить весь мир и Лигу Наций поверить в то, что независимость Маньчжурии — результат спонтанной народной революции против прежнего режима, и что мы присутствуем здесь только в качестве советников нового правительства. Хотя факты говорят об обратном. Вы слишком много знаете, и было бы глупо с моей стороны пытаться вас обмануть. Поскольку мы собираемся работать вместе, я должен быть предельно

откровенен и познакомить вас с программой наших действий. Я целиком отдаю себе отчет в ваших способностях и опыте. Вы провели в Маньчжурии двадцать лет, хорошо знаете здешний народ, его традиции, обычаи, манеры и привычки, вы знаете его психологию и чего он хочет. Если я познакомлю вас со всей той чепухой, которой наши представители пичкают Лигу Наций, вы рассмеетесь мне в лицо... Уже почти полдень, господин Веспа. Сделаем перерыв на ленч и встретимся опять в два часа. Я обрисую вам контуры будущей работы. Нам многое предстоит сделать. До встречи.

После ленча Веспе сначала приходится прослушать краткую лекцию из области истории и этических принципов некоторых наций.

— Посмотрите на англичан, — говорит японец. — Посмотрите, как они смогли присоединить к своей империи почти половину земного шара и, главное, как им всегда удавалось заставить завоеванные страны самим платить за порабощение. Индия всегда оплачивала расходы захватчиков, равно как и Южная Африка; как, впрочем, и Америка — ведь пока она оставалась колонией Британии, она должна была платить за содержание британской армии на своей территории. То же можно сказать и о колониальной политике Франции, а позднее — Соединенных Штатов. Куба и Филиппины до сих пор платят Испании за свое освобождение. Мы, японцы, очень бедный народ и не можем позволить себе роскошь оплачивать расходы, связанные с нашей оккупацией Маньчжурии. Так или иначе, но маньчжурские китайцы должны сами заплатить по счету сполна. Это наша принципиальная задача.

Но на этом пути перед нами стоят серьезные трудности. Как заставить их платить, не задевая тем самым чувствительных струн других народов и не раздражая Лигу Наций? Если бы мы сразу открыто заявили, что оккупировали Маньчжурию, все было бы значительно проще, и никто не сказал бы ни слова. Но мы, руководствуясь собственными, разумными с нашей точки зрения соображениями, официально заявили, что новое Маньчжурское государство сформировано в результате революции, осуществленной самим народом, а мы здесь находимся только как советники. Естественно, в такой ситуации платить должно само маньчжурское население, но это надо так

обставить, чтобы никто не смог обвинить нас в том, что мы именно заставляем их платить.

Во время войны, как известно, все средства хороши. Те меры, которые были нами применены в Мукдене и других оккупированных городах, мы намерены использовать и здесь, в Харбине, равно как и по всей Северной Маньчжурии. Конкретнее. Программа наша состоит в том, чтобы, во-первых, негласно передать монополию нашим доверенным людям; во-вторых, постепенно, исподволь, используя самые разные способы, заставить богатых китайцев и русских — и особенно богатых евреев — расстаться со значительной частью их богатств... Мы должны сделать это достаточно тонко, чтобы ни у кого из них не возникло и грана подозрений, что за всем этим стоят японцы и именно им достается добыча.

Главные монополии, которые будут сосредоточены в наших руках — это свободная транспортировка товаров по КВЖД под прикрытием переброски японских военных грузов; монополия опиумных притонов, вообще торговли наркотиками и разведения мака, монополия на игорные дома. Будет использовано и множество других уловок. Те, кому будет предоставлена монопольная концессия, должны платить за это, и платить немало. В то же время все они находятся под нашей защитой. С другой стороны, вам, должно быть, известно, что каждый японский офицер, который прибывает на службу в Маньчжурию, рассчитывает через два-три года возвратиться домой с кругленькой суммой в 50 или даже 100 тысяч долларов в кармане. Мы должны самым пристальным образом следить за ними — в первую очередь, конечно, за жандармскими офицерами, так как все те деньги, которые нам удастся здесь выкачать из маньчжурского населения, должны быть направлены правительству Японии.

Японская жандармерия пользуется дурной репутацией, офицеров ее недолюбливают повсюду, в том числе и в Японии, где, например, армейские офицеры их избегают. В Корее и Южной Маньчжурии жандармы практически контролируют все правосудие и сами решают вопросы о жизни и смерти тамошних жителей. Мы почти бессильны перед ними — ведь в большинстве своем все они члены монархической партии «молодых офицеров» — самой влиятельной партии Японии. Они тесно связаны с тайным об-

ществом «Тимэйдан»*, которое представляет собой широкую террористическую сеть фашистских организаций в армии и на флоте. Действуют они дерзко и беспощадно. Те министры и генералы, которые пытались с ними бороться, заплатили за это собственными жизнями. Лидера партии «Минсэйто» Иноуэ застрелили во время выступления перед избирателями — преступник был схвачен на месте с еще дымившимся пистолетом; финансист барон Такума был убит в правлении концерна «Мицуи», премьер-министр Инукай — в собственной канцелярии. Коротче говоря, мы должны быть крайне осторожны и, не вступая с жандармами в открытое противоборство, постепенно изолировать их, выводя из игры тех, кто с ними сотрудничает.

Веспа поражен и напуган той откровенностью, с которой высказываются все эти соображения. Не значит ли это, что он в конечном счете обречен и с ним можно не церемониться?.. А японец закуривает сигарету, выпускает несколько колечек дыма и, прищурившись, задумчиво смотрит в окно. Сигарета потушена, и он продолжает:

— На днях из Мукдена прибудет около 50 китайских бандитов, современных хунхузов. Мы их давно и хорошо знаем. Они займутся вербовкой местных гангстеров — до тех пор, пока в нашем распоряжении в Северной Маньчжурии не будет тысячи — полторы людей, готовых выполнить любой приказ. В самом Харбине надо подыскать около 20 крепких и надежных русских — из тех, кто может выполнить любую «черную» работу; помимо умения профессионально обращаться с холодным и огнестрельным оружием, они должны еще уметь держать язык за зубами. Больше всего подойдут, наверное, бывшие люди Унгерна, Нечаева или Бакича. Наконец, нам нужна дюжина опытных карманных воров, которые должны быть интеллигентны, уметь прилично одеваться, носить костюм и знать, как вести себя в самом изысканном обществе.

Хунхузы как нерегулярные вооруженные формирования всегда полезны, а для многих ширококомасштабных операций просто необходимы. Скажем, одним из первых заданий, как только мы закончим организационную фазу работы, будет вмешательство в эксплуатацию железнодо-

рожной линии Харбин — Владивосток; программа максимум — в конце концов вообще остановить на ней сообщение. Дело в том, что по этой ветке Советы отправляют в свой порт Владивосток все товары и значительное количество соевых бобов. А это очень вредит нашему порту Дайрен... Для начала на железную дорогу будет совершено нападение нашими милыми бандитами в районе, прилегающем к русской границе. Потом организована серия взрывов, которые будут следовать один за другим до тех пор, пока русские не сочтут за благо переправлять свои грузы по нашей ветке до Дайрена. Будут подготовлены диверсии и на других железнодорожных линиях, контролируемых Советами, а иногда — чтобы сохранить видимость нашей непричастности — и на японской ветке. Кроме того, руками все тех же хунхузов будут осуществлены провокации вдоль русской границы и в других районах Маньчжурии. «Краснобородые» займутся похищениями состоятельных людей, которым свобода будет возвращена только за выкуп; они будут разорять китайские деревни и оставлять их при приближении японских войск, что вызовет симпатии к нам со стороны китайцев; будут имитировать нападения на японских солдат, давая тем самым нам предлог для карательных экспедиций и выселения коренных жителей из тех районов, которые мы хотели бы передать во владение японским колонистам... Список задач можно продолжить.

Что касается нашего корпуса карманников, то они будут использоваться для ограбления иностранцев — тех, кто постоянно живет в Маньчжурии, и — главным образом — тех, кто приезжает сюда в качестве туристов. В их обязанности будет входить кража писем и документов. Ведь вообще нелегко подвергнуть обыску иностранца; но даже если мы идем на это, они потом отравляют нам жизнь своими бесконечными протестами. И совсем другое дело, когда, скажем, русский вор вытаскивает у иностранца бумажник или крадет багаж — в этом случае не может же жертва обвинить японцев, не правда ли?

И в заключение нашей беседы еще один, весьма важный, момент. В Харбине, Цицикаре, Хайларе, да и по всей Северной Маньчжурии действует множество самых разных русских эмигрантских обществ. Все это антисоветские организации. По крайней мере, так меня информируют.

* «Тимэйдан» — «Союз крови» (яп.).

Вы, господин Веспа, как человек, многие годы занимавший высокий пост в маньчжурской тайной полиции, знающий языки и обычаи населяющих Маньчжурию народов, не можете не быть в курсе всей подноготной русской эмиграции. Поэтому в качестве первого задания я поручаю вам подготовить подробный доклад о характере, масштабах, программе и деятельности каждой из этих организаций с приложением кратких биографий руководителей, перечислением их привычек и, главное, слабостей. Если быть откровенным, я предпочитаю ликвидировать любое общество, любую организацию, которые не симпатизируют японцам и пытаются вести себя независимо.

Есть еще одна деликатная проблема. Речь идет об интеллигенции и так называемых деятелях культуры. Они все время мешаются под ногами. Вмешиваются в наши планы. Как быть со всеми этими князьями и графами, профессорами, литераторами, генералами и полковниками, старыми аристократами прежней России? Со всеми этими Голицыными, Войковыми, Морозовыми, Языковыми, Ухтомскими, Баратынскими, Аксаковыми и Завалишинными?

Действительно, Веспа знает, что в Маньчжоу-го живут тысячи русских журналистов и писателей, врачей и адвокатов, профессоров и политических деятелей. Здесь и глава Сибирского правительства Колчака П. Вологодский, журналист и писатель Вс. Ник. Иванов, премьер Приамурского правительства В. Ф. Иванов, председатель Земского собора в Приморье Н. Миролюбов, бывший министр юстиции Дальневосточной республики Е. Трупп, профессора Н. Устрялов, И. Серебренников и Г. Гинс.

— Одних только присяжных поверенных — и в одном только Харбине — более сотни! Все они крайне назойливы. Нам нужны только молодые, способные и покладистые люди, которые заинтересованы в чинах и регалиях, а в обмен на это выполняют все, что мы от них потребуем. Мы хотим, чтобы русские имена прикрывали нашу деятельность, а для этого вовсе необязательно быть мыслителем. Нам нужны люди недалекие, но с амбициями, чье тщеславие не заходит, правда, дальше мечты увидеть себя во главе какой-либо организации. Одним из направлений нашей работы, господин Веспа, как раз и будет подбор таких людей в среде русской эмиграции. Глав-

ными критериями при отборе должны быть алчность, тщеславие и, желательно, отсутствие патриотизма. Надеюсь, составление списка не займет много времени. Ведь вы, как говорит Доихара, «опытный скупщик». Когда список будет готов, представите его мне...

Инструктаж продолжается

Пока шеф разведки набрасывает план закулисной политики Японии на оккупированной территории, Веспа делает записи в блокноте:

«После того, как все русские общества и союзы будут реорганизованы и во главе каждого из них будет поставлен наш человек, мы приступим к созданию филиалов по всей территории Северной Маньчжурии. В каждом из них общей контроль будет осуществлять японец, говорящий по-русски; без его санкции ничего предпринять будет нельзя. Подобные контролируемые организации будут особенно полезны в борьбе с Советами — и в первую очередь надо будет укрепить те, штаб-квартиры которых находятся в непосредственной близости от железнодорожной зоны.

Предстоит ежедневно провоцировать какой-нибудь инцидент с тем или иным советским гражданином. 2-й (русский) отдел японской военной миссии будет снабжать нас всеми необходимыми документами и материалами, которые понадобятся для провокаций или арестов советских граждан. А нам надо для подобной работы подобрать людей, которым незнакомы укоры совести. В данном случае, как в никаком другом, цель оправдывает средства — ведь никогда нельзя забывать, что большевики — фактически преступники, попирающие ради своей вредной и бессмысленной утопии общечеловеческие законы и ход истории; и отношение к ним должно быть соответственное...»

— Запомните, я всегда за кулисами. Ваша задача — действовать в качестве моего посредника. Все инструкции вы будете получать непосредственно от меня и ни от кого другого. Приказы, предназначенные для других, вы будете передавать сами. Ни русскому, ни другому европейцу не разрешается входить в мой офис, а тем более встречаться со мной. Это общее правило для всех, кроме трех человек, которых я знаю многие годы и которым всецело доверяю. Вы — единственный,

кому разрешено входить ко мне в кабинет даже без доклада адъютанта. Это не привилегия, обусловленная каким-то особым доверием, нет. Я это делаю потому, что вы — натурализованный китайский гражданин, которого я могу своей властью расстрелять в любой момент. Кроме того, есть лучшая гарантия вашей лояльности — ваша семья...

На всем протяжении разговора Веспы, которого новые обязанности отнюдь не приводят в восторг, а планы японцев могут только вызвать, по крайней мере, внутренний протест, пытается тем не менее сохранять спокойствие. Он смелый человек, но не герой. Рационализм сильнее эмоций. Веспы смотрит на происходящее скорее с профессиональной точки зрения, целиком отдавая себе отчет, что бессилен что-либо изменить, даже ценой собственной жизни и благополучия своей семьи. Японский каток, раздавив его, как лягушку, будет методично и неотвратно продолжать свое движение.

— И последняя инструкция. Здесь, в Харбине, живет много иностранцев — американцев и англичан, французов и итальянцев. Все они пока еще пользуются правами экстерриториальности. Надо за ними присматривать, поскольку многие из них — советские шпионы, другие — американские или британские. Иностранцы считают, что их страны обладают особыми правами на Дальнем Востоке. Мы не признаем таких прав. У американцев есть доктрина Монро, у нас есть своя. Еще в 1924 году доктор Сьюэй Окава сформулировал нашу официальную сегодня концепцию — интерпретацию старого принципа легендарного императора Дзимму — *Кодо**. По-китайски это звучит *Ван Дао*. *Кодо* подразумевает, что божественной миссией Японии — как первого государства на земле — является господство над всеми нациями — в первую очередь, конечно, над азиатскими. Весь Восток — наша сфера влияния. Скоро Корея, Маньчжурия, Монголия, Китай и даже Сибирь до самого Иркутска образуют единую империю, которой будет править наш Император — единственный монарх, достойный называться небесным, прямой потомок Аматаэрасу омиками, «Владычицы неба». Японцы — единственная божественная нация на земле, вот почему она не смешивается с другими народами.

Японские летчики-смертники атакуют американский линкор «Миссури», на котором позднее, в 1945 году, был подписан акт о капитуляции Японии.

У нас святая культура, и вообще в Японии все свято. Мы отнюдь не намерены, как это делали в свое время китайцы, насаждать свою культуру среди завоеванных народов. Зачем? Они просто исчезнут с лица земли: корейцы погибнут от собственных пороков, китайцы станут жертвами опиума, русских погубит водка. Только потомки Аматаэрасу и сыновья Богов будут населять нашу Империю. И это только начало. Дальше Боги наметили для нас завоевание Индии и всех островов в Тихом океане, осуществление другого традиционного принципа императора Дзимму — *хакко итцу**, создание Великой восточноазиатской Сферы взаимного процветания. (Конечно, шеф Веспы высказывает не только свою личную точку зрения. В октябре 1933 года «Japan Times» откровенно пишет: «Война между Японией и Россией может иметь

* *Кодо* — «Императорский путь» (яп.).

* «Хакко итцу» — «Весь мир — под один кров» (яп.).

только один исход — закрепление японцев в качестве полных хозяев Сибири вплоть до горного хребта, отделяющего европейскую часть России от азиатской».) Не воспринимайте мои слова иронически. Судьба Японии предопределена Богами, а Боги не лгут. Никто и ничто не может помешать Японии стать величайшей империей на Земле!

— Со деска?*

— Нет, нет! Не говорите по-японски, даже если вы знаете этот язык. Это вызывает у меня неприятие. Японцы не любят, когда иностранцы говорят на их языке. Это святотатство. Японский язык — только для сыновей Богов. Давайте говорить по-английски. Это как раз тот язык, который подходит для обсуждения вещей малоприятных. Когда я ругаю кого-нибудь, то предпочитаю это делать по-английски.

Есть еще одна проблема, о которой я чуть было не забыл. В Маньчжурии живет около сорока тысяч советских граждан. Около 22 тысяч из них — служащие КВЖД. Остальные — мелкие торговцы, лавочники и фабричные рабочие. Большинство из них — коммунисты или сочувствующие и проводят здесь пропагандистскую работу. Я думаю, нет надобности объяснять, что это противоречит японской политике и наша обязанность — препятствовать этому любыми способами. Надо руководствоваться принципом, что лучше наказать тысячу невинных, чем позволить хотя бы одному активному пропагандисту остаться на свободе. Когда железная дорога будет в наших руках, все эти варвары будут депортированы. Тех, кто все-таки останется, мы заставим уехать, ибо сделаем их жизнь невыносимой, не давая им ни минуты покоя. Надо уяснить для себя, что белые русские обладают полной свободой поступать с красными как им заблагорассудится. Ежедневные обыски в домах красных, конфискации, разного рода притеснения и унижения — все это в конце концов заставит их самих покинуть Маньчжурию.

Кроме красных русских в Северной Маньчжурии насчитывается около семи тысяч евреев. С ними будет потруднее. И вот почему. Хотя все они — выходцы из России, многие сумели легальными или полуполегальными способами натурали-

зоваться и стать гражданами других стран — Англии и Франции, США и Италии, Турции, Германии, Польши. Сегодня большинство из них — представители иностранных фирм в Маньчжурии. Правда, подобным комуфляжем занимаются и некоторые русские. Наиболее яркий пример — португальский флаг над особняком миллионера-лесозаводчика Скидельского — консула Португалии в Харбине. Как бы там ни было, когда вы увидите иностранный флаг над каким-то учреждением, будьте уверены, что в нем непременно скрывается один или несколько евреев. Мы не можем, разумеется, трогать их в открытую, особенно тех, кто обладает правом экстерриториальности. Но никто не может помешать нам вплотную заняться теми, кто ведет с ними дела. Любой русский или китаец, пойманный на сделках с иностранными фирмами, будет под тем или иным предлогом арестован и содержаться в тюрьме, пока не откажется от своей затеи. Вся процедура не займет много времени, и местные дельцы скоро поймут, как опасно иметь дело с иностранцами.

Все эти инструкции я давал и другим руководителям японской спецслужбы в Северной Маньчжурии. Повторяю еще раз: только я могу отдавать вам приказы, и вы должны докладывать обо всем только мне лично. Ни один из ваших подчиненных не должен даже подозревать, что вы работаете на меня. В свою очередь и вы никогда не узнаете, от кого я получаю приказы. То же относится и к вашим главным помощникам: они никогда не должны говорить своим агентам, кто их шеф, от кого поступают приказы. Иными словами, вся наша разведывательная служба будет представлять собой нечто вроде цепочки. Это старый и проверенный веками принцип. При аресте одного человека будет вырвано только одно звено в цепи, вся сеть не пострадает... Я вижу, вы делаете записи. Это негодная практика. Блокнот легко потерять, его могут выкрасть. Лучше всего полагаться на свою память. Это одна из ваших добродетелей как агента секретной службы. И еще. Вы носите перстень с дорогим камнем. Лишняя примета. Разведчику такого ранга и с таким опытом надо быть скромнее.

Веспа и сам знает свои достоинства и недостатки — с точки зрения уязвимости для «наружного наблюдения». Природные данные неплохие: «Особых примет

* Так ли это? (ин.)

нет». Но есть благоприобретенные: два пулевых ранения, еще в Мексике, два ножевых — это уже в Харбине. Но эти «особые приметы» скрыты под серым кителем с накладными карманами. Хуже с привычками. Например, курение. Дорогие сигары всем хороши, но имеют обыкновение оставлять стойкий запах. А это улика. Нетрудно установить ваше присутствие в доме, что часто весьма нежелательно. И еще слабость, совсем уж, казалось бы, несерьезная — пижонство. Шеф прав — перстень... Но не только. Еще сапоги. Того же фасона, что в свое время носил Чжан Цзолинь. А сапоги маршала — легенда. Их хорошо помнят в Маньчжурни. Особая кожа — даже не хром и не шевро, а шеврет. Особый силуэт. Бутылочный. Что поделать, в Китае любят высокие голенища. Но сапоги «Владыки Маньчжурни» лежат в земле вместе с их обладателем на мукденском кладбище. Их копия осталась на Веспе. Тоже примета и, наверное, посерьезнее голубого камня на мизинце.

— Теперь можете идти. Завтра приступайте к работе.

— Простите, вы упомянули о каких-то агентах, моих главных помощниках. Кто они и когда мы встретимся?

— Пусть это вас не беспокоит. Вы все узнаете в свое время. Сейчас я не могу ответить на ваш вопрос. Пока займитесь подготовкой доклада о белых русских организациях.

После этого разговора Веспa понимает, что все те истории, которые ему приходилось слышать о закулисной политике, произволе и репрессиях японцев в Корее и которым он не склонен был верить, скорее всего были правдой, как и рассказы о царстве террора в Маньчжурни в последние четыре месяца. Но отказаться от работы на японскую спецслужбу и присоединиться к «охоте на обезьян» — как нерегулярные отряды китайцев и русских называют вооруженную борьбу с японцами — значит принести в жертву свою жену, детей — дочь и сына, престарелую тещу. Веспa выбирает тактику выжидания. Решает действовать по рецепту Кутузова, ответившего на вопрос Александра I: может ли он победить Наполеона? — «Победить не могу, а обмануть постарюсь». Итальянец тоже принимает предложенную ему игру. Он не знает, что партия продлится пять долгих лет, в течение которых он вынесет массу унижений и не раз будет в шаге от смерти.

Походный Атаман казачьих войск Урала, Сибири и русской Восточно-Азиатской окрaины генерал-лейтенант Г. М. Семенов.

«Пуш и толстые женщины!»

*Мы расскажем, как служили,
Как границу берегли.
Хотя денег не нажили,
Зато славушку нашли.*

*Слава русская большая,
Ей гордимся навсегда...
Пускай царь наш не боится,
Что на Русь идет чума:
Наша русская граница
Есть Китайская земля!*

Российское казачество в Маньчжоуго, «новое казачество зарубежной Руси». Специфическая категория беженцев, в начальный период эмиграции селившихся в Трехречье — долинах рек Дербула, Хаула и Гана — и сохранивших традиции, быт и организацию войска старой забайкальской станицы. Годы эмиграции, однако, повлияли и на казачью волюницу. Появились и новые организации, и новые атаманы. Союз казаков в Восточной Азии — начальник Союза генерал-лейтенант А. П. Бакшеев [которого советские власти будут судить вместе с ата-

Казачи-джигиты на Конном празднике в Харбине.

маном Григорием Семеновым и расстреляют в августе 1946 года]. Оренбургская имени Атамана генерал-лейтенанта А. И. Дутова [командующего Отдельной Оренбургской армией у Колчака и военного губернатора Семиречья, ликвидированного ЧК по приказу Я. Петерса в феврале 1921 года в Китае] казачья станица — атаман хорунжий С. Ф. Лапаев; Забайкальская имени Атамана Семенова [перед «отречением» назначенного Колчаком главнокомандующим в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке и повешенного по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР в августе 1946 года] казачья станица в городе Харбине — атаман полковник М. Ф. Рюмкин; Иркутская имени Атамана генерала Оглоблина казачья станица — атаман сотник И. М. Казанцев; Зарубежная амурская казачья станица в городе Харбине — атаман полковник Н. М. Шалыгин; Кубано-Терская казачья станица — атаман хорунжий И. С. Цибуля; Молодая имени Атамана Г. М. Семенова казачья станица — атаман сотник В. С. Корнев...

Нет, не то. Правда, Веспа знает, что в Маньчжурии и вообще в Китае, кроме легальных, существуют еще и подпольные белоэмигрантские союзы и организации,

носящие зачастую вполне романтические названия в стиле «плаща и кинжала». Хотя бы в Харбине — «Мушкетеры», «Голубое кольцо», «Черное кольцо»; осколки «земской рати» — дружин «Святого Креста» и «Зеленого Знамени Пророка», созданных еще бывшим главнокомандующим войсками Омского правительства Колчака, «Приамурским воеводой», а в эмиграции — главой Дальневосточного отдела «Российского общевосточного союза» (РОВС) генералом М. К. Дитерихсом; шанхайская «Международная лига борьбы с III Интернационалом» и «Богоявленское братство».

Действуют также, помимо названных, и многие другие менее значительные или вовсе не обладающие заметным влиянием организации, скажем, землячества (Украинская и Грузинская национальные колонии, Еврейская духовная и Тюрко-Татарская национальная духовная община, Армянское и Греческое общества), коммерческие ассоциации (Союз владельцев вино-бакалейных и гастрономических предприятий, Союз владельцев русских хлебопекарен, Союз экспортеров пушнины, Союз русских и иностранных фармацевтов).

Нет, это уж, конечно, совсем не то. Веспа решает, что новый шеф, говоря об

организациях русских эмигрантов в Маньчжурии, имел в виду более политизированные и «цивилизованные» ассоциации. Их немало, штаб-квартиры всех без исключения — в Харбине. Веспа составляет список наиболее крупных:

1. *Комитет беженцев; президент Колокольников [бывший член Омского правительства].*

2. *Русский социальный комитет; президент Коробов [бывший эсеро-земский активист].*

3. *Союз бывших военнослужащих; президент генерал Вержбицкий [командующий левым флангом Сибирской армии Колчака, «герой Казани», а теперь — владелец модной в Харбине дамской шляпной мастерской].*

4. *Легитимисты; президент генерал Кислицин.*

5. *Фашисты; президент генерал Космин.*

6. *Общество землевладельцев; президент Гондatti [царский вельможа, генерал-губернатор Приамурья].*

7. *Биржевой комитет; президент Кабалкин [богатый промышленник].*

Шеф японской разведки не ошибся в выборе помощника: Веспа, действительно, ориентируется в обстановке, как никто другой. Ему нетрудно догадаться, что из всех руководителей русских эмигрантских обществ японцам подойдут только двое: Коробов и Кислицин.

У Коробова сильный козырь в его пользу: он дожил до 54 лет, не работая в своей жизни ни одного дня. Его профессией всегда было исполнение обязанностей то президента, то секретаря-казначея самых разных обществ и ассоциаций; сопровождалось это ростом долгов. Коробов человек беспринципный, без идеалов, кроме разве что собственного желудка. Застолье для него свято. Внушительная фигура его как будто создана для того, чтобы восседать за банкетным столом, уставленным разнообразными закусками. Он не пропускает ни одного приема, независимо от того, кем он организован — монархистами или либералами, фашистами или анархистами. Репутация Коробова в этом отношении так высока, что когда русские заводят речь о политических пристрастиях президента своего Социального комитета, то величают его не иначе, как «закусистом». Чаще всего его можно найти в отдельном кабинете кафе-ресторана Джагаева «О'Гурмэ» на Новоторговой или в низком

прокуренном зале ночного кабаре «Фантазия», где между двумя рюмками куантро можно покружиться под звуки «Валенсии» или «Titina my Titina» в фокстроте с услужливой кельнершей и увидеть предтечу современного стриптиза — «живые статуи», то есть попросту нагих женщин, показываемых с эстрады.

Неограниченная идеологическая эластичность в сочетании с эпикурейской всеядностью делают из Коробова идеальную фигуру для японцев. Если не «закусист», то, по ходячему выражению еще времен гражданской войны, член партии КВД — «куда ветер дует». Когда ветер подует в сторону Японии, Коробов быстро сориентируется. Произойдет это еще на рубеже 1929—1930 годов. В Маньчжурию с инспекционной поездкой приедет начальник Дальневосточного отделения РОВС генерал Дитерихс. Он привезет с собой «Тезисы политики белоэмиграции на Дальнем Востоке», полученные из Парижа, от главы РОВС генерал-лейтенанта Е. К. Миллера [генерал-губернатора и главнокомандующего войсками Северной области в 1919—1920 годах, вывезенного ОГПУ в 1932 году из Парижа в СССР и здесь расстрелянного]. В Харбине Дитерихс проведет совещание с руководителями 38 военизированных белых организаций и в резолюции будет записано: в борьбе с большевизмом на Дальнем Востоке у Японии есть надежный союзник — русская эмиграция, которая должна представлять единую военно-политическую силу. Коробов немедленно призывает рыцарей «Белой мечты» выработать «общую программу и достичь единства действий во имя освобождения России».

Подходит и Кислицин, глава легитимистов — ассоциации монархистов, которые хотя и видят на русском престоле Великого князя Кирилла, ставшего главной надеждой трона после смерти дяди Николая II, Великого князя Николая Николаевича, «Верховного вождя Государства Российского». Владимир Александрович Кислицин — богатый, единственный до революции 1917 года в Забайкальском округе, кто мог перекреститься двухпудовой гирей. Боевой офицер, участник трех войн, он имеет несколько наград — до георгиевского оружия и ордена св. Георгия Победоносца включительно. На теле его следы 14 ран. Но при всех своих достоинствах как боевого офицера, генерал тщеславен и недалек. «Блюститель престола» Кирилл и его

супруга Виктория Федоровна имеют обыкновение рассылать из Парижа награды и регалии своим сторонникам. Не забывают и Маньчжурию. Ордена и медали, повышения в чинах и так далее. Сам Кислицин, вышедший в свое время в отставку в чине капитана, произведен лично Кириллом Владимировичем в генерал-лейтенанты, потом — в полные генералы. Это служит началом эпидемии повышений по службе всех прочих членов монархической ассоциации, большинство из которых теперь произведено в генералы и увешано орденами. Жизненный лозунг Кислицина совпадает с девизом Георга I: «Пуши и толстые женщины!»

Генерал от кавалерии В. А. Кислицин.

Правда, генерал предпочитает водку, особенно жалую харбинскую «Лучшую русскую водку № 50» завода Г. Д. Антипаса, в которой не испытывает недостатка — японцы позаботились и об этом. Короче говоря, глава легитимистов нужен японцам; опережая Великого князя Кирилла, они назначают его Главнокомандующим белой русской армией в Маньчжурии. Этим дело не кончится. 28 декабря 1934 года император Пу И издаст указ о создании подчиненного Совету минист-

ров страны «Бюро по делам Российских эмигрантов в Маньчжурской Империи», которое в 1940 году будет переименовано в «Главное бюро». Задачи: «Обеспечивать единство белоэмигрантов, готовить их к борьбе с Коминтерном за освобождение России, что возможно лишь при условии установления нового порядка в Азии под эгидой Японии». К 1937 году «Главное бюро» объединит 142 белогвардейские организации, а пост его председателя на основании приказа Министерства Народного Благополучия от 4 мая 1938 года займет Владимир Александрович Кислицин, который примет эстафету от скончавшегося в 1935 году первого председателя Бюро, Генерального штаба генерал-лейтенанта В. В. Рычкова и его преемника генерал-лейтенанта А. П. Бакшеева.

Веспа свидетельствует, что Кислицин — один из немногих бывших офицеров русской армии, добровольно поступивших на службу к японцам. Многие все-таки предпочитают лишения, нищету, даже тюрьму, но отказываются стать послушным инструментом в чужих руках. Скажем, назначив Кислицина Главнокомандующим, японцы долго не могут найти русского генерала, согласного занять пост начальника штаба. Отказ следует за отказом, и в конце концов организаторы вынуждены прибегнуть к услугам больного и опустившегося человека, когда-то полковника, начальника Осведомительного (пропагандистского) отдела у Колчака, потом служившего в казачьих частях атамана Семенова в период «читинской пробки», а теперь вот уже многие годы попрошайничающего у универмага Чурина в Харбине. Отмыв беднягу в бане и облачив в новый мундир, японцы через несколько дней объявляют в газетах: генерал-майор Сальников назначен начальником штаба.

Николай Меди, сын генерала Меди, который, как и Веспа, вынужден в течение четырех лет оставаться в Харбине на службе у японцев, как-то замечает в разговоре: «Никогда и нигде ни один коммунист не был и не будет столь успешным пропагандистом дела Советов, как японцы в Маньчжурии». Как бы то ни было, ежемесячно тысячи русских, в свое время бежавших от преследований большевиков на Китайский Северо-Восток, теперь приходят в бывшую усадьбу отца «Счастливой Хорватии» генерал-лейтенанта Д. Л. Хорвата, впоследствии резиденцию «Русского Вашингтона» адмирала

Колчака, а ныне Советское консульство в Старом Харбине с просьбой выдать им советский паспорт, чтобы вернуться в СССР. Многие готовы покаяться, отказать от антикоммунистических, «белых» убеждений и — по крайней мере на словах — принять большевистскую идеологию. Из двух зол они выбирают, как им кажется, меньшее — не «желтое», а «красное».

Веспа категоричен: «В конце концов в Маньчжоу-го не остается ни одного порядочного русского, кто сотрудничал бы с японцами. Идут на это только те русские преступники, которых японцы освобождают из тюрем после своего вторжения в Маньчжурию. Эти должны либо исправно кричать «Банзай!», либо вновь отправиться на нары». Итальянец, возможно, преувеличивает. Хотя в большинстве своем «русские кадры» японцев — это те, кого может привлечь та или иная заманчивая военная авантюра, те, кто готов продать по сходной цене свою застарелую привычку к походу и сидению в окопах в любые руки, но с непременным условием: на знамени в этих руках должны быть антикоммунистические или антисоветские лозунги. Эти люди потеряли по вине большевиков все, и выбирать им не приходится.

Поведение истинно мужественных людей вызывает восхищение Веспы. Например, бывшего Приамурского генерал-губернатора Н. Л. Гондатти, человека неукротимого духа, несмотря на его 84 года. Когда в дом к старику приезжает офицер японской жандармерии с орденом на обшук и арест, Гондатти встречает его с орденом «Золотого коршуна» на груди — самой высокой наградой, которую мог пожаловать император Японии иностранцу (и которая была вручена Гондатти в бытность его губернатором). Такая награда дает ее обладателю иммунитет, и жандарм регистрируется в полной растерянности. В другой раз двое молодых русских без определенных занятий — из тех, кто всегда готов за подачку выполнить любой приказ любых хозяев — обвиняют Гондатти в растрате фондов частной школы, владеть которой и почетным директором которой тот является более 20 лет. Эти молодцы, уверенные в своей безнаказанности, так как действуют по прямому указанию японцев, в суде оскорбляют Гондатти на площадном языке. Когда судья-китаец представляет слово обвиняемому, тот тихо говорит:

— Я отказываюсь отвечать на недостойные обвинения этих подонков. Мне больно видеть, как эти молодые русские парни ради каких-то несчастных 35 долларов, которые им платят каждый месяц, могут пасть так низко, чтобы поступиться своей честью и совестью по приказу японских хозяев...

Умрет Гондатти в своей постели, в августе 1946 года — в дни процесса над Семеновым, Бакшеевым, Власьевским, Родзаевским, Михайловым, Охотиним, Шепуновым и Ухтомским.

ГЛАВА 5. ОПЕРАТИВНИКИ И РАБОТОДАТЕЛИ

Кличка «Тень», или Бандит обыкновенный

25 февраля 1932 года Веспа получает приказ явиться в здание японского военного командования на Большом проспекте, центральной улице Нового города, где его будут ждать. Веспа крайне удивлен, что его встречает китаец, который чисто говорит по-русски и ведет себя совершенно по-хозяйски. Слуга вносит чай и сигареты; собеседники начинают с обычного китайского ритуала обмена любезностями и вопроса о здоровье семей. Когда дань этикету отдана, китаец приступает к делу:

— Господин Веспа, вам предстоит встретиться с одним вашим давним знакомцем.

— Я не возражаю против встречи с любым человеком, если только это санкционировано моим шефом.

— Рад это слышать, но человек, с которым вы сейчас увидите, не имеет к вашему шефу никакого отношения. По крайней мере, он так считает. Он не знает вашего шефа и никогда не должен узнать. Он будет работать, получая приказы лично от вас. Вы же будете и платить ему, остальное не должно его интересовать.

— Прекрасно! Когда мы должны встретиться?

— Прямо сейчас. Прошу вас... Но помните, ни слова о шефе и вообще о японцах.

Они выходят из здания. У подъезда ждет большой «седан» — такими обычно пользуются японские военные. Автомобиль трогается — сначала по Большому проспекту, потом сворачивает налево. Шофер обменивается репликами с человеком, сидящим с ним рядом на переднем си-

день, и Веспa замечает, что оба они русские. Минут через десять, изрядно попетляв, машина выезжает на Ямскую и останавливается перед большим одноэтажным зданием. Их, очевидно, ждут, так как дверь тотчас отворяется. В приемной — четыре китайца с автоматическими маузерами. Не успевает Веспa привыкнуть к полумраку, как из боковой двери выходит плотный, коренастый китаец и с улыбкой направляется к нему. Секундное замешательство, и Веспa узнает: перед ним знаменитый Ван Цяньчжи, он же Линь Синьчжи, он же Ма Цзичжи — можно назвать еще десятка два имен. Один из наиболее известных главарей хунхузов, кишавших по всей Маньчжурии.

Сопровождающий Веспы прав: они давние знакомые. Последняя их встреча у деревни Вантантай в горах Малого Хингана на корейско-маньчжурской границе отмечена могилами трех агентов Веспы и девяти бандитов. Сам Ван получает тогда две пули — одну в грудь, другую в правую руку. Веспa привозит его в тюремный госпиталь уже умирающего — так по крайней мере утверждает осматривающий его врач-китаец. Но смерть, как видно, пока не хочет забирать Вана с собой. Помогает, несомненно, и то, что китайские хунхузы, как и всякие «вольные стрелки», обладают большим влиянием, немалыми средствами и скрытой поддержкой населения. Как Веспa узнает потом, Ван через четыре месяца, еще более здоровый, чем прежде, совершает побег из тюрьмы.

И вот он стоит перед Веспой и улыбается. Они обмениваются рукопожатием. В принципе Веспa не имеет ничего против бандитского главаря. Он считает его смелым и прямым человеком, который не боится говорить открыто, кто он и чем зарабатывает на жизнь. Конечно, жесток и хитер. Конечно, самодур. Но как профессионал Веспa не может не уважать в нем противника, а теперь, похоже, и союзника?..

— Рад снова встретиться с вами, господин Веспa. Я и вправду рад, особенно когда подумаю, что нам теперь придется работать вместе, так сказать, рука об руку. Должен заверить вас, что я забыл прошлое. Нам обоим надо вычеркнуть из памяти, что мы когда-то были врагами. С сегодняшнего дня начинается новая жизнь.

Обернувшись к своим четырем воору-

женным спутникам, которые стоят в полумраке и настороженно следят за разговором, Ван приказывает:

— А вы, ребята, подойдите поближе! Этот человек — господин Веспa, я вам о нем говорил. Отныне он мой лучший друг, и вам следует выказывать ему всяческое уважение и беспрекословно повиноваться. Горе тому, кто осмелится произнести хоть одно неуважительное слово в его адрес. Передайте мои слова вашим людям. Помните, это мой приказ. Тот, кто проявит неуважение к господину Веспе, проявит неуважение ко мне, а вы хорошо знаете, что это карается смертью... Господин Веспa, эти четверо — мои лейтенанты. Смелые сердца и стальные нервы.

Китайцы кланяются, и Веспa пожимает им руки. Мелькает мысль: «За последние двадцать дней мне приходилось обмениваться рукопожатиями со многими из тех, кого иначе, как бандитами, не назовешь, но кто именует себя армейскими офицерами, жандармами и разведчиками Великой империи Ямато. Должен признаться самому себе, что сейчас испытываю нечто вроде облегчения и даже, пожалуй, радости от того, что пожимаю руки людей, которые открыто признают, что они бандиты».

Ван хлопает в ладоши, и двойные двери справа открываются. За ними — большой круглый стол, уставленный китайскими деликатесами и русскими закусками. Первое, что отмечает Веспa, когда садится и берет палочки — вся прислуга — японцы, одетые в китайское платье. Тот, кто провел на Востоке долгие годы, может без труда это заметить.

Начинается вполне мирная и оживленная застольная беседа. Вану, судя по всему, доставляет удовольствие вспоминать об их встречах по разные стороны закона. Он говорит о Чжан Цзолине, о политике Японии, Китая, европейских держав. По мере того, как Веспa слушает, его уважение к собеседнику растет. Он прекрасно информирован, этот главарь бандитов, и предстает перед Веспой с совершенно неожиданной стороны.

Один из слуг подходит к провожатому Веспы и что-то тихо говорит ему. Тот поворачивается и передает Веспе по-русски, что его просят к телефону. В трубке — знакомый голос:

— Алло! Господин Веспa? Когда закончите завтрак, загляните ко мне, я буду

вас ждать.

— Хорошо, сэр, я скоро буду.

Веспа возвращается в столовую. Его сопровождающий извиняется и, сославшись на неотложные дела, выходит. Веспа провожает его до дверей:

— Надеюсь, мы скоро снова увидимся.

— Боюсь, что нет. Сегодня ночью я уезжаю на Юг.

Завтрак продолжается. Ван приказывает подать шампанское. Разгоряченный вином и водкой, он в прекрасном расположении духа.

— Я думаю заниматься своим ремеслом еще годков пять, а потом, надеюсь, у меня будет накоплено достаточно, чтобы выйти в отставку. Жить мне хотелось бы в одной из иностранных концессий, где у меня много друзей и бывших товарищей по кочевой жизни. Может быть, съезжу за границу. Но пока надо работать и делать деньги. Сегодняшний день — это начало новой жизни, и мне надо взять другое имя... Отныне меня будут звать Инь, что значит «Тень». И вам, господин Веспа, стоит взять другое имя. Мне говорили, что по-итальянски «Веспа» значит насекомое, у которого есть жало*. По-китайски это будет «фэн». А ну-ка, ребята, наполните свои бокалы, выпьем за здоровье Иня и Фэна!

Когда завтрак закончен, Ван настаивает на том, чтобы проводить Веспу до автомобиля и просит как можно скорее сообщить ему, какую именно работу м предстоит выполнять вместе.

Машина ждет у подъезда. На переднем сиденье — все те же двое русских.

Бандит рафинированный

Через полчаса Веспа уже в кабинете шефа.

— Ну как, весело было у Вана?

— Вана больше нет. Он теперь Инь, или если угодно, «Тень».

— Да, а вы — «Оса», или, если угодно, Фэн.

— Я вижу, японские ребята уже обо всем доложили вам по телефону.

Шеф снисходительно улыбается.

— А теперь слушайте меня внимательно. Инь, как мы отныне будем его называть, работает на нас вот уже двадцать лет. Но никогда он не сможет сказать, что получил инструкции и приказы, деньги и оружие от японцев. Догады-

вается он, что работает на нас, или нет, нас совершенно не интересует. Факт остается фактом: он никогда даже не говорил ни с одним японским офицером.

Далее выясняется, что Инь привел с собой 36 человек. Каждый из них — надежный, не раз проверенный, на любого вполне можно положиться. Потребуется пять или шесть недель, чтобы набрать среди местных бандитов и гангстеров полторы тысячи человек — этой цифры достаточно для выполнения намеченной японцами программы. Все они будут получать инструкции от Веспы, и только он будет поддерживать с ними контакт. Это надо всегда помнить. Как всегда, ни слова о японцах. Надо иметь в виду, что Инь и все его люди убеждены, что работают на Советскую Россию. Некоторые, правда, думают, что на американцев. В любом случае их надо укреплять в этом мнении.

— Я дал инструкции начальнику жандармерии завербовать определенное число русских, которым нечего терять и которые ни перед чем не испытывают страха: это люди с крепкими нервами, которые могут стрелять, не раздумывая, люди, умеющие держать язык за зубами и не позволяющие своей совести отвлекать их от дела. Я думал взять их к себе, но, к сожалению, это невозможно по соображениям конспирации. Принято решение передать их жандармерии.

Вот список. Просмотрите его и подготовьте ваши соображения, которые мне хотелось бы сравнить с докладом, представленным самими жандармами. Я никому не доверяю, господин Веспа. Любой доклад, который попадает ко мне в руки, всегда проверяется и перепроверяется. Чтобы покончить с этой темой, скажу, что эти русские головорезы помогут нам прижать некоторых своих богатых соотечественников, которые нам не нравятся, и особенно евреев. Мы хотим отобрать у них состояния и выбросить вон из Маньчжурии. Пусть убираются отсюда, но с пустыми карманами.

— Не все евреи так уж плохи, — возражает Веспа, — Я знаю здесь многих, кого можно назвать истинными джентльменами, кто честно занимается своим бизнесом и даже рад видеть японцев в Маньчжурии...

Следует та самая вспышка, которая чуть не стоит Веспе жизни:

— Еще одно слово, и я застрелю или задушу вас! Как вы смеете защи-

* «Веспа» по итальянски — оса.

шать евреев?! Вы говорите, что среди них есть джентльмены? А знаете ли вы, что значит слово «джентльмен»? Его придумали англичане. Когда англичанин ограбит кого-нибудь, он становится «джентльменом», если ограбит многих, то становится «сэром». В этом смысле, действительно, все евреи «джентльмены» и «сэры». Но мы, японцы, сдерем шкуру с евреев. Те русские, имена которых я вам дал, сделают за нас всю грязную работу. Сами мы не станем марать руки... Кстати, почему вы даже не взглянули на список? Вы знаете этих людей?

В списке десять имен.

— Я знаю почти всех. Все это уголовники, у каждого не один срок за спиной.

— Это как раз то, что мне нужно, чтобы выжать сок из здешних евреев. Если не помогут финансовые и полицейские репрессии, будет применен старый и испытанный, истинно русский метод воздействия. Как там у них говорится —

«Удар зубодробительный,

Удар искросыпительный,

Удар скуловорот!»

Уж не думаете ли вы, что мы должны на вербовать школьных воспитателей или священников-протестантов?

Глядя на Веспу сквозь полуприкрытые веки и саркастически улыбаясь, шеф говорит:

— Знаете, я очень удивлен... Мне говорили, что вы суший дьявол, но я вижу перед собой человека, у которого полно моральных предрассудков и укоров совести. Чем же вы занимались все то время, что работали на Чжан Цзолия и его начальника штаба Ян Юйтина? Ведь вы ходили в их любимчиках. Маршал Чжан был, по сути, бандитом, а вы работали на него десять лет, что должно было сделать и из вас первосортного бандита.

— Если вы находите, что я чересчур вестлив, то почему вы брали именно меня и заставляете работать на вас? Я ничего так не хочу, как уехать с семьей в континентальный Китай.

— И вы, и ваша семья останетесь здесь. Ни одному китайскому гражданину, который здесь на виду, не будет позволено уехать. Им предстоит сделать выбор: либо работать на нас, либо уйти в буддистский монастырь, либо встать к стенке. В вашем случае, поскольку вы европеец и не можете стать буддистским монахом, для вас остается только два варианта. Советую вам выбрать первый и больше не говорить о своем желании

уехать. Старайтесь как можно лучше выполнять наши приказы и забудьте об укорах совести. Ответственность за все мы берем на себя. Вас я от всякой моральной ответственности освобождаю. Какую религию вы исповедуете?

— Я католик, сэр.

— Католик? Если судить по вашему отношению к евреям, можно подумать, что вы иудей... Ладно, оставим этот предмет и вернемся к делу. Японское судебное агентство Кокусан Унио получило монополию на беспощадную провозку по КВЖД любых грузов под вывеской военных поставок нашей армии. Но нам известно, что жандармские и даже некоторые армейские офицеры часто заключают сделки с частными концернами на перевозку их грузов по сниженным тарифам и разницу кладут себе в карман. Этого нельзя допускать. Те деньги, которые мы не платим советской железной дороге за перевозки, должны поступать в сейфы японской армии, а не в карманы офицеров.

— А что скажет советская администрация, если заметит, что большое число товаров провозится без стоимости фрахта?

— Что они могут сказать? Фактически железная дорога в наших руках. Позор, если японцы заплатят что-то Советам. Скоро вся КВЖД будет уже полностью принадлежать нам. Мы или купим ее за предложенную нами самими цену, или отберем силой. Что представляет из себя Советское правительство, в конце концов? Банда политических обманщиков. Советская армия — блеф. Их флот — тоже блеф. Сегодня мы захватываем Маньчжурию, завтра — Северный Китай, послезавтра — Монголию. После этого мы продемонстрируем всему миру, чего на самом деле стоят советские правители. Если мы еще готовы предложить им несколько миллионов за Маньчжурскую железнодорожную линию, то Транс-Сибирскую магистраль мы захватим, не выплачивая ни цента. И Сибирь в придачу. Когда Китай и Сибирь будут в наших руках, мы вводим в действие наш могучий флот и начинаем поход на юг: Филиппины, Индо-Китай, Бирма, Суматра, Новая Гвинея, Восточная Индия, Соломоновы острова, Новая Зеландия, Австралия...

Шеф японской разведки в Маньчжурии настолько возбуждается, рисуя картину грядущих завоеваний, что...

его учащается, на лице выступают красные пятна.

Затем наступает молчание. Придя в себя, японец уже спокойным и деловым тоном продолжает:

— Завтра в шесть вечера вы должны быть в штаб-квартире военного командования на Большом проспекте и спросить там Цай Цзэнци. Он представит вам пятерых агентов, которые будут работать непосредственно под вашим руководством. Каждый из них имеет в подчинении дюжину или что-то около того агентов, исполняющих уже их приказы — то есть ваши... То есть мои. Никто из них опять-таки не должен знать, что вы работаете на японцев.

Японская пехота на слонах вступает в Бирму.

Монополии: опиум, казино, бордели

В шесть часов вечера следующего дня в штаб-квартире японского военного командования Веспа встречается с Цай Цзэнци, человеком лет сорока в европейском костюме. Проходит несколько минут

за чаем и сигаретами, когда под окнами раздается шум подъезжающего автомобиля. Появляется японский сержант и сообщает, что русские приехали. Они входят, и Веспа сразу узнает в троиц из них бывших офицеров русской армии.

После краткого представления китаец обращается к пятерке агентов:

— Вот ваш новый шеф, вы обязаны подчиняться ему слепо. Какие бы приказы он ни отдавал, вы должны их неукоснительно и скрупулезно выполнять и заставить то же делать и своих подчиненных. Все инструкции, равно как и жалование, вы будете получать только от него и ни от кого другого... Господин Веспа, это ваши помощники, младшие командиры. Они проходят только под номерами — от 1-го до 5-го. Настоящие их имена никто не должен знать. А теперь я вас оставляю.

Русские выжидающе смотрят на Веспу. Но он не много может им сказать, кроме того, что единственная инструкция, которой он располагает на данный момент — возможно более строго следить за тем, чтобы все, бесплатно провозимое по КВЖД в качестве военных грузов, проходило через компанию Кокусаи Унио. Отдав приказ собрать всю возможную информацию, Веспа назначает встречу в час ночи в выделенном ему японцами кабинете в военной миссии.

Через несколько минут Веспа уже у шефа.

— Ну, что вы думаете о своих помощниках?

— Я знаю троих из них, все они — русские офицеры. У двух остальных тоже военная выправка.

— У вас острый глаз, вы не ошиблись. Заметьте, это интеллигентные люди, а не какие-то там преступники. Им предстоит, как и вам, выполнять интеллектуальную работу, а не действовать руками.

Далее шеф продолжает инструктаж, который, как замечает Веспа, поступает строго дозированными порциями.

— Монополия на продажу наркотиков предоставлена японо-корейскому синдикату, который здесь, в Харбине, представляет адвокат Такеучи. Синдикат обладает исключительным правом открывать и содержать опиумные, героинные, морфийные и кокаиновые притоны по всей Маньчжурии. За это заплачено несколько миллионов военному командованию. Вашему департаменту предстоит обеспечить защиту интересов синдиката.

И прежде всего иметь в виду все тех же офицеров японской жандармерии, которые вполне могут попытаться заключить сепаратные сделки с торговцами наркотиками и содержателями притонов, пообещав им свое покровительство и защиту.

Монополия на игорные дома во всех городах и поселках вдоль КВЖД, за исключением Харбина, продана Корейско-Армянскому синдикату «Ким-Амбарьян и К^о». Эта компания обладает правом содержать максимум двадцать казино в любом месте вдоль железнодорожной линии. В Харбине будет действовать один игорный дом под нашим контролем; прибыль от него будет пропорционально разделена между нами и несколькими русскими организациями, которые с нами сотрудничают.

Монополия на публичные дома и их штаты — проституток, гейш и танцовщиц — вдоль КВЖД продана японской компании, которую в Харбине представляет нотариус по имени Кирато. Компания обладает исключительным правом на ввоз девушек из Токио, Осаки и других распределительных центров. Мы должны организовать систему проверки, чтобы ни один из борделей не пользовался услугами девушек, не за контрактованных через монопольную компанию.

Теперь еще несколько слов о советских гражданах. Мы не можем оставлять их в покое. Они представляют собой чудовищную заразу и должны быть либо уничтожены, либо принуждены покинуть Маньчжурию в результате непрерывной и систематической практики обысков, преследований и арестов.

— Если мы арестуем кого-либо из них без должного основания, то не оберемся хлопот, — замечает Веспа.

— Без должного основания? Старший агент разведывательной службы всегда обязан отыскать надежное основание. Даже если нет никакого повода для ареста, его надо найти. Как я уже говорил, 2-ой отдел японской миссии будет снабжать вас всеми необходимыми материалами — листовками и брошюрами с коммунистической пропагандой, сфабрированными и подлинными письмами из России, Америки и любой другой страны с печатями и марками, подтверждающими место и время их отправления. В вашем распоряжении будет также полная коллекция фальшивых документов, что позволит вам аресто-

вать любого, в любое время и в любом месте. Вас снабдят и коммунистической пропагандистской литературой на китайском языке. Мы не можем оставлять в стороне тех, у кого водятся деньги — будь то китайцы, русские или евреи. Передайте вашим агентам — пусть выяснят все о счетах в банках, о недвижимости, которая может быть легко продана за наличные. Убедитесь в верности донесений — за недостоверную информацию я жестоко наказываю. У меня еще трое таких агентов, как вы; они используются для проверки данных. Я не прощаю ошибок, никаких полумер не признаю. Помните об этом.

— Хорошо, я запомню.

— Когда встретитесь с помощниками, точно передайте им все инструкции — и о защите монополий, и о борьбе с советскими и евреями. И еще. Завтра в 9 вечера двое русских — Крупенин и Забелло — отправятся на станцию Даймагоу, чтобы сесть там на поезд. Передайте вашим агентам, чтобы убрали обоих. Они вели с нами двойную игру, а это означает одно: смерть.

При встрече с помощниками Веспа, проведя необходимый инструктаж, спрашивает, знает ли кто-нибудь Крупенина и Забелло. Номер 2, по фамилии Пастухин (он, правда, и не догадывается, что Веспе известно его настоящее имя), отвечает, что знает обоих и уточняет, что Забелло не русский, а поляк.

— Это не имеет значения. Мне надо, чтобы и тот и другой были ликвидированы завтра в 9 вечера на станции Даймагоу. Поскольку вы их знаете, ваши люди и выполняют акт возмездия. Подберите таких, кто может сделать это достаточно профессионально.

На следующий день Крупенин прячется на платформе убит наповал, но Забелло удается скрыться после перестрелки без единой царапины. Пока эта промашка остается для Веспы без последствий.

ГЛАВА 6. «СЕСТРЫ» ИЛИ ПРОСТИТУЦИЯ И НАРКОМАНИЯ

«...Женщина низка, как земля»

Веспа конечно не моралист. Тем более интересна его точка зрения на предмет, вызывавший и до сих пор вызывающий дебаты в самых цивилизованных парламентах. В данном случае, правда, речь идет о Японии в первой половине

нынешнего столетия. Разумеется, своя специфика. И немалая. Так или иначе, послушаем:

«Один из первых уроков, который должна твердо усвоить японская женщина, таков: «Мужчина высок, как небо, женщина низка, как земля».

Жизнь женщины в Японии — рабство от колыбели и до могилы. Она появляется на свет только для того, чтобы служить мужчине — отцу, мужу, сыну, владельцу предприятия, на котором работает, хозяину публичного дома, куда она попала. Взгляд на женщину как на служанку распространен во всех стратах общества — и в высших, и в низших, это в равной степени относится к аристократам и плебейм, богатым и бедным, образованным и неграмотным. Редкие исключения — те японцы, которые приобрели налет западной культуры. В целом же, жена предвостителя японской знати всегда первой поклонится слуге-мужчине, ибо она «низка, как земля, а он высок, как небо». Муж-японец, какое бы положение в обществе он ни занимал, никогда не станет относиться к своей жене, как к ровне, доверенному человеку, будь она хоть в несколько раз выше его по интеллекту и культуре.

В Харбине по соседству со мной жила молодая японская пара, Киное Танае и его жена Чисуко. Танае был «советником» в министерстве финансов Маньчжоу-го. Приземистый, незранный, щуплый он далеко не отличался интеллектом, с большим трудом объяснялся по-английски. Чисуко была дочерью адмирала, закончила колледж в Токио и, кроме превосходного знания английского, французского и немецкого, играла на фортепиано, рисовала, увлекалась теннисом и гольфом. Короче говоря, образованная, рафинированная женщина и, кстати, весьма привлекательная чисто внешне.

И все-таки муж относился к ней с безразличием, как относятся к кошке; более того, третировал ее. Он редко к ней обращался, а если и делал это, то непременно в грубом тоне. У них не было прислуги, и Чисуко выполняла всю работу по дому — готовила, стирала, убирала. Когда Танае возвращался с работы, она снимала с него обувь, мыла ноги. Потом накрывала на стол, и он ел в одиночестве — она подавала и только потом доедала то, что осталось. Поев, Танае шел в чайную или кафе-шантан скоротать время в компании гейш. Это повторялось

почти каждый вечер. Когда он возвращался ночью, Чисуко должна была открывать ему дверь, так как японская женщина никогда не ложится раньше своего мужа и господина».

Профессор Т. О'Конрой провел большую часть жизни в Японии, где преподавал в военном колледже в Токио и других университетах. Он женился на японке из аристократической семьи и прекрасно изучил японский язык, традиции и обычаи страны. В своей книге «Японская угроза» О'Конрой пишет:

«Эгоизм, самодурство и, если так можно сказать, супружеская наглость японских мужчин не знают пределов, они не подчиняются ни логике, ни разуму. Муж может привести гейшу или йоро к себе в дом, где его жена трудится, как рабыня, чтобы обеспечить ему комфорт. Он может потребовать, чтобы жена прислуживала за столом его госте. Может даже заставить стелить постель для его любовных утех с продажной женщиной, а самой стоять неподалеку, чтобы услышать, когда он позовет ее, хлопнув в ладоши. Наконец, он может приказать жене подогреть еще одну бутылку рисовой водки и принести им в постель, хотя она знает, что единственная цель этого — разжечь сладострастие ее мужа.*

Неповиновение может повлечь за собой развод. Японец всегда имеет право развестись с неугодной женой — для этого ему достаточно только приказать ей покинуть дом. Но обычно развод сопровождается вручением жене трех дощечек с вертикальными иероглифическими строками определенного содержания. Большего позора для женщины нет».

Профессор Китадзава из Университета Васэда пишет в «Japan Times» в июне 1934 года:

«Если уж японская женщина или ребенок практически бесправны перед произволом мужчины, то легко можно себе представить, каково положение миллионов женщин других наций, завоеванных японцами. Молодые корейские женщины и девушки с Формозы абсолютно бесправны и никто и ничто не может им помочь».*

И снова — Амлето Веспа:

«На Формозе главной причиной мятежа становятся многочисленные и систе-

* Проститутка (яп.)

* Тайвань.

матические похищения молодых женщин, изнасилования, поборы с зарплаты — все это дело рук японской полиции. Если девушка отказывается принимать ухаживания жандарма, то ее обычно принуждают к смирению, либо, если она все-таки упрямится, сажают за решетку или присуждают к непомерному штрафу по сфабрикованному обвинению.

В Корее весьма активно действуют японские «женские биржевые компании», которые занимаются исключительно торговлей женским телом. И здесь жестокость служит главным и чуть ли не единственным средством воздействия на проституток и их «воспитания». Если клиентов нет или они чем-то недовольны, девушек либо жестоко избивают, либо не дают есть, либо лишают сна на всю ночь — в качестве наказания за неумение привлечь внимание мужчины и удовлетворить его прихоти. Долг, который проститутка должна выплатить содержанию притона, служит той цепью, которая накрепко приковывает ее, пока в ней нуждаются. Кимоно продается ей за сумму, на 400 или даже 1000 процентов превышающую реальную стоимость, а потом еще и перепродается другим. И опять приходится говорить о японцах: именно они ввели в Корею систему проституции по лицензиям, именно японцы всеми возможными способами заставляют местных девушек продавать себя в рабство, превращают их, по существу, в крепостных».

Сафьяновые альбомы

Как нетрудно было предположить, в первую же неделю апреля 1932 года сотни и сотни представительниц древнейшей профессии начинают прибывать из Японии в Маньчжурию и пополнять персонал борделей, кабаре, танцевальных залов и японских ресторанов. Импорт и торговля женским телом считаются таким же бизнесом, как и все прочие — именно так смотрят на это крупные японские деловые дома и банки, вкладывающие большие суммы в этот вид коммерции. Монополия, контролирующая импорт японок в Маньчжурию, открывает в Харбине свой офис в особняке из одиннадцати комнат на Торговой. Всегда на месте директор, его заместитель, секретарь и около двадцати служащих. Подобные конторы постоянно к услугам любого, безо всяких национальных и со-

циальных ограничений. Вы можете оставить заказ на сотню девиц или только на одну. Можно заказать девушек для заведений высшего разряда; а можно и для обычного борделя, посещаемого простонародьем; широкий выбор гейш для кабаре, кафе-шантана и так далее.

Вход в офис охраняется японскими жандармами. Когда сюда заглядывает солидный клиент, его неизменно встречает одетый с иголочки секретарь и провожает в одну из нескольких комнат, со вкусом обставленных дорогой и элегантной мебелью в полувосточном стиле.

Харбин зимним вечером.

Посетитель сообщает о своем намерении приобрести определенное количество женщин и ему предлагают большие альбомы в сафьяновых переплетах с фотографиями — анфас и профиль, стоя и полулежа, в платье и без. Фото снабжены аккуратными пояснениями: деваственница или нет, склонна ли к полноте, брюнетка или шатенка; данные о росте, образовании, способностях — поет, танцует, декламирует, обладает актерскими данными и тому подобное. Дело серьезное и спешки не терпит. Когда наконец отбор завершен, начинается торговля — до заклю-

чения устраивающего обе стороны соглашения относительно цены и срока действия контракта. После чего клиент выплачивает 25 процентов оговоренной суммы. Проходит пятнадцать-двадцать дней и заказчик получает уведомление из банка, что товар прибыл и будет предоставлен в его полное распоряжение по выплате оставшихся 75 процентов. Господин альфонс платит по счету и становится обладателем необходимых документов.

С этого момента проститутки становятся полной собственностью владельца контракта, который волен поступать с ним, как ему заблагорассудится. Никакой закон не может защитить их интересы — такого закона просто нет. Если девушка совершает побег, что случается довольно часто, всю полицию поднимают на ноги, как будто это побег из тюрьмы. Беглянка поймана, возвращена хозяину, и он определяет наказание, — чаще всего такое, что способно навсегда отбить охоту к попыткам обрести свободу.

В Харбине и при японцах продолжает-ся давно установленная практика: при прибытии в публичный дом нового контингента наряжать девиц в роскошные шелковые кимоно и провозить по улицам в автомобилях, украшенных цветами; сопровождается это демонстрацией плакатов, рекламирующих красоту и другие достоинства вновь прибывших. Не забывают, разумеется, указать и адрес борделя. Но это, конечно, только вывеска. На самом деле все гораздо прозаичнее.

Скотское отношение японских сутенеров к своему товару входит в поговорку на всем Дальнем Востоке. Самоубийства среди проституток — обычное дело. Убийства проституток клиентами под пьяную руку — тоже не редкость.

Правда, в судьбе японской проститутки бывает и *happу end*. Большинство контрактов рассчитаны на пять лет. Когда срок истекает, женщина, случается, возвращается домой, выходит замуж и воспитывает детей для своего микадо. Нередко в их разговорах можно услышать: «Через восемнадцать месяцев кончается срок моего контракта, я вернусь в родную деревню и выйду замуж за своего жениха, которого подобрали мне родители»...

Но у монополии на проституцию в Маньчжоу-го появляется конкурент. Японская жандармерия никогда не упустит шанса заработать, тем более на

таким прибыльным деле, как порок. Скоро она начинает весьма активно вмешиваться в официальную проституцию, в опиумный и игорный бизнес. Многие бордели, клубы, чайные и чайханы открывают, под патронажем жандармов, свои «филиалы» в обход соответствующего разрешения от монополии. Совет директоров синдиката направляет протест Высшему командованию, а то, в свою очередь, переадресовывает его японским властям в Харбине.

От агентов Веспы начинают поступать сообщения о жандармских офицерах, замешанных в этом деле, и даже шеф разведслужбы в затруднении. Ситуация достаточно щекотливая. Наконец, после досконального изучения всех обстоятельств, шеф поручает Веспе передать приказ Иню: его люди должны осуществить предупредительный выпад: прочесать все заведения, открытые за спиной монополии; разрешены и рукоприкладство, и умеренный грабёж. В случае сопротивления предоставляется *carte blanche*.

Веспа обсуждает задание с главарем хунхузов. Принято решение первое нападение совершить на одну из чайных, недавно открытую в Мацзягоу — пригороде в пяти минутах езды на трамвае от Харбина. Фактически это контролируемый жандармерией притон, где служат сорок японских проституток, действует казино, опиокурильня и даже лаборатория по производству наркотиков. Инь отдаёт приказ двадцати своим молодцам разгромить заведение, забрать с собой все, что приглянется, само здание спалить.

Однако жандармерия, узнав, видимо, что-то по своим каналам, принимает превентивные меры. Вокруг клуба размещено несколько усиленных постов. И когда, не подозревая об этом, люди Иня ночью окружают здание, их встречает сильный пулеметный огонь. Они вынуждены спешно отступить, оставив на мостовой двух убитых и семерых раненых.

Инь вне себя от бешенства. Долгое время подчиненные не слышат от него ничего, кроме витиевато-изощренной, многоэтажной русской матерной брани. (Никто, правда, не удивляется. Ведь уже очень давно все китайцы в полосе отчуждения КВЖД, даже не знающие и двух слов по-русски, в совершенстве овладели самым отборным русским матом и употребляют его даже в разговоре друг с другом по-китайски). Инь клянется отомстить. На третью ночь после первой

вылазки его люди наносят визиты в два опиумных притона и один игорный. Убито трое корейцев, посетители избиты, все деньги и ценные предметы обстановки конфискованы. На следующую ночь все повторяется в другом заведении на Казахской улице, где двое курильщиков, пытавшихся оказать сопротивление, убиты вместе с двумя владельцами притона, корейцами.

Война объявлена, и жандармерия не остается в долгу. Проходит три дня и несколько принадлежащих монополии публичных домов, казино и опиокурлен подвергнуты жандармскому обыску. Арестовано около пятидесяти клиентов под тем предлогом, что все они — коммунисты. Теперь уже монополии не скрывают своей озабоченности сложившейся ситуацией. Действительно, дальше так продолжаться не может. Обе стороны решают, что необходим разумный компромисс.

Тайно созывается совместное совещание представителей монополий и жандармерии. Выработаны условия перемирия: жандармы могут содержать и получать дивиденды от пяти борделей, пяти опиокурлен, одного игорного дома и одной лавки, торгующей наркотиками. Улов не велик, если учесть, что в 1936 году только в Харбине действует 172 публичных дома, 56 опиумных притонов и 194 лавки по продаже наркотиков; а на всей территории провинций Хэйлуцзян и Гири разбросано 550 борделей со штатом проституток в 70 тысяч.

Мак вместо бобов

Как и намечено по первоначальному плану японской секретной службы, проституция и наркомания идут по Маньчжурии рука об руку. Проходит всего несколько месяцев после японского вторжения, и весь китайский Северо-Восток, особенно, конечно, крупные города, заражены наркоманией. В Мукдене, Харбине, Гирине буквально на каждой улице, в каждом крохотном переулке есть опиокурельня или лавка, торгующая наркотиками на вынос. Владельцы по большей части — корейцы, много и японцев. Перед каждым таким заведением вывеска: «Лавка находится под японским управлением». Чуть ниже объявление: «Опиокурельня наверху сейчас открыта. Опиум хорош на вкус и стоит недорого. Пожалуйста, заходите и попробуйте». Вот еще одна,

уже не трафаретная табличка: «Лучший персидский опиум, приготовлен специалистом. Цена — 10 центов за $\frac{1}{10}$ таэля. Обслуживают красивые официантки». Во всех опиокурельнях продают и морфий, и героин. На многих точках действует простая, но эффективная система: любителю морфия, кокаина или героина, который не может заплатить за посещение заведения и «красивых официанток» достаточно постучать условленным образом в дверь — тотчас открывается глазок, куда он просовывает руку с зажатыми в ней 20 центами; взамен выдается кулек с порошком.

В Харбине, где живут десятки тысяч русских, число наркоманов среди русского населения после прихода японцев принимает пугающие размеры. Жертвами наркотиков становятся тысячи детей. Каждый день на улицах находят безжизненные детские тела. Торговцы наркотиками проникают в русские начальные школы и гимназии. Владельцы притонов и лавок учреждают денежные премии тем малолетним наркоманам, которые приводят с собой новых клиентов.

В официальном докладе министерства внутренних дел Маньчжоу-го зафиксировано: из 30 миллионов жителей более 9 миллионов — постоянные опиокурельщики; 69 % всех наркоманов (то есть свыше 6 миллионов человек) — люди моложе 30 лет. Зато касса правительства Пу И и японского казначейства ежегодно пополняется на 500 миллионов долларов. Иными словами, это вполне сознательная и целенаправленная политика: 11 апреля 1933 года японский кабинет министров принимает решение, санкционирующее свободный перевоз опиума-сырца из Кореи в Маньчжурию. — «Великой Маньчжурской Империи» не хватает своего сырья.

Маньчжурским фермерам японцы настоятельно рекомендуют отказаться от посадок соевых бобов, этого «хлеба Маньчжурии», и выращивать опийный мак, из которого, помимо самого опиума, делают и морфий, и героин.

Из Доклада комиссии Лиги Наций от 12 июня 1937 года:

«...В трех северных провинциях Китая площади, предназначенные для посева мака, увеличились на 17 % по сравнению с 1936 годом. Предполагаемый валовой доход от правительственной продажи опиума в 1937 году на 28 % выше, чем в 1936 году».

Из окон поездов, идущих по маньчжурским железным дорогам, вы не увидите маковых полей. Но чуть в сторону от магистралей и досужего взгляда алыми цветами засеяны многие и многие акры. Вот данные о масштабах наркотизации Китая и принуждении китайских крестьян к расширению посевов мака — Из Доклада американского казначейства в Шанхае от 8 апреля 1937 года:

«Недавно японские власти в шести уездах Северного Чахара в качестве меры поощрения разведения мака издали обращение к крестьянам:

а) те, кто выращивает мак в нужном количестве, будут освобождены от уплаты земельного налога;

б) те, кто выращивает мак на участке больше чем 5 му, будут, кроме того, освобождены и от обязательной воинской службы;

в) те, кто выращивает мак на участке больше чем 50 му, будут, в дополнение к привилегиям, означенным в пунктах а) и б), считаться старейшинами деревни или уезда и будут занесены в списки кандидатов на общественные должности».

Крестьяне должны продавать агентам наркотических монополий 100 таэлей опиума-сырца с каждого му посевов мака. Курильщикам опиума на территории марионеточных правительств не разрешается (!) сокращать количество потребляемого ими опиума. Протесты Лиги наций и консульского корпуса японцы пропускают мимо ушей. «Saturday Evening Post» 24 февраля 1934 года публикует статью Эдгара Сноу, автора «Красной звезды над Китаем»:

«Недавнее заявление Стюарта Фуллера в комиссии Лиги Наций, который по поручению президента Рузвельта выразил протест против деятельности опиумной монополии «Маньчжоу-го», стало лишь бледным описанием наркотической опасности, исходящей с китайского Северо-Востока. Один только Харбин буквально нашпигован лавками, легально торгующими наркотиками — опиумом, морфием, героином. Лицензии приобретают, главным образом, корейцы и японцы. Но их может приобрести любой — никакой лицензии, по существу, и не требуется... Один представитель властей уверил меня, что по крайней мере 20 % подданных Японии и Кореи в Маньчжоу-го прямо связаны с торговлей наркотиками».

Но это в 1934 году и в Маньчжурии. А позднее политика наркотической агрессии распространяется на весь Китай. Из Доклада американского генконсула в Кантоне (от 11 марта 1940 года):

«В городе 329 разрешенных опиокурлен и, возможно, 2100—2200 тайных. Ясно, что продажи опиума контролируются, а употребление его поощряется отделением специальной службы японской армии. Хотя говорят, что по крайней мере часть доходов от продажи опиума будет передаваться марионеточному китайскому правительству, все указывает на то, что львиная доля вырученных сумм идет в какие-то таинственные, особые фонды японцев».

Показания Ку Ю-сана на Токийском процессе:

«Я был управляющим опиумными притонами в Пекине с мая 1944 по январь 1945 года. Насколько мне известно, в Пекине во время японской оккупации было 247 опиумных притонов, 23 тысячи зарегистрированных и легализованных наркоманов, 80 тысяч незарегистрированных и 100 тысяч людей, которым доводилось курить опиум. Опиум не продавался открыто до инцидента на мосту Марко Поло*. Через несколько месяцев после японской оккупации его продажа была легализована...»

А в начале 30-х годов японцы создают организацию для сбора опиума, чтобы скупать его по твердым ценам. Офис японской компании, специализирующейся на экспорте опиума в Китай, располагается в Харбине на Участковой улице. Директор — офицер японской армии, как, впрочем, и остальные служащие. Все они носят гражданское платье и в штатском выглядят вполне респектабельно, как обычные бизнесмены. Отправка опиума в Китай осуществляется ежедневными рейсами японских судов под вывеской «военных поставок». Суда бросают якоря в Тяньцзинь, Ханькоу, Шанхае. Там, где нет представителей военного командования Японии, наркотик пересылается в адрес японского консульства. Японские военные суда развозят опиум по всему китайскому побережью, а военные катера речного флота — по крупным

* Очередной инсценированный инцидент, давший японцам повод оккупировать Северный Китай.

рекам Китая. В Дайрене, Мукдене, Харбине, Гирине, Тяньцзине японцы открывают крупные фабрики по производству морфия, кокаина и других наркотических средств. Поточное производство приносит миллионы долларов в год. 20 марта 1939 года американский генконсул в Мукдене отправит своему правительству Справку по поводу бюджета Маньчжоу-го на 1939 год:

«Продажа опиума все еще составляет главный денежный источник Маньчжоу-го после таможенных доходов. В прошлом году стоимость опиума, купленного монополией для своих предприятий, достигла почти 33 миллионов иен; в этом году эта сумма будет равна более чем 43 миллион иен. Каждый мужчина, женщина и каждый ребенок должны, как предполагается, истратить 3 иены из своего небольшого денежного заработка на опиум».

Но Япония руководствуется отнюдь не только меркантильными соображениями. Доллары, конечно, нужны. И министр внутренних дел в марионеточном правительстве Ван Цзинвэя, Мэй Цзэин, признается впоследствии на суде, что Япония рассматривала опиум как наиболее действенное средство преодоления финансовых затруднений, вызванных войной. Но дело не только и даже не столько в долларах. Есть и глобальная, стратегическая задача. Ее осуществление может показаться нереальным, по крайней мере в ближайшем будущем. Но «сыновья Богов», как истинно восточные люди, не спешат. Раскроем японские карты.

«Сто побед в ста сражениях не суть лучшее из лучшего. Нет, лучшее из лучшего есть разгром и подчинение противника без единого сражения». Этот девиз «Дальневосточного Лоуренса» Кэндзи Доихару находит самое непосредственное применение в политике наркотической «агрессии без агрессии». Именно он, Доихара, становится отцом новой, поистине сатанинской идеи использовать наркотики как оружие бесцумного и бескровного покорения чужих территорий. И это оружие будет более чем успешно применено для подчинения сначала Маньчжурии, потом Северного, Центрального и Южного Китая. Это тоже, несомненно, война, но особого рода. Иными словами, «наркотическая агрессия» становится неотъемлемой частью глобальной стратегии Японии: ее экспансионистская доктрина далеко не в последнюю очередь подразумевает и

планомерное отравление наркотиками других народов — ведь их жертвы, «живые трупы», теряют представление о реальности и утрачивают всякое стремление к сопротивлению задолго до того, как в дело вступают пушки. Логика такой программы неотвратима. Уничтожение людей с помощью пуль, бомб и снарядов стоит денег, и немалых; их уничтожение с помощью наркотиков — не только блестяще разработанная военная стратегия, но и весьма доходный бизнес. Кроме того, созданная японцами густая сеть опиумных и героиновых притонов становится благодатной почвой для возникновения другой сети — разветвленного шпионажа. Именно с наркотиками будет связана значительная активизация тайного общества «Гэньгёся» — «Черный океан», поставлявшего шпионов и диверсантов 2-му отделу японского генштаба.

Доклад Лиги Наций о наркотиках, в котором сравниваются положение вещей до и после японского вторжения в Маньчжурию, свидетельствует, что в результате целенаправленной политики Японии эта обширнейшая территория превращается в источник наркотической угрозы для всего человечества. Именно со времен японской оккупации Маньчжурии складывается разветвленная мировая сеть наркомафии. Япония отнюдь не ограничивает свою торговлю наркотиками только Маньчжурией и Китаем; значительные их количества продаются на Северном и Южном американском континентах, на Филиппинах, Яве, Суматре и Борнео, в Малайзии, Австралии и Новой Зеландии. Женева вместе со всем цивилизованным миром пытается вести борьбу с этим злом, но надежда на близкие положительные результаты невелика, пока к японскому спруту не будут применены какие-то кардинальные меры.

Пройдет полтора десятилетия и на Токійском процессе будет доказано, что не только в Маньчжурии и Китае, но и во всех районах боевых действий, на всех фронтах в авангарде японской вооруженной агрессии шли агенты, осуществлявшие торговлю опиумом и вообще наркотиками в самых широких масштабах. Производство героина и морфия было введено там, где раньше этих производных опиума не знали. Будет доказано, что заняв очередной район, японцы сразу же превращали его в базу для опиумного наступления на следующий, намеченный для захвата кусок китайской территории.

Генерал Мутто.

Так алые цветы мака становятся боевым оружием. Патент на изобретение по праву принадлежит «главному разведчику» Кёндзи Доихаре.

Характерно, что, провоцируя в других страсть к наркотикам и азартным играм, японские власти придерживаются строго запрещающим «Сыновьям Богов» употреблять наркотические средства и решительно пресекают увлечения рулеткой и картами. В самой Японии вы не найдете опиокурильни или казино. В Маньчжурии же японец, замеченный в посещениях игорного дома, наверняка будет депортирован домой, а пристрастившийся к курению опиума скорее всего получит не менее пяти лет тюрьмы. В небольшой брошюре, которую японское военное командование вручает каждому своему солдату, служащему в Маньчжурии, говорится:

«Параграф 15: Употребление наркотиков — недопустимое занятие для представителя высшей нации. Наркоман недостойн называться японцем, носить военную форму нашей армии и почитать нашего божественного Императора. Только низшие расы, такие как китайцы, европейцы или восточные индийцы, занимаются употреблением наркотиков. Вот почему они самой судьбой назначены стать нашими слугами, а потом и постепенно исчезнуть с лица земли».

Но даже подобные приказы не всегда бывают действительными. Не становятся исключением и японские армейские офицеры. Запретный плод чересчур доступен, соблазн слишком велик, и многие из них пойманы в собственную ловушку. Ситуация становится настолько серьезной, что встревоженный генерал Мутто, тогдашний Главнокомандующий Квантунской армии и первый «Чрезвычайный посол Японии в Маньчжоу-го», направляет 3 мая 1933 года циркулярное письмо шефу разведывательной службы:

«До Высшего командования дошли сведения о том, что многие японские офицеры посещают игорные дома и, что еще хуже, заведения для курения опиума. Они пристрастились к наркотикам. Главнокомандующий обращает ваше внимание на эти факты и напоминает, что одной из обязанностей разведки является контроль за частной жизнью офицеров, особенно молодых, и немедленное информирование командования о любом их поступке, дискредитирующем Императорскую армию».

Веспа скуп на похвалы. Поэтому интересна его характеристика генерала Мутто:

«Он был одним из немногих представителей японской военной элиты, чья рафинированная природа восставала против политики мародерства и грабежа местного населения. Он пытался пресечь распространение раковой опухоли японского милитаризма, как-то смягчить его безжалостные методы. Надо было обладать незаурядным мужеством, чтобы выразить письменный протест Токио: в докладе Мутто приводит случаи позорного поведения японских военнослужащих по отношению к бесправным китайцам, требует положить конец миграции преступников из Японии в Маньчжурию, настаивает на ограничении власти жандармерии. Он сделал все от него зависящее для облегчения участи маньчжурского населения, пытался положить конец тем вопиющим несправедливостям, которые творились вокруг. Оставаясь верным себе, он продолжал крестовый поход против бессмысленной жестокости в полном одиночестве, пока не убедился, что его голос никогда не будет услышан в Токио. Утратив надежду, он отправил послание императору, в котором говорил о своем желании увидеть изменения в маньчжурской политике Японии, требовал ограничить

власть жандармерии и военных, просил спусхождения к китайцам».

27 июля 1933 года письмо отправлено. Генерал Муто одевает юкату — легкое кимоно для прогулок по саду, закрывает дверь кабинета. «Секунданта», присутствие которого предусматривает обряд харакири (и который помогает самоубийце в решающую минуту — обычно отсекает ему голову), на этот раз нет. Генерал уверен в себе. Он садится на циновку ли-

цом к Японии. В руках у него короткий меч. Резким взмахом он вонзает его под левое нижнее ребро. Движение вправо, и живот распорот. Потом клинок поворачивается под прямым углом вверх...

Как и всякий тоталитарный режим в подобных ситуациях, Япония предпочтет на всякий случай скрыть истину и объявит, что генерал Муто «скончался от паралича сердца». Эта версия обманет добрую часть мира.

Продолжение следует

Итиро Коно глазами советского дипломата

Н. АДЫРХАЕВ

Исполнилось тридцать пять лет со времени подписания в Москве (19 октября 1956 г.) Совместной декларации СССР и Японии о прекращении войны между двумя государствами и о восстановлении дипломатических и консульских отношений. С японской стороны в решении этой весьма важной и сложной проблемы наряду с тогдашним премьер-министром Японии И. Хатояма важную роль сыграл ныне покойный И. Коно, известный политический деятель, имя которого вошло в историю внешней политики Японии.

В связи с этим мне как непосредственному участнику многолетней работы по нормализации советско-японских отношений хотелось бы коротко напомнить читателю, в какой сложной международной обстановке, в условиях острой политической борьбы в самой Японии проходил процесс нормализации отношений между СССР и Японией.

Как известно, в сентябре 1951 года на международной конференции в Сан-Франциско был подписан мирный договор США с Японией. К сожалению, советская сторона отказалась подписать этот договор, что потом принесло немало хлопот нашей внешней политике. Этот демарш дал повод США для нового обострения «холодной войны» против СССР, осложнил нормализацию отношений с Японией.

Казалось бы, что с подписанием этого договора Япония получала полную свободу и независимость, освобождалась от американской оккупации, но в действительности это было не так. Одновременно с мирным договором США и Япония подписали и «договор безопасности», по которому американские военные базы и войска остались на территории Японии. Сохранялось огромное американское политическое и экономическое влияние на Японию.

Уже к 1954—1955 гг. японская экономика достигла достаточно высокого уровня развития, и это потребовало большей свободы и самостоятельности действий, особенно на международной политической арене. Напомню, что до нормализации от-

ношений с Советским Союзом Япония не была принята в члены ООН. Образно говоря, Япония стало «тесно» в существовавших к тому времени условиях, и нужно было искать более свободный выход на международную арену, а это требовало решительных шагов, масштабных действий.

В этих условиях в стране все острее разгоралась борьба между сторонниками продолжения ориентации только на США и сторонниками курса на достижение большей самостоятельности, свободы и независимости во внешней политике. Большое значение придавалось необходимости нормализовать отношения с Советским Союзом, который рассматривался как антипод Соединенных Штатов.

В результате этой борьбы в декабре 1954 года «проамериканскому» правительству Иосиды в парламенте был выражен вотум недоверия и к власти пришел инициатор нового политического курса И. Хатояма. Излагая программу деятельности своего кабинета 21 января 1955 г., Хатояма заявил, что важнейшей задачей политики Японии является быстрое достижение самостоятельности и независимости и что важнейшим шагом в этом направлении является скорейшее урегулирование отношений с Советским Союзом и другими социалистическими странами. «Я ни на минуту не сомневаюсь в том,— сказал Хатояма,— что именно здесь, и только здесь, лежит столбовая дорога к всеобщему миру».

Коно Итиро, с самого начала активно и настойчиво поддерживавший курс Хатояма, вошел в состав нового правительства в качестве министра сельского хозяйства и лесоводства и стал самым решительным проводником политики Хатояма, особенно в деле нормализации японо-советских отношений.

Какую же конкретно роль сыграл И. Коно в нормализации отношений между нашими странами? Напомню, что 20 марта 1956 года советско-японские переговоры по нормализации этих отноше-

ний, проходившие с июня 1955 года, зашли в тупик и прервались из-за разногласий по территориальному вопросу. Японская сторона требовала возвращения группы южнокурильских островов, а мы стояли на том, что судьба Курильских островов решена в пользу Советского Союза международными соглашениями и поэтому территориальной проблемы не существует. В этих условиях, как считали многие обозреватели, никаких перспектив на ближайшее возобновление переговоров о нормализации отношений между нашими странами практически не осталось. Тем не менее жизнь опровергла эти прогнозы, и большая заслуга в этом была И. Коно.

Всего через месяц, а точнее, 29 апреля того же 1956 года в Москве начались советско-японские переговоры о заключении соглашения по рыбной ловле. Инициатором этих переговоров с японской стороны был все тот же И. Коно, который и возглавил японскую делегацию.

В ходе этих переговоров Коно попросил встречи с Председателем Совета Министров СССР А. Булганиным и имел с ним конфиденциальную беседу, на которой, кроме самого Коно, с японской стороны никого не было. Он даже не взял своего переводчика. На этой встрече после обсуждения некоторых рыболовных вопросов Коно по своей инициативе и совершенно неожиданно для нас поднял вопрос о необходимости скорейшего возобновления переговоров о нормализации японо-советских отношений. Он настойчиво добивался того, чтобы в документы по рыболовству было включено (как бы по нашему предложению) положение о том, что без возобновления таких переговоров рыболовное соглашение не будет иметь силы. Коно мотивировал это тем, что в японских политических кругах и даже в самом правительстве еще много противников нормализации отношений с Советским Союзом и что такое «давление» с нашей стороны просто необходимо. Он же предложил и сроки возобновления переговоров — не позднее 31 июля 1956 г.

Булганин отклонил такое предложение, отметив, что мы ведем равноправные переговоры и не можем выдвигать подобные ультимативные требования. В конце концов сошлись на формулировке: «обе стороны договорились», что переговоры о нормализации отношений возобновятся не позднее указанного срока.

Коно удалось преодолеть сопротивление противников нормализации отноше-

ний с СССР в Японии. Для этого он использовал также и заинтересованность японских рыбопромышленников, опасавшихся срыва действия рыболовного соглашения, которое уже было подписано.

И действительно, 31 июля 1956 года в Москве возобновились переговоры по нормализации отношений на уровне министров иностранных дел СССР и Японии (Шепилов и Сигемицу), но и на этот раз результаты оказались отрицательными. И тем не менее дальнейшие усилия обеих сторон, и особенно И. Коно, позволили согласовать и подписать 19 октября 1956 г. в Москве Совместную декларацию СССР и Японии о прекращении войны.

На переговорах и приемах я был свидетелем того, как И. Коно отстаивал свои взгляды и убеждения. Подчас он был грубоват, решительно и резко обрывал своих оппонентов, когда они мешали своими действиями достижению поставленной Коно цели. И в то же время он проявлял завидную выдержку. Вспоминая завтрак, устроенный Председателем Совета Министров СССР Н. Булганиным в честь бывшего в Москву для подписания Совместной декларации премьер-министра Японии И. Хатояма. Обстановка в руководстве Советского Союза в то время была напряженной, шатким было, в частности, положение Н. Булганина. Видимо, поэтому инициативу на завтраке взял в свои руки Н. Хрущев. С советской стороны на завтраке присутствовали Л. Каганович, А. Микоян и некоторые другие высшие руководители СССР. Они вели непринужденную беседу с членами японской делегации, и только Н. Булганин сидел практически молча и никакими заявлениями не делал, ограничивался только репликами на вопросы И. Хатояма. От советской стороны с речью выступил Н. Хрущев, который дал несколько довольно нелестных оценок политики Японии. Члены японской делегации настойчиво требовали от И. Коно, который должен был выступить с ответной речью, «дать отпор» этим заявлениям Н. Хрущева. Однако И. Коно спокойно ответил им, что в данных условиях обострять отношения неуместно. После завтрака состоялась официальная церемония подписания Декларации.

Нужно сказать, что борьба И. Коно с противниками улучшения отношений с Советским Союзом, а точнее, нападки на него его противников на этом не кончились, а разгорелись еще больше. Вокруг «секретной» беседы И. Коно с Н. Булганиным долго еще распространялись вы-

мысли о том, будто в этой беседе Коно сделал Булганину какие-то уступки или дал обещания по территориальному вопросу в пользу Советского Союза. А что бы в Японии об этом не узнали, он не взял на встречу с Булганиным даже своего японского переводчика. Его обвиняли в отсутствии патриотизма, в проведении про-советской политики.

Все это продолжалось и после того, как были восстановлены дипломатические отношения и начало работать наше посольство в Токио.

В этой связи вспоминаю, как в 1957 году на приеме, устроенном японскими рыбопромышленниками для нашей делегации, И. Коно отвел меня в сторону и с обидой стал говорить о больших трудностях, которые ему приходится преодолевать. «Ведь Булганин знает, что я ему ничего не обещал, — сказал Коно, — почему же он молчит? Передайте ему этот наш разговор».

По разным причинам у И. Коно действительно было много противников и даже личных врагов, которые стремились использовать против него любую возможность. Он действительно оказался в трудном положении, и наше официальное опровержение слухов о его «территориальных уступках» Булганину было бы полезно не только для Коно, но и для нас самих, так как это означало бы, что мы не вели и не ведем никакой тайной политики в отношении Японии.

Об этой беседе с Коно мы сообщили в Москву, но никакой реакции на это не последовало. А причина, как выяснилось потом, была простой. В то время, когда мы беседовали с И. Коно в Токио, в Москве решалась судьба Председателя Совмина СССР Булганина. В июне 1957 года на Пленуме ЦК КПСС рассматривался вопрос об антипартийной группе Маленкова, Кагановича, Молотова и «присоединившегося» к ним Шепилова. Булганина обвинили в том, что он примыкал к этой группе, и он был отстранен от своего поста в правительстве. Разумеется, что при таких обстоятельствах Н. Булганину было уже не до И. Коно.

С тех пор прошли уже десятилетия, многих участников тех событий давно нет в живых, а имя Коно, как это ни странно, нет-нет да всплывает в японской печати. Чтобы не быть голословным, приведу конкретные примеры.

В этом году в связи с подготовкой визита в Японию Президента СССР Михаила

Сергеевича Горбачева в Москве работали специальные группы японских корреспондентов, некоторые из которых беседовали с интересовавшими их лицами, в числе которых оказались и я. Такая беседа была с корреспондентами газет «Асахи» и «Хоккайдо симбун», с группой корреспондентов телевизионных компаний «Эн-Эйч-Кей» и «Эн-Би-Си», с японскими политологами и историками. Все они среди прочих вопросов неизменно интересовались все той же «секретной беседой» Коно — Булганин и теми же «уступками» и территориальными обещаниями Коно. Я уже имел возможность сообщить в этом журнале («ПДВ». — 1990. — № 1.) о том, что ничего подобного не было, и хочу еще раз коснуться этого вопроса.

Простая логика подсказывает, что если бы Коно сделал хоть какой-то намек на территориальные уступки, то советская сторона уже давно использовала бы это в переговорах с Японией. Ведь Коно был официальным представителем японского правительства на московских переговорах, был министром этого правительства, а не частным лицом, и это давало бы нам полное право ссылаться на обещания представителя такого высокого ранга. И разве не кажется смешным, что до сих пор мы держим «обещание» в секрете и не используем его при обсуждении такой важной проблемы, как территориальная? Все объясняется просто — не было никаких обещаний Коно!

И еще. Если премьер-министр И. Хатояма был откровенным либералом, то И. Коно являлся довольно жестким независимым политическим деятелем, не признававшим никаких авторитетов и действовавшим только по своим личным убеждениям. Оба они, как и многие их сторонники, были непоколебимыми патриотами своей страны и действовали только в интересах Японии. Это, собственно, ясно видно и из приводившегося выше программного заявления Хатояма, а нормализация отношений с Советским Союзом являлась лишь средством достижения большей независимости и самостоятельности Японии. Именно ради этой главной цели Япония пошла на подписание Совместной декларации, согласившись отложить решение территориальной проблемы до заключения мирного договора.

Окончание см. на стр. 188

Л. ПЕРЕЛОМОВ

Совещание в Цзягу

И так, в 37 лет Конфуций вновь в своем родном царстве. Начинается еще один период в его жизни, закончившийся 501 годом, когда Конфуций на 51-м году жизни наконец-то получает свою долгожданную официальную должность.

Ко времени успешного возвращения Конфуция в Лу политическая обстановка там оставалась довольно сложной — луский царь Чжао-гун по-прежнему находился в изгнании, среди правивших аристократов возвышался Цзи Пинцзы. В 510 г. до н. э., когда Конфуцию исполнилось 42 года, Чжао-гун скончался в царстве Ци и на луский престол был возведен его младший брат Дин-гун. Однако ему не удалось взять всю власть в свои руки — предстояла длительная борьба и прежде всего с Цзи Пинцзы. Через пять лет — в 505 г. до н. э. скончался Цзи Пинцзы и род Ци возглавил его сын Цзи Хуаньцзы. Однако не имея авторитета покойного отца ему трудно было управлять обширными владениями патрионии Ци. Сложилась парадоксальная ситуация, когда на арене политической борьбы оказались еще и слуги луских аристократов — Чжун Лянхуэй, Гуншань Буню и Ян Ху (Ян Хо). Все они служили Цзи Пинцзы и по мере роста могущества хозяина усиливали и свои позиции. Гуншань Буню (он же — Фу Жао) был главой всего административного аппарата Ци Пинцзы. Должность Чжун Лянхуэя — неизвестна, но Сыма Цянь называет его в числе самых любимых слуг Цзи Хуаньцзы. Ян Ху давно служил у патрионии Ци и пользуясь своим высоким положением умножил не только богатства, но и обзавелся собственными вооруженными отрядами. Фактически, каждый из перечисленных «слуг» имел свои войска, и ссора между ними могла вспыхнуть в любое время. Первым выступил Ян Ху, сумевший в 505 г. арестовать Чжун Лянхуэя и заключить его в свою тюрьму. Цзи Хуаньцзы ринулся на помощь своему любимцу, но его ожидала та же участь, и лишь с большим трудом хозяину удалось вырваться из тюрьмы своего слуги. Сбравшись с силами, Цзи Хуаньцзы разгромил отряды Ян Ху и тот бежал в 502—501 гг. в соседнее Ци.

Тем временем третий слуга Цзи Хуаньцзы — Гуншань Буню захватил город Фэй, укрепил его и стал готовиться к наступлению на позиции Цзи Хуаньцзы¹.

Конфуций, начавший свой жизненный

путь со службы в могущественной патрионии Ци и хорошо знавший Ян Ху и Гуншань Буню, внимательно наблюдал за их соперничеством. Сохранились аутентичные сведения о том как в разгар борьбы оба претендента за власть в царстве Лу стремились в 505—501 гг. до н. э. привлечь на свою сторону Конфуция.

Первым это попытался сделать Ян Ху. Вот как описывает этот эпизод Мэн-цзы: «Ян Хо хотел, чтобы Конфуций посетил его, но опасался, что Конфуцию не понравится его бесцеремонность. Он знал, что согласно ритуалу, ежели дай фу посылает что-либо в дар ши, а того не оказалось дома, то ши обязан лично явиться к дай фу и засвидетельствовать свое почтение. Выбрав момент, когда Конфуция не было дома, он послал ему в дар вареного поросенка. Конфуций также выждав, когда Ян Хо не было дома, отправился к нему нанести благодарственный визит. Ян Хо первым послал Конфуцию подарок, как же он не мог не отблагодарить Ян Хо?»²

Чжу Си, анализируя данный эпизод в изложении Мэн-цзы, обращает внимание на одну весьма существенную деталь — в то время Ян Хо не был, да и не мог быть дай фу. Хотя он и обладал огромной властью, но оставался «домашним слугой» в доме Ци. Подлинным дай фу являлись лишь носители фамилии Ци, ибо этот ранг передавался по наследству.

Представим себе состояние Конфуция, прекрасно разбирающегося в придворном ритуале. Старый обидчик, не пустивший его в свое время на банкет в дом Ци, исправляет свою ошибку и признает наконец-то за Конфуцием право относиться к категории ши. В то же время, если бы Конфуций поступил так, как задумал Ян Хо, то тем самым он бы признал за ним право считаться дай фу. Вариант ответной благодарности, избранный Конфуцием должен был продемонстрировать, что он рассматривает Ян Хо самозванцем, присвоившим себе права наследственного аристократа. Поэтому не могло быть и речи о его службе у Ян Хо.

Итак, ответ Конфуция на предложение Ян Хо был негативным.

Однако судьба, словно зная о страстном желании Конфуция получить возможность для реализации своих мыслей об управлении, подбросила ему еще одно искушение. На этот раз в образе искusstителя выступил другой могущественный слуга из дома Ци — Гуншань Буню,

овладевший землями с центром в городе Фэй.

В «Лунное» сохранилось следующее описание данного эпизода: «Гуншань Буню обосновался в округе Фэй, намереваясь выступить супротив правителя, обратился к Конфуцию и тот согласился приехать. Цзы Лу (ученик Конфуция.— Л. П.) был очень недоволен, сказав: «Ежели нет места, куда можно было бы поступить на службу, то не стоит и двигаться; почему надо непременно ехать к Гуншань Буню?» Конфуций ответил: «Тот человек призвал меня, неужто он обратился ко мне просто так? Ежели кто-то обратится ко мне за помощью, то я смогу возродить там порядки Восточного Чжоу»³.

Многие исследователи жизни Конфуция отрицают аутентичность данного эпизода. У меня складывается впечатление, что при его восприятии проявилось традиционное и вполне понятное стремление истовых конфуцианцев осторожно оценивать любые неблагоприятные поступки, могущие как-то опорочить моральный облик Учителя. Действительно, как мог Конфуций, пусть даже страстно мечтавший о должности, согласиться пойти на службу к человеку, выступившему не только против своего законного хозяина, но и против законного правителя царства Лу, к которому сам Конфуций относился с большим почтением? Это же в корне расходится с его основной концепцией «правитель — должен быть правителем».

Сомнения исследователей в аутентичности эпизода вполне логичны, но Конфуций не был бы Конфуцием если бы своими поступками и суждениями не оставил своим потомкам столько загадок над решением которых исследовательская мысль бьется и по сей день.

Думается, что ключ к разгадке смысла эпизода заключается в трактовке поведения двух из трех персонажей текста — самого Конфуция и Цзы Лу. Соглашаясь на предложение Гуншань Буню, Конфуций, как явствует из текста, не только не скрывал своих намерений от учеников, но и делился мыслями, делая их как-бы соучастниками принимаемого решения. Случайно ли это? Главенствующей в его школе являлась сила личного примера. Задавая ученикам различные вопросы, Конфуций не спешил с ответом, предоставляя им возможность высказаться первыми. Ему важна была реакция учеников, он старался прививать им са-

мостоятельность мышления. Порой не только вопросы, но и само поведение Учителя казалось парадоксальным. Но все это входило в его педагогическую лабораторию. Одним из таких парадоксов и явился эпизод с Гуншань Буню.

Конфуцию действительно мечталось получить должность, но он не мог не понимать, что соглашаясь на предложение Гуншань Буню, он тем самым публично отрекался от одного из основных положений своего учения, какими бы красивыми фразами о якобы восстановлении идеальных порядков он этот поступок ни прикрывал. Ведь своих учеников он учил иному! И не менее страстно в данном эпизоде ему хотелось проверить реакцию учеников и прежде всего их способность на личное мужество. Неужто они в угоду Учителю или из страха перед ним смолчат, проявив беспринципность? Умышленно делая их соучастниками решения, он как бы проверял их на нравственную стойкость. Как поведут они себя в экстремальной ситуации? Сумеют ли пойти против Учителя, ежели он сам нарушил проповедуемый им Путь? Из всех учеников в данном эпизоде участвует лишь один Цзы Лу, но это немаловажно, ибо Цзы Лу был самым старшим учеником. Он тактично, но весьма решительно осуждает намерение Учителя. И Конфуцию приходится публично оправдываться перед учеником. Конфуций показывает ученикам, что и Учитель может ошибаться, но он в то же время всегда готов исправить ошибку, тем более если на это укажет ученик.

Этот наглядный урок с Гуншань Буню, когда на карту умышленно была поставлена репутация Учителя, найдет свое отражение в одном из суждений Конфуция о причинах устойчивости государственной власти и стабильности в стране: «Когда в Поднебесной царит дао, ритуал, музыка, (приказы) на карательные походы исходят от сына неба. Когда в Поднебесной нет дао, музыка, ритуал (приказы) на карательные походы исходят от чжу хоу. Когда (они) исходят от чжу хоу, редкий случай, чтобы власть не была утрачена в течение (жизни) десяти поколений. Если же (они) исходят от дай фу, то редкий случай, чтобы власть не была утрачена в течение (жизни) пяти поколений. Если же судьба государства оказывается в руках слуг васалов, то редкий случай, чтобы власть не была утрачена в течение (жизни)

трех поколений. Когда в Поднебесной царит дао, то правление (уже) не находится в руках дай фу. Когда в Поднебесной царит дао, то простолюдины не ропщут»¹.

Во времена Конфуция термином «дай фу», который использован в тексте, обозначали наследственных аристократов. Как правило, они имели значительные земельные владения с собственным войском. Занимая по праву наследования высшие административные посты в государстве и являясь таким образом «высшими сановниками», они фактически были довольно независимы от главы государства, ибо он не обладал тогда еще правом их назначения. Одновременно у себя во владениях они были главами самых мощных патронимий, что также укрепляло их положение на местах.

Отказавшись от службы у Гуншань Буню, Конфуций с еще большей энергией приступил к редактированию древнекитайских памятников и занятиям со своими учениками, отдавая им все свободное время. Этот период его деятельности нашел отражение и у Сыма Цяня: «Слуги слуг захватили власть в государстве, поэтому в царстве Лу все, начиная с дай фу и ниже, стали допускать нарушения и сошли с истинного Пути. Поэтому Конфуций отказался от службы, удалился на покой и занялся исправлением «Шицзина» («Книга стихов»), «Шуцзина» («Книга истории»), а также улучшением ритуала и музыки. Количество учеников постоянно множилось, они приходили и из далеких мест, и не было среди них ни одного, кто бы не внимал его поучениям»⁵.

Социальный состав учеников был самый разнообразный. Конфуций руководствовался принципом: «В стремлении к знаниям не должно быть имущественного различия». Плата за занятия была невысока — всего «три связки сушеного мяса». Если же у соискателя не находилось и этого, то его все равно принимали.

Круг тем, обсуждаемых с учениками, был весьма широк: этика, политика, правила поведения в семье и обществе, критерии ценности личности и т. п. Если попытаться кратко охарактеризовать суть занятий, то они сводились к проблеме самовоспитания — что есть личность и как стать человеком? Занятия строились в форме свободного обсуждения выдвинутой темы, Конфуций добивался от учеников максимальной активизации

умственной работы.

К этому времени он, кажется, отчаялся после столь длительного ожидания поступить на государственную службу и уже был готов отказаться от своей скрытой мечты. Однако судьба рассудила иначе. Вскоре, в конце 501 г. до н. э., луский царь Дин-гун (509—495 гг. до н. э.) назначил Конфуция начальником уезда Чжунду.

На службе у правителя царства Лу

Продемонстрированное Конфуцием нежелание иметь какие-либо дела с Ян Хо, и особенно отказ сотрудничать с Гуншань Вуню, сыграло определенную роль в возросшей благожелательности Дин-гуна. Конфуций прослужил у Дин-гуна всего четыре года, с 501 до 497, последовательно поднимаясь по служебной лестнице. Этот период значил для него очень много, ибо появилась реальная возможность претворения, хотя бы части учения на практике. Никогда уже в жизни у него не будет таких четырех лет, никогда он уже не сможет занимать столь высокие посты. Конкретная повседневная деятельность чиновника Конфуция, досконально известная в Китае, рассматривается исследователями и как неотъемлемая часть самого учения, ибо личный пример играет в его учении решающую роль. Суждения должны подкрепляться делами, тем более коль речь заходит о самом Учителе. Так воспринимали все его поступки потомки.

Данные о деятельности Конфуция на посту управляющего уездом Чжунду весьма лаконичны: «Прошел год с тех пор, как Дин-гун назначил Кун-цзы управляющим Чжунду и с четырех сторон все стали подражать ему»⁶. Ван Су (195—256 гг.), живший в царстве Вэй в эпоху Троецарствия более подробно описывает деятельность Конфуция на своем первом официальном посту. В частности, при назначении людей на повинности учитывались их физические возможности, улучшился моральный климат, исчезло воровство («никто не подбирает потерянное на дорогах»), большое внимание уделялось похоронным церемониям («толщина стенок гробов равнялась четырем цуням») и т. п.⁷. Цуй Дунби и Куан Ямин рекомендуют относиться к этим данным с большой долей сомнения. Такой же точки зрения придерживается и профессор Чжао Гуансян. Я же вставил эти подробности лишь как отражение тех взгля-

дов на деятельность Конфуция, которые бытовали в конце Хань — начале Троецарствия. Конфуций уже обладал опытом административного управления, служа в юности у аристократической семьи Ци, и мог за год реализовать некоторые свои политические воззрения. Один год — срок небольшой, поэтому действительно необходим определенный скептицизм, однако не исключено, что Конфуцию удалось вывести вверенный ему уезд в число образцовых.

Вторая должность в царстве Лу — сяо сыкун (малый сыкун). Сыкуны — начальники управлений ведали общественными работами, таким образом Конфуций занял пост нечто вроде помощника начальника управления. Ван Су сообщает, что Конфуций «разделил землю на пять категорий» — горные, равнинные, заболоченные, речные и холмистые участки.⁶ Можно предположить, что подобное деление должно было знаменовать собой налоговую реформу, когда количество налогов, взимаемых с общинников зависело от качества обрабатываемой земли. До этого налоги в царстве Лу собирались со всех общин одинаково. Здесь мы встречаемся с восстановлением Конфуцием той нормы справедливости, которая должна существовать между правителем и народом, чему он и наставлял своих учеников. Размер территории, на которой была внедрена эта налоговая реформа, неизвестен. Не исключено, что в записи Ван Су могли отразиться и утопические воззрения той поры, бытовавшие в народе. Для нас же существенно, что они уже тогда ассоциировались с Конфуцием и в таком виде вошли в народную память.

На должность да сыкоу Конфуций был назначен на десятом году правления луского Дин-гуна в 500 году, когда ему исполнилось уже 52 года. Да сыкоу — один из высших чиновничьих постов в аппарате центральной власти государства Лу. В ведении Конфуция оказались все уголовные дела и политические преступления; обладатель этой должности наделялся также и функциями верховного прокурора. Однако обязанности Конфуция, точнее его права, стали более обширными — фактически, он стал ближайшим политическим советником луского царя. На этой должности, а то был высший взлет его служебной карьеры, Конфуций пробыл около трех лет.

Достоверных данных о деятельности Конфуция на посту да сыкоу гораздо

больше. Одно из центральных событий — встреча правителей царств Лу и Ци весной 499 г. до н. э. в местечке Цзягу. Сопровождение в Цзягу нуждается в специальном анализе, ибо исследователи биографии Конфуция, в том числе весьма компетентные и уважаемые, неадекватно оценивают роль и поведение Конфуция. Некоторые отрицают возможность существования одного поступка Конфуция, другие, никак не оговаривая, просто опускают данный эпизод из его биографии.

Поэтому надлежит обратиться к текстам и прежде всего «Историческим запискам». Однако, дабы читатель смог ощутить всю глубину конфликта, разразившегося на встрече в верхах, необходимо хотя бы краткий рассказ о роли музыки в обыденной и политической жизни китайцев пятого века до нашей эры.

Музыка составляла неотъемлемую часть тогдашнего ритуала и постоянно сопровождала аристократу. Любое приглашение высокого гостя в дом аристократа сопровождалось выступлением музыкантов. От их исполнительского мастерства во многом зависел и успех приема. Вот как последователь Конфуция известный философ Сюнь-цзы (313—238 гг. до н. э.) описывает процедуру надлежащего приема:

«(Приглашая гостя в дом, хозяин) отвешивает ему три поклона — так они доходят до порога. После троекратного взаимного приглашения войти в дом первым гость переступает порог. Хозяин поклоном благодарит его за посещение и подносит вино, которое гость выпивает за здоровье хозяина... (Затем) в дом входит (музыкальный) распорядитель (с певцами), (которые) исполняют три песни. Хозяин преподносит им (вино). Во двор входят (музыканты со) свирелями и исполняют (перед домом) три номера. Хозяин также преподносит им вино. Затем следуют еще три номера, где певцы и музыканты сменяют друг друга. Наконец, певцы и музыканты трижды выступают все вместе. Музыкальный распорядитель объявляет об окончании концерта и уходит. Двое мелких служащих (хозяина) преподносят (гостю и его сопровождающим) кубки (с вином), и только тогда в свои права вступает распорядитель приема. Вот что значит провести прием тепло, радостно и пристойно»⁷.

Любые государственные акты подразумевали участие музыкантов; музыка, как органическая часть ритуала, обеспечивала

нормальное функционирование государственного аппарата. Но особенно возрастала ее роль во время внешнеполитических контактов. По содержанию песни, ее мелодии можно было уже заранее угадать намерение музицирующей стороны. Профессиональный уровень дипломата, а следовательно и серьезность намерений пославшего его правителя, определялись и умением правильно реагировать на музыку.

В 499 г. до н. э. внук луского Сян-гуна намеревался встретиться с цисским царем. Естественно, что при встрече на высшем государственном уровне значение музыки резко возрастало. Соответственно возрастали и требования к тому, кто будет объяснять царю смысл песен и танцев. На подобной встрече могло возникнуть и непредвиденное, необходимо было найти высокоэрудированного чиновника, прекрасно знающего всю музыкальную культуру древнего Китая. Дин-гун, готовясь к встрече, остановил свой выбор на Конфуции. Именно ему суждено было отстаивать престиж и интересы царства Лу. Нам же, пытающимся реконструировать жизненный путь и реальный образ Конфуция, надлежит весьма тщательно проанализировать текст «Исторических записок», поскольку и по сию пору трактуется он по-разному. Итак, слово Сыма Цяню:

«Весной на десятом году (правления) Дин-гуна были установлены мирные отношения с Ци. Цисский дафу Ли Чу, обращаясь к Цзин-гуну сказал: «В Лу стали пользоваться (услугами) Кун Цю, а это обстоятельство создает угрозу для Ци». И тогда в Лу был направлен гонец, дабы известить о готовности провести встречу для утверждения хороших отношений. Встреча должна была состояться в Цзягу. Луский Дин-гун, исходя из добрых побуждений, решил отправиться в обычной коляске. Кун Цю, который тогда временно исполнял обязанности сяна¹⁰ произнес: «Я слышал, что когда вершат мирные (гражданские) дела, надо быть готовым к военным событиям, когда же вершат военные дела, надо быть готовым к миру. В древности чжу хоу, выезжая за пределы своих владений, непременно брали в качестве сопровождающих определенное количество чиновников. Прошу взять с собой командующего левым крылом армии и командующего правым крылом армии». Дин-гун ответил: «Добро». И тогда два полководца — командующие левым и правым крыльями армии были

взяты в качестве сопровождающих. К встрече с цисским хоу в Цзягу был возведен из земли насыпной алтарь к которому вела трехиролетная лестница. Перед алтарем оба царя совершили обряд взаимной встречи, они кланялись сложив руки, поднимаясь по алтарь, уступали друг другу дорогу. Когда закончилась церемония поднесения обеими сторонами угощения, то управитель церемоний (юсы) из Ци поспешил выйти вперед сказав: «Прошу исполнить музыку (и танцы) всех четырех сторон». Цзин-гун одобрил это. Сразу же появились (танцоры) с бунчуками, с опахалами из перьев, как бы отгоняя злых духов, они потрясали копьями, пиками и мечами, все это сопровождалось барабанным боем. В этот момент Кун Цю поспешно вышел вперед и, перешагивая через ступеньки, поднялся к алтарю. Не доходя до последней ступени, он взмахнул рукавом одежды и сказал: «Наши два правителя собрались на добрую встречу, зачем же здесь звучит музыка и танцы варваров? Прошу приказать церемониймейстеру (остановить это)». Управитель церемонии велел (танцорам и музыкантам) отойти, но они не уходили, а смотрели слева и справа на выражение лиц Янь-цзы и Цзин-гуна. Цзин-гун был сконфужен и жестом приказал им уйти. Спусти мгновение циский управитель церемонии поспешно выступил вперед и произнес: «Прошу (разрешения) исполнить дворцовую музыку!» Цзин-гун ответил: «Добро». Тут вышла вперед группа актеров и коморохов, карликов-шутов, представляя разные сцены. Кун Цю вновь выскочил вперед, подошел к алтарю, стал подниматься по лестнице и, не доходя пролета до верха, сказал: «Простолюдина, повинного в насмешках над чжу хоу, надлежит казнить! Прошу дать повеление управителю церемонии». Управитель церемонии был вынужден поступить по закону и танцующие были лишены рук и ног. Цзин-гун был напуган случившимся и поспешил двинуться в (обратный) путь: он понял, что в справедливости уступает (правителю Лу). Возвратившись (в Ци), он продолжал пребывать в великом смятении и сказал группе своих сановников: «В Лу помогают правителю, руководствуясь Дао-Путем благородного мужа; а меня наставляю, исходя лишь из Дао-Пути восточных и северных варваров, и тем провинили меня перед правителем Лу. Что сейчас делать?» Ведающий церемо-

ниями, приблизившись (к Цзин-гуну) ответил: «Благородный муж, совершив проступок, исправляет его делами, низкий человек, совершив проступок, заглаживает его словами. Уж коли Вы опечалены этим, то загладьте (свою) вину, циский хоу возвратил (Дин-гуну) ранее захваченные у Лу земли в Юнь, Вэньяне и Гуйине»¹¹.

У двух авторитетных китайских конфуциеведов имеются по одному серьезному замечанию к Сыма Цяню, в связи с его интерпретацией «дружеской» встречи в верхах.

Куан Ямин сомневается в правдивости отражения заключительной части переговоров. Синтезировав, как он отмечает, сведения о совещании в Цзягу, содержащиеся в «Цзочжуане», «Гуянчжуане», «Гуляньчжуане», «Шицзи» и «Кунцзы цзяюй», Куан Ямин дал свою версию второй половине совещания, начиная с гневного протеста Конфуция в адрес Цзингуна:

«Правители наших государств прибыли сюда для заключения дружеского союза, зачем понадобилось исполнять здесь музыку варваров? Прошу срочно прогнать распорядителя церемонии...» К концу совещания, когда уже близилось подписание договора, цисцы неожиданно потребовали включить в текст договора пункт о том, что в случае выступления циских войск на войну, луское государство обязано придать им в помощь триста боевых колесниц с воинами, в противном случае они расторгнут договор. Практически это означало, что царство Лу без каких-либо условий признавало себя вассалом царства Ци. Конфуций понимал, что в то время силы двух государств были отнюдь не равны. Он понимал также, что хотя этот пункт нельзя отвергнуть, но в то же время невозможно принимать его без каких-либо предварительных оговорок. Надлежало выдвинуть встречное предложение и, посылая гонца с ответом, он сказал, что козь скоро Ци хочет получить в помощь луские войска и в то же время не возвратит захваченные у царства Лу земли, то Лу также разорвет договор. Циский Цзин-гун был поставлен в трудное положение и ему ничего не оставалось, как вернуть Лу земли в Юнь, Вэньяне и Гуйине»¹².

Я специально привел столь пространную выдержку из монографии Куан Ямина, дабы не нарушить логики повествования. Отныне биографы Конфуция и ин-

тересующиеся подробностями жизни Учителя оказались перед дилеммой — кому больше верить: Сыма Цяню или Куан Ямину?

Предложенная последним трактовка причин возврата захваченных земель выглядит более логичной и достоверной, нежели душевное раскаяние циского царя, устыженного якобы Конфуцием за нарушение ритуала. Но в то же время, реконструированный Куан Ямином небольшой эпизод из жизни Конфуция, когда он, по словам историка, проявил блестящие дипломатические способности, отнюдь не исключает возможности его призыва казнить музыкантов. Вложив в уста Конфуция фразу «Прошу срочно прогнать распорядителя церемонии», Куан Ямин, фактически, опустил «неприглядный» поступок без каких-либо дополнительных объяснений. Такой метод умалчивания отдельных фактов затрудняет процесс реконструкции реального облика Учителя.

В данном случае мне больше импонирует метод Цуй Дунби, который уделяет специальное внимание интересующему нас эпизоду. Цуй Дунби отмечает, что из всей суммы фактов, сообщенных Сыма Цянем о совещании в Цзягу, наибольшее сомнение вызывает у него конфликт с музыкантами. Анализируя различные возможные источники, снабдившие Сыма Цяня сведениями об этом эпизоде Цуй Дунби останавливается на «Гуляньчжуане». В «Гуляньчжуане» эпизод с танцами получил следующее освещение: «После окончания работы совещания, цисцы послали юши (актеров) танцевать в шатре луского правителя. Кун-цзы поспешно выступил вперед и сказал: «Простолудинов, надсмехающихся над чжу хоу надлежит казнить!» И приказали сыма¹³ поступить по закону. Головы и ноги были вышвырнуты через разные двери».

Сопоставляя это описание с приведенным выше эпизодом в толковании Сыма Цяня, Цуй Дунби отмечает, что в «Цзочжуане» дано иное освещение событиям развернувшимся в конце совещания. По его мнению, основанному на данных «Цзочжуань», циский царь намеревался отметить завершение совещания банкетом, на котором должны были танцевать «люди из Лай»¹⁴. Поскольку «люди из Лай» были вооружены, то планировалось запугать луского царя и принудить его подписать соглашение на условиях, выгодных цискому царю. Однако этот коварный замы-

сел сорвался из-за решительного протеста Конфуция. Цуй Дунби полагает, что составитель «Гулянчжуань» спутал два танцевальных эпизода и свел их к одному, а Сыма Цянь же в главу «Жизнеописание (Конфуция)» вставил текст из «Гулянчжуань» и еще более усугубил ошибку.

Основной вывод Цуй Дунби: в эпизоде с танцорами — музыкантами много путаницы. В «Гулянчжуане» говорится, что они танцевали в конце совещания, а в биографии Конфуция у Сыма Цяня и в «Кунцзы цзяюй» — в начале совещания, в «Цзочжуане» вновь в конце совещания. В одном случае их казнил луский сыма, в другом — циский юсы. Сама мера наказания слишком сурова и не соответствует «преступлению». На основании этих доводов Цуй Дунби считает эпизод с «артистами-карликами» нереальным и вычеркивает его из жизнеописания Конфуция¹⁵.

Нисколько не оспаривая доводы Цуй Дунби, я хотел бы обратить внимание читателя на некоторые спорные положения в его аргументации. Судя по сообщению Сыма Цяня, не вызывающему сомнения и у Цуй Дунби, «юши» были профессиональными актерами невысокого роста. По сути дела то были придворные шуты-карлики, а шутить и веселить гостей они умели довольно неплохо, иначе их бы не держали на царском подворье. Не отрицает Цуй Дунби и враждебной настроенности циского царя к Дин-гуну. Поэтому, если допустить, что циские артисты танцевали перед луским царем, а выступали они отнюдь не по собственной инициативе, то они могли его и вышучивать, то есть «надсмеяться». А за насмешки даже над чужим царем, полагалось отнюдь не мягкое наказание — ведь надсмеялись-то «простолюдины». Это было грубейшим нарушением ритуала. И независимо от того, кто расправился с придворными шутами — луский «сыма» или циский «юсы», оба они поступили «согласно тогдашним законам». Поэтому, вряд ли можно считать танцы в шатре луского царя «малым преступлением», все зависело от того, как танцевали и что именно пели. Действительно, в описании «варварских» и «придворных» танцев содержится противоречия: в одних источниках они исполнялись перед совещанием, в других — в конце встречи. Но эти временные несоответствия еще не дают нам оснований для удаления данного эпизода из жизни Конфуция.

Подытоживая поведение Конфуция на встрече двух правителей, хотелось бы обратить внимание на то, как Ван Су воспринял Сыма Цяня, и какие изменения внес он в его описание. Изменения эти коснулись причины возврата захваченных прежде луских земель. В изложении Ван Су именно Конфуций оговорил заранее условия выделения царством Лу трехсот боевых колесниц в качестве компенсации за утеряннные территории. Таким образом он снял доводы Сыма Цяня заменив их на более достоверные, ибо трудно поверить, что в период Чуньцю цари возвращали чужие земли по моральным соображениям. Что же касается факта казни актеров, то он текстуально воспроизвел просьбу Конфуция, содержащуюся у Сыма Цяня и в «Гулянчжуань»¹⁶.

Нельзя забывать, что именно Конфуцию было поручено наблюдать за соблюдением Ритуала и толкованием музыки и танцев. Перед нами встает образ Учителя, находящегося на государственной службе. Он сам неоднократно поучал учеников во всем следовать Ритуалу («ли») как стержню всей системы управления. И будучи сановником он не мог допустить нарушения «ли», тем более со стороны «простолюдинов».

Успешное завершение переговоров в Цзягу подняло авторитет Конфуция, особенно в глазах луского царя и старого знакомого Конфуция Цзи Хуаньцзы, в руках которого, практически, были сосредоточены многие рычаги власти. Конфуция начинают приглашать на обсуждение важнейших государственных мероприятий, прислушиваться к его советам. По мнению Куан Ямина, на двенадцатом году правления луского Дин-гуна (498 г. до н.э.) Конфуций становится после Дин-гуна и Цзи Хуаньцзы «третьим лицом в государстве».

Наконец-то осуществилась многолетняя мечта сына небогатого уши — он становится крупным политическим деятелем, а его возраст (Конфуцию к тому времени исполнилось 54 года) располагал к проведению крупных политических акций.

Конфуция давно уже беспокоила нестабильность верховной власти в родном государстве. Фактически, Дин-гун правил лишь номинально. Реальная власть находилась в руках трех аристократических семейств — Мэн, Шу и Цзи, которые передавали по наследству три высших административных поста. Наибольшей властью

обладала патронимия Цзи, в те времена ее представителем был Цзи Хуаньцзы. Многие политические вопросы он подчас решал не советуясь с царем, ставя его перед свершившимся фактом. Представители двух других патронимий не надевались долго довольствоваться таким положением и надеялись на лучшее.

Соперничество трех аристократических патронимий за расширение сферы влияния своей власти стало характерной чертой политической системы Лу в течение нескольких последних десятилетий. Поэтому каждая из семей не могла надолго отлучаться из Цюйфу — столицы царства — в свои владения, им приходилось постоянно пребывать в центре. А события в их собственных владениях развивались отнюдь не так, как того бы им хотелось. Общая дестабилизация политической власти в центре, грызня при дворе и т. п. развращали нравственно и их старших слуг, то есть тех кто на местах правил владениями трех аристократических патронимий.

Эти владения по существу являлись государствами в государстве: их хозяева имели собственные войска, административные центры владений были окружены неприступными стенами. Независимый статус владений и бездействие центра, погрязшего в политических дрязгах, создавали благоприятные условия для самосушения старших слуг, управлявших владениями на местах. Не случайно Конфуций еще до совещания в Цзягу говорил о «слугах вассалов, правивших государством».

У Конфуция постепенно созревает план поэтапной стабилизации политической власти в Лу и восстановления той системы управления, о которой он неоднократно беседовал со своими, теперь уже многочисленными учениками.

По его замыслу, во главе государства должен стоять просвещенный и всесильный правитель, долг всех остальных чиновников, независимо от ранга, а также и аристократов, преданно служить государю. При правителе, в качестве его ближайшего советника должен находиться «цзюнь цзы» — благородный муж, обязанный следить за соблюдением администраторами основных правил поведения в обществе и служении государю. В его обязанности естественно входило право наставления сошедших с истинного пути, исключая царя, а в крайнем случае и лишения постов и сурового наказания. В 54

года Конфуций считал себя (хотя открыто об этом часто и не говорил) соответствующим критериям, разработанным им же для людей типа «цзюнь цзы». Наиболее характерным для его тогдашних взглядов о сути идеального правления может быть суждение «быть преданным правителю и почитать (чжоуского) вана». Чиновников и аристократов, а на высшем уровне они были представлены в одних и тех же лицах, преданных Дин-гуну, в царстве Лу насчитывалось совсем немного и одним из них несомненно был Конфуций.

Свой замысел укрепления центральной власти Конфуций строил с учетом противоречий трех аристократических домов и того противоборства местных сил, которое наблюдалось в их собственных владениях. Он не спешил с реализацией плана, понимая сколь важно умело выждать надлежащий момент даже для третьего лица в государстве.

И такое время наконец-то наступило. Доверие Цзи Хуаньцзы к Конфуцию возросло до такой степени, что он на несколько месяцев передал ему бразды правления. И первым, с кем Конфуций поделился некоторыми замыслами, был Цзи Хуаньцзы. Конфуций предложил изъять все оружие, находившееся в домах луских аристократов, и разрушить укрепленные центры владений патронимий Цзи, Мэн и Шу. Он знал, что Цзи Хуаньцзы откликнется на это предложение, ибо его столица находилась в руках взбунтовавшегося Гуншань Буню. Процесс реализации замысла передадим в описании Сыма Цяня:

«На тринадцатом году (правления) Дин-гуна (498 г.) летом Конфуций сказал Дин-гуну: «Сановники не должны хранить дома оружие, дай фу не пристало окружать свои главные поселения стенами в сотню чжи. Тогда Чжун Ю (он же Цзы Лу.— Л. П.) послал управителем в патронимию Цзи, рассчитывая разрушить укрепленные стены главных поселений трех патронимий. Прежде всего были снесены стены (в главном селении) патронимии Шусунь в Хоу, предполагалось также разрушить укрепленные стены поселения патронимии Цзи в Би, но Гуншань Буню и Шусунь Чжэ, возглавив жителей Би, внезапно напали на лусцев (и приблизились к столице.— Л. П.). Гун вместе с тремя мужами укрылся в палатке главы патронимии Цзи; (нападавшие) поднялись на террасу У-цзы, жители Би безуспеш-

но бился с ними, когда (вдруг) противники оказались рядом с гуном. Тогда Конфуций приказал Шэнь Цзюйсюю и Шо Ци спуститься с возвышения и напасть на бисцев. В результате жители Би отступили. Преследуя, лусцы разбили их отряд у Гуме. Оба предводителя (Гуншань Буню и Шусунь Чжэ) бежали в Ци. Тогда разрушили укрепленные стены в селении Би. Когда собрались разрушить такие же стены в селении Чэн, Гунлянь Чуфу сказал главе патрионии Мэнсунь: «Если разрушат стены Чэна, цисцы непременно подступят к северным воротам; кроме того, Чэн — это оплот патрионии Мэн. Не будет укрепленного Чэна, не будет и патрионии Мэн. Я бы считал, что стены Чэна не следует рушить. В двенадцатой луне гун окружил Чэн, но не смог взять его»¹⁷.

Текст приведенный Сыма Цянем говорит о многом. Конфуций действительно на какое-то время, может быть именно на «три месяца» оказался хозяином положения в царстве Лу. Его план полностью и благосклонно принимается Ци Хуаньцзы и Дин-гуном. Именно он назначает новым управляющим всех владений Ци Хуаньцзы своего любимого ученика Ци Лу вместо Гуншань Буню. Именно он поручает Ци Лу возглавить военную экспедицию по разрушению укрепленных столиц владений трех аристократов. В критический момент, когда часть войск взбунтовавшихся прислужников патрионий Ци и Шу прорвалась в палаты, где скрывался луский царь, именно Конфуций взял на себя руководство операцией, приказав двум луским военачальникам атаковать бисцев и тем самым спас всю верхушку луского царства. Он проявил себя не только опытным политиком, но и умелым военачальником.

В этих событиях проявились такие черты его характера, как сдержанность (умение выждать подходящий момент для начала операции); мастерство политического маневрирования (выступая в конечном плане против Ци Хуаньцзы, он сумел на время усыпить его бдительность и использовать для себя); мужество (он не стал дожидаться продолжения атаки бисцев, а принял правильное решение — упредить, пока не подросли остальные вражеские силы). Конфуций показал себя и умелым воспитателем — как только представилась реальная возможность он ввел в дело способного ученика, поручив ему крупные военно-политические акции,

дабы помочь Ци Лу на практике проверить теоретические выкладки Учителя.

Правда, не все сложилось как хотел Конфуций. Удалось ослабить лишь патрионию Шу, род Мэн сохранил свои позиции, а Ци Хуаньцзы, расправившись с мятежником Гуншань Буню, даже укрепил свое положение. И когда Конфуцию не удалось осуществить весь план, он не отчаивался. Нам неизвестно удалось ли ему конфисковать все оружие, хранившееся у луских аристократов. Но несомненно одно — эта операция вряд ли способствовала укреплению дружеских настроений в отношении к Конфуцию. Нестабильность еще ощущалась и Дин-гун пока еще не стал полноправным правителем. Царство Ци, укрывая врагов луского царя, по-прежнему, несмотря на соглашение в Цзягу, сохраняло враждебность к своему западному соседу.

Продолжение следует

¹ См. Исторические записки с собранием..., гл. 47. С. 23—24.

² Лю Фаньюань. Мэнцзы с переводом на современный китайский язык. Наньчан. 1985. С. 123—124.

³ См. Ян Боцзюнь. Указ. соч. 17.5—С. 182.

⁴ Там же. 16.2. С. 174.

⁵ Исторические записки с собранием..., гл. 47. С. 24.

⁶ Там же, гл. 47. С. 26.

⁷ См. Ван Су. Семейные суждения о Конфуции.— Шапхай, 1925.

⁸ См. Там же.

⁹ Цит. по: Фокстистов В. Ф. Философские и общественно-политические взгляды Сюнь-цзы. М., 1976. С. 231.

¹⁰ Сян — главный советник по ритуалу.

¹¹ Исторические записки с собранием..., гл. 47. С. 27—30. Отданные обратно земли находились на территории современной провинции Шаньдун: Юнь — в уезде Есянь, Вэньян на территории уезда Нингъян, Гуйинь в районе одноименной горы.

¹² Куан Ямин. Указ. соч. С. 70—71.

¹³ Сыма — чиновник, ведавший уголовными наказаниями.

¹⁴ Лай — название небольшого владения, находившегося в зависимости от царства Ци. Цисцы, так же как и лусцы, считали людей из «Лай» варварами.

¹⁵ См. Цуй Дунби. Указ. соч.— С. 282—283.

¹⁶ См. Ван Су. Указ. соч.— С. 2—3.

¹⁷ См. Исторические записки с собранием..., гл. 47.— С. 30—32.

Б. ПОСПЕЛОВ

Быстрый экономический рост ряда стран восточноазиатской зоны бассейна Тихого океана, вначале Японии, ставшей к настоящему времени второй промышленной державой мира, а затем так называемых «новых индустриальных стран» (НИС) — Южной Кореи, Тайваня, Гонконга и Сингапура, привлекает внимание ученых и политиков всего мира. Эти страны демонстрируют устремленность к кардинальным внутренним преобразованиям. Предполагается, что в обозримом будущем их высокие темпы роста сохранятся. Специалисты считают, что к 2000 году на основные государства и территории этой зоны — Японию, Южную Корею и Тайвань, население которых составляет около 200 млн. человек, будет приходиться 20 % мировой промышленной продукции, что по объему соответствует производству США в середине 80-х годов¹. Ожидается усиление экономической, политической и культурной интеграции Японии и других стран дальневосточного сектора АТР и превращение этого региона в один из центров мировой цивилизации.

Индустриальному росту Японии и азиатских НИС способствовала совокупность условий, по-разному раскрывавших свои черты в меняющейся внутренней и внешней ситуации. Особенно большую роль в становлении НИС сыграли, в частности, социально-экономические и научно-технические факторы. Из них непосредственное воздействие на стимулирование экономического роста оказали формирование национального капитала, стабильность цен, частные иностранные капиталовложения, официальная помощь развитию, ориентация на экспорт промышленных изделий и т. д. Умело учитывались внутренние законы научно-технического прогресса, постоянно требующие быстрого внедрения новых открытий, включения накапливаемого интеллектуального потенциала в производственный процесс.

Но все перечисленные факторы должны были сложиться и прийти в движение в определенной политической и социокультурной среде, чтобы воплотиться в реальные достижения. Ибо в конечном итоге только в результате усилий конкретных, живых людей, их трудовой активности проводились в жизнь открывшиеся перед Японией и НИС возможности роста, создавались компоненты той экономической структуры, которая обеспечила промышленный прогресс этих государств.

В Японии и НИС задолго до экономического подъема сложилась специфическая социокультурная и идеологическая среда. Одним из ее главных компонентов является конфуцианство. Зародившись в древнем Китае, оно распространилось по всем странам Восточной Азии. Как и всякое идейное течение, конфуцианское учение нередко трактовалось в зависимости от интересов социальных групп и их идеологов, обращавшихся к конфуцианству как средству политической борьбы. Но при всех поворотах эволюционного развития конфуцианской школы, при всех разночтениях его основных положений, приводивших иногда к возникновению разных точек зрения на их трактовку, в конфуцианстве всегда четко проходило его основное понятие «жэнь» («гуманность»), имевшее непреходящее значение.

Поспелов Борис Васильевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока.

Основой конфуцианства является учение о человеке, о его предназначении² и смысле жизни. Это наиболее ценная часть наследия великого китайского мудреца, пытавшегося в трудную для Китая далекую эпоху, во время разгула насилия и всеобщего хаоса, защитить человека, внести в общество стабильность и порядок, создать в нем условия для созидательной трудовой деятельности. Конфуций имел свое видение идеального, с его точки зрения, социального устройства. С позиций последующих поколений эта сторона взглядов ученого неоднократно подвергалась критике. Но учение китайского мыслителя о человеке и его месте в обществе, включающее в себя морально-этические представления, нравственные нормы, является выдающимся завоеванием человеческого разума, ибо в нем доминирует общечеловеческое начало, провозглашаются законы, составляющие основу мирового процесса цивилизации.

Коллективизм и взаимопомощь в межличностных отношениях, просветительство, стремление к учебе и состязательность в приобретении знаний, пронизывавшие микро- и макросистемы, включая государство, сохранение модели поведения, основанной на человеколюбии — «жэнь», чувстве долга «и», уважении к старшим — «сяо», преданности — «чжун» и соблюдении общественных, внутрисемейных и групповых отношений — «ли». Обретение совести, чувства сострадания и миролюбия — эти и другие принципы составляют нравственное кредо учения Конфуция, лежат в основе конфуцианского человекознания, к которому ныне все чаще обращаются наши современники.

По мере своего распространения в странах Азии конфуцианство сталкивалось с учениями о человеке других религий — индуизма, ислама, и в результате такого взаимодействия в рамках конфуцианской социокультуры появились компоненты, впитавшие в себя духовные ценности других культур.

В новое время наибольшее воздействие на конфуцианство оказала западная культура. Начавшиеся в эту эпоху широкие контакты восточноазиатского региона с Западом получили дополнительный стимул с началом промышленной революции и образованием единого мирового рынка. В послевоенные годы наступление Запада на мир конфуцианской культуры приняло тотальный характер.

Под воздействием западной идеологии и норм нравственности вся система конфуцианских взглядов стала меняться. Эта трансформация проходила по-разному в Японии, Южной Корее, Китае и других странах, но можно сказать, что именно в результате взаимодействия двух социокультур в большинстве стран Дальнего Востока сложился один из важных элементов современной промышленной цивилизации, который получил название «человеческого фактора», обеспечивший выход этих стран на передовые рубежи экономического прогресса.

* * *

В Японию конфуцианство проникло в эпоху раннего средневековья, однако наибольшее распространение там оно получило в XVII—XVIII веках. Как это было не раз в истории конфуцианства, его политические и морально-нравственные ценности при этом были до предела догматизированы, в результате чего позитивное содержание из них было в значительной степени выхолощено. Конфуцианство стало официальной идеологией военно-феодального режима, характеризовавшегося жесткой патерналистской системой социальных отношений.

Догматизм в толковании моральных норм и насильственные средства их распространения не могли не способствовать утверждению в повседневной жизни элементов чисто формального отношения к ним, они зачастую выступали не как результат внутреннего побуждения, а как требование долга, освященного традицией, как следование простому ритуалу почитания старших. Однако насаждение жесткой иерархии в социальных отношениях и беспрекословного подчинения высшему не уничтожили в народе зафиксированных в изначальном конфуцианстве здоровых норм и представлений, которые были близки и понятны большинству как выражение здравого смысла, выражение повседневного нравственного сознания в отношениях между людьми.

Период утверждения в Японии конфуцианства по времени совпал с вызреванием в обществе предпосылок для капиталистического развития. В стране, несмотря на издержки феодализма, сохранялась относительная внутренняя стабильность, формировалась товарная экономика, возникали местные производства мануфактурного типа, зарождались купеческие гильдии, росли города. Тогда же появились так называемые «торговые

дома», предшественники крупнейших промышленных объединений — провозвестников приближавшегося капитализма.

Горожане были наиболее динамичной силой японского общества, с ростом населения городов ускорялся процесс угасания феодализма и становления новых производственных форм. Конфуцианские каноны оказали немаловажное влияние на развитие отношений внутри городского населения. С одной стороны, значительная его часть формировалась за счет покинувших деревни крестьян, которые принесли в новую для них социальную среду нравы и обычаи патриархальных семей. Иерархическую систему подчинения, конфуцианские нормы поведения стремились поддержать владельцы мануфактур. Эти нормы доминировали в отношениях между мастером и подмастерьем, внутри купеческих гильдий. Вместе с тем сам характер производственных связей в таких объединениях вносил новые оттенки в традиционные патерналистские отношения сельского типа, поднимая значение квалификационного умения ремесленника, уровня его знаний и т. д. Именно к этому времени относится зарождение в Японии точных наук, рост образованности населения, на которой постоянно настаивает конфуцианство.

С переходом Японии на путь интенсивных капиталистических преобразований после «реставрации Мэйдзи» конфуцианская идеология, в особенности морально-этический кодекс конфуцианства, стали содействовать капиталистическому предпринимательству.

Конец XIX — начало XX века характеризовались интенсивным воздействием на Японию западной цивилизации. Происходило всестороннее заимствование западных научно-технических достижений. Одновременно в страну стала проникать европейская духовная культура. Впервые конфуцианство в Японии открыто соприкоснулось с ценностями западного мира. Правящие круги страны, стремясь удержать в своих руках контроль за развивавшимися в стране идеологическими и общественно-политическими процессами, стимулировать экономический рост и вместе с тем не дать западным ценностям оттеснить на второй план политической жизни традиционные взгляды, приняли курс, выраженный формулой «японский дух — западная техника». Он утверждал приоритет «японского духа» и подчиненную роль западной машинной цивилизации. «Японский дух» — понятие очень широкое, но основу его составил синкретизм синтоизма, буддизма и морально-этического учения Конфуция, возведенный до уровня государственной идеологии.

Из конфуцианства были взяты моральные нормы, ориентировавшие людей на капиталистическое предпринимательство. Известный промышленник и общественный деятель Японии конца XIX — начала XX века Сибудзава Эйити, считающийся одним из «отцов» японского капитализма, много сделавший для распространения в деловых кругах страны духа капиталистического бизнеса, например, открыто апеллировал к конфуцианским добродетелям в целях утверждения высокоморального характера участия в торгово-промышленных операциях. Опираясь на учение китайского мудреца, японский промышленник стремился показать нравственность экономической деятельности, «моральный характер» получаемой в результате нее выгоды. Одновременно он стремился поднять престиж деятелей промышленного мира до уровня «государственных мужей», непосредственно служащих трону. В условиях Японии того периода это означало решительный отход от укоренившихся сословных предрассудков. «Нужно, чтобы не только военные и политические круги, но и деловые люди как можно больше отдавали сил служению отечеству», — писал Сибудзава. — «Обязанность деловых людей — увеличивать богатство». Успех в этом он связывал с моральным отношением к своему делу, с соблюдением принципов гуманности «жень» и долга «и». «Богатство, приобретенное аморальными средствами, не сохраняется»³, — убеждал Сибудзава.

Морально-этические заповеди конфуцианства играли в истории неоднозначную роль. Чаще они служили стабилизирующим фактором социального прогресса, а иногда были периоды, когда они становились тормозом общественного развития. Однако в таких случаях общечеловеческое содержание конфуцианства попиралось, его основные гуманистические положения доводились до абсурда, превращались в свою противоположность. Так случилось в Японии в период между двумя мировыми войнами. Лишенное в его официальной интерпретации гуманистических элементов, приспособленное к требованиям производства и организации труда в условиях господства монополистических объединений и военной конъюнктуры, конфуцианство на этом этапе сыграло роль идеологической и морально-этической системы, служившей мобилизации человеческого факто-

ра на повышение производительности труда и реорганизации экономической структуры государства в интересах подготовки к агрессии.

Нравственные аспекты конфуцианства изначально сложились в связи с проблемой соотношения единичного и общего, части и целого в общественном организме. В качестве единичного выступал человек, но он не противопоставлялся общему, а как часть его органически включался в единую систему. Результаты такого слияния могли быть двоякими. При гуманистическом понимании канонов классического конфуцианства, при рассмотрении его как учения о «человеческой равноценности всех людей» коллизии между единичным и общим были разумно разрешимы. Проповедовавшаяся конфуцианским учением «любовь к человеку» создавала видимость отсутствия преград между низшим и высшим, младшим и старшим в рамках микро- и макроструктур. В действительной жизни этот тезис оставался социальной утопией, рожденной идеей равенства и братства, которая утверждалась во все времена в восточных обществах. На деле же система «человек — групповая общность» оборачивалась чаще всего неограниченным диктатом последней. Группы подчиняли себе человека, лишали его индивидуальных черт, нивелировали его вкусы и запросы. На государственном уровне понимание категории общего как доминирующего начала вело к установлению тоталитарных режимов.

Подобно эпохе позднего феодализма, административная система Японии 20—30-х годов являла собой типичный образец социальной структуры, опиравшейся именно на второй — антигуманистический вариант отношения «человек — группа». Индивид здесь был полностью поглощен групповой общностью.

Во время и после мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. правящие круги Японии стали искать выход из трудностей на путях внешней агрессии. В результате духовные контакты Японии со странами Запада стали сокращаться. Западная цивилизация почти полностью отрицалась как явление, чуждое «восточному» человеку. Европейская культура тотально обвинялась в «индивидуализме». «Групповая общность восточного типа», «западный индивидуализм» — именно этими понятиями японскими властями была проложена четкая граница между этическими нормами конфуцианства и европейской культуры, которые считались взаимоисключающими. Японское общество стараниями его правящей элиты в те годы все более изолировало себя от окружающего его мира.

* * *

Поражение японского милитаризма во второй мировой войне ознаменовало наступление нового этапа в жизни страны. Шесть лет воздействия на страну оккупационной политики американских властей, последовавшее за этим тесное экономическое, политическое и культурное сотрудничество между Японией и США открыли простор для проникновения в страну достижений западной цивилизации. Демократические преобразования, проведенные в послевоенные годы, внедрение институтов буржуазной демократии способствовали вызреванию в обществе нового, гуманистического взгляда на человека. Довоенная официозная трактовка конфуцианского учения была признана ложной, его распространение запрещено. Постепенно в сознание японского народа вошли демократические идеи, стало укрепляться чувство самоценности человеческой жизни и индивидуальных качеств личности. Приобрело массовый характер демократическое движение в защиту свобод и прав человека. Это был позитивный процесс, способствовавший выходу японского общества на новые рубежи исторического прогресса.

Синтез традиционных и новых форм моральных отношений и поведенческих мотиваций в Японии был динамичным, многоплановым. В результате наложения духовных и материальных атрибутов европейской культуры на национальную почву в новой Японии произошел сплав восточной и западной цивилизаций.

Важную роль в формировании общего духовного климата в стране сыграли, в частности, изменения в возрастном составе населения. В жизнь вступали новые поколения. Между ними и людьми старшего поколения наметился определенный разрыв, переходивший иногда в отчуждение. Люди старшего и среднего возраста продолжали опираться на нравственные нормы и установки, восходившие к конфуцианству довоенного времени. Лица, вступившие в сознательную жизнь после 1945 года, составили особый слой японского населения, который в литературе получил название «послевоен-

ного поколения». Именно ее представители были менее связаны с традиционными формами, воспитывались в условиях интенсивного утверждения в стране западных ценностей.

В 80-х годах как развитие этой тенденции на авансцене японского общества появилось течение «новых людей». В него объединилась часть молодежи, вся жизнь которой прошла в условиях экономического процветания, роста всеобщего благосостояния. Характерной чертой мироощущения представителей этого течения стало нигилистическое отношение как к традиционным устоям жизни, так и к современному японскому истеблишменту.

Изменения в возрастном составе нации сопровождались постепенным ослаблением влияния официальных конфуцианских заповедей. Разрушались семейные общности патерналистского типа, на их место шла так называемая нуклеарная семья, состоящая из 2—3 человек, стал терять свое значение принцип беспрекословного подчинения старшим, ослаб их диктат. Этот процесс обусловил становление в Японии новых форм человеческих отношений.

В 60—80-х годах видоизменению сложившихся под воздействием официальной конфуцианской доктрины традиционного образа человека и структуры его взаимоотношений внутри коллектива способствовали серьезные сдвиги в характере и целях промышленной деятельности. Начавшаяся на рубеже 60-х годов модернизация Японии преследовала цель создать в стране мощный индустриальный потенциал. Но экономический рост на этом этапе связывался главным образом с количественными показателями. Требовалось давать больше стали, больше автомобилей, больше бытовых приборов и вывозить их на внешние рынки. Основная тяжесть возрождения из руин разрушенного войной хозяйства легла на плечи старшего и среднего поколения. В 60-х годах их руками была осуществлена политика «удвоения национального дохода», которая вывела страну в ряд развитых индустриальных держав мира.

Характерной чертой нравственного сознания этой группы, и в особенности промышленных рабочих, была ориентировка на честное отношение к труду. Дисциплинированность, исполнительность, чувство сопричастности к трудовому процессу стали объединять их в новые коллективы, где конфуцианское групповое единство постепенно освобождалось от догматизма и формальных ритуалов. Взгляд на роль и место труда в жизни человека у этой части наемных работников сложился в предвоенную и военную эпоху. Тогда был выдвинут лозунг «Всё для производства, всё для повышения производительности». Работая за мизерное вознаграждение, рабочие вдохновлялись конфуцианско-синтоистской идеей «служения обществу через производство», которая легла в основу их трудовых мотиваций.

В годы послевоенного восстановления старая идея «служения трону» перестала существовать. Но психологический настрой на активную трудовую деятельность у людей сохранился. Правительство решило использовать эту черту национального характера. В качестве эмоционального импульса для мобилизации сил и внимания лиц наемного труда была провозглашена задача «догнать и перегнать Запад». Иными словами, в старую конфуцианско-синтоистскую форму было влито новое содержание.

Постепенно становилось ясно, что в перспективе развитие экономики будут определять не количественные, а качественные показатели. Этот прогноз подтвердился в 80-х годах, когда страна вступила в эпоху постиндустриального общества. Экономический прогресс стал определяться качественными параметрами, что потребовало изменений требований, предъявляемых к человеческому фактору в производстве. Резко возросло значение самостоятельного творческого труда, образованности, общей культуры работников. В соответствии с этим перед обществом была поставлена задача формирования нового человека и новой системы его отношений внутри групп. На рубеже 80-х годов правительство выработало специальную социально-идеологическую доктрину, стимулировавшую тенденцию к дальнейшему сближению конфуцианской и западной концепции личности. С одной стороны, в этой доктрине повторялись ставшие традиционными оценки характера японского общества. Утверждалось, например, что сложившийся в нем принцип межлических отношений означает, что все его члены объединены на основе особой формы групповых коммуникаций, вытекающих из «кровных, земляческих связей», а также «связей, сложившихся в период учебы, работы в компании», и т. д.⁴

В документе, излагающем суть этой доктрины, акцентировалось отличие японской культуры от западной. В духе конфуцианского миропонимания провозглашалось, что «в от-

личие от европейского и американского индивидуализма» в Японии сложилась «уникальная система межличностных связей». Она «способствует взаимопроникновению индивидуального и общего», «пронизана дружеским чувством людей друг к другу» и исполнена «уважения к любому статусу и способностям каждого человека»⁵. Это была официальная трактовка одного из постулатов традиционной японской социокультуры, но она не всегда адекватно отражала фактические особенности.

С другой стороны, в упомянутом документе признавалась необходимость изменения структуры социальных связей и общественного статуса личности в сторону их большего приближения к западным стандартам. Отражая реалии действительной жизни в условиях быстрой индустриализации страны, авторы доктрины пересматривали тезис о решающем значении в формировании социальных отношений особой формы групповой общности как антипода западного индивидуализма. В документе, в частности, говорится: «В Японии мораль, а также специфическая форма групповых отношений явились ни с чем не сравнимыми движителями индустриализации. Однако совершенно ясно, что, опираясь только на них, невозможно осуществить политику, которая соответствовала бы возникшим в обществе изменениям. Необходимо признать наличие тенденции к обособленности людей. В ответ на этот процесс нужно найти новую форму индивидуализма»⁶.

В правительственных документах этот «новый индивидуализм» получил название «мягкий индивидуализм».

Промышленный мир и связанная с ним правящая элита, настаивая на необходимости развития индивидуальных черт в характере и образе мыслей человека, преследовали сугубо прагматические цели. Свободные от уз групповой общности и сознания своей полной включенности в обезличенный механизм производственных отношений, работники больше соответствовали требованиям научно-технического прогресса. Одновременно их высокий образовательный уровень был гарантом успеха в овладении новой технологией. С другой стороны, в социальной политике по «созданию человека» придается особое значение распространению новых вкусов и запросов у людей как потребителей.

В отличие от периода индустриализации, когда экономический рост в немалой степени был достигнут на основе экстенсивного спроса на потребительские товары, в постиндустриальном обществе важным движителем технического прогресса стало обновление структуры потребления. Ее характерной чертой является большая диверсификация повседневных ценностных ориентаций в обществе.

Эти цели индивидуализации человека могут толковаться как проявление эгоистической устремленности промышленного мира к получению сверхприбылей за счет использования способностей высококвалифицированного работника. Но одновременно нельзя не видеть, что процесс роста индивидуального самосознания в Японии даже в его «мягкой» форме развивается в русле универсального закона общественного развития, настаивающего на необратимости процесса раскрепощения и совершенствования человеческой личности.

В Японии 80-х годов интеллектуальное и нравственное сознание подвело общество к выводу о том, что на смену эпохе индустриализации в стране идет «эпоха культуры». Ее главной задачей провозглашено восстановление человечности и утверждение морально-нравственных представлений гуманистического характера.

Не отражает ли этот ориентир слияния гуманистических традиций Востока и Запада через возрождение изначального конфуцианства путем отказа от всех позднейших его толкований и наполнения его моральных норм содержанием, имеющим общечеловеческое значение?

* * *

Корея всегда была цитаделью ортодоксального конфуцианства. По сравнению с Японией конфуцианство здесь отличалось большей приверженностью официально принятым канонам. При всех своих модификациях основным организующим мотивом корейского конфуцианства, имевшим непреходящее, общечивилизационное содержание, было утверждение гуманистических норм нравственности — человечности, добра, взаимопомощи.

В период японского колониального господства, длившегося с 1910 по 1945 г., корейский народ и его культура подвергались гонениям, корейский язык был запрещен. Но движение протеста против японской аннексии и японизации ни на минуту не утихло на

Корейском полуострове. Оно приняло характер защиты корейской народной культуры, его вековых нравов и обычаев. Такая линия зачастую выливалась в стремление отстоять изначальные основы конфуцианства, очистить его от пласта официальных догматов имперской идеологии Токио. Ревностно защищались патриархальные устои семьи. Поддерживался конфуцианский культ образованности. Корея была преимущественно крестьянской страной, ее национальный капитал получил лишь в сфере торговли и мелкое предпринимательство, здесь существовала прочная социальная база для постоянного воспроизводства конфуцианских идей.

После разгрома японского империализма в 1945 г. оплотом конфуцианства на полуострове стала Южная Корея.

В связи с быстрым экономическим ростом Южной Кореи в 60—70-х годах началась внутренняя эволюция конфуцианства. На него стали оказывать воздействие факторы, сходные с теми, которые проявились в послевоенной Японии.

К конфуцианству можно подходить как к целостной системе взглядов, составляющих три его уровня — доктринальный, социально-политический и нравственный, и в то же время оно является совокупностью отдельных элементов, играющих самостоятельную роль. По утверждению некоторых специалистов, долгое время именно системный характер корейской конфуцианской культуры был основным тормозом для индустриального развития страны⁶. Это выражалось, в частности, в неукоснительном следовании такой черте конфуцианской традиции, как признание приоритета кровного родства в структуре общественных отношений и правил наследования. Чисто конфуцианская система межличностных отношений и ведения предпринимательских дел лежала в основе финансово-промышленных групп (ФПГ) — *чеволи*, которые в 60—70-х годах занимали ключевые позиции в южнокорейской экономике. Однако в 80-х годах в условиях научно-технической революции и резкого расширения масштабов производства такая особенность индивидуальных контактов стала играть тормозящую роль, ибо начала препятствовать формированию современных структур торгово-промышленных связей.

Конфуцианство — всеобъемлющий свод правил жизни, государственно-административного устройства, социальной организации восточноазиатских обществ, и это определяет многогранность механизма его взаимодействия с западной культурой, различную степень вовлеченности его элементов в культуру индустриального общества. Одной из особенностей эволюции национальной социокультуры в Японии в послевоенные годы, как отмечалось, стал синтез конфуцианского понимания личности с западной концепцией индивидуализма. В Южной Корее раскрылась еще одна сторона этого механизма. Она касается становления южнокорейского промышленного менеджмента и системы управления национальным хозяйством. В отличие от Страны восходящего солнца, где модернизация осуществлялась в условиях буржуазно-демократических свобод, индустриализация Южной Кореи сопровождалась сохранением в стране строго централизованного правления. Здесь была установлена так называемая «диктатура развития». Централизация управления явилась важным атрибутом капиталистического развития ряда стран как на Западе, так и в особенности на Востоке. Но принцип централизации является краеугольным камнем конфуцианской административной системы.

Южная Корея наглядно продемонстрировала плодотворность и эффективность синтеза конфуцианства и элементов западной социокультуры в становлении централизованной административной структуры. Образ мышления гражданской бюрократии в конфуцианских обществах был консервативен, исходил из представлений, зачастую навязанных догмами. Действия чиновничества характеризовались ориентацией на сильного, отличались формализмом. Все это противоречило духу новаторства. Происшедшая в начале 60-х годов на юге Корейского полуострова смена власти привела к разрушению основанной на клановом производстве старой бюрократической системы.

В 1962 г. южнокорейское правительство приняло первый пятилетний план экономического строительства. Была создана единая эффективная административная система. Этот процесс сопровождался слиянием конфуцианских канонов организации власти с современными западными формами менеджмента. В ходе взаимодействия промышленных и бюрократических кругов в Южной Корее, как и в других восточноазиатских НИС, сложилась влиятельная социальная группа, воззрения которой в силу изменения их жизненных ориентиров восприняли новые подходы к организации руководства хозяйством. По наблюдениям иностранных специалистов, исследовавших управленческие системы и мировоззренческие установки представителей руководящего слоя и промышленных функцио-

неров в новых индустриальных странах, бюрократия стала «освобождаться от консервативных взглядов». Она привержена идее «радикального экономического планирования». Вместе с тем в соответствии с конфуцианской традицией остается «высоким ее политический авторитет». Утверждается, что в современных восточноазиатских обществах «производители четко следуют программам, нацеленным на модернизацию, которые выдвинула бюрократия. В свою очередь бюрократические круги в интересах стимулирования производства «оказывают им активную финансовую и техническую помощь, а также помощь материалами». Установившуюся в Южной Корее, а также на Тайване и в Сингапуре систему эффективной взаимосвязи между правительством и производством некоторые иностранные эксперты расценивают как «новый продукт конфуцианства»⁹.

Реорганизации управленческого аппарата и ослаблению позиций традиционной конфуцианской идеологии в Южной Корее активно способствовала новая кадровая политика. Были сменены консервативно настроенные чиновники — выходцы из привилегированных кругов, исповедовавших конфуцианскую мораль. Стало широко практиковаться выдвижение на административные должности молодых людей, независимо от их происхождения. Основу их составили свежие кадры — специалисты тридцатилетнего возраста, многие из которых получили экономическое образование в США. Влившись в конфуцианскую социокультурную среду, они привнесли в нее новые элементы управленческих отношений.

В Южной Корее в 80-х годах в результате взаимодействия традиционных конфуцианских и западных элементов социокультуры сложилась общегосударственная структура, имевшая много общих черт с японской организацией производства конца 60-х годов. В американской литературе последняя получила название «акционерная компания Японии». По аналогии с Японией всю южнокорейскую экономику некоторые иностранные специалисты также стали называть «акционерной компанией Корея». Иными словами, южнокорейский режим «диктатуры развития», впитавший в себя ряд элементов конфуцианства, на завершающем этапе своей эволюции в сфере экономики привел к результатам, сходным с теми, которые были достигнуты в условиях парламентского правления в Японии.

В международных научных кругах в последнее время стало уделяться повышенное внимание исследованию механизма взаимодействия конфуцианской и западной культур и степени влияния первой на стимулирование экономического роста. Напряженная дискуссия по этому вопросу ведется в Японии. Здесь сложилась группа ученых, пытающаяся противопоставить конфуцианство западной культуре, истолковать его в качестве основной движущей силы промышленного роста. Разрывая узы, связавшие Восток и Запад в социокультурной сфере, сторонники такого взгляда стараются утвердить идею авангардной роли восточноазиатского региона в становлении индустриальной цивилизации мира. Однако современный мир развивается на основе принципа взаимозависимости и взаимодополняемости во всех сферах жизнедеятельности человека. Непредвзятый анализ фактов свидетельствует, что именно синтез элементов конфуцианской и западной социокультур стал одним из условий стремительного рывка Японии и НИС по пути экономических преобразований.

¹ Накадзима Минэо. Има надзэ дзюкэ бункакэн ка? (Почему именно сейчас повышается роль конфуцианской культурной сферы?) / Тюо-корон.— 1987.— № 8.— С. 162.

² См.: И. И. Семенов. Афоризма Конфуция.— М., 1987.— С. 161—170.

³ Сибудзава Эйити. Лунью то соробан.— С. 12. Цит. по: Сэкай.— 1986.— № 12.— С. 138.

⁴ Бунка-но дзидай (Эпоха культуры. Доклад группы Политического комитета при кабинете Охира).— Токио, 1980.— С. 9.

⁵ Там же.— С. 8.

⁶ Там же.— С. 6, 7.

⁷ См.: Чон Чин Сок, Чон Сон Чхоль, Ким Чхан Вон. История корейской философии.— М., 1966.

⁸ Эту точку зрения отстаивает, например, проф. Токийского университета Сато Сэйдзабуро.

⁹ См.: Ватанабэ Тосио. Рипкоку ва нани о тассэй сита-но ка=Чего достигло соседнее государство. Тюо-корон.— 1987.— № 3.— С. 194, 196, и др. См. также его же: Сэйтэ-но адзидна, тэйтэй-но Адзидна=Растущая Азия, застойная Азия.— Токио, 1985.

С. НЕВЕРОВ

Японская поговорка гласит: «Хито-но фури-о митэ дзибун-но фури-о наосэ» — «Соразмеряй свои поступки с действиями окружающих» (букв.: «Смотри, как ведут себя окружающие, и исправляй свое поведение»). В ней выражена врожденная, издревле присущая японцам тактичность, постоянная мысль о том, как ты выглядишь в глазах окружающих, не доставляешь ли ты им неприятности или неудобства своим поведением, манерами и т. д.

Эта черта характера японцев отмечена уже первыми европейцами, которым довелось общаться с ними. Обратимся к свидетельству нашего соотечественника, возьмем «Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812, 1813 годах», опубликованные в 1816 году. В них говорится: «...в обхождении японцы всякого состояния чрезвычайно учтивы. Вежливость, с которой они обращаются между собою, показывает истинное просвещение сего народа... Мы никогда не видели, чтобы они бранились между собою или ссорились, хотя жили и беспрестанно находились с японцами, которые не были из лучшего состояния...» «Горячо спорить почитается у японцев за великую неблагопристойность и грубость. Мнения свои они всегда предлагают учтивым образом со многими извинениями и со знаками недоверчивости к своим собственным суждениям, а возражений никогда ни на что открыто не делают, но всегда обвиняками и по большей части примерами и сравнениями...»

Почти два века минуло с той поры, но все так метко сказанное флота капитаном Головниным актуально и поучительно и для сегодняшнего путешественника по Японии.

Разумеется, этот путешественник может отметить все сказанное, но не считать обязательным для себя и даже начать посмеиваться и иронизировать по поводу поведения японцев, как это делает, например, французский писатель Жан-Пьер Шаброль в своей книге «Миллионы, миллионы японцев...» (М, 1971). У Шаброля, европейца до мозга костей, многие черты национального характера японцев, особенности быта вызывают насмешку и даже раздражение. Хотя пишет он с чувством юмора и как бы иронизирует над самим собой, в его интонациях явно ощущаются непонимание японцев и, как он сам признается, чувства «француза, растерявшегося среди странных иностранцев».

Он подтрунивает над поведением японцев на деловой встрече в вестибюле токийской гостиницы. «Оба сгибаются пополам, — пишет Шаброль, — застывают на месте и опускают головы настолько синхронно, что похоже, будто один человек репетирует поклоны перед зеркалом. Они выдерживают паузу, стоя под прямым углом, — хоть проверь с угольником в руке! — и не шелохнутся... Потом, как бы невзначай, приподняв веко, украдкой бросают взгляд, чтобы обоим выпрямиться одновременно. При малейшем несовпадении они снова сгибаются пополам. Выдох! Вдох! — ничего себе работенка для брюшного пресса! Так и есть, просчитались на волосок — отставить! Еще небольшое усилие — ать! два! Казалось бы, пустяк, но за день, жизнь, века это надкладывает отпечаток на людей, на весь народ».

Шабролю никак не удастся языковой контакт с японцами. Он пишет: «Мне все труднее скрывать недовольство «интерпретациями» — это слово очаровательно двусмысленно — моей дамы-менеджера. Я никак не могу к ней привыкнуть. Не далее как вчера она меня неприятно поразила. Я спросил, как сказать по-японски «нет».

— Сейчас узнаю...

Добрых четверть часа она обсуждала этот вопрос с присутствовавшими японцами, призвала на помощь других, за которыми сходили... Ответа я так и не добился».

Его озадачивает объяснение, которое дает ему в связи с этим его друг — француз, долго проживший в Японии. «Руссо, которому я рассказал этот анекдотический случай, не выразил ни малейшего удивления.

— Существует множество способов сказать «нет» в зависимости от обстоятельств, собеседников, темы, — объяснил он. — Они вместе думали, как лучше тебе ответить, что больше всего подходит в этот момент, на этом месте...»

Неизменная вежливость японцев вызывает у Шаброля неожиданную реакцию: «Все эти изъявления вежливости заставляют вас вторить им, ставят чужеземцев как бы в подчиненное положение, над которым подтрунивают японцы («Эти большие белые, ха-ха!»).

Мне хочется заорать: “Хватит! Нечего надо мной издеваться!”».

Думается, что по сравнению с нашим современником Шабролем 180 лет тому назад Василий Михайлович Головин проявил в понимании японцев больше объективности и мудрости, чего мы желаем и нашему читателю. Правильно воспринятые нормы общения — залог успеха вашей деятельности среди японцев.

Частично проблемы этикета уже затрагивались в предыдущих материалах нашей рубрики. В частности, говорилось и о визитных карточках, но к сказанному хотелось бы добавить еще некоторые детали, поскольку визитки стали неотъемлемой деталью делового общения в Японии. При обмене визитными карточками первым подает свою карточку младший по возрасту или должности. Подавать карточку нужно правой рукой так, чтобы получающий легко мог прочитать все обозначенное на ней. Недопустимо при этом долго отыскивать в карманах свою карточку, заставляя собеседника ждать. Нельзя, чтобы карточка был помята или запачкана. Принимать карточку следует обеими руками, тотчас же прочитать ее, а если вы затрудняетесь прочитать название фирмы или имя и фамилию, то здесь же уточнить, например: «К вам следует обращаться Яманоути Масаки-сан?» (*Яманоути Масаки-сан то о-ёби ситэ ёй но дэс ка*). Если карточек при себе нет, следует извиниться и устно представиться, назвав себя.

При личном знакомстве (исключая случаи общения по работе) вы подаете свою карточку, если считаете нужным продолжить знакомство и общаться в дальнейшем. При мимолетном знакомстве, например где-то в общественном месте, обмен карточками не обязателен. Если же, паче чаяния, у вас попросили карточку, то можно и уклониться от этого — конечно, не в прямой форме. Следует учитывать, что просить карточку у собеседника считается невежливым, но, будучи представленным какому-либо известному человеку, можно обратиться к нему, сказав: «Не могу ли я получить вашу карточку на память об этой встрече?» (*О-мэ-ни какатта кинэн-ни о-мэйси-о итадакитай но дэс га, икага дэсэ: ка*).

Мужчине просить карточку у женщины недопустимо. Точно так же и женщина может обратиться с такой просьбой к мужчине только в случае деловой необходимости.

Следует отметить еще, что визитные карточки у японцев делятся на служебные, где обозначена фирма, место работы, должность и т. д., и личные, где указывается только домашний адрес и телефон (хотя может быть указано и место работы). Служебными карточками они, как правило, не пользуются в неофициальной обстановке, на встречах в тесном кругу, при застолье и т. д.

Визитные карточки деловых женщин обычно не отличаются от мужских. Неработающая женщина, домохозяйка, может иметь карточку несколько меньшего размера, иногда с цветной печатью, закругленными уголками и другими особенностями, как-то подчеркивающими личность и характер владелицы.

Немного о том, как японцы обращаются друг к другу и как следует обращаться к ним. Начнем с самого высшего уровня, хотя рядовым посетителям Японии на практике обращения на таком уровне не потребуются. К императору обращаются *хэйка* — «Ваше величество», к членам императорской фамилии *дэнка* — «Ваше высочество» (не прибавляя при этом ни имени, ни, конечно, суффикса *сан*, который, наоборот, принимал бы это обращение). Далее следует обращение *какка* — «Ваше превосходительство». Так можно обратиться к министру или иному высокопоставленному лицу такого же ранга. Однако к министру можно обратиться и просто словом *дайджин* — «министр»

или прибавив к этому название ведомства: *момбу-дайзин* — «господин министр просвещения», *гаймү-дайзин* — «господин министр иностранных дел». К человеку в ранге посла и посланника обращаются соответственно *тайси* — «посол» и *ко:си* — «посланник» (также без добавления имени и какого-либо суффикса). Например: *Тайси до: о-кангаэ дэс ка* — «Что вы думаете об этом, господин посол?» (в русском переводе целесообразно добавить слово «господин», хотя в японском в нем нет необходимости).

В научном мире, а также к писателям, людям искусства, врачам принято обращение *сэнсэй* — «учитель». Так, например, преподаватели вузов и школ при учениках обращаются друг к другу, называя фамилию и слово *сэнсэй*: *Накадзима-сэнсэй* и т. д. В отсутствие учеников могут обращаться по фамилии плюс суффикс «-сан»: *Накадзима-сан*. Ученики и различные посетители, обращаясь к преподавателю, ученому, писателю, артисту, врачу, могут ограничиться только словом *сэнсэй*. Ученики и студенты обращаются друг к другу: девушки к юношам и юноши между собой по фамилии плюс суффикс «-кун»; юноши к девушкам и девушки между собой — по фамилии плюс суффикс «-сан».

На работе, в деловой жизни начальник обращается к секретарше или подчиненному по фамилии плюс суффикс «-кун» (или же «-сан»). Подчиненные к начальнику — по фамилии плюс суффикс «-сан» или же называя должность без всяких добавлений: *катё* — «господин начальник отделения», *бутё* — «господин начальник отдела», *сятё* — «господин президент (фирмы)». В русском переводе целесообразно добавлять слово «господин», хотя в японском его нет.

Конечно, ориентироваться во всем этом многообразии обращений без опыта трудно. Поэтому читателю можно посоветовать универсальное обращение, которое прилично на всех уровнях (исключая самые высшие), — это фамилия плюс суффикс «-сан». При этом следует иметь в виду, что японские фамилии не склоняются.

Касааясь сферы деловой жизни, с которой читателю, возможно, придется соприкасаться, следует сказать следующее. Рассчитывая решить какой-то деловой вопрос, нужно учитывать, что в японских учреждениях и фирмах решения редко базируются на индивидуальной ответственности. Обычно это решение коллективное, заранее подробно обсужденное в рабочих группах, коллективах по принципу *нэмаваси* — «предварительного обкапывания корней».

Формальное подтверждение такое обсуждение может найти в документе, называемом «ринги», в котором излагаются основные положения намеченного решения и который по кругу поступает ко всем ответственным, связанным с данной проблемой лицам. Последние подтверждают свое согласие с ним, ставя на нем свою личную печать *ханко*. Такая печать с обозначенной иероглифами фамилией владельца имеется у каждого делового японца. Именно эта печать, а не подпись, как в европейской традиции, имеет в Японии юридическую силу и ставится на банковских чеках, документах, заявлениях в официальные и государственные учреждения, где часто, особенно в банках, заранее оставляется образец этой печати *инкан*.

Таким образом, являясь на деловую встречу с японскими партнерами, нужно исходить из того, что у них уже имеется готовая концепция и намечено конкретное решение. В случае согласия с ним оно, как правило, быстро и результативно проводится в жизнь. Поэтому, чтобы рассчитывать на эффективность в деловых отношениях с японцами, с нашей стороны тоже требуется четкая позиция и готовность быстро выполнять принятые решения.

Нужно также помнить, что не следует являться на деловую встречу без предупреждения. Всякое деловое свидание в Японии требует обязательной предварительной договоренности письменно, по телефону и т. д.

Для понимания механизма принятия решений и порядков на японских предприятиях, в учреждениях важно уяснить такие понятия, как *нэнко: дзёрэцусэй* — «система назначения на должности по выслуге лет» и *сю: син-коё: сэй* — «система пожизненного найма», которые стали широко известны в западном мире и о которых теперь довольно часто упоминается в репортажах из Японии корреспондентов органов массовой информации, в научных докладах.

Первый принцип, хотя и учитывает, конечно, способности работника, но отдает приоритет при повышении в должности служащему, проработавшему на предприятии большее число лет. Таким образом, каждый работник может с достаточной степенью уверенности рассчитывать на занятие со временем престижной руководящей должности,

что в свою очередь подкрепляется действием второго принципа — пожизненного найма. Согласно этому принципу, на большинстве крупных фирм Японии молодой работник, поступивший на работу по окончании учебного заведения, продолжает работать на той же фирме в среднем 40 лет, до достижения оговоренного в трудовом соглашении возраста, когда он увольняется, получая достаточно большое выходное пособие. Однако и на этом не прекращается его связь с родным предприятием. Ветеранов компании приглашают участвовать в культурных и спортивных мероприятиях, за ними сохраняются льготы при оплате жилья, использовании учреждений фирмы. Управленцы назначаются на должности почетных советников и т. д. Это исключает текучесть кадров и делает каждого работника большим патриотом своего предприятия, стимулирует его эффективный труд и в конечном счете развитие всего хозяйства страны в целом.

Поэтому, знакомясь с вами, деловой японец часто прежде своей фамилии и имени назовет предприятие, фирму, учреждение, где он работает, и свою должность. Эта должность в соответствии с упомянутым правилом повышения по выслуге лет стабильно и последовательно меняется от *хира-сяин* — «рядовой сотрудник», к *какаригё* — «заведующий секцией», *катё*: — «заведующий отделением», затем *бутё*: — «заведующий отделом», *дзю:яку* — «директор» (член совета директоров). Завершением карьеры служит должность *сягё*: — «президент фирмы», которой, конечно, достигает не всякий.

Следует упомянуть и о таком явлении, как *конэ* (от англ. connection), то есть о большом значении личных связей при назначении на должность. Обычно начальник того или иного ранга старается подобрать «свою команду» из состава так называемых *оби:* (англ. old boy), то есть товарищей по учебному заведению, прежней работе и т. д.

Нужно сказать и об особенностях структуры японских профсоюзов. При системе пожизненного найма, почти исключаяющей миграцию кадров между предприятиями, японские профсоюзы естественным образом стали развиваться не по отраслевому профессиональному признаку в масштабе всей страны, а по предприятиям, как профсоюзы внутри каждого предприятия. При этом рост эффективности деятельности предприятия повышает доходы каждого служащего, а расширение производства увеличивает шансы каждого служащего занять более высокую должность. В итоге развитие предприятия оказывается непосредственно связанным с выгодой каждого члена профсоюза. Поэтому отношения между руководством предприятия и профсоюзом чаще всего характеризуются не столкновениями, а согласованными действиями. Например, заменяя рабочих на какой-то производственной линии роботами, администрация заботится о том, чтобы трудоустроить высвобождаемых рабочих, обеспечить их переквалификацию. Эта забота и многие, многие другие «мелочи» способствуют развитию «местного патриотизма», чувства привязанности к своему предприятию. Здесь и премии, и награды за успехи в труде, и символика предприятия, гимн и заповеди его работников.

Рабочий день многих фирм начинается общим исполнением всеми служащими такого гимна, а все рабочие предприятия перед работой собираются для физической зарядки и короткой церемонии — *тё:рэй*, на которой обсуждается план работы на день и каждый получает четкое задание.

Дух корпоративности поддерживается и культивируется в Японии разнообразными, в том числе и внешними, атрибутами. Участникам симпозиумов, съездов, конкурсов, юбилеев, банкетов непременно прикрепляется на грудь одинаковая, красочно оформленная розетка, как бы подчеркивая их общность, хотя бы на период данного краткого мероприятия.

Общепринято общение коллег по работе во вне рабочее время в барах, кафе, скромных рестораниках. К такому приглашению нужно быть готовым и иностранцу, имеющему деловые контакты с японским предприятием. Здесь в неофициальной обстановке как бы еще раз проверяется характер человека, его общительность и закрепляются уже установленные деловые отношения. Иной раз такое общение оказывается результативнее официальных переговоров.

Чувство локтя у служащих предприятий культивируется и в ходе организуемых на предприятиях спортивных праздников, соревнований по игре в *го*, напоминающей шашки, но значительно более сложной, в японские шахматы *сё:ги* и подвижные спортивные игры, которые рабочие и служащие успевают провести и в часовой обеденный перерыв, поскольку сам обед, как правило, прекрасно организован и не отнимает много времени.

Эта веками поддерживаемая общность времяпрепровождения и интересов сказывается и в поведении в быту, в стремлении «исправлять свое поведение в соответствии с поведе-

нием окружающих». Вы никогда не увидите японцев, близко стоящих друг к другу при разговоре, что нужно учитывать и нам в общении с японцами. Как уже упоминалось, японцы не обмениваются между собой рукопожатиями, избегают вообще касаться друг друга и предпочитают держать определенную дистанцию при разговоре. Говорят, что латиноамериканец, говорящий с японцем, обычно загоняет последнего в угол, так как вежливость и дружеское расположение в понимании латиноамериканца требует от него стоять как можно ближе к собеседнику, а японец постоянно отступает, сохраняя оптимальную по его понятиям этикета дистанцию.

Японцы редко приглашают друг друга, а тем более иностранца, в дом. Тем не менее иногда это возможно, и есть некоторые правила, с которыми желательно ознакомиться при общении с японской семьей, в частности при посещении японского дома.

Жилье японцев делится на ряд категорий, выбор которых зависит от материального достатка жильца. Наиболее состоятельные живут в особняках — *ситэй*, престижными считаются и так называемые *мансён* — благоустроенные квартиры в многоквартирных и многоэтажных, а часто и высотных домах со всеми удобствами. Далее идет категория *апати* — также многоквартирные дома с меньшим количеством удобств, в которых коридоры часто заменены сплошными внешними балконами, опоясывающими все здание на всех его этажах. Сравнительно мягкий климат Японии вполне допускает такую застройку. Этажность этих домов в основном от 4—5 до 9—10 этажей. *Мансён* и *апати* — дома европейского типа. Особняки часто смешанного стиля — японского и европейского. Малообеспеченная часть населения живет в разного рода общежитиях — *сюкуся*, снимает комнаты в частных домах и т. д. Довольно значительная часть людей живет в *сятаку* — дешевых домах предприятий, фирм, где они работают.

При всем этом многообразии жилья мечта каждого японца — собственный дом, который, как правило, обставляется в японском стиле, но при этом часто имеет 1—2 комнаты в европейском стиле. Наиболее непривычным для европейца является именно такой дом в японском стиле. Коснемся некоторых особенностей его посещения.

На воротах часто крохотного участка такого дома обычно имеется табличка с фамилией владельца — *хё:сацу*. Такие же таблички бывают на дверях квартир *мансён* и *апати*.

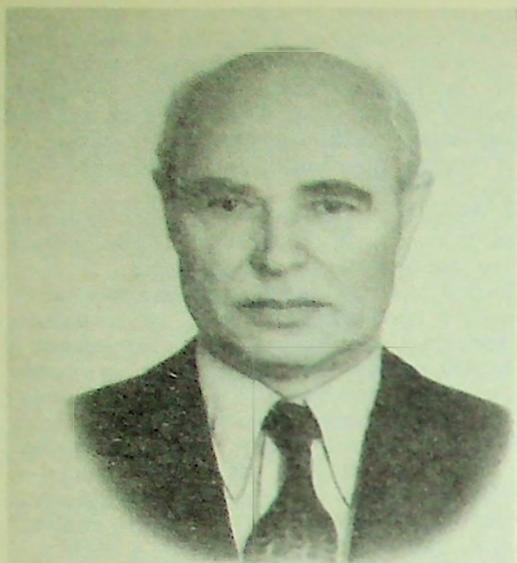
Согласно принятому в Японии обычаю, который, правда, постепенно отживает, считается правильным, если вы снимете ваше пальто или плащ, еще не входя в дом, на его пороге. Обувь при входе в переднюю — *гэнкан* полагается снять и поставить у порога каблучками к дому.

Пол в таких домах, как и в гостиницах японского типа — *рёкан*, выстелен плотными соломенными матами — *татами*, и следует садиться на положенные на этот пол специальные подушки — *дзабутон*, или *дзабутон* с прикрепленной спинкой — *дзаису*. При использовании такого сиденья нужно опуститься на колени и затем сесть на пятки. Это официальная поза — *сэйдза*. Если какой-то новый человек появился в комнате и вы здороваетесь или знакомитесь с ним, вы по правилам этикета должны сойти с *дзабутон* или *дзаису* и остаться в той же позе, но непосредственно на *татами*. Быть на коленях, опустившись на свои пятки, в официальной позе *сэйдза*, довольно утомительно для непривычного европейца, и потому по прошествии некоторого времени можно расслабиться — мужчины садятся, скрестив ноги спереди, — поза *агура*, а женщины, оставаясь на коленях, смещают обе ноги вбок.

Японский дом, при котором есть хотя бы небольшой садик, имеет, как правило, с одной или нескольких сторон дома выступающую в сад сравнительно узкую (1—1,5 метра) открытую веранду — *энгава*. Летом приятно побыть на ней, ощущая прохладу ветерка и мелодичные звуки колокольчика — *фу:рин*, язычок которого имеет подвеску, колеблющуюся от ветра.

Посещая японскую семью, лучше избегать обеденного времени и другого обычного для японцев времени приема пищи. Но, если вас пригласили к столу, не следует отказываться и заставлять себя уговаривать. Ни в коем случае не следует заглядывать на кухню, которая в Японии считается никак не предназначенной для постороннего глаза.

Довольно трудно определить время, когда следует попрощаться, поскольку на все ваши попытки хозяйка будет реагировать уговорами побыть еще немного. Определенным сигналом времени прощания будет зеленый чай, поданный через некоторое время после выхода из-за стола. Как правило, вся семья, включая и детей, будет провожать вас у порога.

Неверов
Святослав Витальевич
(1924—1991)

Отечественное востоковедение понесло тяжелую утрату. 14 июня 1991 г. в расцвете творческих сил скоропостижно скончался Святослав Витальевич НЕВЕРОВ, доктор филологических наук, профессор кафедры японского языка МГИМО МИД СССР, лауреат Государственной премии, человек светлой души и ясного ума, всегда служивший своим коллегам и многочисленным ученикам примером порядочности и обязательности, трудолюбия и ответственного отношения к своей работе.

Вклад, внесенный С. В. Неверовым в развитие отечественного японоведения, велик, разнообразен и требует отдельного, бережного и внимательного анализа, и уже давно стало очевидным, что, будучи одним из ярких представителей школы академика Н. И. Конрада, он нашел свой, во многом уникальный путь как в области японоведческой науки, так и в педагогической практике. Неповторимость его научного вклада и содержания его педагогической практики в немалой степени объясняется своеобразием богатого яркими событиями жизненного пути и неизменным стремлением исходить в своей научной деятельности не из абстрактных схем, а из анализа фактов, из обобщения реального опыта. В соединении с гуманистической направленностью, свойственной школе академика Н. И. Конрада, это обстоятельство придает трудам С. В. Неверова особую достоверность и долговечность.

С. В. Неверов родился 5 февраля 1924 года в г. Харбине. Там же окончил среднюю школу, а в 1942 году коммерческий факультет Северо-Маньчжурского университета. По окончании университета работал в нем преподавателем японского языка.

Бурные события времени привели к тому, что преподавательскую работу пришлось временно прекратить и в течение ряда лет С. В. Неверов занимался интенсивной переводческой деятельностью. К любимой работе — преподаванию японского языка — удалось вернуться в ноябре 1948 года на кафедре японского языка Московского института востоковедения, которой руководил академик Н. И. Конрад. В 1951 году Святослав Витальевич окончил экстерном японское отделение этого института. С 1954 года и до последних дней он продолжал преподавательскую работу в МГИМО МИД СССР. В эти годы защитил кандидатскую диссертацию, посвященную иноязычным заимствованиям в японском языке, а затем и докторскую — «Основы культуры речи современной Японии» (1975). Эта диссертация и монография «Общественно-языковая практика современной Японии» (1982) наиболее полно отражают систему взглядов С. В. Неверова в области социолингвистики и, будучи научно-теоретическим обобщением его исследований в этой области, положили начало ряду прикладных работ —

словарей, разговорников, учебных пособий, в том числе уникальных, как, например, пособия по эпистолярному стилю японского языка, по практике телефонных разговоров и другим.

Еще до защиты докторской диссертации, в 1972 году Святослав Витальевич был удостоен Государственной премии за участие в составлении двухтомного «Большого японско-русского словаря» (1970). Этот словарь явился самым крупным в истории советской лексикографии словарем восточного языка. В ходе работы над ним решались и такие сложные вопросы, как критерии определения границы слова в японском языке, уточнение понятия «современного японского языка», оценка роли лексики старописьменного языка и др. Этот словарь составил водораздел не только в истории японско-русской лексикографии в Советском Союзе, но и был высоко, по достоинству оценен и не раз переиздавался в Японии.

Святослав Витальевич не замыкался в сфере чисто научных исследований, он продолжал активную переводческую работу, в том числе в качестве синхронного переводчика и переводчика на высшем уровне, вплоть до последних дней переводил и художественную литературу. Он активно занимался и общественными делами, работал в профкоме института, на факультете повышения квалификации МГИМО МИД СССР, был членом специализированных научных советов, избирался депутатом Ленинского районного Совета народных депутатов г. Москвы.

Светлая память о Святославе Витальевиче Неверове, крупном ученом, прекрасном педагоге и замечательном человеке, навсегда останется в наших сердцах.

М. ПАК

Поскольку корейская эмиграция в Россию (СССР) насчитывает почти полутора-вековую историю, значительное большинство из 440-тысячного корейского населения в СССР составляют иммигранты в третьем—четвертом поколении. Однако среди советских корейцев немало и представителей первого-второго поколения иммигрантов, поэтому трудно говорить о совершенно одинаковой исторической судьбе всех советских корейцев, даже совершенно отвлекаясь от социальных, профессиональных, возрастных и иных различий, влияющих на их общественно-

Пак Михаил Николаевич, профессор МГУ, президент Всесоюзной ассоциации советских корейцев. С докладом на данную тему М. Н. Пак выступил на научно-практической конференции «Советские корейцы: история и современность», которая проходила в марте 1991 г. в Москве.

экономическое и политическое положение. Следовательно, говоря об исторических судьбах советских корейцев, мы в это понятие, очевидно, должны вкладывать те устойчивые или общие факторы, которые определяют в целом судьбу корейского населения СССР независимо от длительности и мест проживания, а также социальных и иных различий, а только благодаря определенной этнической (национальной) принадлежности.

Как и для других национальных групп, образовавшихся из числа иммигрантов из других стран, для исторических судеб советских корейцев характерно взаимодействие двух обстоятельств: связей или привязанностей к истории прежней родины, откуда происходят они сами или их предки, и новой их истории как национального меньшинства в стране пребывания, которая постепенно становится их новой, или главной, родиной. Взаимодействие национального и интернационального приобретает для них исключительно важное значение и определяет их исторические судьбы. Хотя с течением времени связи с исторической родиной постепенно ослабевают, а в определенных условиях могут даже полностью прерываться (что случилось в свое время с советскими корейцами), однако это обстоятельство не снимает на новом месте национального вопроса, являющегося достаточно долговременным фактором в истории. Здесь мы попытаемся кратко рассмотреть значение национального и интернационального факторов в истории советских корейцев, являющихся интегральной и неразрывной частью многонациональной семьи народов Советского Союза.

Корейская эмиграция в Россию 60-х годов XIX — начала XX в. была обусловлена крайне неблагоприятными социаль-

но-экономическими и политическими условиями на родине, где жесточайшая эксплуатация народа правящим классом в условиях кризиса и разложения феодально-монархического режима династии Ли поставила трудовой народ на край гибели; тысячи людей, спасаясь от голодной смерти, устремились в соседние пределы русского Приморья и цинской Маньчжурии. Перед новопоселенцами на русской территории возникло немало проблем, связанных с незнанием языка, законов и обычаев другой страны. Для вхождения в структуру русского государства необходимо было принятие российского подданства и православия, преодоление языкового барьера и культурных различий с местными жителями. Важнейшей задачей было обучение русскому языку хотя бы части иммигрантов, из которой выделялись переводчики для общения с русским населением и государственной администрацией. Компактное заселение корейскими иммигрантами определенных местностей (преимущественно на приграничной территории) позволяло корейцам — подданным России сохранять в значительной мере свою национальную самобытность и постепенно приобщаться к быту и культуре России. Отсутствие чрезмерной феодальной (а затем и колониальной) эксплуатации, характерной для тогдашней корейской действительности, позволило корейским беженцам наладить свою жизнь в России и в довольно короткие сроки достичь определенного уровня материального достатка, который был недостижим на родине. Об этом, в частности, свидетельствовала в своих записках и известная английская путешественница Изабелла Бишоп (см.: *Isabella B. Bishop. Korea and her neighbours. V. I — II. — L., 1898*). После знакомства с корейскими поселениями в районе Янчихэ (Ёнчху) она отмечала, что «жилые дома местных жителей, если сравнить с поселениями на родине, производят впечатление значительного достатка, порядка и чистоты».

Именно относительно более благоприятные условия для нормальной жизни привлекли поток эмигрантов в Россию, особенно в связи с растущей японской агрессией, закончившейся превращением Кореи в колонию (в 1910 году). В этом потоке большое место занимали политические эмигранты, вынужденные бежать от преследований оккупантов за свою патриотическую дея-

тельность. Они стремились продолжить антияпонскую борьбу на территории России, опираясь на поддержку местного корейского населения, поскольку национальный момент — тяга к борьбе за независимую Корею — оставался ведущим мотивом политического поведения корейского населения в России. Уже в самом начале XX в. (после русско-японской войны) Владивосток (по-корейски Хэсамви) превратился в центр национального культурно-просветительного движения (мунхва кемон ундон) корейских патриотов, которые стали издавать несколько газет и журналов, а также многочисленную литературу, призывавшую нацию к спасению родины от угрозы японского порабощения. Именно здесь протекала деятельность выдающихся представителей этого движения Пак Ынсика и Син Чхэхо, провозвестников национального движения в Корее нового времени. Районы Южного Приморья с корейским населением стали зарубежной базой вооруженного сопротивления корейского народа японским оккупантам. Отсюда отряды «Ыйбён» («Армии справедливости») в Корее получили оружие, закупаемое местными корейцами. Здесь были сформированы отряды известных патриотов Чхве Джэ Хёна (Цой Петр), Ли Бом Юна, Ан Джунгына, которые развернули боевые действия против японских оккупационных войск в северных провинциях Кореи. Таким образом, корейские иммигранты в России достаточно тесно связывали свою судьбу с борьбой всего корейского народа против установления колониального господства японского империализма.

Антияпонская борьба корейского народа за независимость своей родины из явления чисто национального вырастала в борьбу общемировую после победы Октябрьской революции в России, которая, несомненно, открыла новую страницу в истории борьбы угнетенных народов против господства мирового империализма. Она впервые дала толчок этим народам к выступлениям против эксплуатации, вызвала волну национально-освободительного движения, вселила надежды на лучшее будущее. Октябрьская революция сыграла важную роль и в истории освободительной борьбы корейцев, включая переселенцев в Россию, хотя не всем надеждам, вызванным революцией, было суждено сбыться в жизни из-за тех или иных причин, изучение которых должно

стать предметом научных изысканий историков в духе нового времени.

В том, что национальная борьба за независимость Кореи приобрела интернациональные черты общемировой борьбы против колониализма и империализма, немалую роль сыграли корейцы, проживавшие в России, первыми вставшие на защиту дела Октябрьской революции и ставшие активными пропагандистами ее идей. Вместе со своими братьями из Кореи и Маньчжурии, прибывавшими для борьбы против интервентов на русском Дальнем Востоке во имя достижения независимости Кореи, российские (советские) корейцы практически связали борьбу за независимость Кореи с общей антиимпериалистической борьбой за разгром интервентов и белогвардейцев, за установление власти Советов на Дальнем Востоке. Сражаясь в рядах Народно-Революционной армии Дальневосточной республики и в многочисленных партизанских отрядах, советские корейцы внесли большой вклад не только в дело разгрома интервентов и белогвардейских войск в легендарных боях за утверждение власти Советов на Дальнем Востоке, но и в пробуждении и активизации национальных патриотических сил в самой Корее. Но советские корейцы-коммунисты вместе с русскими товарищами допустили и немалые ошибки, связанные с недооценкой значения национального фактора и конкретных национальных условий в развертывании антиимпериалистического освободительного движения.

Так, в период развертывания наступления против войск интервентов в 1921 году в Амурской области произошел известный инцидент в г. Свободном. Попытка расформирования партизанских отрядов националистов и насильственного включения их в ряды Народно-Революционной армии вызвала вооруженное столкновение и уход части корейских партизан в Маньчжурию.

Советские коммунисты-корейцы, выступившие зачинателями корейского коммунистического движения (создание ими первых корейских компартий), механически следовали общим установкам Коминтерна и не вполне понимали реальную расстановку социально-классовых сил в самой Корее. Явно опережая события, они преувеличивали революционный потенциал корейского рабочего класса и ориентировались на социалистическую революцию в Корее как часть общеми-

ровой пролетарской революции. Преувеличение интернационального фактора в корейской революции и иллюзии о возможности ее близкой победы не могли не вызвать глубокого разочарования, когда революция не наступала, несмотря на попытки ее ускорения героическими усилиями революционеров, живущих в СССР. Здесь были заложены частично и корни последующих трагедий для корейских революционеров-интернационалистов.

Отход от ленинских идей и политики и утверждение диктатуры Сталина принесли прямую физическую расправу с корейскими партийными, государственными и военными кадрами, а также с деятелями науки и культуры, и живущее на советском Дальнем Востоке корейское население стало первой в стране репрессированной нацией. Сначала (в 1935 г.) произошло расформирование двух корейских национальных полков, входивших в состав Особой дальневосточной армии, а их командный состав (куда входили известные участники гражданской войны против белогвардейцев и интервентов) подвергся незаконным репрессиям. Затем в 1937 году на основе лживых обвинений корейцы Дальнего Востока были насильственным переселены в различные районы Средней Азии и Казахстана. В результате они лишились не только прежнего компактного расселения, но и самых элементарных прав выбора места жительства и свободного передвижения по стране. Размеры экономических и особенно моральных потерь, понесенных «спецпереселенцами», едва ли можно учесть в наше время. Хотя национальное унижение и беды, вызванные переселением, в целом не смогли остановить полностью социального и культурного развития советских корейцев, нет сомнения, что их трагические последствия ощущаются до наших дней.

Самым тяжелым последствием репрессивной политики Сталина явилась постепенная национально-культурная деградация нескольких поколений советских корейцев, утративших свой язык, культуру и традиции. В настоящее время подавляющее большинство советских корейцев не владеет родным языком, не приобщается к национальной культуре и литературе. И это неудивительно, если учесть, что после насильственного переселения советские корейцы потеряли более 400 начальных и средних школ с

преподаванием на родном языке, педагогический институт и ряд других учебных заведений по подготовке национальных кадров, несколько газет, журналов, типографий, а также библиотек и культурных учреждений. Сейчас в Советском Союзе практически нет ни одной школы с преподаванием на корейском языке. Единственная из прежних газета в Алма-Ате и национальный театр испытывали серьезные трудности из-за отсутствия достаточного числа читателей и зрителей. Фактически советские корейцы оказались перед перспективой исчезновения как национальная единица (или общность).

Могут возразить против этого тезиса, гоноря, что советские корейцы, обретая в качестве родного русский или другой язык советских национальных республик, достигли немалых результатов в производственной (и другой экономической), общественно-политической, культурной или иной деятельности. Однако можно задать в связи с этим вопрос: ограничиваемые в своих гражданских правах в качестве спецпереселенцев, смогли ли советские корейцы реализовать весь свой потенциал в развитии общественной и личной жизни, были ли они достаточно счастливы, чтобы принести максимальную пользу себе и другим? Впрочем, этот вопрос могли бы задавать и все другие советские нации, испытывавшие прелести командно-бюрократической системы, выдаваемой за развитой социализм. А теоретически? Возможен ли интернационализм без наций, без расцвета свободных и равноправных народов? Нельзя путать интернационализм с национальным нигилизмом, с пренебрежением национальными интересами народов.

Начавшийся в стране бурный процесс демократизации общества под знаком его революционной перестройки обнажил многие общественные язвы, в том числе и в области решения национального вопроса в прошлом. В связи с этим и общим ростом национального самосознания советских народов, а также в связи со стремлением определенных кругов использовать их в своекорыстных целях крайне обострились межнациональные отношения, принявшие в ряде регионов характер кровавых конфликтов, поэтому ни одна нация не может оставаться равнодушной к ожидающей ее судьбе. Всех нас особенно беспокоит практическая неэффективность принятых партий-

ных документов и государственных законов, направленных на нормализацию межнациональных отношений на основе принципов социалистического интернационализма и обеспечения свободного равноправного и демократического развития каждого народа и всех наций, проживающих в Советском Союзе. Советских корейцев особенно беспокоит вопрос об изменении судьбы репрессированных народов. Наряду с осуждением и отменой всех преступных законов и актов о репрессиях в отношении целых наций не меньшее значение имело бы осуществление практических и действенных мер по исправлению последствий репрессивных действий сталинского тоталитарного режима. И одной из задач данной научно-практической конференции и является изучение и разработка практических компенсационных мер советского государства по преодолению тяжелых последствий сталинской репрессивной политики в отношении советских корейцев и по обеспечению их действительного национального возрождения. Задача эта трудная и потребует времени и немалых средств.

Перестройка дала толчок к национальному пробуждению советских корейцев, о чем свидетельствовало появление в стране многочисленных культурных центров, национальных ассоциаций, землячеств и других объединений советских корейцев, стремящихся найти выход из своего национального кризиса. Важным в этом направлении был созыв 18—19 мая 1991 г. Учредительного съезда Всесоюзной ассоциации советских корейцев (ВАСК), принявшего решение о создании общественного объединения, представляющего национальные интересы советских корейцев, проживающих на всей территории СССР, и координирующего деятельность местных национальных ассоциаций, культурных центров и иных общественных организаций советских корейцев.

Всесоюзная ассоциация советских корейцев в своей деятельности руководствуется принципом единства национальных и интернациональных интересов советских корейцев. Сплачивая национальную общность живущих в СССР корейцев, ВАСК будет стремиться пробудить в них национальное самосознание в целях мобилизации их к активному участию во всесторонней перестройке советского общества. Воспитывая молодое

поколение в лучших национальных традициях, она одновременно будет прививать им дух интернациональной дружбы со всеми народами советской страны. Национальное возрождение советских корейцев, сохранение и развитие национальной культуры и прогрессивных исторических традиций подчиняется целям укрепления и прогресса многонационального Советского Союза.

Немыслимо успешное выполнение интернациональных задач без хотя бы минимального обеспечения национальных прав и интересов всех народов, поэтому ВАСК будет работать над изучением форм и методов совершенствования национального суверенитета, наилучшего обеспечения свободы и гражданского равноправия корейцев в Советском государстве. В тесном сотрудничестве с государственными и правительственными органами ВАСК будет поднимать все эти вопросы, решение которых, однако, не будет противоречить интересам других наций и народов Советского Союза.

В настоящее время, когда завершается организационное оформление ВАСК (которая зарегистрирована Министерством юстиции СССР в качестве общесоюзного общественного объединения), первоочередной задачей ВАСК и ее отделений является разработка общесоюзной и региональных программ по возрождению языка и национальной культуры советских корейцев, в которых предусматривалось бы преподавание корейского языка и элементов истории культуры в школах, высших учебных заведениях, а также создание научных центров по изучению истории и корейской культуры в широком плане. Начать придется с подготовки учителей кадров. Эти масштабные планы не могут быть реализованы только силами общественности, поэтому государственная поддержка программы культур-

но-национального возрождения советских корейцев рассматривается нами и как определенная форма компенсации за ущерб, нанесенный массовыми репрессиями и насильственным переселением в 1937 году. Конечно, это не исключает и других форм возможных компенсаций, которые имеют не только экономическое, но и особенно морально-политическое значение.

Наконец, следует отметить, что современное движение за национальное возрождение советских корейцев поднялось в благоприятной международной обстановке конца «холодной войны» в мире, ослабления напряженности в АТР и на Корейском полуострове, поэтому судьба советских корейцев вновь соприкасается с судьбой родины их предков. Всемерно приветствуя переговоры между Севером и Югом, страстно желая скорейшего национального воссоединения Кореи, ВАСК, однако, воздерживается от пропагандистской или иной поддержки лишь одной из спорящих сторон, стремится к дружбе и всестороннему сотрудничеству с обоими ныне существующими государствами и серьезно рассчитывает на их солидарность и благожелательную помощь в нашей работе по национальному возрождению советских корейцев.

* * *

Движение за национальное возрождение советских корейцев находится в самой начальной стадии определения программных задач и организационного оформления. Но мы верим, что оно имеет большое будущее и не только окажет серьезное влияние на изменение судьбы советских корейцев, но и благотворно повлияет на развитие взаимоотношений между народами Советского Союза и Кореи.

Продолжение статьи Н. Адырхаева

Советский Союз также был заинтересован в нормализации отношений с Японией, так как это означало не только улуч-

шение двусторонних отношений между нашими государствами, но и определенное ослабление напряженности на Дальнем Востоке, особенно если учесть американо-японское военное сотрудничество и бушевавшую тогда «холодную войну». Как видим, выиграли не только обе стороны, но и дело международного мира.

«Неяпонская» выставка из Японии

Г. ШИШКИНА

Современная японская графика, показанная в конце прошлого года в залах Государственного музея искусства народов Востока, действительно вызвала у многих посетителей некоторую растерянность и недоумение. Они увидели произведения, столь далекие от привычных представлений (скорее, правда, стереотипов) о японском искусстве и столь непонятные, что приходилось преодолевать произвольную реакцию, как у корреспондента газеты «Московский комсомолец», — тут же уйти прочь. Корреспондент из профессионального долга все же попыталась разобраться в выставке, в результате чего появилась интересная, окрашенная индивидуальным видением рецензия. Для зрителя, не искушенного в современных авангардистских течениях, как правило, подобный «орешек» оказывался слишком крепким, но и те, кто знал о тенденциях в послевоенной японской гравюре и ее всемирной известности, не ожидали столь крайнего модернизма.

Это в первую очередь объясняется недостаточностью сведений о современном японском искусстве в нашей стране и крайне редкими выставками. К сожалению, небольшой срок экспонирования (всего две недели) и неразвитость в музее форм работы с посетителями, пассивность средств массовой информации в сфере культуры привели к тому, что и эта выставка не прозвучала в культурной жизни столицы, не приблизила широкому зрителю мир современного изобразительного искусства, не открыла своеобразие видения японских мастеров.

Конечно, далеко не всем интересна архисложная картина современного искусства. Достаточно распространенной является позиция абсолютной незаинтересованности, равнодушия к тому, что непонятно, не привлекает внимания, кажется слишком сложным (или слишком простым). Это весьма косная позиция, но нельзя в том винить тех, кто ее придерживается.

Авангардное искусство, круто замешенное то на смелом новаторстве, то на дегенератстве, базирующееся на серьезных философских концепциях или дешевых спекуляциях, ищущее и мечущееся, накопившее весомый багаж подлинных и мнимых ценностей, является неотъемлемой частью мировой культуры. Для того чтобы как-то в нем разобраться, необходимы и эстетическая чуткость, и определенные знания, прежде всего знание языка этого вида творчества.

Приверженцы вышеупомянутой позиции могут резонно возразить — о каких знаниях идет речь, ведь искусство — не наука и должно в первую очередь отвечать художественным потребностям человеческой души. На этот весьма уязвимый аргумент у современного авангарда имеется мощное теоретическое контрбоснование, тоже, конечно, субъективного характера. Уже в начале века сторонники кубизма утверждали: «Нет ничего реального вне нас, нет ничего реального, кроме совпадения ощущения с индивидуальным направлением мысли. Мы далеки от того, чтобы ставить под сомнение существование объектов, воздействующих на наши чувства, но, если рассуждать здраво, уверенным можно быть только в образе, который они вызывают в нашем сознании».

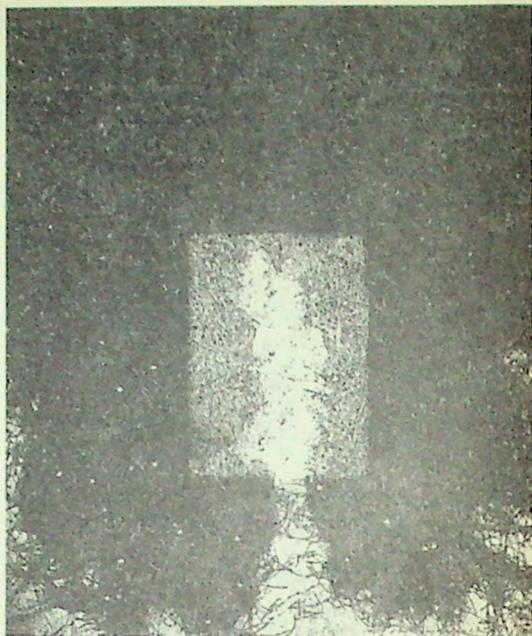
Полвека спустя концептуалисты и вообще объявили неуместность эстетического суждения в приложении к искусству, постулируя, что «оценка искусства с точки зрения красоты, вкуса, наслаждения возможна только по отношению к декоративным и прикладным формам, которые, в сущности, не есть искусство». Согласно их теории, важны не форма и содержание, а идея, посредством которой авторы высказывают свое мнение по поводу искусства. Один из представителей этого течения, Мэл Рэмсен, дал такой текст на полотне с черным квадратом: «Содержание этой живописи невидимо; его характер и объем должны оставаться постоянной тайной, известной только художнику»¹.

Подобное «объяснение» вряд ли вдохновит даже тех, кто искренне желает понять конструктивный смысл тепет современных «измов», пытается проникнуться специфическим мироощущением их творцов. Что же остается зрителю и нужен ли он вообще нынешним авангардистам?

Выставка японской графики, представлявшая произведения главным образом 80-х годов, интересная с многих точек зрения, давала именно такую возможность серьезного рассмотрения взаимоотношения авангардного искусства и зрителя. Прекрасно оформленные работы отличались стилевым и техническим разнообразием, высоким профессионализмом графического исполнения. Это придавало им, несмотря на сложность модернистского «языка», очень представительный вид, но дальнейшее ознакомление требовало преодоления барьера, разделяющего субъективное видение зрителя с обычным, устоявшимся взглядом на искусство и субъективное видение авторов, не имеющее практически ничего общего с привычными художественными реалиями, т. е. нужна была дополнительная, разъяснительная информация. Это полностью подтвердила встреча с графиком Тадаёси Накабаяси (р. 1937 г.).

Он выступал в лектории музея с демонстрацией слайдов работ, представленных на выставке, и рассказом об этих произведениях и их создателях. Говорил он немного, но присутствующие получили возможность как бы заглянуть в мастерские художников, познакомились с их творческими позициями и устремлениями, узнали интересные сведения о методах работы. Все это способствовало переосмыслению отношения к выставке, углублению ее восприятия. Просто и искренне об этом сказала молодая женщина, случайно попавшая на встречу. Она поблагодарила художника за лекцию, после которой увидела выставку другими глазами, т. к. ей многое стало понятно и интересно.

Что же можно понять, к примеру, в работе самого Тадаёси Накабаяси под интригующим названием «Перемещение, 87. Поверхность III» с не менее интригующим изображением темного и светлого прямоугольников с процарапанными штрихами и волнистым просветом посередине? Что бы ни говорили теоретики и художники, какие бы оригинальные концепции ни излагали, зрителю нужен образ или хотя бы ниточка, которая могла бы вывести к нему. Таковую ниточку и предоставил автор.

Он познакомил со своим творческим методом, в котором активно используется обычная трава, накладываемая на фон будущего произведения. Затем происходит сложный процесс техники офорта, и в результате проявляются таинственные листы с хаотичной динамикой штрихов и градациями черного и светлого. Отчуждение, возникающее при первом знакомстве с этими работами, сменяется любопытством — зачем все-таки художнику понадобилась трава? Для равнодушного зрителя трава выступает своего рода ключом, позволяющим, насколько это доступно данному человеку, раскрыть произведение. Вглядываясь в произвольные пятна и царапины, можно явственно различить травяную массу, распадающуюся по краям на отдельные травинки. След за этим начинается этап эстетического вчувствования. Тончайшая цветовая нюансировка, своеобразная изысканность виртуозной графической техники постепенно как бы притягивают внимание зрителя, который все больше доверяет художнику, и из неизобразительного явления начинает рождаться образ... Не конкретный, реалистический, и не ассоциативный, а символический, связанный с глубинными понятиями бытия. Трава, оторванная от земли и впечатанная в бумажный лист, сохраняет свою первородную значимость. При виде этой работы

вспоминаются некоторые керамические чашки для чайной церемонии. Выполненные из глины, без применения гончарного круга, они передают человеку, держащему их в руках, ощущение подлинности материала, рукотворности и одухотворенности, сопричастности к духу и материи.

Человек меняется, меняются его вкусы, мировоззрение, сама жизнь, но неизменными остаются его связи с окружающим миром и законы этого мира. Пожалуй, это главное, о чем на языке модернизма говорит художник со зрителем. Дальше образ уже может развиваться в зависимости от индивидуального уровня и восприятия. Важно, что зритель приходит к пониманию того, что авангардизм не всегда выступает только низвергателем традиционного искусства и традиционного художественного видения, а способен своими специфическими формами, отражающими дух и мышление нового времени, говорить о вечном и прекрасном *по-другому*.

Японцы работают в тех же техниках, что и западные художники, но их произведения отличают как высокая графическая культура, так и сохранение в большинстве случаев духовно-смыслового аспекта. Природа, человек в современном мире, его ощущения, острота видения, его размышления — основные темы японских графиков. То, что графический авангард в Японии не утратил сокровенности художественного переживания и не выхолостился в механистических трюках, во многом объясняется ее эстетическими традициями. Уважение материала, выявление его природной сути, абстрактно-символическое мышление, воспитанное иероглифической письменностью, тонкое понимание красоты и выразительности линии, пятна, чуткость к ритмическим нюансам — все это перешло и в новое искусство, поскольку стало неотъемлемой частью национального художественного вкуса.

Таким образом, получается, что для полного понимания современной японской гравюры нужно знать и ее историю, и историю современного мирового искусства и быть знакомым с основными чертами и особенностями традиционной японской культуры. Конечно, это вызывает большие сложности, и не только у среднего зрителя. Даже и специалист по западному авангарду не сможет до конца понять работы Хитоси Накадзато с их цветными полосами, штрихами и пятнами на черном фоне и особой фактуры, включающей блистающие песчинки, поскольку авторское увле-

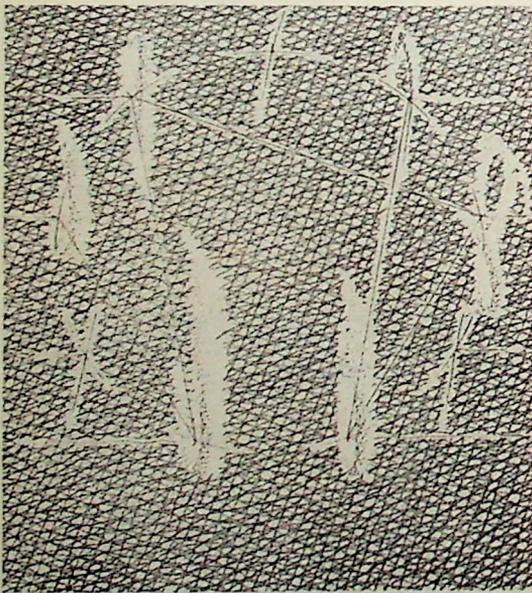

чение *дзэн* требует знания и этого явления. То же полностью относится и к работе Ли Уфана «В руинах» (1984). Тот, кому близко искусство каллиграфии, кому доставляет удовольствие мастерская игра кисти и туши, несомненно, выделит это произведение. Всего-навсего три толстые

тушевые линии — мощные, насыщенные цветом, как бы слегка вибрирующие от напряжения, они сразу включают зрителя в мир каллиграфии, в мир первооснов, поскольку Линия на Дальнем Востоке то же, что Слово в христианстве. Пессимистическое название вовсе не мешает эстетско-философскому настрою, поскольку вещь отличают красота художественного решения, эмоциональная выразительность и интеллектуальная значимость. Руины могут означать не только итог разрушения, но и начало созидания. Конечно, все это открывается не сразу. Наблюдательный зритель обратит внимание на пространственное решение, на палено-серый фон с дымчатыми мазками, на эффектную контрастность его с черными линиями, постарается ощутить таинственную силу этих линий. В результате творческой зрительской работы могут возникнуть разные образы, аллюзии, но неизменно они будут связаны с осмыслением глубинного духовного начала, заложенного в этой лаконичной, но весомой работе.

Названия модернистских работ далеко не всегда помогают их пониманию, так как художников не занимает проблема облегчения жизни зрителю, они больше заняты своими собственными ощущениями и

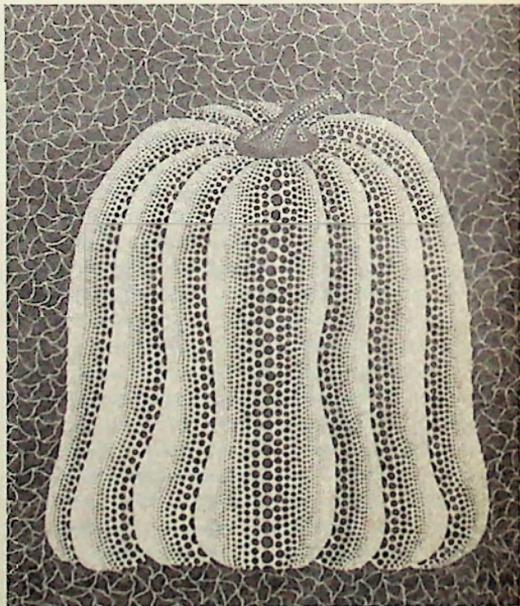

творческими задачами. Что может навеять название «Следы на море» Торики Киёдзика (1984), если изображены четкие гео-

метрические формы с ровной окрашенными плоскостями? В каждой ситуации должен выбираться свой путь подхода. Во всяком случае, попытка понять мир модернистских образов и мыслей, проникнуть в их измерение способствует становлению художественного мышления, зрелости и самостоятельности эстетических оценок.

Выставка японских графиков была в этом отношении чрезвычайно благоприятной. Современная японская гравюра, являющаяся одним из интереснейших явлений в мировом авангарде, сумела сохранить сокровенность переживания многообразия мира, а также связи с национальными художественными традициями. Современный философ и эстетик Г. Осборн высказал следующую мысль: «Искусство в ходе своего развития накопило достаточно сил, чтобы выжить».

Хочется верить, что и японская гравюра, прошедшая блестящий путь развития в XX в., сумеет преодолеть некоторую опасность формалистического эквилибризма и останется настоящей «сосаку ханга» — «творческой гравюрой».

¹ См.: Крючкова В. А. Антиискусство. Теория и практика авангардистских движений. — М., 1985. — С. 36, 255, 268.

Стоимость подписки:

3 месяца — 6 руб.
6 месяцев — 12 руб.
12 месяцев — 24 руб.

Индекс журнала — 70458

Подписавшись на «Курьер ЮНЕСКО», вы станете обладателем уникального международного издания, выходящего на 35 языках в 120 странах мира.

Вы получите возможность шаг за шагом открывать для себя удивительное многообразие мировой культуры и накопленного человечеством знаний.

Вы станете непосредственным участником деятельности ЮНЕСКО по обеспечению «всеобщего уважения к справедливости, законности, правам человека и основным свободам... без различия расы, пола, языка или религии...»

Подписка на журнал «Курьер ЮНЕСКО» принимается всеми отделениями связи и «Союзпечати».

Технический редактор *Л. Харчевникова*

Сдано в набор 26.07.91. Подписано в печать 23.09.91. Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отг. 31,2. Уч. издат. л. 20,0. Тираж 10 000 экз. Заказ № 10000.

Ордена Трудового
Совета Л
Москва,
полиграф
но

се» Государственного комитета
книжной торговли 119817. ГСП,
Красного Знамени Чеховский
тиф объединений и организаций
хот Московской области